

Виктор Семенов

Свой среди чужих и чужой среди своих

З А Л О Ж Н И К И ИЛИ «БИТВА» ЗА СЕВАСТОПОЛЬ

НЕЗАКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ

откровения первого мэра Севастополя

Семенов В.М.

Заложники или «битва» за Севастополь. Незаконченная история. – Киев: Маслаков Р.А., 2019. – 411 с. ISBN 978-617-7777-80-8

Виктор Михайлович Семенов, став в мае 1992 года председателем Севастопольского городского Совета народных депутатов, в 1994 году впервые в истории Севастополя выиграл прямые демократические выборы руководителя города, добавив к имеющейся должности должность председателя городского исполнительного комитета, преобразованной в 1995 году в должность председателя городской государственной администрации, руководил городом по май 1998 года. С октября 1997 года по сентябрь 1998 года возглавлял подкомиссию по вопросам пребывания Черноморского флота на территории Украины Смешанной украинско-российской комиссии по сотрудничеству. В последующем перешел на работу в МИД Украины, где в качестве генерального консула открыл генеральное консульство Украины в Санкт-Петербурге, а по возвращении в 2004 году из России работал в должности посла по особым поручениям и одновременно был заместителем председателя подкомиссии по вопросам пребывания Черноморского флота на территории Украины. В книге автор рассказывает о событиях тех лет. Это цельное повествование насыщено известными фамилиями украинского и российского политического Олимпа, событиями, порой драматичными, личного, городского, государственного и межгосударственного масштаба

ISBN 978-617-7777-80-8

Сыну Виктору, внукам Артему и Северину Семеновым, Даниле, Антону и Вадиму Коваленко посвящается.

Никогда не собирался писать воспоминания. Еще будучи при должностях, не вел дневников, не делал никаких заметок, не возил за собой фотографа, как поступали многие мои коллеги. Считал, что ничего такого, чтобы думать о том, что оставил свой след в истории или даже маленький отпечаток в ней, я не совершил, и поэтому ни о каких мемуарах не могло идти и речи. Но 2014 год и события, последовавшие за ним, заставили изменить первоначальное намерение.

Восьмого января 2015 года моей маме, оставшейся жить в Севастополе, исполнилось девяносто лет, а вечером десятого в моей киевской квартире раздался телефонный звонок. Звонил сосед, квартира которого находилась под маминой: «Виктор, ваша мама умерла».

Надо срочно ехать. Ехать в город, который всегда считал родным, город, в который, когда бы ни возвращался, всегда считал обязанным проехать к дому по городскому кольцу, посмотреть на его «лицо». Но ехать надо было уже в совсем «другой» город – город, который как-то стал чужим: в нем все поменялось. Тот, кто занимал какиенибудь значащие должности при Украине, включая депутатов Горсовета, проголосовавших за антиукраинские антиконституционные решения, были объявлены людьми тормозившими развитие города и погрузившими его в коррупцию во времена «незалежной». Все административные посты заняли понаехавшие из глубинки России чиновники, не знающие особенностей и специфики города. Сам я, к сожалению, похоронить маму не мог без посторонней помощи изза проблем с ногами. Да и неизвестно, как отнесутся ко мне новые власти: ведь еще полгода назад я работал в Министерстве иностранных дел Украины и, более того, занимался проблематикой Черноморского Флота.

Без всякой надежды позвонил дважды «плохому» человеку – «изменнику Родины» со стороны Украины и одному из «бывших в Украине» со стороны России, в прошлом одному из руководителей города – Л. Жунько, живущему и сейчас в Севастополе.

- Виктор, ты же знаешь, как преподают меня нынешние власти. Я вряд ли чем-то смогу тебе помочь, сказал Жунько.
 - Тогда дай мне мобильный Чалого или Меняйло.

Чалый возглавлял новоизбранное «законодательное собрание» города. Меняйло, назначенный Москвой, исполнял обязанности «губернатора, главы правительства» Севастополя. С точки зрения бывшего украинского чиновника об общении с ними не могло быть и речи. Но выхода у меня не было.

– Ты что смеешься, откуда они у меня?! А к Чалому из-за охраны вообще подойти нельзя, и «мобилку», говорят, он с собой не носит: видно, боится, что его грохнут как Дудаева.

К Чалому я относился никак. Лишь немногие в городе знали его как воссоздателя одной из страничек героической обороны Севастополя — 35 батареи. Какой из него «народный мэр»?! Избранный экзальтированной толпой. «Утка», которую вывели на сцену и позволили раз крякнуть. Где он действительно заслуживал уважения так
это в научной деятельности, сумев организовать фирму, разработки
которой были известны всему миру. В ней он продолжил наработки своего отца, доцента приборостроительного института, которого
я хорошо знал. Так же хорошо я знал его мать, тоже преподавателя института, которая работала на общественных началах у меня в
профкоме института.

А как добраться? Авиасообщение с Крымом давно отсутствовало. А с января прекратились и железнодорожные перевозки. Обратился к «силовикам». Благо многих высокопоставленных я знал по их работе в подкомиссии по ЧФ. Несмотря на то, что перелет из Москвы в Симферополь попадал под статью «незаконное пересечение границы Украины», понимая форс-мажор ситуации, они даже помогли день в день «достать» авиабилеты на меня и жену до Москвы. Далее обещали препроводить в Крым коллеги из нашего посольства в Москве.

И тут звонок — Жунько. Чалый оказался в недоступности, а «прямой» Меняйло ему удалось выяснить. С Меняйло, он раньше был заместителем командующего Ч Φ — командиром Новороссийской военно-морской базы, я, по памяти, лично никогда не встречался, но имя его мне было знакомо, как и мое, я думаю, ему. Набрал номер.

- Слушаю, раздался его голос.
- Сергей Иванович, с вами говорит человек, чей кабинет вы сейчас занимаете, Семенов Виктор Михайлович.
 - Я слушаю вас, Виктор Михайлович.
 - Сергей Иванович, у меня в Севастополе умерла мама.

- Чем я могу вам помочь?
- Я прилетаю в Симферополь, могут возникнуть вопросы с транспортом.
- Я пришлю за вами машину. Когда будете вылетать из Москвы, напишите номер рейса, а я вам сообщу телефон водителя.

Без эмоций, просто и коротко по-военному. Даже мой друг В. Яцуба, возглавлявший в последнее украинское время администрацию города, всегда, когда я информировал его о своем приезде в Севастополь в качестве руководителя украинской делегации на переговоры по ЧФ и просил прислать за мной машину в аэропорт Симферополя, заявлял: «А с какой стати я должен присылать за тобой машину? У вас в Симферополе есть представительство МИД. Вот пусть оно и обеспечивает тебя транспортом». Правда, машину за мной на время командировки закреплял.

При подъезде к Севастополю снова набрал Меняйло. Поблагодарил за встречу и поинтересовался, не могу ли я «заскочить» к нему на пару минут. «Я жду вас». Было около 9 часов вечера. Внутри здания администрации, а теперь «Правительства» Севастополя — вооруженные «морпехи». Турникет для пропуска не работал. Пропуск осуществлялся между двумя столами, стоящими с правой стороны от входа, где на стене, на гранитной доске были выложены фамилии всех градоначальников Севастополя с 1873 года. На вопрос, кто я такой, предъявить документы, ткнул рукой на свою фамилию.

Разговор вышел далеко за пределы нескольких минут. Спорить с Сергеем Ивановичем было трудно, он старался не допускать отклонения от штампов. На мое «лучшая война — это переговоры» следовал ответ «нам не с кем садиться за стол переговоров, с «бандеровцами» никаких переговоров быть не может». В заключение я сказал фразу, услышав которую в Киеве, никто бы не поверил, что она прозвучала из моих уст.

 Давайте прекратим споры. Я обещал, придя к власти, сделать все, чтобы улучшить жизнь севастопольцев. Наверное, мне это не удалось. Очевидно, то же слышали севастопольцы и от вас. И если жизнь их действительно станет достойной имени великого города, и лучше, чем в Украине, во что я, честно говоря, не верю, то Бог вам судья. А если нет – то судья вдвойне.

Сергей Иванович, когда я уходил, сказал, чтобы при любых возникающих проблемах обращаться прямо к нему. Я предложил для этого дать мне номера телефонов его помощника. «Нет, обращайтесь прямо ко мне», — последовал его ответ. Так общечеловеческие принципы стали выше политических. И вот прошли годы. Нет уже в Севастополе Меняйло. Еще раньше с политической арены исчез Чалый, наобещавший севастопольцам «золотые горы».

Каждый год я обязан приезжать в Севастополь на могилы отца и матери, а также в Симферополь, где похоронена бабушка, которая приняла большое участие в моем воспитании. У них кроме меня никого нет. Надо навестить и тещу с тестем, которым в 2017 году исполнилось восемьдесят восемь и девяносто лет. И что я вижу – потихоньку стареющий, замусоренный город, без существенных изменений, декларируемых новой властью. А кардинальных изменений одно или, вернее, два - загазованность воздуха и забитые автомобильными пробками дороги, неприспособленные для такого количества транспорта. Поверьте это человеку, который до сих пор помнит, где какая улица, и где на этой улице были ямка, ухаб или дом с ржавой табличкой с ее названием и номером. Дороги? Да за выделенные центром деньги можно было не только положить свежий слой асфальта, что преподается за дорожную революцию в городе, а сделать их чуть ли не из золота. Во власти нет ни одного местного. Неужели за тем, как вывозится мусор, надо искать чиновника далеко за пределами Крыма, или приглашать на должность главврача больницы немолодого человека из Каменска-Уральского? Не хочу обижать абсолютно всех приехавших во власть, но создается впечатление, что практически для большинства из них Севастополь – это Ривьера и вдобавок место, где можно отмывать деньги из местного бюджета, о величине которого при мне можно было только мечтать. Управляемый сбор «дани в украинскую копилку» президента-беглеца превратился в неконтролируемый «дерибан» московских министерств и ведомств их чиновниками, которые калейдоскопично сменяли, да и

продолжают сменять друг друга на этажах севастопольской власти. Деньги, оторванные на целевую комплексную программу развития Севастополя от других регионов России, просто пополняют их карманы и карманы их прямых руководителей. А чего стоит афера самого «губернатора», «потерявшего» миллиардные суммы, предназначенные на завершение строительства южных очистных сооружений. По существу, все, что происходит сейчас в городе, в целом на сто процентов – миграционная политика России, цель которой перемешать и увеличить население Севастополя за счет приезжих с российской периферии. Предназначением такой политики представляется мне проведение второго «референдума», который должен будет «подтвердить» желание севастопольцев жить в России, не надеясь на коренное население, которое с каждым годом начинает понимать, что, по крайней мере, того ожидаемого улучшения жизни не будет, и что России нужны были не люди, а территория. Последнюю фразу я услышал от севастопольца, который и при Украине вывешивал на балконе российский флаг. Хотя, я думаю, за Россию проголосуют и они, поскольку еще долго в их сердцах будет существовать страх о возможности крымского Донбасса. А мне становится больно, что город, который, как я думал раньше, должен стать для России городом-символом, просто превращается в гарнизон военной базы, укрепрайон. Севастополь становится обыкновенным провинциальным городом, республиканский статус которого останется только на бумаге, и который будет административно включен в Крымский округ. Городом, о котором будут вспоминать два раза в год - при праздновании Дня Победы и праздновании Дня ВМФ России.

А окончательно побудили меня взяться за воспоминания громогласные заявления в российских средствах массовой информации, что впервые за время существования Севастополя в нем прошли прямые демократические выборы губернатора. Выборы без выбора. Выборы с заведомо известным результатом, что, кстати, является нормой для путинской России. Муниципальный фильтр. Пять допущенных к выборам губернатора кандидатов. Один – фактически рекомендован президентом, два – представители компартии, личности

которых малоизвестны в городе, предприниматель, занимающийся сбором мусора в городе, и вечно участвующий во всех выборах, проводимых в городе, семидесятилетний пенсионер. А явка и контингент проголосовавших? В основном это военнослужащие, включая «срочников», госслужащие и члены их семей, пенсионеры ЧФ – вот вам почти что и восемьдесят тысяч человек, принявших участие в выборах. Так, где же здесь настоящие выборы?

А теперь сравните с 1994 годом. Избирается председатель Горсовета (законодательное собрание), выполняющий обязанности председателя горисполкома (председатель Правительства города - губернатор). Выборы считаются состоявшимися, если в них принимают участие более пятидесяти процентов избирателей, причем для выигрыша в первом туре победитель должен был набрать более четверти голосов от общего их количества. В выборах участвовало одиннадцать претендентов, среди которых и бывший командующий флотом адмирал Калинин. Так что – это был не Севастополь, или это были не выборы, или это избирался не руководитель города? Вернее всего, громогласные заявления о якобы «первых демократических» выборах в городе свидетельствовали о желании России просто вычеркнуть из его истории те годы, когда она просто предала севастопольцев, передав город Украине, сохранив при этом свои геополитические интересы. И после того как мне стали поступать из Севастополя звонки «почему вы молчите?», я решил не молчать.

Пусть мои записки не будут иметь литературного значения, но история есть история. Она не может быть либо плохой, либо хорошей. Она просто существует. И выкидывать из сознания людей, в том числе и переехавших в Севастополь, все, что здесь происходило с 1991 года по 2014 год, просто не порядочно. И еще больше не порядочно представлять все то, что происходило здесь в эти годы, только в черных тонах. Я не думаю, что мои воспоминания будут слишком популярными, и вряд ли их удастся издать в Украине и особенно в России. Правду не всегда хотят слышать. Тем более если она о Севастополе. Но она, мне кажется, должна быть интересной

не только моим детям, внукам, может, правнукам, а и «старым» и «новым» севастопольцам, и всем тем, кому не безразлично слово Севастополь. Вот такая она, правда, в моем изложении о том, что происходило с девяностых по четырнадцатый год в Севастополе. А назвал я воспоминания «Заложники», потому что истинные севастопольцы, любящие и гордящиеся своим городом, были и продолжают оставаться заложниками в «игре», имя которой — большая политика. А «Неоконченная история», потому что за время своего существования Севастополь три раза оказывался в эпицентре мировых событий. Первые два — кровопролитные, относятся к периодам Крымской и Великой Отечественной войн. А третий — к нашему времени, правда, не кровопролитный, но и совсем не мирный, когда в противостоянии за город сошлись два славянских государства — Украина и Россия.

Севастополь — город на юго-западе Крымского полуострова, на побережье Черного моря, незамерзающий морской торговый и рыбный порт, промышленный, научно-технический, рекреационный и культурно-исторический центр. Носит звание «Город Герой».

Википедия.

В прекрасный майский день юркий «пазик» севастопольского троллейбусного управления весело бежал по серпантину крымских дорог. Из Алушты в Севастополь возвращалась баскетбольная команда ветеранов Севастополя. Прекрасному настроению предшествовали три дня турнира ветеранов мужских баскетбольных команд Киева, Харькова, Одессы и Севастополя. Встречались ранее непримиримые на площадке, но в большинстве своем друзья по жизни, которым было что вспомнить. Турнир завершился обильным продолжительным обедом с «горячительным». Автобус свернул

 $^{^{1}}$ Автобус малого класса ПАЗ-672

с адмирала Октябрьского на Кулакова и остановился у дома, где на третьем этаже я жил вместе с женой, двумя детьми и родителями. Во дворе небольшой беседки, построенной жильцами дома, сидел В. Королев, заведующий кафедрой физики приборостроительного института, депутат городского Совета.

Начало 1992 года характеризовалось очередным политическим кризисом в городе. Город готовился к очередному референдуму, который должен был подтвердить, что «Севастополь – главная база российского ЧФ». Подобный вопрос в крымском (включая Севастополь) 1991 года референдуме поддержало почти девяносто процентов от общего числа принявших участие в нем. Флот, по мнению севастопольцев, должен был быть единым и неделимым. Тем более неприемлемым для них было нахождение в городе ВМС Украины, которым должен был быть передан ЧФ. А то, что Севастополь оказался уже в составе самостоятельного государства Украины, а Россия это уже другое самостоятельное государство, не воспринималось всерьез. Город был категорически против Беловежских соглашений и продолжал по менталитету оставаться чисто русским. Несмотря на вхождение в 1954 году в состав Украины, в городе не было ни одной украинской школы, более того, в отличие от остального Крыма, не было в школьной программе и предмета «украинский язык и украинская литература». Школы работали по российским программам обучения. Ни одной украинской газеты в киосках города, местное радио вещало на русском языке, телевидение транслировало только московские телеканалы. Редкостью были даже вывески на украинском языке. Могу вспомнить только две во всем городе: «Українські страви» на улице Ленина, да «Панчохи» на Большой Морской.

Украина, Киев были где-то далеко и казались чужими. А Россия, Москва – совсем рядом и своими. Флот был для севастопольцев форпостом, защитником интересов могущественного государства – Советского Союза, на его южных границах. И управлялся флот из Москвы, а не из Киева. То есть только де-юре город был украинским, а де-факто, несмотря на финансирование из бюджета Украины, он всегда оставался российским. Флот как бы врос в город, так

как практически каждый второй житель был связан с ним: двадцать четыре тысячи — его личный состав, на предприятиях и учреждениях флота работало порядка тридцати тысяч человек, из почти ста тысяч пенсионеров большая часть из них были выходцами с флота. Прибавьте сюда членов их семей. Свое благосостояние, которое мало чем отличалось от благосостояния москвичей, санкт-петербуржцев, киевлян, жители города связывали с СССР и ЧФ. Фактически при жесткой вертикали власти в Союзе первым человеком в городе был не первый секретарь горкома партии, а командующий флотом. Когда я впервые после избрания вошел в кабинет, который при советской власти принадлежал первому секретарю горкома партии, и меня ознакомили с номерами телефонов малой оперативной связи, обратил внимание: 11 — командующий ЧФ, и только далее первый секретарь горкома партии. Иерархия номеров телефонов, машин... свидетельствовала о степени приближенности к власти.

Базирование флота в городе имело для него большое значение. Потому что при нормальном по тогдашним меркам бюджете города республиканского подчинения всегда существовала значительная прибавка из безразмерного бюджета МО СССР. Достаточно было прямого телефонного звонка «наверх» или общения с представителями партийно-хозяйственной элиты страны, часто «балующих» своим посещением Севастополь, и насущные проблемы города становились решаемыми. Учитывая отсутствие криминала в закрытом городе и военный порядок в нем, обеспечение работой и хорошие заработки, можно было понять стремление жителей города вернуться к прежним временам, временам спокойной размеренной жизни, временам Советского Союза. Разделить флот и город было практически невозможно, причем, может быть, не столько «физически», сколько морально.

Конец восьмидесятых и начало девяностых характеризовались резкой демократизацией общества. Становилось понятно, что возвращение к прежнему тоталитарному режиму, когда указания сверху от «организующей, направляющей и движущей силы общества» внизу не подвергались сомнению, а исполнялись, уже не будет.

Сказал свое слово и Севастополь. Депутатом Верховного Совета СССР от города был избран бригадир слесарей морзавода Виктор Ноздря, а не рекомендованный партией власти командующий ЧФ адмирал М.Н. Хронопуло. И это несмотря на то, что парткомами на местах проводилась жесткая агитация за кандидата от коммунистов. Выступления «против» на встречах с трудовыми коллективами кандидата М.Н. Хронопуло не поощрялись и даже больше. Так, выступая на встрече студенческого и преподавательского коллектива института с командующим, я, будучи председателем профкома института, не выполнил рекомендации парткома, сделал несколько критических замечаний в адрес флота и, более того, задал вопрос, который не понравился адмиралу: «Как рядовому севастопольцу выйти на берег, если всюду воинские части?» Уже на следующий день утром был «поощрен» повесткой из военкомата с приглашением на месячную переподготовку с пребыванием в воинской части на мысе Фиолент

С Михаилом Николаевичем мне приходилось встречаться и после событий ГКЧП², когда он был освобожден от должности командующего за его поддержку. Но в политику не пошел, а занялся необычным для себя делом – организацией фермы по выращиванию индюков на территории, прилегающей к качинскому аэродрому. Организация предприятия это новые рабочие места для города. И я помогал ему в решении земельных вопросов. По жизни он оказался совсем не таким человеком, каким делали его должность и время. Простой в обращении, высокообразованный и главное – порядочный человек.

А после провала ГКЧП демократические процессы в городе усилились. Город всколыхнуло это событие. Ведь заключение М.С. Горбачева проходило на госдаче «Заря», находившейся на территории большого Севастополя. В городе стали формироваться отряды – группы людей, готовых идти на «освобождение» первого президента

² Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР – самопровозглашенный орган власти в СССР, существовавший с 18 по 21 августа 1991 года.

СССР. Останавливала людей только позиция флота, поддержавшего переворот. Я, будучи депутатом первого созыва Верховного Совета Автономной Республики Крым, получил задание проверить «поведение» крымских средств массовой информации во время путча. Пришлось беседовать с главными редакторами изданий. По-человечески, учитывая время, в котором мы все жили, их можно было понять. Единственным главным редактором, отказавшимся от встречи и прямым текстом пославшим меня..., оказался главный редактор газеты ЧФ «Флаг Родины» Князев. После моего доклада на сессии ВС АРК он был освобожден от занимаемой должности.

Эпицентром принятия решений в городе стал городской Совет народных депутатов. В его состав входило двести депутатов. Добрую половину Совета составляли представители партийно-хозяйственной элиты города, порядка пятидесяти депутатов - представители ЧФ и военнослужащие других родов войск. Из военных выделялись два украиноговорящих депутата - командир морского тральщика «Сигнальный» И. Тенюх, в дальнейшем назначенный «Майданом» министром обороны Украины, и В. Махно. Оставшаяся его часть являлась сторонниками радикальных преобразований в городе. Сложностью в работе Горсовета являлось то, что в начале 1992 года он лишился своего председателя. Предыдущий, в связи с реконструкцией государственной власти в Украине, был назначен президентом Л. Кравчуком его представителем в городе и возглавил исполнительную власть, став руководителем городской государственной администрации. Быть председателем комиссии по выдвижению кандидатур и избранию председателя Горсовета депутаты доверили мне.

Депутатом городского Совета я стал в 1990 году, выиграв выборы у много лет побеждавшего в этом избирательном округе — директора завода «Молот» В. Харчева. Избирательный округ находился по месту моего жительства. Таких возможностей, как сделать детскую площадку или отремонтировать подъезд, у меня не было. Наверное, сделали свое дело встречи с избирателями, которые происходили в метрах пятидесяти от моего дома в помещении главка «Азчеррыба», где размещался избирательный участок. Помогли и вырезки

из институтской газеты «За приборостроительные кадры» с моей фотографией и программой. Их мои студенты наклеивали на столбах троллейбусной контактной сети и у подъездов домов нашего избирательного участка.

Избранию предшествовала беседа со мной, как председателем профкома, секретаря парткома института Е. Пашкова. Он сказал, есть мнение, что я должен выдвигаться в депутаты городского Совета, чтобы достойно отстаивать на уровне города интересы института. Следует отметить, что членом партии я стал благодаря случаю. Нельзя сказать, что я не стремился к этому, понимая, что карьерного роста трудно добиться, не будучи членом партии. Все «серьезные вопросы» в институте обсуждались на партийных собраниях, а «совсем серьезные» – на «закрытых» партийных собраниях. Не будучи членом партии, ты становился в обществе человеком второго сорта. Однако мои заявления в партком вместе с рекомендациями на выполняемую общественную работу председателя профбюро радиотехнического факультета не находили внимания. Квота по приему распространялась только на студентов. «Пробиться» в партию рядовому преподавателю было практически невозможно.

Но в сентябре 1983 года я приказом ректора, после того как провел предыдущий год в качестве заместителя, был назначен ответственным секретарем приемной комиссии института. Время было такое, что ВСЕ должно было быть под партийным контролем — особенно кадры. И эта временная — на один год, должность оказалась в перечне номенклатуры горкома партии. Но поскольку история о моем назначении «всплыла» только через полгода, проще оказалось принять меня кандидатом в члены КПСС, чем выносить строгий выговор члену бюро горкома партии ректору института Лавриненко.

В то время эта должность, если нигде не «проколешься», давала путевку в жизнь. Ты становился значимым, нужным человеком в обществе, поскольку мог наряду с ректором, который являлся председателем приемной комиссии, влиять на поступление в институт. Должность давала возможность прямого общения как с партийными «бонзами», так и со знаменитыми деятелями культуры и вообще

«влиятельными» людьми. Причем просителем выступала противоположная сторона. Так, во время предшествующее вступительным экзаменам я познакомился с Софией Ротару и ее мужем Анатолием Евдокименко, у которых на радиотехнический факультет поступал их сын Руслан. Отличные отношения с Софией Михайловной сохранились надолго.

Будучи в Санкт-Петербурге генеральным консулом Украины, с удовлетворением принял просьбу губернатора Великого Новгорода М. Прусака встретить в Пулково и проводить в Украину Софию Михайловну и ее сестру Аурику, которые выступали в городе во время его предвыборной компании. Но еще приятнее было то, что в «райдерах» артистки во время ее последующих гастролей в Санкт-Петербурге всегда был пункт: приглашение на участие в проводимых ею мероприятиях генерального консула Украины В. Семенова.

Пулково. София и Аурика Ротару.

Правда, не всегда «большие» знакомства складывались так хорошо, как бы хотелось.

В кабинете ректора института второй секретарь обкома партии. Оба «навеселе».

- Виктор, как у нас дела с абитуриенткой N?

Посмотрел. Абитуриентка поступала на заочное отделение, где преимущество имели работающие по избранной в вузе специальности. Оставался один экзамен, но уже сейчас было ясно, что по конкурсу она не проходит.

- Не поступает, Михаил Захарович. Она «несоответствующая».
- Надо, чтобы поступила, переведи в «соответствующую» группу.
- Михаил Захарович, этого делать нельзя. После трех экзаменов в списках на всеобщее обозрение она была «несоответствующей», и вдруг становится «соответствующей». Нельзя.

Но партия возражений не терпела.

– Михаил Захарович, я что-то не понимаю, кто здесь ректор? Вы или Семенов?

Последовало ректорское: «Пиши заявление». «Закончу вступительную компанию и напишу», — сказал я и вышел. Утром меня, спавшего в своем рабочем кабинете, разбудил ректор. «Я тебе пиво принес с «таранькой». — «Михаил Захарович, вы же знаете, что я не любитель пива». Конфликт был исчерпан. Ректор, хоть с трудом, но умел признавать свои ошибки. А секретарша второго секретаря обкома была вынуждена еще год провести в его приемной, так и не став первокурсницей.

К своим депутатским обязанностям я относился очень серьезно. Вошел в депутатскую комиссию по гласности и средствам массовой информации, и был избран заместителем председателя. Комиссию возглавил фронтовик, писатель А. Круглов. Комиссия размещалась в маленьком кабинете на третьем этаже здания, где раньше размещался горком партии, а теперь – Горсовет. Это было время «разгула» демократии. В комиссию обращались за различными разъяснениями, просьбами, жалобами на чиновников, своих руководителей, работников торговли, коммунального хозяйства... Наверное, нам были

известны все «болевые точки» города. Членом комиссии был профессиональный журналист А. Марета, который редактировал мои статьи о недостатках в городе. Статьи, не жалующие даже высокопоставленных чиновников, стали регулярно появляться в номерах «Славы Севастополя», единственно читаемой в городе газеты, редактором которой был человек с современными взглядами на жизнь В. Иванов.

В Горсовете образовались депутатские группы «Коммунисты» и «Альтернатива». Я официально не входил ни в одну, ни в другую. Был, как принято сейчас говорить, «внефракционным». Но был активным депутатом. Наверное, не было сессии, на которой я бы с трибуны не высказывал свою позицию по рассматриваемому вопросу. Не всегда она совпадала с общепринятой. Иногда председательствующий даже отключал микрофон при моих выступлениях. В городе за мной стало закрепляться мнение, как о принципиальном, борющемся за справедливость человеке. Это, очевидно, и стало критерием для выдвижения меня председателем комиссии по избранию председателя городского Совета.

Заседания Совета стали проходить под моим председательством. Я постепенно адаптировался к креслу председателя. Однако, несмотря на мои усилия, никакие согласительные встречи с лидерами депутатских групп и даже кулуарные договоренности не приносили желаемого результата. Необходимых 101 голоса «за» не удавалось набрать никому, даже если на голосование ставилась одна согласованная кандидатура. Предел — 98 голосов. Тогда я выступил на сессии, сказал, что моя кандидатура в качестве председателя комиссии оказалась «невезучей», и попросил депутатский корпус освободить меня от выполнения этой депутатской обязанности. Председателем комиссии был избран В. Королев. И я со спокойной совестью уехал на турнир ветеранов. А поскольку играть в баскетбол я уже не мог, а желание встретиться с друзьями было велико, поехал в качестве тренера севастопольской команды...

Видя мой довольно «разобранный» вид, Василий Иванович предложил хорошо отдохнуть и завтра обязательно прийти на сессию,

поскольку на должность председателя городского Совета принято решение выдвинуть мою кандидатуру. «Что так?» – задал я глупый вопрос. «Вы – единственная проходная кандидатура».

Утром заскочил домой к ректору института М. Лавриненко, получил его благословение – конечно соглашайся.

- Михаил Захарович, но должность-то кратковременная.
- Почему?
- Весь город ждет референдума. И я буду обязан выполнить его волю, волю депутатов его провести. А дальше следует либо роспуск Совета, либо мое освобождение, как человека, подписавшего неконституционное решение.
- Вернешься в институт. Тоже мне председатель профкома, не знающий трудового законодательства. И еще хочу посоветовать тебе. Никаких «Вить». Разделяй личные отношения и работу. Те, кто будет их смешивать, обращаться с просьбами, используя личные отношения не настоящие друзья. От таких избавляйся. Все вопросы должны решаться в рабочем кабинете.
 - А если вы?
 - Это касается и меня.

Еще два года после избрания я читал лекции в институте. Но никогда он не позволял себе пытаться решить вопросы учебного заведения или даже свои личные в стенах института. Всегда записывался на прием через секретаря.

Хорошая пословица о тех, кто пытается делить шкуру неубитого медведя. Опять злосчастные 98 голосов «за». Состояние не описать. После длительных уговоров со стороны членов комиссии, руководителей депутатских групп, и, наконец, просто влиятельных депутатов, что это какая-то случайность, недоразумение, согласился на повторное вынесение моей кандидатуры на следующий день. Ситуация была хорошо знакома. Получался алгоритм уже отработанный на других кандидатурах, когда проваливалось и повторное голосование. И хотя я четко решил, что если «нет», то «заплачем и уйдем», как часто шутил, настраиваясь на принятии какого-нибудь решения,

неприятный осадок преследовал весь остаток дня. Плохо спалось и ночью.

Но на следующий день все решилось в течение получаса. Уже минут через пять после голосования мне передали записку от председателя счетной комиссии С. Маслова. «Виктор Михайлович, вы — мэр! «За» — 108, «против» — 34». Наступал новый этап в моей жизни. Хотя не всегда она меня баловала, но и говорить, что сильно била, я бы не стал.

Родился я во Владивостоке в феврале 1946 года в роддоме на улице Первого мая в семье военного летчика, участника боевых действий в войне с Японией. Но уже в следующем году эскадрилью, где служил отец, перебросили в Крым. Аэродром, вернее, взлетно-посадочная полоса и десяток деревянных домишек находились несколько восточнее по побережью от Качи в местечке Бурлюк (сейчас Вилино). Первое мое воспоминание о жизни – море и катер с брезентовым верхом. Это был, как потом мне рассказывала мама, катер с «Северной» на «Графскую». Она меня везла к зубному врачу. В школу в 1953 году пошел в Риге, куда, как принято сейчас говорить, на повышение квалификации был командирован мой отец. Учеба давалась легко. Несмотря на частую смену школ, связанную с переменой мест службы отца, учебу закончил с золотой медалью уже в Симферополе, куда семья перебралась после его демобилизации. Были планы поступления в Москву в физико-технический институт (МФТИ), но тут неожиданно в жизнь вмешался спорт – баскетбол.

В те годы, наверное, все мальчишки занимались спортом. Не был исключением и я. С пятого класса стал посещать спортивную секцию по легкой атлетике. Особенно удавались прыжковые виды – в длину и «тройной». В седьмом классе на чемпионате Крыма в своей возрастной группе занял первое место по прыжкам в длину. Баскетболом увлекся случайно. Сначала просто за компанию стал ходить вместе со своим другом Толей Толкачевым на тренировки сборной команды школы по баскетболу. Спортзалов тогда было мало. И тренировки, которые проводились рано утром до начала занятий в

школе в спортзале сельхозинститута, были первое время для меня просто мученьем. Но игра захватывала все больше и больше. Анатолий, несмотря на возраст, был полноценным игроком старшей команды ДСШ (детская спортивная школа) Симферополя, игроком сборной школьников Крыма. Он буквально уговорил тренера ДСШ В. Тимченко взять меня в спортивную секцию. Понимая, что перспективы у меня нет: возраст для начала серьезных занятий поздноват, телосложение щуплое, да и ростом не вышел для баскетбола – метр семьдесят с небольшим, Виктор Николаевич определил меня тренироваться с младшей группой, где я «прозябал» с ребятами на год, а то и на два, младше меня. Но баскетбол не бросил, а тренировался все с большим упорством.

Жизнь, как я понял в дальнейшем, всегда дает шанс. Надо только уметь им воспользоваться. В этом я убедился довольно рано. Первый раз такой шанс выпал у меня в баскетболе. Шел чемпионат Крыма по баскетболу среди мужских команд. В нем принимала участие и команда ДСШ Симферополя. В спортивном зале ДСШ наша команда, как сейчас помню, принимала команду ГДО (гарнизонного дома офицеров). Игра должна была состояться в субботу в дневное время. Форс-мажор. При заполнении протокола оказалось, что трех игроков основной команды по каким-то причинам не отпустили со школы. Я же пришел просто посмотреть игру, и тренер на всякий случай внес в протокол мою фамилию. Я даже не раздевался. Но когда запахло «жареным», и игроки «повисли» на персональных замечаниях, тренер отправил меня в раздевалку. Зал был наш. С горем пополам нашли нужный размер – кеды, трусы, майку. И где-то минут за пять при равном счете тренеру пришлось выпустить меня на площадку. Так случилось, что выигрыш в одно очко пришел благодаря моим шести очкам, забитым на последних минутах игры. В баскетболе говорят, что если у игрока есть бросок, значит, есть. А если нет, ни за какие деньги его не купишь. Бог меня с этим миловал. После этой игры я был переведен тренироваться в старшую группу и стал привлекаться к играм за основную команду, представляющую Крым на республиканских первенствах. А в год окончания школы стал ее лидером,

играя на позиции «первого номера», в баскетболе это амплуа разыгрывающего. Выпускного вечера у меня не было, поскольку я с командой уехал в Запорожье, где проводились зональные соревнования на первенство Украины. Случилась сенсация. Мы обыграли сильную команду хозяев, и надо было ехать на финал в Полтаву.

Вступительные экзамены в МФТИ проводились на месяц раньше, чем в остальные вузы страны, и надо было выбирать ехать в Москву или на финал в Полтаву. Учиться в МФТИ было престижно. Но рядом с Полтавой — Харьков. В Харьковском государственном университете на радиофизическом факультете была кафедра квантовой радиоэлектроники. Оптические квантовые генераторы или лазеры — эти слова звучали очень заманчиво. Помню, какое впечатление произвел на меня фильм «Крах инженера Гарина» по мотивам романа А. Толстого. Решено, еду в Полтаву и оттуда прямо в Харьков. В Полтаве мы провалили турнир, но я попал в списки кандидатов в юношескую сборную Украины.

В тот год золотые медалисты привилегий не имели, но, несмотря на сумасшедший конкурс, в университет я поступил, набрав 23 балла из 25 возможных. Это были годы «химизации» страны, и, кроме двух математик, физики и сочинения, абитуриенты сдавали еще экзамен по химии.

Учеба давалась непросто, это была уже не школа. День был расписан по минутам. Три-четыре пары занятий, затем обед и читалка (читальный зал) до самого вечера, а вечером спортзал. Для души баскетбола хватало. Круглый год — первенство университета и первенство вузов Харькова. Первый курс закончил с двумя «четверками», остальные — «пятерки». Ситуация изменилась на втором курсе. Опять вмешался баскетбол.

Хорошей профессиональной команды по тем меркам в Харькове не было. Она распалась, когда ее тренер, в прошлом игрок сборной Украины, заслуженный тренер Украины, преподаватель кафедры «Детали машин и механизмов» Харьковского инженерно-строительного института В. Лелюк взял в спорте тайм-аут, вызванный подготовкой и защитой кандидатской диссертации. И вот кандидатская

защищена. И доцент Лелюк решил вернуться в спорт. Был проведен турнир пяти команд города. Я был включен в пятую сборную, состоявшую в основном из игроков студенческих команд. К тому времени я подрос до 192 сантиметров, но навыков игры «первым номером» не потерял. Плюс то, что меня, как я говорил, бог броском не обидел, позволило стать самым результативным игроком турнира. И вообще, тогда, в Советском Союзе, разыгрывающий в баскетболе с таким ростом был редкостью.

Команда «Строитель» Харьков, которую стал тренировать В. Лелюк, на майках имела аббревиатуру ДСК-2: ее спонсором стала самая мощная строительная организация города — домостроительный комбинат №2. В нем игроки команды числились рабочими разных специальностей и квалификаций. На меня была заведена трудовая книжка. И раз в месяц на такси я ездил за зарплатой в строительное управление отделстроя, где числился слесарем пятого разряда по газовому оборудованию. Она превышала стандартную зарплату в сто рублей инженера. «Опекал» команду главный инженер комбината, сам в прошлом игравший в баскетбол О. Юдин, а куратором был второй секретарь обкома партии В. Астахов. Команда у нас была неплохая. Один раз мы даже смогли войти в первую лигу чемпионата СССР, но проиграли решающий матч отборочного турнира свердловскому «Уралмашу», где тогда блистал Сергей Белов, ставший впоследствии суперзвездой.

Спорт давал мне тогда все жизненные блага. Я получил квартиру, причем не от спорткомитета, а как рабочий комбината, хорошую зарплату, возможность бывать за границей. Но чем больше времени забирал спорт, тем меньше его оставалось на учебу. Приходилось пропускать занятия в университете. Однако, как мне кажется, это не критически сказывалось на качестве получаемого мной образования. Наша дружная студенческая группа обеспечивала меня конспектами. А на сборах было время не гонять шары в бильярдной или играть в настольный теннис, а посидеть за конспектами и учебниками. Да и сдавать зачеты и экзамены большей частью приходилось самостоятельно, а не с группой, что требовало более

качественной подготовки, поскольку спорт в университете был не в почете и никаких послаблений не давал. Еще учась в университете, стал мастером спорта СССР, был включен в тренировочный состав сборной Украины, готовящейся к спартакиаде народов СССР. Прошел подготовительный сбор в ее составе на спортбазе «Спартак» в Алуште, даже наигрывался в основном составе и там узнал, что и в спорте бывают подлости, правда, большей частью за пределами площадки, где царит право сильнейшего. Имел я и ни одно приглашение из команд первой лиги, но понимал, что таких условий как в Харькове для продолжения учебы у меня не будет и о другом образовании, кроме высшего спортивного, придется забыть. Но один раз все-таки решился.

В Белоруссии любили баскетбол. Команда радиотехнического института (РТИ) играла в первой лиге первенства СССР. Команда была любимицей первого секретаря ЦК компартии Белоруссии П. Машерова. Он при первой возможности посещал матчи баскетбольной команды. Не знаю, где он мог меня видеть, но как объяснил мне приехавший за мной второй тренер минской команды Панин – «этого хлопца надо забрать в Минск». Наша команда была на сборах в Одессе, и Панин появился как раз в последний день сборов. Поскольку начиналось время летних отпусков, в вузе были каникулы, я сказал всем, что поеду к родителям в Крым, а сам полетел в Минск. Август и сентябрь тренировался вместе с командой РТИ, готовящейся к началу очередного чемпионата СССР в первой лиге. Состояние было неопределенным, поскольку мою судьбу должен был решить сам Машеров. В команде встретили меня настороженно и, нельзя сказать, что дружелюбно. Ясно было, что я был взят для игры в основном составе.

Скрашивало мое пребывание в Минске только то, что практически все вечера я проводил в... цирке, где как раз гастролировала киевская труппа. Гвоздем программы был сольный номер под куполом цирка — «Шар смелости», с исполнителями которого я был знаком. Репризы в представлении заполняли известные клоуны Ю. Никулин и М. Шуйдин, с которыми я часто ужинал в буфете.

Сейчас это кажется не правдоподобным, все-таки не больше и не меньше первый секретарь ЦК компартии Белоруссии, но такая встреча состоялась. Помню заключительные слова Машерова: «Даже если тебя заберут в армию и пошлют служить на Огненную Землю, я тебе обещаю, что через неделю ты будешь в Минске и, если не будешь дурить, в срок окончишь институт. Езжай, забирай документы и возвращайся».

Легко говорить возвращайся. Буквально в тот же час после того, как я открыл дверь харьковской квартиры, раздался звонок. Милиция. Согласно ордеру я был арестован как дезертир, отлынивающий от службы в армии. В милиции меня ознакомили с приказом о моем отчислении из университета. Причем не за неуспеваемость, ведь у меня была сдана вся летняя сессия, кроме одного экзамена и одного зачета, на которые мне была официально предоставлена отсрочка от сдачи, а за пропуски занятий, за прогулы. Отправлен я был почему-то в одиночную камеру, наверное, чтобы лучше думалось. Мои попытки стука в дверь с желанием «добиться правды» – как за полтора месяца пропуска занятий исключают из университета, приводили только к негативным последствиям в виде физических воздействий. На третий день стало совсем тоскливо, но тут в камеру вошел администратор команды и сказал, что В. Астахов хочет со мной поговорить. На «Волге» Виктора Ивановича доставили в обком. И хотя тот «розыгрыш» не красил его, как вероятного идеолога этого процесса, я благодарен ему, что он направил меня, как выяснится уже в дальнейшем, на верный путь.

- Мы с тобой не раз говорили, что ты не собираешься всю свою жизнь посвящать спорту, а сейчас пытаешься сделать такой шаг. Почему бы тебе не повторить путь, по которому шел твой тренер кандидат технических наук, заместитель заведующего кафедрой?
 - Виктор Иванович, это было бы идеально.
 - Так в чем дело? Я тебе в этом помогу.
 - Так что делать?
- Иди домой, ложись спать, разговор шел поздно вечером, а утром в университет. Вечером, не забудь, тренировка.

Смалодушничал, в Минск не позвонил. После такого поступка на душе остался неприятный осадок.

1994 год, июль. После участия по приглашению президента Белоруссии А. Лукашенко в торжественных мероприятиях, посвященных Дню независимости, еду в аэропорт. В машине жена и провожающий меня мэр Минска В. Ермошин. «Владимир, давай заедем на кладбище, где похоронен П. Машеров». Купил по дороге цветы. Постоял пару минут у могилы. Извинился. На душе стало легче. На недоуменный вопрос Владимира: «А ты что знал Машерова?!» – рассказал о моей встрече с ним.

Утром в университете в разговоре с заместителем декана факультета Б. Емцем выяснилась фиктивность приказа, и более того по рекомендации «сверху» мне было предложено написать заявление с просьбой разрешить мне пройти повторный курс обучения ввиду того, что «из-за вынужденных пропусков занятий я его не полностью освоил». Чувствовалась «рука» обкома партии. Ведь городу я был нужен как спортсмен, поскольку в то время игра нашей команды «строилась» под меня.

Последний год учебы и написание диплома проходили в предместье Харькова – «Померках», где находился «закрытый» НИИ радиоэлектроники. Утром слушали лекции ученых, имена которых были известны во всем мире, а после обеда занимались практическими вопросами в лабораториях института. Тема диплома у меня была «Получение генерации ОКГ³ с модулирующей ячейкой из ниобата лития⁴». Работа была в большей степени теоретической, но мой импульсный лазер в режиме генерации пробивал пятикопеечную монету. Можно было получить направление в лабораторию, где я проходил практику, но это означало полный разрыв с баскетболом. Но кто бы это мне разрешил, да и я к этому еще не был готов. А Виктор Иванович сдержал свое слово. Я получил назначение в

³ Оптический квантовый генератор – лазер.

 $^{^{4}}$ Химическое соединение, смешанный оксид ниобия, лития — LiNbO3.

Харьковский инженерно-строительный институт. Астахов даже пришел на мое распределение.

Распределению предшествовала беседа с заведующим кафедрой «Детали машин и механизмов и термодинамики» ХИСИ доктором технических наук, профессором, известным ученым С. Венцелем. Сергей Вениаминович сказал мне, что работать я буду инженером в научно-исследовательской лаборатории смазки и износостойкости машин и механизмов, которая функционировала при кафедре, и с целью привлечения меня к учебному процессу он даст мне несколько часов по дисциплине «Термодинамика». И берет он меня на работу не потому, что я хорошо играю в баскетбол, а потому, что хочет использовать мое университетское образование в прикладной области. Он предложил мне посмотреть, как можно улучшить свойства смазочных масел, продлить срок их использования не механическими способами, как это было принято делать, а физическими воздействиями. Какими он и сам не знал. И что интересно, я сразу же заразился идеей ее реализации. В основу ее я положил явление кавитации - микровзрывов при распространении волн в жидкой упругой среде. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Я получил тяжелую травму и на полгода выпал из тренировочного процесса. Практически дневал и ночевал в лаборатории. И когда теория была подкреплена практическим экспериментом, и более того был подсчитан хозяйственно-экономический эффект от внедрения, что являлось одним из важнейших факторов при защите диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук, я подошел к заведующему кафедрой и спросил: «Могу ли я обработать имеющийся материал в виде моей диссертационной работы?» На что услышал, что работа выполнена в рамках заключенного с «Электротяжмашем» хозяйственного договора и будет использована в диссертационной работе заочной аспирантки с этого производства. Более того, я буду откомандирован на три месяца на завод, где я должен был помочь отладить лабораторный стенд для испытаний и провести серию измерений. На мое замечание, что она не принимала участие в этой работе, последовал ответ: «Ну и что. У меня много

аспирантов, и все они должны защищаться в срок. Сейчас очередь Валентины. Вы же еще молоды, юны. У вас еще все впереди, ваше время еще не пришло. Мы займемся с вами более серьезными вещами. У меня есть ряд предложений по космической технике. Кстати, у вас же в университете был курс СВЧ (сверхвысоких частот)». А когда оно придет, мое время? В душе закралась обида. Не ладилось и в спорте. После травмы никак не удавалось выйти на прежний уровень. В жизни наступила явно не светлая полоса.

И когда на каком-то турнире с участием крымской команды ко мне подошел невысокого роста среднего возраста с проседью на висках человек и представился директором Севастопольского троллей-бусного управления (СТУ) А. Круподеровым с предложением переговорить, я согласился. Разговор начался неожиданно.

- Ты же наш, крымский?
- Ну да.
- A знаешь восточную пословицу, что слоны возвращаются умирать на родину?
 - Не слышал.
- Так вот, я тебе предлагаю вернуться. В Севастополь. У меня сейчас появилась возможность «сделать» приличную команду. Есть предварительные договоренности с Жармухамедовым из ЦСКА, братьями Шведовыми и Зеленовым из Алма-Аты, Израиловым из Минеральных вод. Приедешь ты с Титовым.

Саша Титов был основным центровым нашей харьковской команды. Он, как и я, был тоже из Крыма.

- Будет очень приличная команда.
- Александр Сергеевич! Баскетбол для меня не самоцель. Разговор возможен только при моем трудоустройстве в Севастопольский приборостроительный институт на преподавательскую должность.

На майские праздники 1972 года приехал в Севастополь. Круподеров организовал встречу с проректором по учебной работе. «Свободное вакантное место освобождается будущим летом, одна из ассистенток кафедры физики уходит на пенсию. Я не думаю, что с вашим образованием возникнут проблемы с конкурсом, а пока предлагаю поработать в научно-исследовательском секторе». Решение принял сразу. Вообще, выработал у себя принцип — никогда не сомневаться в правильности выбранного решения, считать, что поступил единственно верно. Сказал, что сейчас займусь обменом квартиры, после обмена перееду в Севастополь и до объявления конкурса поработаю у Александра Сергеевича. Думаю, он найдет место.

Но место, куда определил меня А. Круподеров, было «не мое»: работа инженером производственно-технического отдела (ПТО) навевала на меня тоску. Я совсем не разбирался в чертежах, ведь такого предмета, как черчение, у меня в университете вообще не было. А команду Круподерову создать не удалось. Миф, распространенный в баскетбольных кругах Союза, что в Севастополе дают «триста плюс квартиру»⁵, оказался мыльным пузырем. Приехавшие уехали. Я поменял свою квартиру, правда, только на Инкерман, и после скандального отъезда из Харькова возвращаться мне было некуда. А команда «Спартак-СТУ» продолжала играть на любительском уровне.

Отдушину нашел в другом. Освобожденную должность секретаря комитета комсомола управления занимала племянница директора Альбина, редко появлявшаяся на работе. Круподеров, видя мою неудовлетворенность работой, которая, честно говоря, не занимала много времени, поскольку команда, несмотря на свой любительский статус, тренировалась два раза в день – утром и вечером, предложил мне заняться комсомольской работой. Меня избрали заместителем секретаря комитета комсомола и, хотя эта должность была общественная, я практически перестал появляться в ПТО и полностью перебрался в помещение комитета комсомола. Работа с людьми мне нравилась. Да и коллектив подобрался отличный. У Круподерова предприятие работало как хорошо отлаженный механизм, включая и комсомольскую организацию в том числе. В проводимом весной конкурсе комсомольских организаций города «троллейбусники» заняли первое место. И мне предложили выступить на пленуме горкома партии. «Роль спорта в воспитании молодежи».

Говорил о том, что горком уделяет мало времени этому вопросу.

 $^{^{5}}$ Имеется в виду заработная плата триста рублей.

«Прошелся» и по первому секретарю горкома партии А.П. Смолянникову. После выступления обратил внимание на недоуменные взгляды присутствующих. Не похвалил меня и Круподеров, высказав сожаление, что не посмотрел текст моего выступления. Однако на следующий день он сказал мне, что звонил Смолянников и пригласил меня к себе, сказав, что хочет переговорить.

- Слушай, Виктор, ты можешь также принципиально жестко выступить на пленуме обкома партии?
 - Без проблем.
- И не стесняйся называть мою фамилию. Напиши выступление, и мы его вместе вычитаем.

После моего выступления на пленуме крымского обкома партии слышал в кулуарах: молодец Смолянников, не боится привозить молодежь с критикой на себя. Мое выступление имело продолжение. Алексей Петрович пригласил меня к себе и сказал, что первый секретарь горкома комсомола В. Безуглый уже «пересидел» свое время, и сейчас ему ищут замену.

- Как ты смотришь, если я предложу тебе занять это место?
- Но я же не член партии.
- Виктор, все делается постепенно. В октябре изберем тебя первым секретарем Ленинского райкома комсомола, перед этим примем кандидатом в члены партии. Ну, а после на пленуме горкома комсомола...
- Алексей Петрович, в конце лета я собираюсь участвовать в конкурсе на должность ассистента кафедры физики СПИ.
 - Смотри, дело твое, решай...

Лето провел в разъездах по Крыму в составе бригад обкома комсомола по проверке и оказанию помощи первичным комсомольским организациям. Когда был в Раздольненском районе, меня «нашел звонок». Надо срочно сдать документы для участия в конкурсе. Вернулся в Севастополь. Поблагодарил Смолянникова за доверие, сказал о своем решении идти в институт.

Прошло более 30 лет. Киев. На одном из приемов в российском посольстве, где присутствовал первый президент Л. Кравчук,

увидел разговаривающего в группе людей Смолянникова. Тот махнул рукой. Подошел. Среди стоящих с ним людей было много тех, кто меня хорошо знал. «Вот партию клеймили, что плохо работала с кадрами, — сказал Алексей Петрович. — Я Виктора нашел сразу. А вы, демократы, искали его после этого еще двадцать лет». Действительно, председателем городского Совета я стал в 1992 году.

В институте я начал работать с 1972 года и проработал там более двадцати лет. Помню первый день на кафедре. В преподавательской кафедры физики меня встретили дружелюбно. В. Калугин, А. Слободенюк, А. Леонтович, Р. Левина, А. Васильев. Заведующий кафедрой В. Королев показал стол, который должен был стать моим рабочим местом. Не успел толком расположиться за столом, как ко мне подошел один из преподавателей. «Куришь? Пойдем, покурим». Дело было еще в старом здании института на улице Гоголя, на первом этаже которого в левом крыле разместилась кафедра физики. Зашли в лабораторию рентгеноструктурного анализа. В. Баракин, так звали преподавателя, был руководителем хозяйственного договора

по этому направлению. «Образование у тебя хорошее. Кроме ассистентской работы в вузе надо заниматься и наукой. Я возьму тебя исполнителем на тему, да и лишние сорок рублей тебе не помешают. Сейчас вернемся на кафедру, напишешь заявление. Да, ты, я хорошо ознакомился с твоей биографией и характеристикой, здоровьем не обижен – мастер спорта, человек энергичный и деятельный. В конце месяца соберем профсоюзное собрание факультета, изберем тебя председателем профбюро, а то Валуев (доцент кафедры СВЧ) «спит на ходу», - сказал он мне. Ко всему прочему Баракин оказался и секретарем партбюро факультета. Так неожиданно в течение получаса были решены вопросы, в дальнейшем во многом повлиявшие на мою судьбу. Владилена Васильевича уважал весь институт. Откровенно говоря, более благородного, бескорыстного, честного и справедливого человека я в жизни не встречал. Уже, будучи председателем Горсовета в 1992-1994 годах, продолжая читать лекции по курсу физики в институте, мне всегда дорого было его мнение. И не случайно в 1994 году на выборах главы города я попросил его быть моим доверенным лицом.

За время работы в институте произошло два события, кардинально повлиявших на мой жизненный путь. Первое, когда в 1984 году на трассе Симферополь — Алушта на подъеме к Ангарскому перевалу в лоб «ЗАЗ-968м», в котором я ехал вместе с женой и двумя детьми, врезалась на скорости под сто километров в час встречная «Волга», пошедшая на обгон и «не заметившая» меня. Чудом выжили все. Больше всех пострадал трехлетний сын, у которого осталась парализована левая рука. Я, придя в себя после того, как меня собирали на операционном столе, спросил хирурга: «Доктор, я буду играть в баскетбол?» — «Скажешь спасибо, если сможешь ходить». Так я стал хромать на правую ногу. О баскетболе можно было забыть. И второе, когда уже после аварии в 1986 году меня пригласил ректор и сказал: «Будешь председателем профкома института. На неделе соберу профсоюзное собрание. Мне нужен хороший помощник». Возражения Лаврененко не принимал. По натуре он был диктатором.

Должность председателя профкома института, а это две тысячи человек профессорско-преподавательского состава и сотрудников, плюс почти четыре тысячи студентов дневного отделения, была хорошей школой для работы с людьми. Кроме того, она вынуждала становиться «многостаночником» и заниматься различными хозяйственными вопросами – достраивать спортивно-оздоровительный лагерь «Горизонт», организовывать хозспособом строительство дома для сотрудников института, «пробивать» получение земельного участка для садоводческого товарищества, обеспечивать поставки обоев и линолеума для строительства нового здания института, используя профсоюзные связи с ленинградским «Полимерстройматериалом». А аналогичные связи со львовским телевизионным заводом позволили благоустроить спортивно-оздоровительный лагерь «Горизонт», заменяя брезентовые палатки деревянными домиками. При этом, сохраняя хорошие отношения с ректором, выиграл у него суд по уплате задолженностей сотрудникам научно-исследовательского сектора.

Первомайская демонстрация. Впереди колонны - руководство института.

Между двумя партийными боссами – вторым секретарем Крымского обкома партии и первым Севастопольского горкома, но и, конечно, с ректором Лавриненко.

После официального оглашения результатов голосования посыпались поздравления. Откуда не возьмись, неожиданно появились журналисты. Хотя почему неожиданно? Пресса всегда знает заранее, что должно произойти. Посыпались вопросы. Поднялся на место председательствующего. «Я вас слушаю». Началась импровизированная пресс-конференция. Первый вопрос — понимаю ли, какая ответственность ложится на меня, оказавшегося в гуще на тот момент, как казалось, неразрешимых проблем города, ставшего камнем преткновения двух государств Украины и России? И каким образом, в конце концов, я собираюсь их решать? Каким я вижу выход из этой ситуации?

А ситуация в городе была хуже не придумаешь. Город вступил в 1992 год с дефицитом бюджета в 155 миллионов рублей.

Под угрозой была остановка морского транспорта, автобусного движения, впервые за все время существования в феврале в течение недели не выходила городская газета «Слава Севастополя». Цены возросли в тридцать-сорок раз. Инфляция достигла восемнадцати тысяч процентов. Проблемы: вода, газ и электроснабжение. Все подавалось по жесткому графику. На предприятиях своевременно не выдавалась заработная плата. В трудовых коллективах сложилась взрывоопасная обстановка.

Практически все болевые точки в городе я знал хорошо, ораторским искусством за время работы в институте овладел достаточно прилично, так что вопросы журналистов меня врасплох не заставали, а на последний вопрос – так может ли мастер спорта по баскетболу руководить городом, ответил без сомнения – может. Во-первых, мастер спорта ни города, ни России, ни Украины, а СССР. Во-вторых, баскетбол – одна из самых интеллектуальных спортивных игр, а функция разыгрывающего игрока, организующего схему игры, обязывала принимать решение мгновенно. А здесь будет время не только подумать, но еще и посоветоваться. Никакой растерянности у меня не было. Я был уверен в себе.

Через некоторое время в моих руках оказалась газета «Вечерний Харьков» со статьей «Мэр из «Строителя».

Поразило лицемерие отдельных коллег по Совету и некоторых руководителей предприятий города, пришедших на сессию. Только вошел в кабинет, как сразу образовалась очередь желающих уже по отдельности засвидетельствовать свое почтение. Причем от многих из них, от которых за своей спиной и слова доброго никогда не слышал — все заявляли о готовности к совместной работе. А один из попавших в кабинет положил на стол авторучку «Паркер», считавшуюся в то время признаком особенности, со словами надежды, что она всегда будет ставить только «правильные подписи». Ручку эту я храню до сих пор. Сразу же пришло понимание значимости должности и невозможности отходить от ранее провозглашенных мною принципов равнодоступности, коллегиальности в принятии

МЭР ИЗ «СТРОИТЕЛЯ»

Встреча Л. Кравчука с Б. Ельциным, снова обсуждавшими судьбу прочно стоящего на приколе славного Черноморского флота, с новой СИЛОЙ привлекла внимание и w ero колыбели. Севастополю. тут было обойтись без всяческих ссылок на мнение мэра этого удивительно приветливого, мирного города. О нем. Викторе, простите, Викторе Михайловиче, Семенове, сколько раз говорило Останкино, на него ссылался А. Козырев. И, конечно, самому мэру в эти горячие дни приходилось изрядно покрутиться, отбивая хаотичные атаки всяческих групп и группировок, а порою и нападая на тех. кто пытается превратить их белоснежный, спокойный город в еще одну «горячую точку».

Впрочем, энергичному мэру не привыкать атаковать и защищаться. Лучше других это знают харьковские поклонники баскетбола. Много лет выступал В. Семенов в составе нашего «Строителя». Вместе с Б. Пекарским, Н. Меренковым, А. Титовым, С. Мареничем и многими другими любимцами

харьковских болельщиков, студент радиофизического фэкультета ХГУ В. Семенов был одним из самых заметных в команде. Очевидно, и его характер, тонкое умение взаимодействовать, а если надо, то и подчинять своей воле других, в значительной мере сформировались в спорте, под умелым патронажем таких замечательных педагогов, как Ф. Маргулис и заслуженный тречер Украины В. Лелюк, которого нет уже с нами.

В «Строителе» Виктор появился в 1964 году, совсем рыхлым еще перворазрядником, а покинул его через 8 лет крепким мастером спорта, ния которого хорошо известно было уже не только на украинских площадках. Потом Виктор, работая инженером, некоторое время играл еще в достаточно популярной, любительской команде Севастопольского троллейбусного управления. Тут его и начала интересовать общественная деятельность...

Ю, ГРОТ.

решений, четко представляя, что ответственность всегда будет возлагаться на меня. Что будет происходить хорошее в городе — это я, а плохое — вдвойне я. Таков был, да и сейчас остается менталитет наших граждан.

Обсудили ситуацию в городе с И. Ермаковым, представителем президента Украины, на которого возлагалось руководство исполнительной властью в городе с подчинением Киеву согласно мартовскому Указу президента Кравчука. Пообещали друг другу в интересах города работать как единое целое, что, к сожалению, как показало время, не получилось. Не получилось, да и не могло получиться, потому что в глазах севастопольцев власть представителя президента ассоциировалась с Украиной, позиция которой в лучшем случае раздел Черноморского флота, что было не приемлемо для более чем девяноста процентов жителей города. А мнение горожан, что было естественно, поддерживал избранный ими Совет, позиция которого ассоциировалась с Россией. Прошло совсем немного времени, и в городе заговорили о конфликте Ермаков - Семенов. Вначале, повторюсь, это был неличностный конфликт двух людей. Это был конфликт возглавляемых ими органов власти. Конфликт, фактически возникший на базе различных интересов двух государств по судьбе Черноморского флота. К сожалению, в дальнейшем он перерос и в личностное противостояние, но, видит бог, не по моей инициативе.

Почти полумиллионный Севастополь в масштабах «великого» Советского Союза был его форпостом на юге и функционально исполнял роль главной базы ЧФ. Кроме нахождения в нем абсолютно большей части самого флота, инфраструктура города была ориентирована на военно-промышленный комплекс СССР. Заводы «Парус», «Муссон», «Маяк», судостроительный имени Носенко, 13-й судоремонтный, центральные конструкторские бюро «Черноморец» и «Эра» работали на армию, на флот.

Но город был известен и своими предприятиями рыбной промышленности. В городе находился главк «Азчеррыба», рыбопромысловое объединение «Атлантика». «Атлантика» имела в своем составе суда, осуществлявшие добычу рыбы и морепродуктов в

акватории Атлантического океана у берегов Африки, и плавучие рыбные заводы «Мария Ковшова» и «Наталья Поливанова». При этом объединение по данным Госстата СССР почти на треть обеспечивала население государства рыбой. С морем была связана и деятельность объединения «Югрыбхолодфлот». Рефрижераторы «Юга» осуществляли транспортировку мороженной рыбопродукции из районов промысла и снабжение находящихся там же добывающих судов. Именно его суда первыми стали завозить куриные окорочка — «ножки Буша», в Ленинград из США.

Город разместился на площади порядка 1000 квадратных километров, что сравнимо с площадью Парижа, Москвы. В состав Севастополя кроме него самого и города спутника Белокаменска, которому в 1993 году Горсовет вернул историческое название Инкерман, входило тридцать два населенных пункта, расположенных в сельской местности, что позволяло городу иметь развитый агропромышленный комплекс. Совхоз-заводы «Золотая балка», «Софьи Перовской», «Полины Осипенко», «Качинский», «Садовод» представляли садово-виноградарский комплекс, который дополнялся совхозом «Севастопольский» - овощеводческим хозяйством, специализирующимся на выращивании овощей на открытом грунте. Город славился и виноделием. Инкерманский завод марочных вин - «Каберне Качинское», совхоз-завод «Золотая балка» – одноименное шампанское, завод шампанских вин на «Корабелке» – «Красное игристое». Да и Новосветовские и Артемовские шампанские вина готовились на виноматериалах нашей сельскохозяйственной зоны.

Транспортный узел — железная дорога, три аэродрома, одиннадцать километров причальных стенок, открывали широкие перспективы для перевалки грузов. Инкерманский терминал, представляющий собою огромные емкости, расположенные в горной местности, позволял складировать жидкие грузы с железнодорожных цистерн и осуществлять самотеком перевалку в морские танкеры.

Наука была представлена научно-исследовательскими институтами, известными далеко за пределами страны – Морским гидрофизическим институтом, Институтом биологии южных морей,

Институтом растениеводства и виноградарства (биостанция). Кадры готовили единственный технический в Крыму вуз — Севастопольский приборостроительный институт, два техникума — строительный и судостроительный, и медицинское училище.

Практически город по своему потенциалу при органичном развитии мог превратиться из дотационного в город, полностью обеспечивающий свои потребности, да и не только свои. Но прежняя система хозяйствования стала давать сбой. Не помогла и «перестройка». Наступили девяностые — годы полного развала экономики. Останавливались промышленные предприятия, предприятия агропрома. Перестали финансироваться социальная сфера города и наука, выпускники вузов становились никому не нужными. Но была еще одна беда.

Город, привыкший жить по гарантированным заказам и полноценным финансированием социальной сферы, буквально хирел на глазах. К жизни при новых условиях он не был готов. Мало того, что город лишился прямой подпитки военного ведомства, он лишился и военных заказов, а это был удар по городу. В городской казне не хватало денег на питание детей в яслях и детсадах, нечем было заправлять «скорые помощи»... Позиция командования ВМФ России и отдельных чиновников российских министерства обороны и миноборонпрома была, мягко говоря, подлой по отношению к севастопольцам, которые грудью стояли за российский Черноморский флот. Так завод «Парус», а это почти десять тысяч работающих, выпускающий «изделия» для атомных подводных лодок, оказался на грани остановки. На мой звонок первому заместителю министра обороны России А. Кокошину последовал ответ, что решение о передаче заказов на один из саратовских заводов последовало сверху. Аналогичная ситуация складывалась и на других бюджетообразующих городских предприятиях миноборонпрома. А главком ВМФ Ф. Громов, к которому я обратился с просьбой обеспечить полноценное питание личному составу флота (да, приходилось заниматься и такими вопросами), послал меня... в Киев. Практически получалось, что Россия полностью отстранилась от решения проблем Севастополя,

хотя продолжала считать флот, да и где-то в уме Севастополь, сво-ими. Так Севастополь был принят в Союз российских городов в качестве ассоциированного члена, а в 1993 году, накануне московских расстрельных Белого дома событий, я получил личное официальное приглашение от председателя ВС РФ Р. Хасбулатова принять участие во встрече Российских региональных Советов в Санкт-Петербурге.

Как и город, большинство его населения находилось на грани выживания. Выживать позволял украинский бюджет. Но все равно после достойного при советской власти, не считая годы перестройки, периода жизни города, ситуация становилась критической. «Контрастный душ», полезный здоровым людям, оказался невыносимым для большинства севастопольцев. Уже несколько позже я стал понимать, что не Россия забыла Севастополь, а «чем хуже, тем лучше» — целенаправленная политика по отношению к Севастополю радикально настроенной части российского истеблишмента. И это стало мне абсолютно ясно после посещения мною летом 1993 года в Москве Старой площади.

А дело обстояло так. После встречи с Р. Хасбулатовым ко мне подошел депутат ВС РФ адмирал Шалатонов и предложил проехать на Старую площадь. Собеседников двое. Серьезные, если не сказать больше, должности в «силовых» структурах. После разговора, как всегда, о ситуации в Севастополе последовало: в Севастополе в результате массовых выступлений блокируются украинские государственные органы, срываются украинские флаги, происходят стычки с милицией. И в этом противостоянии с действующей властью жертвами оказываются несколько офицеров ЧФ. Командующий флотом вводит военное положение в городе и, когда порядок наведен, передает власть городскому Совету. Все это должно произойти максимум в течение суток. «Виктор Михайлович, вы готовы присягнуть России?» Я хорошо знал позицию министра иностранных дел России Козырева по этому вопросу. Был уверен, что и Ельцин никогда бы не сделал такой шаг, потому что лодку раскачивал Хасбулатов, который был политическим противником президента России и которого он терпеть не мог. «А он знает?» - спросил я и устремил свой взгляд к потолку. «Еще нет». – «Тогда я хочу знать его мнение. После и поговорим». План радикального перехода Севастополя в Россию был готов уже в 1993 году.

Главная задача Горсовета была сформировать бюджет, по которому будет жить город в 1993 году. Источники его наполнения – предприятия, коммерческие структуры, дотации из республиканского бюджета. Доходной части бюджета не хватало даже для покрытия минимальных расходов. А председатель Совета должен был быть арбитром при его распределении, причем справедливым. А как быть справедливым, если закрываешь одну «дыру» – обнажаешь другую. Надо было четко разобраться в структуре работы городского хозяйства, социальной сферы города. Времени для принятия нового бюджета оставалось мало. Приходилось учиться на ходу. Значительную часть своего времени тратил на ознакомление с работой промышленных предприятий, предприятий аграрной сферы. Не забывал посещать и объекты медицины, образования, науки. В качестве «конспектов» использовал партийные архивы по программам социально-экономического развития города.

Сохранившаяся со времен Советского Союза «вертушка» – правительственная связь, давала возможность общаться как с руководством вновь созданных государств, так и с их региональными лидерами. Абсолютное большинство поздравлений с избранием и приглашением с пожеланием о сотрудничестве поступило, как я и ожидал, из России. Первым позвонил А. Собчак, дальше пошли звонки от председателя Моссовета Н. Гончара, Б. Немцова из Нижнего Новгорода... Поездки в города, где городское хозяйство строилось уже по другому, где появлялись интересные методы решения городских проблем и люди, мыслящие по-новому, приносили большую пользу. Думаю, что уже к середине 1993 года у меня четко вырисовалась картина развития города. Я видел, как можно использовать его уникальные возможности. Главной своей задачей считал наполнение городского бюджета и приведение в город инвестиций. Но для этого надо было начинать жить и работать по-новому.

Но руководители севастопольских предприятий — «красные директора», как я их называл, сами жили неплохо и что-то менять в своей жизни и работе не хотели. Проще было в развале своих хозяйств винить распад Союза, «систему» и так далее.

Город задыхался от дефицита электроэнергии, она подавалась в течение дня строго по графику по районам. Сложность была и в том, что при минимальном лимите электроэнергии, получаемой Севастополем, в городе были военные объекты, как, к примеру, станция предупреждения от ракетного нападения (СПРН), которые буквально «жрали» ее, но отключать их было запрещено.

Бывший с 1960 года по 1972 год директором «Севморзавода», продолживший свою карьеру в Москве заместителем министра судостроительной промышленности, затем заместителем председателя Госплана СССР, а теперь гражданин Бенилюкса С. Виноградов, проживающий в Люксембурге, позвонил мне и предложил встретиться в Москве. Сергей Сергеевич «сделал» за границей хороший капитал, владел банком, и всегда утверждал, что в душе остается севастопольцем. Конечно, в его предложении преобладала коммерческая составляющая, но он был первым, кто готов был рискнуть своим капиталом. «Виктор Михайлович, я в долгу перед городом, который дал мне путевку в жизнь. Хочу довести до ума объект «Крот», что у вас в Малом Инкермане. Как помню, его готовность где-то процентов двадцать пять. Закуплю дизель генераторы. Электроэнергии хватит и Севастополю и для продажи. Денег сколько надо столько и вложу. Передайте мне проект и техдокументацию. Подготовлю бизнес-план. Тогда и примем решение». Под грифом «СС» (совершенно секретно) объект «Крот» представлял электростанцию, находящуюся глубоко в скальной части горы на спуске к Малому Инкерману. С воздуха взорвать ее было невозможно. Объект начал строиться в качестве резервной крымской электростанции еще при Сталине, но в дальнейшем его строительство было заморожено. В то время объект находился на балансе Севастопольской ТЭЦ, а техдокументация хранилась в опечатанном сейфе в кабинете ее директора Алтухова.

Алтухов сослался на закрытость документа. Я спросил: «Чей гриф?» – «Минобороны СССР». – «Давай я позвоню Грачеву, он тебе даст команду». – «Нет, документы я вам не дам». Так и продолжал Севастополь еще долгое время жить в темноте.

Радиозавод «Муссон» – предприятие военпрома. Нет госзаказов. А на изготовленную уже продукцию нет спроса. На меня «выходят» южные корейцы – «Самсунг». Изучив возможность предприятия, с одной стороны – профессионализм, с другой – дешевая рабочая сила, предлагают заняться сборкой телевизоров знаменитой марки из поставляемых комплектующих. Директор завода Зыков. «Вы что, мы высокотехнологичное производство. Мы единственные в СССР выпускали радиобуи... А вы хотите нас загнать в «отверточное» производство?»

На территории совхоз-завода «Садовод», специализирующегося на выращивании фруктов, преимущественно яблок, был заложен фундамент под строительство цеха по производству консервированных компотов. На большее не хватило денег. В России искал спонсоров. Оказалось, что гораздо более выгодным является строительство цеха по производству яблочного порошка, необходимого для производства различных соков. И это очень продаваемый товар. Приехали заинтересованные люди из Москвы с чемоданом денег оформить сделку. «Садовод» утопал в яблочных садах. Появились бы новые рабочие места. Поехали в совхоз, переговорили с его председателем Ф. Куликовым. Договорились о встрече у меня на следующий день, но где-то за час до встречи для оформления договора появляется Федор Федорович. Мнется. Спрашиваю, что случилось. «Народ против». – «Почему?» – «Это будет не наше». Сказал ему: «Ты путаешь понятия. Не «не наше», а не твое».

Минск. Гостиница. Ко мне в номер заходит глава президентской администрации Лукашенко Мясникович. «Достал бутылочку шампанского. Разопьем?» – «Почему достал? Это что дефицит?» Оказалось, что минский завод шампанских вин не работает из-за отсутствия сырья – виноматериалов. У нас же совхоз-завод «Золотая балка» «стоит» затаренный – нет сбыта. Белорусы готовы были

брать, но только виноматериалы для запуска своего завода. Но директор «Золотой балки», депутат Горсовета В. Силаков заявил, что сырьевым придатком для белорусов он не будет. Процесс забивания киянками пластмассовых пробок в бутылки, наполненные довольно качественным напитком, с дальнейшим отправлением на склады продолжился. Изготовлению качественного продукта благоприятствовала почва виноградников «Золотой балки». Со времен Хрущева сохранился «Домик виноградаря», где демонстрировались в тубусах срезы почвы местных виноградников и почвы виноградников французской провинции Шампань. Почти что аналогия. И такие случаи были не единичны в городе.

Справедливости ради надо сказать, что были в городе и руководители новой формации. К таким можно было отнести генерального директора «Югрыбхолодфлота» В. Андреева, которому благодаря кооперации с греческим магнатом Ласкаридисом удалось не только сохранить, но и развить компанию, находящуюся на плаву и по сегодняшний день. Несколько раз приходилось ездить в Лондон в ЕБРР – гарантом получаемых кредитов был город.

На первый взгляд было странно, что позиция «красных директоров» поддерживалась главой исполнительной власти города И. Ермаковым. Хотя почему странным? Главной задачей у него в то время было не создание благоприятных условий для развития экономики города, а предоставление преференций только для одного человека, бывшего культработника, начавшего в Севастополе свой бизнес с продажи цветов С. Шурыги. Получив из неизвестных источников, «службы» утверждали, что это были партийные деньги, сменив фамилию на Кондратевский, Шурыга вкладывал их в наиболее выгодные проекты, часто выходя за рамки правового поля. От тюрьмы его спасало попустительство контролирующих органов, курируемых И. Ермаковым. Город грозил превратиться в удельное княжество Ермакова – Шурыги. Имидж Шурыги (читай Ермакова) создавался благодаря его различным благотворительным акциям: бесплатной раздачей хлеба неимущим, различными развлекательным мероприятиям. К ним можно отнести приезд в город А. Пугачевой вместе со

своим бойфрендом С. Челобановым и мега-шоу на сцене, вынесенной на морскую акваторию возле Памятника затопленным кораблям - «Звездный прибой», с участием почти всех звезд еще советской эстрады. «Добрые дела» сладкой парочки освещала выпускаемая Шурыгой газета «Вечерний Севастополь», номера которой доставлялись в почтовые ящики севастопольцев бесплатно. Но апогеем воровства стала созданная при содействии благочинного севастопольского округа отца Георгия их личная копилка – Церковный банк, разоривший ни одну тысячу севастопольцев. Ермаков предлагал мне положить доллары под триста процентов годовых! А когда я сказал, что их у меня нет, он предложил их занять у Сергея Михайловича. Благодаря своим «каналам» мне было известно, что большинство городской «элиты» является вкладчиками банка. За счет вкладов населения банк являлся спонсором сомнительных сделок «отцов города». Но было абсолютно ясно, что банк создается под выборы, после которых он должен был лопнуть, что и случилось. Банк оказался банкротом, образовав по севастопольским меркам, огромную группу людей – обманутых вкладчиков. Правда, «элита» не пострадала.

Противостояние Горсовета с администрацией, а меня с Ермаковым усиливалось. Наше терпение закончилось, когда администрация похоронила городской проект, привезенный мною из Москвы - проект сотрудничества с мощным в то время российским концерном «Олби». Смысл его заключался в том, что город передает ему в аренду с правом выкупа часть магазинов. Таким образом решался вопрос дефицита продуктов и товаров, но главное, что прибыль согласно договоренностям оставалась в городе и являлась инвестициями в другие городские проекты. При этом собственность оставалась в руках администрации. И тогда на декабрьской 1993 года сессии Горсовет принял решение о создании фонда коммунального имущества города. «За» проголосовал 101 депутат, необходимый минимум, при котором могло быть принято решение. Ермаков не верил своим глазам и несколько раз сам пересчитывал бюллетени, ведь голосование было закрытым. Насмарку пошел его «труд» по переубеждению депутатов. Ведь перед сессией он пытался переговорить чуть

ли не с каждым. Об этом я могу говорить не понаслышке. У нас в Горсовете, кроме меня, был еще один депутат офицер-однофамилец. Накануне сессии секретарь Ермакова, видно по ошибке, набрала меня и сказала, что со мной хочет переговорить Иван Федосович. Спросил, по какому вопросу? Последовал ответ: «По образованию фонда». — «Соединяйте». Не дав Ермакову в трубку промолвить и слова, сказал: «Иван Федосович, ты хочешь попросить меня голосовать против образования фонда коммунального имущества города или просто ошибся номером? Не теряй времени». Даже по телефону почувствовал его смущение.

Собственность города перешла в руки Горсовета, как и земля, право распоряжаться которой по конституции ему и принадлежало. Ну и с землей разобраться было не так-то просто. Горсоветом было принято решение о проведении земельной реформы и развитии садоводства и виноградарства. А выделение земельных участков могло стать хорошим подспорьем в жизни севастопольцев. Дал задание земельному отделу разобраться со свободными землями, которых, как оказалось, вроде бы и не было. Решение пришло неожиданно. Военные тоже были не прочь получить участок для ведения садово-огороднического хозяйства.

После Великой отечественной войны город был полностью разрушен. Только несколько домов подлежало восстановлению. Город надо было строить заново. По сталинскому плану восстановление города было поручено наркоматам (министерствам), имеющим до войны на территории Севастополя свои предприятия. Им выделялись земли и финансирование для восстановления производства, а также для строительства жилья и объектов социальной сферы. Таковы были мои познания по послевоенной истории жизни города. Предметно этот алгоритм подтвердился, когда после обращения командующего ЧФ адмирала Балтина в Горсовет о выделении земельных участков военнослужащим, мы в его кабинете рассматривали послевоенную карту земель Севастополя. Карта под грифом «секретно» имела довольно интересный вид: городской холм, берег

Севастопольской бухты, Херсонес, Кача... – земли ЧФ, «Корабел-ка» – наркомат судостроительной промышленности, «Камышовая» – наркомат рыбного хозяйства... Но что самое интересное, почти вся остальная территория, кроме земель сельскохозяйственного предназначения – земли резерва наркомата обороны.

Договорились о схеме. Балтин обращается лично ко мне в письменной форме, отказываясь от определенного участка земли, как невостребованного ЧФ. Вообще, Балтин говорил, и это несмотря на то, что был назначен двумя президентами Украины и России, что такого государства как Украина не существует. «Тебя, Михалыч, признаю, потому, что ты избран севастопольцами». Он все время отделял Севастополь от Украины. «Ненужную» ЧФ землю Горсовет распределял с гарантированным отведением определенного количества земельных участков военнослужащим.

Гордился я и схемой по распределению земельных участков, которую предложил в контексте с политикой открытости и гласности при избрании меня председателем Горсовета. Создавалась комиссия с широким привлечением общественности, которая отбирала «счастливчиков» из списка кандидатов. Списки желающих для обозрения вывешивались в вестибюле Дома политпросвещения, где проходили сессионные заседания Горсовета. Окончательное решение принимала сессия, причем при рассмотрении этого вопроса могли присутствовать все заинтересованные в получении участков лица.

К такому решению я пришел, поскольку на себе, будучи председателем профкома института, испытал, как можно получить земельный участок для институтского садово-огороднического товарищества. Приходилось расплачиваться «натурой»: контрольными работами для зочников, сдачей курсовых работ, зачетов, экзаменов. А в день моего избрания, возвращаясь вечером домой, встретил курящую возле подъезда с запахом спиртного соседку с первого этажа. Она работала в земельном отделе администрации города. «Виктор Михайлович, так деньги теперь вам отдавать?» — «А кому раньше отдавали?» — «Ермакову». Не стал ее «разочаровывать»: «Разберемся». А когда на следующий день пошел знакомиться с управлениями,

отделами администрации, первым делом зашел в земельный отдел. Все сидели, не поднимая головы. Сказал: «Кто старое помянет, тому глаз вон. Забыли, что было вчера. Но, если я что-то подобное узнаю, кончится это для вас плохо. А сейчас продолжайте работать». Не уверен, что все после этого стали ангелами. Но уже во вторую мою каденцию, особенно с приходом нового руководителя Куценко, управление превратилось в дееспособную единицу. Что только стоило проведение инвентаризации земель флота. Правда, она была «бумажной» — без «привязки» к местности, без выезда в расположение военных городков. Но это было уже что-то, что было использовано при оценке стоимости земли, передаваемой в аренду.

Гласность гласностью, но все же схему выделения земли Горсоветом пришлось скорректировать. Не учел я, что количество желающих получить участок было гораздо больше, чем самих участков, и, главное, ментальности советских людей – а почему не мне? Утверждение на сессии списков превращалось в воскресный день на базаре. «Обиженные», присутствующие на сессии, выливали кучу компрометирующих фактов к «получавшим». Кто-то оказывался плохим производственником, кто-то плохим семьянином. Доходило до парадоксов. Помню, кого-то обвинили, что в годы оккупации он сочувствовал фашистам. Но почин был сделан, и впервые после обретения Украиной независимости севастопольцы получили дачные участки.

За годы пребывания в должности я подписал не один десяток тысяч актов на право собственности, причем ни на одном из них не было ни моей фамилии, ни фамилии членов моей семьи, и даже дальних родственников. А жаль. И это сейчас, живя в Киеве, имея за плечами не один десяток прожитых лет, начинаешь понимать, что в то время совершил глупость. Так сейчас говорят моя жена, дети и, наверное, будут говорить пятеро внуков. Я, правда, уже по возвращении из загранкомандировки обращался и к председателю Совета В. Саратову и к главе администрации С. Куницину с просьбой выделить мне участок где-то поближе к берегу моря. Они не возражали и даже выделяли, хотя было решение о выделении участков

только жителям города. Но из-за жесткого противостояния между ними каждый своим решением «хоронил» решение другого. Но хуже другое. Бесправие севастопольцев, оказавшихся в российской структуре власти. Поднимая архивные документы, обвиняя предыдущие украинские структуры, которые тоже были далеко не безгрешны в стопроцентной коррумпированности, теперешние чиновники могут «в интересах государства» забрать земельный участок, гараж и даже снести за его счет дом, построенный севастопольцем ранее, на основании того, что это земли министерства обороны или незаконно изъятые у ЧФ.

Город с советским менталитетом плохо воспринимал новшества. Особенно это касалось ветеранов. Мой отец, пенсионер, инвалид Великой отечественной войны, участник обороны Севастополя каждое утро направлялся к молочному магазину на углу улиц Большой Морской и Суворова, ожидая его открытия. И выстояв огромную очередь, не всегда приходил домой с покупками. День, когда он приносил домой молоко или кефир, считался удачным, а когда творог и сметану - очень. В то же время он был «прикреплен» к раритету советских времен, к так называемому ветеранскому магазину, где можно было купить практически все, что относилось к разряду остродефицитных товаров и продуктов. На прилавках лежала стильная мужская обувь, женские сапоги на пятнадцатисантиметровых «шпильках», сырокопченая колбаса, конфеты в коробках... И все это по достаточно доступным ценам. Колбаса была уже не по его зубам, сладости были запрещены врачами, но отец с гордостью (заслужил!) приносил домой палку колбасы, конфеты и скармливал их своей внучке и внуку, то есть моим детям. Для такой категории заслуженных людей, именно для их личного потребления, такие магазины были практически не нужны. После продолжительного довольно не простого разговора с Советом ветеранов Великой отечественной войны, сессия по моему предложению приняла решение о переводе работы сети ветеранских магазинов на коммерческую основу. Контроль над работой магазинов осуществлялся Советом ветеранов. Деньги,

заработанные на продаже дефицитных товаров, шли централизовано на закупку тех же молочных продуктов, которые по отработанной схеме мог гарантировано купить заслуженный ветеран. Причем для «закрепленных» предполагалась бесплатная доставка.

Сессия проводилась в большом зале дома политпросвещения на площади Восставших и всегда транслировалась по местному радио. Приняли это решение с большим трудом, и перед перерывом на вечернее заседание я поехал домой на обед. Через пять минут был уже дома. У дверей меня встретил отец. «Глянь мать, «гаденыш» пришел. Забрал у меня все, что я заслужил своим трудом, пролитой в боях за его же жизнь кровью». Что-то говорить ему было бесполезно. Он был человеком того времени, человеком сталинско-коммунистического воспитания. Отец часто служил для меня катализатором ветеранского мнения по принимаемым мною решениям. Его поколение прожило нелегкую жизнь, и обвинять его за другие взгляды на жизнь, отличавшиеся от моих, было бы просто кощунством. Я был благодарен отцу за мое воспитание. В нашей семье правда всегда ценилась выше, чем ложь. Отец приучил меня никогда не врать и полностью отвечать за свои поступки. И еще я благодарен ему за то, что он приучил меня даже в самых тяжелых ситуациях не опускать руки, преодолевать трудности. Как сейчас помню его слова: «Нет слова «не могу», есть слово «не хочу».

Он родился в Симферополе в многодетной семье. Своего деда по отцовской линии я не помню, он умер еще до моего рождения. Бабушка Поля была из крестьянской семьи. Ее я видел только перед отъездом нашей семьи в Ригу. Несколько дней жили у нее в довольно убогом домике на окраине Симферополя. Отец был младшим, шестым ребенком в семье. «Старшей» в прямом и переносном смысле была тетя Зина, с мнением которой братья считались до последних лет ее жизни. Из пятерых братьев с войны вернулись трое, что было для того времени по-божески. Отец пошел по стопам своего отца, моего деда, который работал машинистом паровоза. До войны отец окончил фабрично-заводское училище и начал трудовую

деятельность помощником машиниста на железной дороге. Далее был направлен на учебу в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, который окончил за год до начала войны. Получил назначение на работу заместителем начальника железнодорожной станции в Архангельской области. С первых дней начала войны, несмотря на имеющуюся «бронь» железнодорожника, обратился в военкомат с просьбой направить его на фронт. Но был направлен на учебу в Севастополь в училище береговой обороны имени Ленинского комсомола. И его первый ускоренный выпуск

встречал фашистов за селом Чистенькое на окраине Симферополя, где фактически начиналась первая линия обороны Севастополя.

Из истории училища... «30 октября весь состав училища был сведен в отдельный курсантский батальон и занял рубеж обороны в четырех километрах юго-западнее Бахчисарая.

31 октября батальон отражал сильные атаки вражеской пехоты, поддерживаемые авиацией, артиллерией и танками... Отличились в боях курсанты ускоренной подготов-

ки, особенно Н. Корнеев, Б. Моставчин, В. Кубарев, М. Семенов... 4-5 ноября батальон был переброшен в район Мекензевых гор».

Отец всегда брал меня на встречу собратьев по оружию. Они собирались 9 мая сразу же за селом Чистенькое, что под Симферополем, в местах, где раньше проходили бои. И я смотрел с восхищением на этих людей, которые с простейшими «трехлинейками» с примкнутыми штыками давали отпор до зубов вооруженным фашистам. Немец отбросил их под Севастополь на Мекензиевы горы. Там отец получил ранение и вместе с другими ранеными был эвакуирован на Кавказ в госпиталь. После выздоровления ему пришлось еще раз переучиваться.

Окончив школу штурманов, отец был направлен на фронт и всю войну провел в воздухе, будучи штурманом на корректировщике. А в конце войны его эскадрилья была переброшена на Дальний восток, где он и встретил победу в войне над Японией. Там же он познакомился с моей мамой комсомольской активисткой воспитанницей детского дома.

Семья деда по материнской линии жила в Москве на Краснопрудной улице. Дед работал в наркомате путей сообщения, бабушка – там же машинисткой. В 1937 году деда забрали в «Бутырку», где в декабре того же года расстреляли. Бабушку отправили в лагеря, детей — маму и тетю Аллу — в детдом. Я и до сих пор не представляю, как это могло случиться в те времена, чтобы сложился брак ревностного коммуниста, в дальнейшем замполита полка, и члена семьи изменника Родины (ЧСИР). Правду о дедушке, можно сказать вкратце, бабушка рассказала уже после того, как пришли документы об их

с дедушкой полной реабилитации. Но еще больше о нем я узнал, когда работал в Санкт-Петербурге. Через знакомых «силовиков» мне удалось ознакомиться с «делом» моего деда Г. Дорофеева, которое запросили питерские «фээсбешники» из Москвы. Правда, снять копию с него мне не позволили. Бабушка, которая оказала большое влияние на мое воспитание, была с отцом в натянутых отношениях. Думаю, что отец, быстро «растущий» после демобилизации по партийной линии, препятствовал бабушке инициировать обращение в различные высокие органы с целью восстановления справедливости.

Рига. 1953 год. Пора идти в школу.

Через несколько дней после принятия, как мне казалось, «эпохального» решения сессии о ветеранских магазинах, мне позвонил главный редактор «Славы» В. Иванов: «Виктор, отменяй свое решение. Меня замучили звонками, завалили письмами. Не иди против ветеранов. Они - твоя поддержка».

Казалось, что теперь, когда к праву распоряжаться землей Горсовету добавлялось и право распоряжаться коммунальной собственностью, а администрации, как я говорил Ермакову, оставалось только вывозить мусор, больше нет препятствий для принятия конкретных решений в интересах города решений. Но на деле принятие решений двумястами депутатами оказалось не менее сложным. 101 голос «за» становился практически недосягаемым. И вместо попытки разобраться в нюансах и принять действенное взвешенное решение по способу наполнения бюджета, взаимодействию с флотом, решению экологических вопросов, водоснабжения... нормой в работе Совета стали обращения к президентам, спикерам парламентов, руководителям правительств. И хотя отдельные заявления были не лишены смысла, уже тогда мне стало ясно, что Совет в таком количественном составе в политизированном городе просто недееспособен. И с «божьей помощью» председателя Верховной Рады И. Плюща и его первого заместителя В. Дурдинца в законодательство были внесены изменения, позволяющие ограничить состав Горсовета, следующего 22 созыва, 75 депутатами.

Интересно складывались отношения с этими двумя руководителями Верховной Рады Украины, кстати, единственными с украинской стороны, кто поздравил меня с избранием председателем Горсовета. Следует отметить, что на встречах с Собчаком, в дальнейшем с Лужковым, не говоря уже о Хасбулатове, у которого даже в телефонных разговорах чувствовался апломб, я ощущал глубокое уважение ко мне как к руководителю небезразличного для России Севастополя. Но все равно чувствовалось какое-то высокомерие с их стороны. Иначе выстраивались отношения с украинскими руководителями. Буквально с первых встреч с ними сложились, несмотря на мои пророссийские по украинским меркам настроения, отношения, основанные на взаимопонимании, доверии и самое главное на взаимном уважении. Эти два больших политика никогда не показывали своего превосходства на встречах со мной. Разговор шел всегда как равный с равным, что входило у меня в привычку в общении

со старшими по положению. Это дало мне возможность сформироваться как политику, понимающему значимость своей должности и позволяющему говорить с президентами, премьер-министрами и с другими высокопоставленными особами без излишнего чинопочитания, коленопреклонения, с чувством собственного достоинства. Говорить то, что есть на самом деле, а не то, что они хотят услышать. Примером наших отношений может служить и первая при моем «мэрстве» встреча с В.В. Дурдинцом во время его приезда в город. После рассмотрения его программы пребывания, посоветовал Василию Васильевичу на встречах с севастопольцами говорить только по-русски. Так он и поступил. Его же предложения всегда были взвешены, продуманы. Несмотря на различие в политических взглядах, знал, что к нему всегда можно было обратиться за советом, который никогда не пойдет во вред городу.

А частые встречи с Иваном Степановичем Плющом стали нормой. На них мы обговаривали ситуацию не только в Севастополе, но и в Крыму. Каждая встреча — особая история... Захожу в кабинет, выходит из-за стола, здороваемся. Улыбается.

- Слушай, вот мне почти все говорят, что ты уже одной ногой стоинь в России
- Какой, Иван Степанович, той, на которую хромаю? спрашиваю, тоже улыбаясь.
- А я говорю, что ты просто мудрый человек и хочешь с двух цицек сосать, потом после паузы мне на ухо и шепотом. Только ни в той, ни в другой \dots нет.

Много времени занимало обсуждение крымских событий. Кажется, откуда мне, представителю другого региона, известны подробности с «кухни» Верховного Совета автономной республики Крым. Дело в том, что с целью придания весомости ВС АРК и лично его председателю, бывшему партийному соратнику Н. Багрову, президентом Украины Л. Кравчуком, вопреки законам Украины и даже здравому смыслу, был подписан Указ о включении двадцати восьми депутатов Севастопольского городского Совета в состав депутатов АРК. Так я стал депутатом первого созыва ВС АРК. Это был абсурд.

За все время участия в сессионных заседаниях ВС, кроме одного вопроса, касающегося изменения административных границ АРК и Севастополя – передачи ему села Вишневого, остальные не касались Севастополя даже косвенно. Двадцати восьми «болванчикам» из Севастополя было все равно, как голосовать, что позволяло Багрову принимать «нужные» решения. Уже став председателем Горсовета, часто сталкивался с такими просьбами Багрова: «Виктор Михайлович, не хватает кворума. Сессию перенес на 14 часов. Привези своих депутатов».

И. Плющ в отличие от президента, который в принятии решений по Крыму почти всегда безоговорочно соглашался с идеями Багрова, больше поддерживал мое видение ситуации. Так Багров уговорил Кравчука ввести «институт президентства» в Крыму, уверяя, что выборы может выиграть только он. Злые языки из партийных кулуаров говорили, что такие отношения между ними сложились после того, как Багров, будучи первым секретарем Крымского обкома партии, якобы уступил вакантную должность секретаря ЦК КПУ Леониду Макаровичу. Я же уверял Ивана Степановича, что шансов выиграть у Багрова нет. «А вот Мыкола говорит президенту, что есть». Моя уверенность в проигрыше Багровым выборов президента Крыма усилилась после внеочередной сессии ВС АРК по событиям, связанным с ГКЧП.

Сессия приняла решение о сложении полномочий президиума и формировании новых руководящих органов ВС. Будучи опытным партаппаратчиком, Багров сразу же поставил вопрос о доверии к себе, как председателю ВС... На должность своего первого заместителя он предложил коллегу по прежней партийной работе экс-первого секретаря Симферопольского райкома партии Маслова. Однако в процессе обсуждения кандидатур зал все больше склонялся к кандидатуре лидера республиканского движения за республику Крым (РДК) Ю. Мешкова. Когда обсуждение подходило к концу, вдруг замявшись, Багров решил «посоветоваться» с депутатами по поводу безымянного поступившего в адрес президиума сессии письма. Любопытство депутатов взяло верх, и, как всегда, дрожащими руками

он достал из конверта лист бумаги и прочитал. Это был грязный компромат на Мешкова. Далее было объявлено голосование. Результат стал заранее известен. Выбрали Маслова. Так, в лице Мешкова – до этого более-менее лояльного к власти лидера меньшинства, парламент получил в оппозиции жесткого, по многим вопросам не придерживающегося здравого смысла, хоть и имеющего юридическое образование, политика, пользующегося вдобавок поддержкой у крымчан.

Иван Степанович соглашался с моими доводами о неизбрании Багрова и рассказал мне притчу из своей жизни.... Когда был совсем молодым и работал в колхозе, его вызвал «голова» и попросил собрать группу молодых ребят и построить коровник. И когда строительство было закончено, у Плюща возник вопрос, а не стать ли ему главным по коровнику? С этим пожеланием он и обратился к председателю колхоза. И получил такой ответ: «Запомни, Ваня, той, хто щось будує, той ніколи цім не керує» (Тот, кто что-то строит, никогда этим не руководит). «А вы рассказывали этот случай Багрову?» – «Рассказывал. Он не соглашается».

Жизнь не раз и в дальнейшем сталкивала меня с Иваном Степановичем. Уже не будучи председателем Верховной Рады Украины, Иван Степанович с женой Светланой и дочкой Доминикой каждый год отдыхали в «Дюльбере». Так получалось, что время его отдыха совпадало с нашим. Мы приходили на пляж после завтрака, когда Плющ, проплавав час при любой погоде, или уже шел нам на встречу или собирался уходить с пляжа. И каждый раз, проходя мимо, говорил: «Светка, я ухожу, остаешься за старшую». Я вступал в игру: «Иван Степанович, оставьте хоть раз меня старшим». - «Нет, тебе еще рано. Светка старшая». На пляже любил играть в преферанс. Постоянным его партнером был В. Бортник, компаньон в жизни по бизнесу. Играл здорово, почти всегда выигрывал. В быту был мягким беззлобным человеком до беспамятства любящим свою дочку Доминику. Доминику его жена Светлана родила, когда по годам он мог быть уже дедом. Он ни дня не мог обойтись без дочки. Когда я работал в Питере, а он приезжал, став снова председателем Верховной

Рады, на межпарламентскую Ассамблею стран СНГ, то накануне позвонил мне и сказал, что берет с собой жену и дочку, и попросил, чтобы они два дня пожили у меня под присмотром моей жены. Свете он доверял. В своей жизни я не встречал такого человека, который мог бы моментально оценить ситуацию, причем часто с юмором, и принять взвешенное решение, в дальнейшем оказывающимся единственно верным.

Аэропорт Пулково. Семья Семеновых провожает председателя ВР Украины И. Плюща. 2001 год.

А что касается Багрова, то около полуночи в день выборов президента Крыма у меня дома раздался звонок правительственной связи. Плющ. «Виктор, мне звонил Кравчук и говорил, что по предварительным подсчетам голосов побеждает Мешков. Советовался, что делать. А ты как думаешь?» — «Выход есть. Найти причину и

отменить результаты, но это только оттяжка времени. Еще можно отменить «институт президентства», но Мешков поднимет весь Крым. Просто Багрову надо понять, что его эра кончилась».

Великий интриган Багров, стремясь узурпировать власть в Крыму, благодаря проведенному в январе 1990 года крымскому референдуму, согласно которому 90,5 процентов крымчан, участвующих в нем, проголосовали за воссоздание Крымской автономной социалистической республики в составе СССР, добился решения ВР Украины об изменении статуса Крымской области. При этом чтобы придать массовость и привлечь к голосованию севастопольцев, был поставлен и второй вопрос: «Вы за статус Севастополя как главной базы ЧФ, как города союзно-республиканского подчинения?» Следующим шагом Багрова по созданию обособленного крымского коммунистического ханства (это выражение я позаимствовал у одного из своих коллег) стало объединение интересов коммунистов и республиканского движения за республику Крым, разыгрывающих карту обострения украино-российских отношений под лозунгами о свободе, независимости, интернационализме. Да и финансирование РДК происходило за счет партийной кассы – «Импекс-55 Крым». При поддержке депутатов от РДК 5 мая 1992 года ВС АРК принимает Акт о государственной независимости Крыма, провозгласивший республику как независимое суверенное государство. Акт вступал в силу после намеченного на 12 августа референдума. Следует отметить атмосферу 5 мая вокруг здания ВС. Депутатам приходилось проходить через почти стометровый коридор бушующей толпы с угрозами в случае непринятия акта. А к концу заседания толпа увеличивалась, и проголосовавший «против» рисковал вообще не добраться до своего дома или гостиницы. И это при полном бездействии милиции. Поняв, что «заигрался», после того как «получил по носу» в Киеве (ВР Украины постановила до 20 мая отменить Акт), Багров привел конституцию Крыма в более менее удовлетворяющий Украину вид.

Багров стремился «подмять» под свое управление и Севастополь. Так его очередной идеей фикс стало административное включение Севастополя в состав АРК с перенесением столицы в Севастополь.

Ее он огласил в беседе «по душам» на одной из бывших партийных дач Крыма. На вопрос о моей судьбе, он сказал, что обговаривал ее на встрече с президентом. «Тебя изберут депутатом ВР, а дальше должность заместителя председателя». Но отдавать Севастополь я не собирался. Отшутился: «А как же принцип - сначала деньги, потом стулья?»

«Единомышленники» Н. Багров и И. Ермаков с «командующей» ЧФ О. Балтиной. На втором плане вице-премьер В. Шмаров и командующий BMC Украины Б. Кожин.

Николай Васильевич Багров был скользким человеком. Стуча себя в грудь за «незалежну» Украину в Киеве, в жизни проводил совсем другую политику. Вот как оценил командующий ЧФ адмирал Балтин ее суть, после того как рухнула в Крыму система «Мешков — Цеков». «Из-за своей амбициозности оба лидера за неделю перевернули все, что достигнуто ранее, способствовали утрате элементов государственности Крыма, которая создавалась в течение

нескольких лет ВС прежнего созыва и его председателем Николаем Багровым». Сверх цинизма считаю присвоение президентом Ющенко звания героя Украины Багрову.

Должность у меня была весомая, и поэтому неоднократно предпринимались попытки втянуть меня в крымские политические события. А они развивались параллельно севастопольским. И если политическая жизнь города была не партийной, то в Крыму идеологию политической жизни определяли партии. Политическими игроками на карте Крыма были коммунисты, РДК Мешкова, «Союз поддержки за республику Крым» (СПРК) Аптера, «Партия экономического возрождения Крыма» (ПЭВК) Шевьева, «Христианско-либеральная партия» (ХЛП) Поданева. И если последние две были «финансовыми», то первые три ставили целью создание самостоятельного государственного объединения — республики Крым. Наиболее перспективной была СПРК, опирающаяся на экономические структуры и региональных лидеров. Вот на организационный съезд партии в декабре 1992 года в Керчи меня и пригласил ее создатель Яков Аптер.

Обледенелая дорога позволила добраться до Керчи только под вечер, когда официальная часть съезда уже закончилась. К моему удивлению без меня, меня женили. Председателем партии был избран Аптер, а вторым номером партии, его первым заместителем, был избран я. Причем материалы о съезде уже ушли в СМИ. Имел серьезный разговор с Яковом. Объяснил, что негоже руководителю Севастополя, самостоятельной единицы Украины, быть вторым лицом в партии АРК. Да и севастопольцы, исходя из сложившегося разделения и соперничества с Крымом, меня вряд ли поняли бы. Аптер согласился и, несмотря на то, что многие делегаты уже разъехались, в узком кругу в результирующие документы съезда были внесены изменения. Моя фамилия из всех руководящих органов партии исчезла. Второе место в партии занял мэр Красноперекопска С. Куницин. Эта партия была сильна своим лидером и просуществовала недолго после гибели Аптера в автомобильной катастрофе под Симферополем. А политическая карьера Куницина продолжилась и была довольно успешной.

Была попытка со стороны партии Шевьева втянуть меня в кампанию по выборам президента Крыма. Как-то в VIP-зале аэропорта Симферополь «случайно» оказался Шевьев. Поскольку его партия хотела «войти» в Севастополь, договорились на следующей неделе в воскресенье встретиться в Ялте и обговорить варианты возможного сотрудничества. Разговор был продолжен на яхте. Пошли вдоль берега в сторону Медведь-горы. Когда в районе Артека проходили между двумя скалами, названными Близнецами, Шевьев спросил: «Вы знаете, что если, проходя между скалами, загадать желание, оно обязательно сбудется?» Сказал, что знаю. «Загадайте желание стать президентом Крыма». Разговор перешел в другую плоскость. Знал его финансовые возможности. Свою партию он построил благодаря деньгам, которые привез, перебравшись в Симферополь из Краснодарского края, и которые, по мнению «силовиков», имели чеченскую «прописку». Понял, что хочет включить себя в серьезную политическую игру. Мотивировка Шевьева по избранию меня президентом: первая - председатель Совета самого Севастополя и вторая - настоящий крымчанин. Детство провел там, где базировалась воинская часть отца – Бельбек, Кача, Саки, Евпатория. Школу закончил в Симферополе. Шевьев сказал, что, по мнению социологов, при хорошей раскрутке выборы выигрываются. Но думать мне было не надо. Сказал, что считаю свою должность выше, чем должность президента Крыма. И вообще, что такое Крым по сравнению с Севастополем?

Популизм работал. Политизированному городу политизированные решения Горсовета нравились. Обращения к «верхам» на пару дней успокаивали город. Но в очередное воскресенье эмоции снова выплескивались на площади Нахимова. Основная идея, которая витала над городом — неделимость флота и принадлежность его и города России. И все это, по мнению горожан, должен был подтвердить референдум, который обязан был провести Горсовет. К этому и призывал лидер все увеличивавшейся толпы А. Круглов. Организационным центром, проводимых Кругловым мероприятий, был

политотдел флота. Но подлинным центром идеологической борьбы за русский Севастополь стал Верховный Совет России, возглавляемый Р. Хасбулатовым. Связь осуществляла группа депутатов ВС с четкой периодичностью приезжающих в Севастополь. Наработанный правовым отделом ВС РФ и специально созданной группой ведущих российских правоведов материал не отрицал правомерность передачи в 1954 году Крымской области в состав Украины. Но в то же время утверждал, что Севастополь в 1954 году был отдельным субъектом – городом республиканского подчинения РФ, не входящим в состав Крымской области, что вообще-то соответствовало действительности, и поэтому Украине передан не был. Этот тезис стал раскручиваться ВС РФ с 1992 года, когда он принял решение о признании решения принятого ВС СССР о передаче Крыма в состав Украины, как не имеющим силы с момента его принятия. Материалы доставлялись мне из Москвы лично под номером спецпочты. Их другой экземпляр использовался лидерами будущего народного вече Севастополя.

Но людей на площади собирали не только «кругловцы». Некоторые решения украинской власти работали на ее негатив значительно плодотворнее идеологов из Москвы. Одним из таких решений было закрытие российских телеканалов и российского радиовещания. Первый российский канал для севастопольцев был единственным окном во внешний мир. Помню, приезжаю домой на обед, первый канал еще работал, смотрю, сидят родители перед телевизором и внимательно смотрят передачу о пенсиях. Говорю, что российские пенсии к вам никого отношения не имеют. Отвечают, а что смотреть, мы украинского не понимаем. Радио вместо привычного «Маяка» целый день транслировало «Проминь». Раздражали пенсионеров и аннотации на лекарства, написанные на украинском языке. Вся официальная документация стала приходить на украинском языке. Так с самого начала «незалежности» стала закладываться нелюбовь к украинскому языку, и, как следствие, ко всему украинскому. Правда, объединив усилия с представителем президента в Севастополе, убедили Кравчука, и документы стали приходить на двух языках.

В Киеве встретился с одним из прогрессивных киевских политиков, вдобавок обладающим приличным капиталом А. Зинченко. Переговорили о создании украинского русскоговорящего канала «Интер». Канал был в стадии организации. А проблема отсутствия русскозычного вещания буквально гнала людей на митинги, объединяла в стремлении в Россию.

Следует сказать, что слово «Севастополь» открывало дверь во все «провластные» кабинеты. По «вертушке» попросил соединить меня с руководителем первого российского канала С. Благоволиным. Рассказал о закрытии российского вещания. Услышал: «Приезжайте». На следующий день вылетел в Москву. Проблемы добраться до Москвы не было. Буквально каждый день с Качи на подмосковный «Чкаловский» летали транспортные самолеты Ан-12. «Транспортники», кроме выполнения непосредственных задач, служили средством сообщения с Россией военнослужащих ЧФ и членов их семей, которые размещались в транспортном отсеке самолета на откидывающихся скамейках. Была и «VIP-кабина» - помещение на четыре-шесть человек, примыкающее к кабине пилота, и отделенная от транспортного отсека фанерной перегородкой. Границы на первых порах не существовало, что позволяло бесперебойно перемещаться не только пассажирам, но и грузам. Так по моим договоренностям с Лужковым были обеспечены учебниками школы города. Вопросы доставки из России гуманитарной помощи я решал через командование ЧФ без всяких проблем. «Граница» появилась позже. И перед каждым взлетом и после каждой посадки к самолету выдвигалась из города группа украинских пограничников и таможенников. Но и после этого у меня не возникало никаких проблем.

Взлетели. То, что потом произошло, подтвердила народная мудрость — мастерство не пропьешь. Из кабины пилотов вышел полковник. Представился — командир полка транспортной авиации ВМФ России. Полк базировался в местечке Остров Псковской области. Вторым пилотом был стажер, для которого это был контрольный проверочный полет... Самолет шел на автопилоте. Я сел слева

на место первого пилота, полковник расположился через проход в кресле второго. Пили спирт из стаканов. Закуска — соленые огурцы. Трапеза затянулась до тех пор, пока второй пилот не произнес: «Товарищ командир, разрешите приступить к посадке». — «Ты что, такого человека везем». Я с учетом того, что выпито было много, робко предложил освободить место. Но полковник сказал: «Оставайтесь на месте, приступаем к снижению». Скажу честно, я сразу же протрезвел. Стало как-то не по себе, приземлялись в темное время суток, за иллюминатором сплошная облачность, земли не видно. Летать мне приходилось часто, летать я любил и считал это безопаснее, чем поездка на автомобиле. Но когда вдруг вынырнули фонари на посадочной полосе, внутренне напрягся. Летал я и потом много, но такой мягкой посадки у меня больше никогда не было. Момент касания с землей я не почувствовал.

Следующим утром был в Останкино, которое поразило меня своими размерами. Проговорили с С. Благоволиным часа два. Я рассказывал о Севастополе. Уже тогда я стал понимать, что уникальная закрытая незамерзающая бухта, считающаяся по международным понятиям третьей в мире после Гонконгской и Сиднейской по удобству, не заслуживает быть только придатком флота. Флот, хоть и считался «королевским», был далек от совершенства и отличался не техническим оснащением - качеством, а количеством. Так что демилитаризация бухты напрашивалась. Но отказаться от городской, да и не только городской аксиомы – неразделимости города и флота было подобно политической смерти. Поэтому в моей экономической программе развития города было не «город – главная база ЧФ», а «главная база ЧФ в Севастополе». Севастополь становился частью транспортного коридора – Великого шелкового пути, городом с развитой промышленностью и аграрным сектором. Добавлялось и новое направление в развитии города – международный туризм. Но для этого надо было открыть город...

В первой крымской войне погибло тридцать тысяч англичан, такое же количество французов, две тысячи триста граждан Сардинии.

Основные потери были под Севастополем в Балаклавском сражении. Историки утверждают, что во Второй мировой войне в сражениях под Севастополем Германия потеряла порядка сорока тысяч своих военнослужащих. Город представлял огромный интерес своим историческим прошлым гражданам этих государств, да и не только этих. Строительство национальных деревень-гостиниц в экологически чистом районе Севастополя, воспроизводящим быт их земляков в те времена и их посещение иностранными туристами должно было дать значительное увеличение доходной части бюджета города. Интерес к Севастополю подтверждал исторический факт. У. Черчиль во время знаменитой Ялтинской конференции попросил отвезти его в Севастополь. Хотел посмотреть и посмотрел место, где в Балаклавском сражении погиб его дед. Еще один подтверждающий факт интереса к городу. Встреча в Ялте с хозяином крупной немецкой туристической компании, которая владела современными лайнерами и организовывала круизы по всему белому свету. Встречу организовал по просьбе немца капитан Ялтинского морского порта А. Шапкин. Она произошла на борту бывшего советского суперлайнера «Иван Франко», проданного немецкой фирме. Основной контингент – немцы преклонного возраста. Однако круизы с заходом в Ялту уже перестали представлять коммерческий интерес. А вот возможные заходы в Севастополь представляли бы для его фирмы наоборот огромный интерес. Программа предусматривала и демилитаризацию Балаклавской бухты для международного яхтинга и создание в Севастополе специальных точечных свободных экономических зон... Предусматривалась и разработка проекта по строительству моста на Северную сторону через Севастопольскую бухту

После обмена мнениями Благоволин сказал: «Вы можете остаться на завтра? Я вам организую одну интереснейшую встречу, не пожалеете». Вопрос же о трансляции первого канала в Севастополе был решен мгновенно — «вы будете стабильно получать «картинку». Я предложил заключить договор. «Зачем вам платить деньги, обойдемся без договора. Сигнал — моя проблема. У вас могут возникнуть

проблемы при передаче сигнала по территории Украины, но там я вам не помощник, — потом после некоторой паузы, — хотя, если будет необходимо, помогу и там».

Проблем с получением сигнала не было, если не считать противодействия руководителя крымского телерадиопередающего центра (КТРПЦ), который получая сигнал бесплатно, требовал с меня предоплату за передачу сигнала на Севастополь. Немало он потрепал мне нервов, но, когда представился случай, поступил с ним также, поскольку выработал для себя правило: непорядочные поступки не могут оставаться без ответа. Это было уже после покушения. Прилетел в Киев. Встретил меня после выхода из самолета вооруженный «Титан». В микроавтобус попросил меня взять торопившийся в город, прилетевший со мной одним самолетом директор КТРПЦ. Выехали с аэропорта. Меня всегда встречали одни и те же люди. Люди, которые тебя охраняют, со временем становятся близкими. Сидели, разговаривали. Вдруг я сказал: «Знаете ребята, что человек, которого мы подвозим, регулярно пьет из меня кровь». - «Виктор Михайлович, что за проблема? Сворачиваем в лесок, заливаем в глотку бутылку водки и... покончил жизнь самоубийством. Так что, сворачиваем?» - «Сворачиваем», - сказал я и посмотрел на побледневшего директора. «Вы что, серьезно?» - «Пока нет, поехали быстрее, я тороплюсь». После этого разговоры о предоплате не возникали.

На следующий день Сергей Евгеньевич заехал за мной в гостиницу, и мы поехали в МГУ. В кабинете ректора Садовничего находилось еще два человека. Председатель Совета ректоров Москвы, фамилию его и институт, который он возглавлял, к сожалению, запамятовал, и, как представился — профессор Савин Алексей Юрьевич. Разговор о Севастополе, о его возможностях в моей трактовке опять занял более часа. «Ваша программа развития города интересна и, на мой взгляд, может претендовать на докторскую степень по экономике. У МГУ есть право присуждать докторскую степень по докладу и без утверждения Высшей аттестационной комиссии. Ознакомьтесь с общими правилами, и если надумаете и будете готовы, жду вашего звонка», — сказал Садовничий.

Но «докторскую» я так и не защитил. Поводом стал разговор с известнейшим украинским ученым-правоведом, который оказался попутчиком при полете в США. «Вы не представляете, насколько сейчас обесценены докторские степени в науке. Защищаются невежды, все кому не лень, и кто имеет деньги или должности. Полуграмотные недоучки. У людей полностью отсутствует чувство порядочности и совести». Уже будучи не рядовым человеком, не захотел, чтобы обо мне так же судили в ученом мире – ведь кандидатскую степень я получил по-настоящему...

Захватили с собой Савина и поехали обедать. За столом я услышал такое, чему невозможно было поверить. Доктор наук Савин возглавлял абсолютно закрытое научное учреждение, сотрудниками которого были люди с уникальными возможностями. Впоследствии, приезжая каждый раз в Москву, всегда старался найти время встретиться с этим удивительным человеком, конечно, если у него тоже появлялась такая возможность. Мне все казалось каким-то фокусом, и я не верил своим глазам, когда человек за закрытым иллюминатором самолета вдобавок с завязанными глазами говорит, что мы сейчас пролетаем. К примеру, шоссе, и какие машины под нами сейчас проезжают. Несмотря на свое присутствие, не верил своим глазам, считал это шарлатанством.

Май 1998 года. Готовлюсь к переезду в Киев. Дома разбираю малочисленный архив — бумаги, которые, как говорится, были только для личного пользования. Наталкиваюсь на папочку с вложенными в нее девятью листами. Фамилии и краткие характеристики персоналий. Удивительно, что характеристики практически на сто процентов совпадают с действительностью. А сам список пофамильно это люди, которые работали, а некоторые и сейчас работают во властных структурах города. Кстати, некоторых пришлось уволить по причине профнепригодности. Почему я тогда не принял информацию всерьез? Зову жену, послушай. Многих из списка она знала лично. Спрашивает: «Что это?»

Июнь 1994 года. Выборы выиграны. Теперь предстоит нелегкая задача: сформировать исполнительную власть в городе, создать профессиональную команду, ведь к должности председателя Горсовета добавилась и должность председателя горисполкома. Сложность по назначению заместителей председателя горисполкома заключалась в том, что их должна была утвердить сессия. Значит, предстоят политические торги. А назначение на все другие должности – моя прерогатива. Еще в процессе избирательной кампании, будучи уверенным в выигрыше, набросал со своим штабом список кандидатур руководителей управлений, отделов горисполкома.

Накопленная за время выборов усталость давала о себе знать, и хотелось куда-нибудь спрятаться, отдохнуть. К концу первой после выборов рабочей недели позвонил директору санатория «Россия» А. Крячуну, с семьей которого мы были дружны. «Приюти на субботу-воскресенье». - «Приезжай». Раздался звонок из Москвы - Савин. «Хочу тебе помочь. Где будешь в выходные?» - «В субботу уезжаю в Ялту в санаторий «Россия». - «Договорись о двух номерах. Я прилечу в субботу к вечеру, в воскресенье утром улечу». В субботу уже ближе к вечеру появился Савин с молодой женщиной. Сели в отдельном кабинете ужинать. «Я хочу помочь тебе в подборе кадров». – «Как это ты себе представляещь?» – «Напиши список кандидатур и направление, где ты собираешься их использовать». Привычка работать в выходные никуда не делась, поэтому, несмотря на усталость, взял с собой кое-какие документы. Сходил в номер, поднял черновики, набросал список. Вернулся к столу. Алексей передал список женщине. «Иди, работай». Договорились встретиться за завтраком в 9 часов, в 13.00 у него из Симферополя был самолет. Жена ушла спать, а мы с Савиным просидели на берегу моря часов до 2 ночи. Утром за завтраком мне передали несколько страниц печатного текста. Против каждой фамилии стояла краткая характеристика персоналий и резюме по их использованию. Бросались в глаза некоторые характеристики, иногда как то: жажда к стяжательству, завистливость, не может самостоятельно принимать решения... Против фамилии одной из женщин – слабость к мужскому полу.

Не вчитываясь, вернувшись домой, положил список к документам, где он и пролежал до упомянутого случая. А жаль...

Маршрут депутатов ВС России был накатанным. Прилет на Качу, штаб флота, визит ко мне и далее «в народ». Депутаты утверждали, что накопленный юридический материал достаточен для принятия закона о российском статусе Севастополя и намекали о необходимости моей встречи с Хасбулатовым. И летом 1993 года по приглашению Хасбулатова такая встреча состоялась. Нужно отметить, что встрече предшествовали его звонки по ВЧ с поздравлениями по поводу различных торжественных дат с обязательными вопросами о ситуации в городе. На встрече в Белом доме прямо был поставлен вопрос, как я отношусь к решению о российском статусе города, которое в ближайшее время будет принято на сессии ВС РФ. Понимая, что мой ответ буквально через несколько минут станет известен и не только в Севастополе, ответил осторожно:

- Украина никогда не признает такое решение.
- А вы лично?

Сказал, что я принципиально не против, но при определенных условиях.

- Каких? поинтересовался Хасбулатов.
- Со следующего дня после принятия решения финансирование начинает происходить из бюджета России, и городу выделяется стабилизационный фонд на закрытие первоочередных прорех, сказал я и положил ему на стол данные о задолженностях городских структур.
- Согласен, сказал Хасбулатов. Вы будете приглашены на сессию. Она состоится в ближайшее время.

9 июля 1993 года ВС России принял решение о российском статусе Севастополя. Несмотря на личное приглашение Руслана Имрановича, хорошо зная о противостоянии российского президента и ВС, понимая о невозможности его реализовать на практике, в какой бы форме оно не было бы принято, на сессию не поехал. Поехала большая группа севастопольцев, которую возглавил депутат

Круглов. Где-то в полдень пришло по факсу решение BC РФ о статусе Севастополя:

Верховный Совет Российской Федерации Постановление от 9 июля 1993 года №5359-1

О статусе города Севастополя.

Верховный Совет Российской Федерации, рассмотрев по поручению седьмого Съезда народных депутатов Российской Федерации вопрос о статусе города Севастополя, постановляет:

- 1. Подтвердить российский федеральный статус города Севастополя в административно-территориальных границах городского округа по состоянию на декабрь 1991 года.
- 2. Совету Министров Правительству Российской Федерации в кратчайший срок разработать государственную программу обеспечения статуса города Севастополя, дав соответствующие поручения министерствам и ведомствам; провести переговоры с Правительством Украины о городе Севастополе как главной базе единого Черноморского флота. В состав российской делегации на переговорах включить от Верховного Совета Российской Федерации народных депутатов России Воронина Ю.М., Амбарцумова Е.А., Пудовкина Е.К., Саенко Г.В., Селиванова А.Г., Чеботаревского Р.З., Югина В.А.
- 3. Центральному Банку России предусмотреть финансирование соответствующих статей бюджета города Севастополя через свои отделения.
- 4. Комитету Верховного Совета Российской Федерации по конституционному законодательству подготовить проект закона Российской Федерации о закреплении в Конституции Российской Федерации федерального статуса города Севастополя.
- 5. В целях недопущения политической напряженности просить Правительство Украины отозвать передислоцированные в район города Севастополя подразделения спецчастей.

Председатель ВС РФ Р. И. Хасбулатов

Через некоторое время раздался звонок – Хасбулатов.

- Виктор Михайлович, я вас поздравляю.
- С чем, Руслан Имранович, ведь мы с вами договаривались о другом? Пойдем по пунктам. Пункт 2. Как понимать? В кратчайший срок разработать государственную программу. И как понимать слово «кратчайший», если она, программа, должна появиться в результате переговоров с правительством Украины. Каких переговоров? Пункт 3. Нет конкретики. В какие сроки произойдет финансирование и через какие «отделения»? Где они? Сколько времени надо для реализации Постановления? А как жить городу завтра, послезавтра?
 - Виктор Михайлович, все будет хорошо.
- Руслан Имранович, решение чисто политическое и для жизнедеятельности города оно пустое, – сказал я и положил трубку.

Как я и ожидал, оценку решению дал президент России Б. Ельцин, который заявил, что ему стыдно за такое решение парламентариев. «Что я теперь должен воевать с Украиной за Севастополь?» – цитировали российские СМИ его слова. Сделал заявление и министр обороны П. Грачев: «Это скоропалительное решение приведет к противостоянию двух государств».

Эти заявления, последовавшие сразу за принятием решения ВС РФ, несколько остудили пыл севастопольцев. И хотя горожане в больше своей массе стали понимать, что сменить гражданство — это не замена наволочек на подушке, и то, что вещает в мегафон на площади Круглов, не реализуемо, несколько тысяч жителей города, взбодренные принятым ВС РФ решением, собрались на митинг на площади Нахимова. На митинге было принято решение о постоянно действующем на площади народном вече города. Был «избран» российский народный Совет города. При этом должны были быть спущены государственные флаги Украины над зданиями Горсовета и горисполкома, и выведены украинские войска из Севастополя. На встрече с Кругловым после митинга я спросил, зачем он все это делает, будоражит, обманывает народ: «Ты же превращаешься в попа Гапона!» В ответ получил: «Ты что не веришь в силу народовластия?» Причем в его словах было столько уверенности, что я

перестал понимать – то ли он действительно считает, что таким образом можно сменить власть, то ли просто за определенную мзду, включая и моральную поддержку, продолжает выполнять задумки определенных лиц из Москвы.

Для Украины создавалось впечатление, что, кроме раздела флота, других вопросов по Севастополю не существовало. Хотя, слава Богу, финансирование города за счет теперь уже государственного бюджета продолжалось. Малочисленные статьи в центральных украинских СМИ симферопольской радикально националистически настроенной журналистки Т. Коробовой с призывами изгнать ЧФ из Севастополя, заявления министра обороны Украины К. Морозова, его окружения, выступления отдельных депутатов ВС Украины, что флот полностью должен принадлежать Украине, были для жителей материковой ее части второстепенными на фоне их ухудшающейся жизни. Зато негативно воспринимались крымчанами и особенно севастопольцами.

Масла в огонь противостояния Украине подлил «поезд дружбы» с Западной Украины. Не помню уже сколько вагонов - шесть или восемь, с «хозяевами» Крыма и Севастополя, прибывших в Крым, должны были, по их мнению, показать единство Крыма и Севастополя с его родным государством Украиной, не думая о том, что их визит будет трактоваться, как приезд врагов всего советского народа - «бандеровцев». Такое мнение о жителях западной Украины подспудно закладывалось в сознание жителей России и, соответственно, жителей Крыма и Севастополя после второй мировой войны. Я был в курсе о намерениях депутата ВР Украины С. Хмары посетить Крым и Севастополь, но звонок из Симферополя, что «поезд дружбы» вышел из Симферополя и направляется в Севастополь, вызвал некоторую растерянность. Найти руководство Украины по телефонной связи не удавалось. Посоветовавшись с руководителями «силовиков» В. Кунцевским и В. Белобородовым, принял решение остановить поезд на административной границе с АРК на станции Сирень. Поскольку город был «закрыт», и проезд на его территорию

осуществлялся по спецпропускам, въехать в него можно было только при их наличии. Это не касалось депутатов ВР Украины, за которыми был направлен транспорт. И уже через некоторое время имел счастье встретится с буквально ворвавшейся в мой кабинет группой депутатов, гневно пытавшихся мне объяснить, «кто я такой». Несколько успокоившись, Степан Илькович отбыл в штаб ВМС Украины. Позже узнал, что добравшись транспортом до площади Пушкина (теперь Суворова), группа депутатов, развернув украинскую атрибутику, направилась пешком к зданию Горсовета. Предусмотрев заранее возможные провокации, поручил начальнику милиции обеспечить безопасность перемещения депутатов во время их пребывания в городе. Также попросил командующего ЧФ адмирала Балтина соблюдать выдержанность его подчиненных во время «визита» Хмары.

И в дальнейшем мне приходилось сталкиваться с Хмарой в стенах ВР. Запомнился один случай уже после моего повторного избрания. Обессилив от попыток на всех этажах украинской власти, включая президента, открыть украинскую школу в Севастополе, он подошел ко мне и сказал, что он понял, кто в городе хозяин, и что если я захочу, то украинская школа в городе будет открыта. Ответил жаль, что это он понял только сейчас, и что со мной лучше дружить, чем враждовать. Пообещал, что если у севастопольцев будет потребность в такой школе, то откроем. Школу с украинским языком обучения мы открыли. Она просуществовала лет пять, и потихоньку умерла из-за не наполняемости классов. А «поезд дружбы» надолго остался в памяти крымчан.

2014 год, февраль. Многочисленная толпа у здания ВС АРК бурлила в противостоянии крымских татар и пророссийских активистов. В толпе, откуда ни возьмись, пошли слухи, что к Симферополю приближается поезд с «Правым сектором». Прямо на площади стали образовываться отряды самообороны. У некоторых откуда-то появилось оружие. Отряды самообороны выдвинулись на вокзал, чтобы противостоять «бандеровцам». Поезд действительно пришел.

Вышли обыкновенные пассажиры. Никакого ни «правого», ни «левого» сектора среди них не было.

А тогда визит украинских депутатов не прошел бесследно и получил свое продолжение во время приезда в город вице-президента России А. Руцкого. Следует сказать, что вхождение в высокие кабинеты России позволяли устанавливать личные контакты с обращением в личных встречах на «ты». Особенно это становилось нормой в обращениях с военными... Как-то раздался звонок от Руцкого:

- Хочу тебя известить, что прибываю в Севастополь.
- Понятно, говорю. У меня к тебе просьба. Командующий флотом командующий флотом, но флот базируется в городе, а в городе есть власть, ее надо уважать.
 - Ну, так поэтому я тебе и звоню.
- А я тебя поэтому и прошу перед заездом к Балтину загляни на минуту ко мне.
 - Нет проблем...

Послал своего заместителя на Бельбек. Но договоренности не сработали. Как доложили, восторженная толпа севастопольцев остановила кортеж на площади Пушкина, окружила вышедшего из машины вице-президента, после чего он сел в машину и направился прямо в штаб. Приблизительно через час раздался звонок. «Я на даче командующего, приглашаю на ужин». — «Но ты не выполнил обещание». — «Приезжай, я тебе все объясню». Ужин он начал с возмущения по поводу листовки, которую ему вручил на площади ктото из севастопольцев. На листе формата А4 был изображен контур Крымского полуострова со словами на украинском языке: «Крым будет либо украинским, либо безлюдным». Это было издание львовской газеты «Высокий замок». Позиция Руцкого была проста — весь флот — российский, как и Севастополь.

Наши отношения были продолжены и после того, как он, «отбыв» наказание, был назначен губернатором Курской области. Как память о наших взаимоотношениях остался договор о сотрудничестве между Севастополем и Курской областью.

ГУБЕРНАТОР

КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

305002, г.Курск, Красная площадь, Дом Советов Тел.: (071-22) 2-62-62 Факс: (071-2) 56-65-73

I4.04.98 № OI-I9/I95

335000 Украина г. Севастополь, ул. Ленина, 2 Председателю Севастопольской городской государственной администрации Украины Семенову В. М.

Уважаемый Виктор Михайлович!

С чувством глубокого удовлетворения подписал Протокол о намерениях взаимного сотрудничества в области экономики, торговли, культуры и спорта между администрацией Курской области и Севастопольской городской государственной администрацией и направляю его в Ваш адрес.

Уверен, что подписанный документ внесет свою лепту в укрепление исторических связей двух братских народов, а тесное, взаимовыгодное сотрудничество между нашими территориями будет отвечать коренным интересам жителей регионов.

С уважением и наилучшими пожеланиями

А. Руцкой

Если чуть ли не каждый второй житель города прямо или косвенно связан с ЧФ, то волей-неволей приходится не только общаться, но и координировать свои действия с его командующим. После событий ГКЧП командовать флотом был назначен И.В. Касатонов, продолжатель «династии» адмиралов Касатоновых. Практически с первых дней своего командования он занял непримиримую позицию по отношению к Украине – флот неделим и принадлежит России. Правда, существовала и другая версия. Я лично слышал ее, когда стал уже вхож в высшие кабинеты власти в Киеве, от людей с большими звездами на погонах. В первый период после беловежских событий, в период неразберихи при дележе вооруженных сил Игорь Владимирович был в Киеве на одном из военных совещаний и, якобы, в течение нескольких дней ожидал предложение Кравчука возглавить флот под эгидой Украины. Честно говоря, я слабо в это верил, хорошо зная Касатонова, свято считавшего, что военную присягу принимают один раз в жизни. В командовании был жестким. Прославился и тем, что чуть не развязал в городе военные действия, когда после диаметрально противоположных апрельских 1992 года указов президентов по принадлежности ЧФ и начавшегося процесса принятия присяги отдельными военнослужащими на верность Украине, направил главкому Ф. Громову шифрограмму с просьбой разрешить для наведения порядка на флоте применить оружие. И получил ответ: «При необходимости, разрешаю». Очень гордился своим адмиральским званием и должностью командующего. Как-то на совещании в присутствии представителей двух государств я произнес, что конфликта можно было бы избежать, если бы я вызвал его к себе и переговорил с ним. Касатонов вскочил и, несмотря на то что всегда старался сохранять спокойствие, буквально заорал: «Вы, меня вызвать?! Меня - карьерного адмирала?!» Но, как правило, на официальных встречах и встречах на людях всегда показывал лояльность именно к городским властям, а не украинским, с которыми он вообще не считался. В Севастополе и Крыму Касатонов пользовался огромным уважением, и если бы принял участие в выборах президента Крыма, без сомнения выиграл бы их...

Уважение к городу и ко мне лично, как к городскому руководителю, сохранил, уже будучи заместителем главкома ВМФ РФ. В 1995 году он возглавил традиционный поход кораблей ЧФ по событиям гражданской войны в Бизерту. Был жаркий летний день. Утром в кабинете зазвонил телефон – Игорь Владимирович: «Сегодня начинаем поход. Отходим с «Минки» в 12.00. Прошу тебя благословить команду». Чуть опоздал. На сумасшедшей жаре на берегу были выстроены команды двух кораблей. Подошел адмирал. «Товарищ мэр, экипажи кораблей к выходу построены»... Поднялись в каюту, выпили по фужеру шампанского. Севастополь для военных моряков всегда оставался городом с большой буквы.

СЕВАСТОПОЛЬ 197226/53 112 29/7 0821=

жеру города-героя севастополя семенову в. ж. =

УВАЖАЕМЫЙ ВИКТОР ЖИХАЙЛОВИ4 ВОСК.ЗНАК.
ПРИМИТЕ МОИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ПРАЗДНИКОМ-ДНЕМ РОССИЙСКОГО
ВОЕННО-ЖОРСКОГО ≉ЛОТА ВОСК.ЗНАК.

BCEN ДУШИ ЖЕЛАЮ ВАМ, ВАШИМ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ ЗДОРОВЬЯ, C4ACTER VCHEXOB BOCK. SHAK.

PABOTAET GRADA NOTATE TO THE TENT OF THE T

ИМЕЕМЫЕ СОГЛАШЕНИЯ НАШИХ ПРЕЗИДЕНТОВ, ВЕКОВЫЕ СВЯЗИ И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ПОЛИТИКОВ ВСЕХ РАНГОВ ПОЗВОЛЯЮТ НАДЕЯТЬСЯ 4ТО РОССИЙСКИЙ ФЛОТ НА ФЕРНОМ МОРЕ И ЕГО ГЛАВНАЯ БАЗА УЖЕ СКОРО ВЫЙДУТ ИЗ КРИЗИСА ,НАЖДЕЖНО И ДОЛГО ПОСЛУЖАТ БРАТСКИМ НАРОДАМ.

СПАСИБО ЗА ВАЩ ТРУД И ЗАБОТУ О РОССИЙСКИХ МОРЯКАХ С ПРАЗДНИКОМ ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ ВОСК.ЗНАК.

BCEFAA BAW KACATOHOB. NOPT MECCNHA.

ПРИЖЕФАНИЕ: УКАЗАННЫЙ ТЕКСТ ПРОШУ ОПУБЛИКОВАТЬ В ГАЗЕТЕ "'СЛАВА СЕВАСТОПОЛЯ" 29.07.95.

0745

0824 02 197227 ≉лаг 02 197101/2 прл ПОЛУЧЕНО
"31 • 0 + 19595г
Вход. № 121

И такого же типа телеграмм с поздравлением по случаю знаменательных дат и касающихся меня лично в случайно сохранившейся папке не один десяток. Поздравления от первых лиц двух государств, руководителей православной церкви и вообще от людей, чьи имена были «на слуху». Все они начинались с теплых слов, обращенных ко мне. Но я прекрасно понимал, что эти телеграммы присланы мне не просто как личности, а как человеку, волей судьбы оказавшемуся во главе города — имя которого Севастополь.

На смену Касатонову прибыл адмирал Балтин. Оригинальным в его назначении было то, что поскольку флот согласно договоренностям между двумя государствами выводился из состава стратегических войск СНГ и становился общим, то и приказ о его назначении подписали два Верховных главнокомандующих, то бишь два президента. Чем всегда и «кичился» Эдуард Дмитриевич. Это относилось ко времени, когда исполнительная власть в Украине в лице исполкомов была преобразована в администрации президента. Глав администраций назначал лично президент с непосредственным ему подчинением. Мой ответ был простым: «Тебя назначили два человека, хоть и президенты, а меня избрал народ Севастополя, включая весь твой флот. Так что – равняйсь, смирно!» Балтин не обижался. Будучи до мозга костей убежденным коммунистом, власть он признавал.

Служба службой, но в остальное время благодаря его жене у нас сложились по-человечески чисто дружеские отношения. Оксана была его второй женой, первая умерла. Говорили, что с Оксаной он познакомился еще во время службы на Тихоокеанском флоте, проживая в гостинице, где она работала чуть ли не кастеляншей. Довольно эффектная блондинка сразу стала «строить» все командование ЧФ, показывая свою значимость. Могла во время праздничных мероприятий, которые проходили в Доме офицеров флота (ДОФ), занять место в президиуме, могла даже уволить офицера высшего командного состава. Свидетелем такого случая стала моя жена Светлана. Оксана не признавала себе равной из женщин в городе никого, кроме моей жены. «Мы с тобой, Светка – леди номер один в городе»,

— заявляла она. И каждый день «доставала» ее с предложением различных мероприятий. Моя жена работала на полставки, занималась воспитанием двух детей, времени на развлечения не оставалось, и она всегда нехотя отзывалась на приглашения Оксаны. Я же наоборот приветствовал такие встречи, потому что узнавал много интересного о внутренней жизни на флоте. Как-то поехав на пляж дачи командующего в Омеге с моей женой и застав там двух офицеров, Оксана в приказном порядке дала команду им покинуть пляж. «Оксана Михайловна, мы члены военного Совета и имеем право здесь находиться». — «Были членами, а сейчас нет, вы уволены». После рассказа моей жены на следующий день позвонил Балтину. «Да, подписал за несоответствие». — «Дмитрич, не делай глупости».

Еженедельные встречи в виде совместных обедов и ужинов проходили обычно по выходным дням на даче командующего, расположенной рядом со штабом флота. Дача представляла монументальный особняк сталинского типа из мрамора и лучших сортов дерева, в основном дуба. Это было место, как утверждал Балтин, причем единственное, где нас не прослушивают. Даже если встречи проходили в его кабинете в здании штаба флота в комнате отдыха, он давал команду своему порученцу Ивану натягивать на веревку на лоджии, куда выходила комната отдыха, мокрую простыню, которую он считал гарантированной защитой от прослушивания. Встречи эти в неформальной обстановке были для меня очень важны. Вспыльчивость и раздраженность на происходящие события и в то же время откровенность Балтина позволяли мне находиться в курсе позиций военной верхушки России. Надо было просто дать возможность Дмитричу выговориться. Информацию снизу дополняла жена, работающая на флоте. Все это было хорошим ориентиром для принятия многих серьезных решений. Кстати, когда Кучма стал президентом, я проинформировал его, что моя жена работает на ЧФ. «Ну и правильно, – сказал Леонид Данилович. – Свои тебя бы замучили просьбами».

На «закладке» дома. С адмиралом Балтиным и «правой рукой» Лужкова О. Толкачевым.

Санкт-Петербург, 1993 год. Адмирал Балтин и российская правозащитница, политический деятель Галина Старовойтова.

Начавший было тухнуть после безрезультативного решения ВС РФ о российском статусе города политический огонь, вспыхнул вновь после сентябрьской встречи двух президентов в Массандре. Это была уже моя вторая встреча с президентом России Б. Ельциным. А первая, чисто протокольная, касалась встречи российского президента на аэродроме Бельбек, прибывающего на переговоры с президентом Украины Л. Кравчуком в Мухалатку.

Прилету президентов предшествовал ряд событий. Перед встречей состоялся визит в Севастополь министров иностранных дел России и Украины А. Козырева и А. Зленко.

За два дня сопровождения российской делегации, как мне кажется, хорошо стал понимать позицию российского министра. В быту он совсем не был похож на человека, которого я видел на экране телевизора, и вовремя полуночного разговора в его гостиничном номере он сам предложил перейти на «ты», что вообще не принято в дипломатических кругах. Козырев был настоящим демократом-западником, противником всяких радикальных мер. Как он мне говорил, что его главная задача во внешней политике внушить Западу

мысль, что не надо в России видеть врага. Россия строит свое общество на общеевропейских ценностях. Увидел в нем политика, который был противником радикалов ВС РФ приобретения российского статуса Севастополя в силовом одностороннем порядке. Хотя отдавать Севастополь Украине ему было жалко, приоритетом все же оставались отношения с Западом.

Перед отъездом делегации собрались в домике для приема делегаций на Бельбеке. Охрана пригласила его к телефону правительственной связи. Вернувшись, он предложил мне на минуту выйти. «Я только что разговаривал с Борисом Николаевичем. Он сейчас в Сочи и похвастался, что, несмотря на холодную воду, уже выкупался в море, и посоветовал мне сделать то же самое. Где здесь можно выкупаться?» Говорю, что море-то рядом, но до места, где можно окунуться, нужно ехать пару километров на машине. Но сесть в нее не позволила охрана. «Андрей Николаевич, без шуток, нас ждут в Москве»...

Будучи в Москве, если появлялась такая возможность, заезжал к нему на Смоленскую площадь. Насколько наши отношения вышли за рамки официальных, свидетельствовал такой факт. После принятия ВС РФ решения о российском статусе Севастополя, несмотря на ноту МИД Украины и промелькнувшее негативное высказывание Ельцина в средствах массовой информации, официального заявления России не было, хотя прошло уже больше недели. Было воскресенье. И я поехал в «Тесели» («Тесели» - бывшая дача М. Горького на ЮБК) на встречу с приехавшими из Казани членами правительства Татарстана. Речь шла об открытии его представительства в Севастополе. После достижения определенных договоренностей я остался на обед. Но в голове «сверлила» мысль: «Почему молчит Москва? Какая ее официальная позиция?» На берегу моря ВЧ-связь, стоявшая в моей машине, не работала. Поднялся на трассу и попросил по московскому коммутатору соединить меня с Козыревым. Тот был на даче. «Что случилось?» Спросил, будет ли официальное заявление МИД России о позиции по отношению к решению ВС о российском статусе Севастополя. Он пошутил: «Раз ты просишь, сделаем».

И потом серьезно: «Еще вчера Ельцин поставил такую задачу. К вечеру я должен представить ему официальный текст. Сейчас вношу последние коррективы и потом пойду к нему, наши дачи рядом. Прочитать?» Прочитал. Набрался наглости. «А можно одно слово заменить?» – «Предлагай». В 9 часов вечера прозвучало заявление МИД РФ.

Еще хочу вернуться к событиям перед прилетом Ельцина. Где-то дней за десять до «Мухалатки» у меня в кабинете появляется начальник службы контрразведки СБ Украины по Севастополю контр-адмирал Н. Обищенко. Сказал, что он только что прибыл из Киева, и что президент Кравчук велел ему передать мне из рук в руки пакет. Я, ознакомившись с его содержанием, должен был изложить свое личное мнение. Ответ мне надо было запечатать и передать ему к вечеру. В пакете находился подготовленный к встрече с россиянами украинский пакет соглашения по разделу ЧФ. Прочитал. Даже не для военных становилось ясно о не реализуемости такого предложения. Предлагалось флот разделить на две части, и российскую часть вывести в Новороссийск. Но флот без инфраструктуры уже не флот. А с собой ее не возьмешь. Заранее становилось ясно, что этот вариант Россия даже не будет обсуждать. Но я писал больше о человеческом факторе... Большинство офицеров прижились в Севастополе. Два высших училища выпускали офицеров флота, которые отправлялись служить либо на Северный, либо Тихоокеанский флоты. Считалось, что уехать холостым после окончания училища в какой-то дальний гарнизон – конец карьеры: люди просто спивались. Поэтому в июне и июле в Севастополе зарегистрировать брак гражданскому человеку было практически невозможно - время курсантских свадеб. Так образовывались севастопольские семьи. Большинство в дальнейшем стремилось вернуться на службу в Севастополь, где жили близкие родственники. Но сейчас им будет предлагаться из благоустроенной жизни поехать начинать свою жизнь заново. Такой вариант не найдет поддержки и у личного состава флота. Короче говоря, научным языком написал отрицательную рецензию. Под вечер

появился Обищенко. Передаю пакет. «Так он же не запечатан». – «Ты все равно найдешь возможность прочитать, читай при мне». Прочитал. «Вы ставите на себе крест, лучше ничего не передавайте». Наверное, он был прав.

Перед прилетом первых лиц обычно прибывает передовая группа, которая отрабатывает все детали визита. И что интересно, передовая группа россиян ознакомила меня с программой пребывания российской делегации, украинской программы у меня не было. Может быть, потому, что она прилетала в Симферополь? Дня за три до встречи делегаций позвонил Кравчуку. Соединили. Спрашиваю: «Какая моя функция, Леонид Макарович?» — «Как руководитель города вы должны встретить российскую делегацию». — «А дальше?» — «Дальше продолжать работать по своему плану, и когда переговоры закончатся, проводить ее по протоколу». Стало понятно, как инакомыслящий, я в переговорах не участвую. От Украины я получил «черную метку».

На Бельбеке, куда я приехал, уже находился Багров со своей свитой. К трапу борта №1 России подходили вдвоем с двумя огромными букетами цветов: один - Ельцину, другой — его супруге. Пока самолет выруливал к гостевому домику, Багров уговорил меня, как более молодого, вручать цветы Наине Иосифовне. По трапу спустился один Борис Николаевич. Подошли вдвоем. Стандартные приветствия. Багров с Ельциным направились к гостевому домику, где был выставлен почетный караул и группа официально участвующих во встрече лиц. Я остался возле трапа один.

Ко мне, видя мою растерянность, быстро подошел один из стоящих невдалеке россиян, которые прибыли, как обычно, на «техническом» самолете до прилета борта №1. «Подождите, сейчас выйдет Наина Иосифовна, и вы проводите ее вон в ту отдельно стоящую возле группы людей автомашину». Вышла совсем не похожая на леди №1 России, особенно по сравнению с Р. Горбачевой, супруга президента России. Вручил букет. Сказал, дай бог благоразумия нашим президентам наконец решить судьбу Севастополя. Догнал Ельцина и Багрова, уже подходящих к почетному караулу.

На своей второй встрече с Ельциным в Массандре я уже присутствовал в качестве официального члена украинской делегации. Встреча президентов должна была произойти на территории Александровского дворца. На его верхней части находился небольшой деревянный сруб и довольно скромный зал, где и должно было пройти заседание делегаций Украины и России. По протоколу делегации приземлялись в Симферополе, где их встречали Багров и предсовмина Крыма Курашик. У гостевого домика на верхней площадке дворца руководителей делегаций должны были встречать председатель горгосадминистрации Севастополя Ермаков и я. Мою машину дальше центрального здания Александровского дворца не пустили, отогнали на спецстоянку. До гостевого домика, метров пятьсот, пришлось добираться пешком. Хотя еще фактически продолжалось лето, наверху даже в пиджаках было прохладно. Парк был буквально «нашпигован» вооруженными людьми с автоматами.

Гостевой домик был деревянным и состоял из нескольких комнат. Одна из них была отведена Ельцину, другая — Кравчуку. О домике ходила притча. Сталин, охотясь, присел на пень где-то в районе находящегося сейчас сруба и сказал: «Устал, но даже чаю негде попить». И чуть ли не через месяц появился этот домик, построенный из лучших сортов деревьев сибирского леса...

О ходе передвижения делегации нас постоянно информировали. И вот показался кортеж из трех машин. Первая остановилась у входа в домик. Из нее вышли Ельцин и Кравчук. В метрах двадцати-тридцати остановилась вторая – с Черномырдиным и Кучмой, и чуть поодаль третья – с Козыревым и Зленко. Кравчук представил меня с Ермаковым. Меня – «Это председатель севастопольского Горсовета». – «Мы знакомы, – сказал Ельцин и, чуть повернувшись в сторону второй машины, громко произнес. – Кучма, Черномырдин». Премьеры засеменили в нашу сторону. «Ну-у, – протяжно произнес Ельцин, – программу вы знаете. Идите работайте. Я думаю, часа два вам хватит. А мы с президентом, – посмотрев на Кравчука, сказал он, – отдохнем немножко, а потом подойдем и подпишем, что вы там

наработали». И, взяв под руку Кравчука, они поднялись по ступенькам в дом.

Первым вопросом было ядерное оружие, и лишь вторым — ЧФ. Просидев минут тридцать в зале заседаний, вышел из него, присел на лавочку недалеко от домика, где отдыхали президенты, и закурил. Смотрю, из домика вышел Ельцин и стал прогуливаться по утрамбованной около домика аллейке. У него был вид старого усталого человека. Потом подошел к бордюру аллейки, снял туфли и пошел по еще зеленой траве к высокому дереву. Подошел, прислонился к нему спиной, пытаясь обхватить его руками, и так простоял минут пять-десять.

На переговорах Ельцин из пожилого немощного на вид человека преобразился даже внешне. Это был уверенный в себе человек с мертвой хваткой. Запомнился его пассаж к министру обороны Украины К. Морозову на его заявление о том, что весь флот должен принадлежать Украине – «Генерал, а деньги на свои лампасы вы найдете?» Честно говоря, большинство участвующих в переговорах так и не узнали, что подписали в виде заключительного документа президенты после встречи один на один. Помню растерянный вид Кравчука, подошедшего к делегации. Леонид Макарович был чем-то расстроен, и на вопрос одного из моих коллег я в первый и последний раз услышал от Кравчука нецензурное слово. Традиционного совместного фуршета не было. Президенты разъехались по одному.

Но то, что не знал я, уже знали в штабе флота. И поэтому я не удивился, когда на следующий день утром у меня появилась группа депутатов с требованием провести сессию. Необходимое количество депутатов уже поставили подписи об ее созыве. Причина? На стол легла копия, подписанного вчера президентами документа: «Поручить делегациям Украины и России в месячный срок проработать все вопросы, связанные с разработкой Соглашения, в соответствии с которым весь ЧФ со всей инфраструктурой в Крыму используется Россией и получает российскую символику при том понимании, что Российская сторона будет производить соответствующие расчеты

за ту половину ЧФ, включая и инфраструктуру, которая в силу предыдущих договоренностей должна была отойти Украине».

Последовавшая сессия Горсовета выразила недоверие внешней и внутренней политике Украины и выдвинула требование в установленные сроки обеспечить выполнение Массандровского протокола. Фронт «народного спасения» Севастополя на вече выдвинул требование о назначении в город российского представителя и о переподчинении городской администрации России.

Массандровский протокол взбодрил севастопольцев. Возвращалась надежда на неделимый российский ЧФ и далее, кто его знает, как «карта ляжет», и на российский Севастополь. Социально-экономическая ситуация в городе продолжала ухудшаться, а политическая – в связи с тем, что процесс «переприсягания» военнослужащих ЧФ и их переход в состав ВМС Украины принял, можно сказать, хоть малочисленный, медленный, но необратимый характер, что было неприемлемо для командования ЧФ, еще больше накаляла обстановку в городе и «выгоняла» людей на площадь.

Хочу отметить, что не все, кто переходил в ВМС Украины, шли по убеждению из патриотических представлений. Были переходы, и притом не единичные, из-за конъюнктурных соображений. Живой пример привела моя жена Светлана, работающая инженером-программистом ЭВМ воинской части 62709 (служба горючего флота). Однажды она встретила бывшего своего сослуживца военнослужащего, который попадал под сокращение и уволился в запас по собственному желанию. На погонах у него появилась еще одна звездочка. Он сказал, что сейчас служит в ВМСУ. Света удивилась, потому что в «службе» не было человека, кто бы более негативно относился к Украине, заявляя, что такого государства просто не существует.

Получалось, что Севастополь все более втягивался в эпицентр масштабного украино-российского конфликта по разделу ЧФ. И хотя Ельцин уже «расправился» с главным идеологом российского статуса Севастополя ВС РФ, отправив его «главарей» за решетку, и это должно было несколько успокоить севастопольцев, но в то же

время подписанный им же в Массандре протокол о российском ЧФ Украина выполнять не собиралась.

И грянул «взрыв». На площади Нахимова и прилегающих к ней улицам Нахимова и Ленина по сообщениям российских СМИ собралось порядка сорока тысяч человек. Толпа ревела и требовала решительных действий. Здание Горсовета – первое здание по улице Ленина от площади Нахимова, и с балкона моего кабинета отчетливо было слышно все, что происходит на площади. В кабинете – руководитель СБУ Украины в Севастополе В. Кунцевский и начальник милиции В. Белобородов. Обстановка становится непредсказуемой. Говорю, надо идти на площадь успокоить людей. «Силовики» не советуют, не гарантируют безопасность. «Как же руководить городом, если бояться своих же избирателей, Иван Алексеевич? – обращаюсь к своему помощнику. – Пошли».

Выйдя из здания, метрах в тридцати-сорока наталкиваюсь на озлобленных митингующих. Толпа не пропускает. Достаю из кармана пачку «Примы», начинаю разминать сигарету: «Иван Алексеевич, дай прикурить». По «сценарию» спичка не должна загораться. Сработало. Из толпы протягивается несколько горящих спичек. Лица меняются: смотри, «Приму» курит. Скажу честно, в кабинете или дома курил «Магlboro», а на людях — только «Приму». Она не раз меня выручала, выручила и сейчас. Толпа расступается. Протискиваюсь к импровизированной трибуне. Никакие доводы не успокаивают митингующих. «Ты обещал нам Россию — езжай и решай!»

Возвращаюсь в кабинет. Ситуация хуже не придумаешь. Но толпа постепенно тает. Чуть ли не сразу по возвращении раздается звонок. Председатель службы безопасности Украины Е. Марчук. Его предложение встретиться в Балаклаве на президентской яхте принимаю. По дороге в Балаклаву на самом подъезде остановились у железнодорожного шлагбаума. В машине раздался звонок правительственной связи. Трубку снял Саша — водитель. Смотрю, побледнел. «Саша, кто?» — «Виктор Михайлович, спрашивают, вы будете говорить с президентом России?» Взял трубку. «Слушаю». — «Приемная президента России. Президент хотел бы с вами переговорить». Проходит минута, другая. Снова приемная. «Просил соединить, но не берет трубку. Давайте перенесем разговор минут на десять». Говорю, что через десять минут у меня назначена встреча. Моя встреча с Марчуком была не лимитирована во времени, но я так сказал, потому что «побоялся», что повторного соединения вдруг не будет. А разговор с Ельциным был сейчас для меня спасательным кругом. В этот момент в трубке раздается голос Бориса Николаевича:

- Здравствуйте, Виктор Михайлович. Как там у вас дела?
- Борис Николаевич, не знаю, как вы оцениваете ситуацию, а мы к ней давно привыкли.

Молчание в трубке и вдруг:

- Виктор Михайлович, вот мне говорили, что вы не можете выбирать себе друзей.
- Борис Николаевич, на основании чего вы пришли к такому выводу?
 - Но мне докладывали, что вы близко сошлись с Хасбулатовым.
- Хасбулатов мне действительно часто звонил, интересовался ситуацией в городе, поздравлял с праздниками.
 - Вот, вот значит, не умеете.
- Борис Николаевич, а с кем вы предлагаете, как вы говорите, мне дружить?
 - Ну, хотя бы со мной.
 - Извините, вы шутите? Это возможно?
 - Конечно.
 - А как это может выглядеть?
 - Очень просто, я вас приглашаю на встречу со мной.

Тон разговора – дружелюбный, можно сказать, даже дружеский. Перехожу на более серьезный, деловой.

– Борис Николаевич, у меня чартеров нет, летаю рейсовыми. Поэтому, если можно, хотел бы знать дня за два.

В голосе Ельцина появляются жесткие нотки:

– Вы будете знать за четыре дня.

Почему за четыре я так и не понял.

- Держитесь, Виктор Михайлович, до свидания.
- До свидания, Борис Николаевич, к сожалению, мне не за что держаться.

А по возвращении в Горсовет у меня на столе лежала правительственная телеграмма с приглашением на встречу с президентом России. Город загудел и затих. Все ждали, как будут развиваться события. В чем причина такого скоропалительного приглашения президента России? С чем его связывать? Ничего толкового в голову не приходило. Да, собственно говоря, размышлять не было времени. Голова была забита другими проблемами.

Прояснение пришло только в 2014 году. Крым оккупирован. В Севастополе у меня оставалась восьмидесятидевятилетняя мать, которую я сразу же еще во время отъезда из Севастополя уговаривал ехать с нами. К этому времени я не раз возвращался к вопросу об ее переезде, но всегда наталкивался на отрицательный ответ. Он был один и тот же: «Я остаюсь в Севастополе, и похорони меня рядом с отцом». Моя тематика в МИД была исчерпана. В июне я рассчитался с работой и поехал навестить маму.

В Севастополе состоялась встреча с моим бывшим российским визави по переговорному процессу — послом по особым поручения МИД РФ А.Е. Бавыкиным. Александр Евгеньевич был заместителем председателя российской части подкомиссии по ЧФ. Заседание в рабочих группах подкомиссии после подписания Харьковских соглашений проводились по различным направлениям, за исключением двух летних месяцев, ежемесячно под нашим председательствованием согласно утвержденному на год графику. Переговорный процесс — чрезвычайно сложное занятие. Трудно добиться даже минимального прогресса в переговорах, представляя государства, имеющие разные интересы. Каждая делегация действует на основании директив, утвержденных президентом. Руководители делегаций, как правило, встречаются накануне официальных переговоров в неформальной обстановке для поиска возможных компромиссов. Несмотря на это, дело иногда доходило до конфликтов, когда я или

Александр Евгеньевич уводили свои делегации с переговоров, которые продолжались уже после встречи тет-а-тет для поисков выхода из, казалось бы, тупиковых ситуаций. После окончания переговоров во время фуршета о работе уже не говорили, большей частью на семейно-бытовые темы.

Сейчас же разговор шел в основном о политике. Разговор был откровенным, и вдруг Александр сказал такую фразу: «Хватит обвинять Россию, обвиняй себя. Отдал бы тогда Севастополь, всего того, что сейчас, не было бы. А без Крыма как-нибудь бы обошлись». Шутка?! И вдруг меня как будто ударило током. Лето 1993 года. Встреча на старой площади с силовиками. Ситуация с предложением примкнуть к России. Но звонок от президента России был то позже. Хасбулатова уже нет. Но ситуация в городе накаляется и достигает апогея. Сорокатысячная бурлящая толпа на площади. Призывы обычные – вывод украинских войск, российские флаги над Горсоветом и администрацией, передача руководства городом представителю России. Когда смотрел картинку с московских каналов, становилось не по себе. В городе полная вакханалия. Ситуация, о которой мы говорили летом с силовиками, становится вполне вероятной. Но, очевидно, президент России был уже ознакомлен с возможным сценарием. А он действительно становился возможным. И я был «вызван» к Борису Николаевичу на собеседование. Но к моменту нашей встречи ситуация в городе несколько успокоилась, и Ельцин не пошел на радикальные меры, которые, я думаю, ему предлагали «силовики».

На яхте переговорил с Евгением Кирилловичем Марчуком. Это был спокойный уравновешенный человек, для которого, казалось, не существовало безвыходных ситуаций. На мой взгляд, как ни странно, он одобрил мое решение ехать в Москву на встречу с Ельциным. «А если в Киеве начнутся лишние разговоры по вашей поездке, мы их «закроем». Из множества последующих встреч с Марчуком, особенно запомнилась одна в начале 1994 года. Севастополь, как и вся Украина, готовился к выборам. Кроме выбора президента Украины,

Севастополь должен был определиться с четырьмя депутатами в ВР Украины, с семидесяти пятью депутатами городского Совета и с руководителем города. Впервые за всю историю существования города его руководитель – председатель Горсовета, председатель горисполкома избирался всенародным голосованием. Впервые вся власть города сосредоточивалась в руках одного человека. В выборах на эту должность предполагало участвовать порядка двух десятков человек. Тогда-то и состоялась встреча с Марчуком. «Виктор Михайлович, мы в Киеве проанализировали возможный состав претендентов на должность главы города и решили, что наиболее подходящей кандидатурой являетесь вы. Вы можете говорить все, что посчитаете необходимым, чтобы выиграть выборы». Потом после некоторой паузы: «Только запомните – все, что вы будете обещать или просто говорить, вам вспомнят». Этим мудрым правилом я всегда старался руководствоваться в жизни. К сожалению, в окружении лидеров нашего государства сейчас «марчуков» нет.

Премьер-министр Е. Марчук в Севастополе.

Я недолго размышлял о причинах выбора моей кандидатуры Киевом. Это был вынужденный, но продуманный шаг. Влиять на ситуацию в Севастополе Киев не мог. Административный киевский ресурс здесь не проходил. Человеку, идущему вразрез мнению города, что Севастополь – российский город и главная база ЧФ России, на выборах делать было нечего. Так что из всех зол надо было выбирать меньшее. Таким меньшим злом оказался я. Во-первых, мой рейтинг значительно превышал рейтинг других кандидатов. Кроме того, выбор пал на меня еще и потому, что, хотя город связывал меня с Россией, я был более адекватным среди остальных претендентов. Я был «центристом», и радикальные взгляды были для меня не приемлемы. Очевидно, были проанализированы и мои выступления в СМИ, на сессиях. Резкие политические призывы, которыми «грешил» Ю. Мешков у меня практически отсутствовали, а если они и были, то были довольно обтекаемыми. Что и говорить, аналитическая служба у СБУ, как и у ее предшественника – КГБ, всегда была на высоте, и повторение пущенных Кравчуком «на самотек» выборов президента Крыма она допустить не могла.

Хорошие деловые отношения сохранились у меня с Марчуком и в дальнейшем. Будучи уже премьер-министром Украины, он включал меня в состав правительственных делегаций для поездки за рубеж с целью презентации развития города. Но особенно обидно, что во время его последнего посещения города в качестве премьера он подписал постановление правительства, правда, без наличия согласовательных подписей, о финансировании строительства южных очистных сооружений. Легализовать его в Киеве я не смог, так как по возвращении Евгения Кирилловича в Киев, был издан Указ президента об освобождении его от должности. А город и по сей день продолжает сбрасывать нечистоты в открытое море. А деньги, выделяемые на эти цели «новой российской властью» куда-то уплывают. Впрочем, почему куда-то?

Я вылетел в Москву на встречу с президентом России. Это была уже третья встреча с Борисом Николаевичем. Но эту уже можно

было назвать по-настоящему встречей. Вылетел, как обычно, с Качи на Ан-12. На аэродроме «Чкаловский» меня встретил руководитель президентского протокола В. Шевченко. Это лицо было всем хорошо знакомо еще со времен Горбачева, когда он занимал аналогичную должность. Шевченко отвез меня в «Президент-отель», показал выделенный мне номер и отвел меня в ресторан, где я мог поужинать. Перед уходом попросил меня завтра к 10 часам быть готовым. В 11.00 меня ждал Ельцин.

Для меня, никогда не бывавшего в столь высоких кругах, все было ново. Посмотрел меню, цены были приличными. Сделал скромный заказ. Удивился, когда вместо наличного расчета надо было просто подписать счет. И, когда на следующий день, я по своей простоте спросил Владимира Николаевича: «А что будет, если официант сделает хоть маленькую, но приписку в счете?» Шевченко рассмеялся и сказал: «Ну, тогда он здесь уже не будет работать. И вообще, найти ему работу в Москве, да, пожалуй, и не только, будет трудно».

За соседним столиком несколько в глубине зала сидело несколько человек, и в одном из них я узнал Чубайса. Компания вела себя непринужденно, и чувствовалось, что они здесь — завсегдатаи. А новый посетитель, тем более что его сопровождал Шевченко, привлек внимание. Через официанта получил приглашение перейти к их столику. Мне было интересно, подошел, познакомились. Разговорились. Особенно интересно было мнение Чубайса о статусе Севастополя. «Те предприятия и вообще собственность, которые меня заинтересуют, я просто куплю. И мне все равно, какой флаг у вас будет висеть над Горсоветом», — сказал он.

К встрече с Ельциным подготовился основательно. Шевченко сказал, что мне выделено час времени. Это было более чем достаточно. Еще в Севастополе решил сделать упор на финансовое положение города и хотя бы частичное его финансирование из российского бюджета. Подготовил краткий доклад о структуре городского бюджета с цифрами постатейно — достаточными и имеющимися для жизнедеятельности города. Финансирование города Украиной в плане ее возможностей было ограниченным. Особенно страдала

социальная сфера. В докладе приводил раскладку численности населения города. В более чем в четырехсоттысячном городе большая часть его – лица, задействованные в интересах флота: военнослужащие, члены их семей, работающие на подведомственных ему предприятиях и организациях и, наконец, военные пенсионеры, в большинстве своем выходцы с флота времен СССР. Приводились конкретные цифры. Все они посещают медицинские учреждения города, пользуются городским транспортом, их дети ходят в детские сады и школы... Только де-юре – они граждане Украины, а де-факто - они россияне. А где Россия? О своих надо заботиться. А участие России в формировании бюджета города – ноль. Это и было главной темой встречи. Еще один вопрос, локальный, возник перед самым отъездом. В кабинете появилась инициативная группа военных пенсионеров. Многие из них были еще довольно молодыми. Речь зашла о том, что пенсионеры Вооруженных Сил СССР получали в Севастополе украинскую пенсию, а в России аналогичные по званию офицеры получали чуть ли не на порядок больше. «Виктор Михайлович, где хотите – в Украине, в России, решайте этот вопрос, иначе мы оставляем за собой право перекрыть все виды транспортного сообщения с городом. Мы вам не толпа с площади, мы военные». Пообещал обсудить этот вопрос в Москве. Подготовил письмо, в котором просил президента России дофинансировать пенсии этой категории военных пенсионеров до российского уровня за счет ее госбюджета.

В Кремль въехали через Боровицкие ворота. Шевченко посмотрел на часы, есть время перекурить. Только закурил, пойдемте. Пошли по коридорам. Опять посмотрел на часы. «Есть еще время. Хотите посмотреть кабинет Сталина?»

Ровно в 11.00 зашел в кабинет президента. Ельцин вышел из-за рабочего стола. Пожал мне руку. Встретились взглядами. Я и раньше обратил внимание, что мы почти одинакового роста. Хотел пошутить, что я на один сантиметр выше его ростом, но ума хватило промолчать. Присели за отдельно стоящий столик. «Рассказывайте, что там в вашем Севастополе?» Неожиданно для себя решил начать с меньшего. «Борис Николаевич, Россия является правопреемницей

СССР?» Взгляд стал жестким. «Вы для этого ехали к президенту России?» Вкратце рассказал ему ситуацию с военными пенсионерами. «Между Украиной и Россией подписаны пенсионные соглашения. В их рамках и должен решаться этот вопрос. Давайте по существу - по городу». Ельцин слушал внимательно, иногда задавая вопросы. Я понял, что он тоже готовился к встрече. В заключение сказал: «Все логично, я понял, что вы хотите». Я протянул ему бумагу с просьбой рассмотреть возможность финансирования города из российского бюджета. Размашисто написал в левом верхнем углу – «В. Шумейко, И. Рыбкину, В. Черномырдину. Прошу учесть предложения В.М. Семенова в работе над бюджетом». Расписался. Подумал и на свободной нижней части листа размашисто написал: «Судьба Севастополя мне не безразлична». И снова расписался. «Если будут вопросы, обращайтесь прямо ко мне. Хотя вопросов с парламентариями, я думаю, у вас не будет. О встречах договоритесь сами. А Виктору Степановичу я позвоню, попрошу, чтобы он принял вас в ближайшее время». Финансирование Севастополя Россией было бы серьезным шагом к его российскому статусу, но что-то в дальнейшем не сложилось.

Воодушевленным вышел из кабинета. На встрече никто не присутствовал. Помощники толпились в приемной. Среди них увидел Д. Рюрикова, отвечающего за международный блок вопросов в администрации президента. «Что решили?» Потряс перед их лицами листом с резолюцией Ельцина. «Виктор Михайлович, вы можете нам дать бумагу на несколько минут?» Удивленно посмотрел на него. «Виктор Михайлович, — продолжил Рюриков, — большинство вопросов вы можете решить, не заходя к президенту, но для этого нужно иметь с нами хорошие отношения. Выпейте пока кофе». Минут через десять мне вернули бумагу. Все то же — резолюция, подпись, но фраза о Севастополе исчезла.

Пройдя бюджетный комитет верхней палаты, нашел полное взаимопонимание у ее председателя В. Шумейко. Сложность заключалась в том, что изменение в бюджет могла внести только нижняя палата парламента — Государственная Дума. Предваряла мои похождения по Совету Федерации и Государственной Думе встреча с В.С. Черномырдиным. Она состоялась на следующий день после моего посещения Кремля. «Ну, что там у тебя? Тут и без тебя забот хватает, а тут ты со своим Севастополем. Ладно. Садись. Мне вчера звонил Борис Николаевич. Поможем. Рассказывай». Внимательно слушал меня, но, не дослушав всего, что я хотел сказать, надавил на клавишу: «Николай, зайди». Зашел руководитель его аппарата. «Поработай с Виктором, я тебе вчера о нем говорил. И подготовь бумагу на Рыбкина за моей подписью». Это была первая встреча, с этим интересным человеком, которая получила дальнейшее продолжение.

С Виктором Степановичем мне приходилось встречаться много раз. До 1997 года встречи проходили в рамках переговорного процесса по ЧФ, но особенно часто, когда Черномырдин был назначен послом России в Украину, а я, вернувшись из заграничной командировки в МИД, послом по особым поручениям, вел проблематику ЧФ, будучи заместителем председателя украинской части

подкомиссии по ЧФ Смешанной украино-российской комиссии по сотрудничеству. Той подкомиссии, первым председателем которой я был до отъезда в загранкомандировку. Кроме официальных переговоров, где мое присутствие было необходимо, я получал приглашения на все мероприятия, которые проходили под эгидой посольства России в Украине. Виктор Степанович всегда находил несколько минут переговорить со мной и моей женой, без которой я никогда не появлялся на этих мероприятиях. На мои приглашения в посольство России, безусловно, обращали внимание и руководители нашего внешнеполитического ведомства.

Как-то заседание подкомиссии по ЧФ проходило в моем родном городе. В заседании принял участие и посол РФ в Украине В. Черномырдин. С первым заместителем министра иностранных дел В. Огрызко, возглавляющим украинскую делегацию, стояли в вестибюле ресторана гостиницы «Украина». Обменивались впечатлениями о прошедших переговорах, ожидая приезда российской делегации. В вестибюль торопливым шагом вошел Виктор Степанович. И сходу: «Ну, Виктор, ты точно бандит. Все время пытаешься как-то скомпрометировать меня. И сейчас, воспользовавшись, что это твой город, устроил пробки, заторы, чтобы поставить меня в неловкое положение». Но все это было произнесено, смеясь, в шутливом тоне. Ответил также по сложившемуся алгоритму, который был малопонятен или вообще вызывал удивление у людей, первый раз присутствовавших на наших встречах. Часто он даже вызывал шок у присутствующих, не знавших о наших чисто человеческих отношениях. Так было и сейчас. Такой алгоритм начала разговора сложился после одной из наших встреч в Москве.

Это было как раз после выхода в «Комсомолке» проплаченной моими «севастопольскими друзьями» подвальной статьи «Мэр Севастополя – глава мафии». Первая фраза при встрече: «Привет, бандит. Прочитал. Оказывается, ты – бандит». После некоторой паузы: «Ну, не переживай, с бандитами я дружу». – «Так, значит, Виктор Степанович, и вы бандит». – «Если бы я был бандитом, тебя бы уже давно не было на белом свете». Так и выработался стереотип

на встречах — «Привет, бандит». — «Виктор Степанович, вы же знаете, что бандит не я, а вы». — «Если бы я был бандитом, тебя давно бы уже не было на белом свете».

И за столом, во время дружеского обеда часто обращался ко мне, вступал в диалог со мной, что в принципе протоколом не предусмотрено. Беседу ведут руководители делегаций. Причем в разговоре со мной не ощущалась разница в положении. В дальнейшем, когда Огрызко стал министром иностранных дел, он, зная о наших теплых отношениях, предоставил мне карт-бланш на посещение российского посольства. В МИД Украины количество дипломатов для посещения посольств на различные мероприятия было строго регламентировано. На совещаниях руководящего состава оглашались фамилии двух-трех дипломатов, которые могли воспользоваться приглашениями в посольства. По российскому посольству при правлении там Черномырдина среди этих дипломатов я был обязательно.

Прозвучала моя фамилия и на одной из встреч в российском посольстве высокого дипломатического представительства. Она была посвящена годовщине дуайенства Черномырдина. В зале присутствовали послы всех дипломатических представительств, аккредитованных в Украине. Первая часть выступления Виктора Степановича была выдержана в строгом дипломатическом тоне. Далее, как всегда, пошли лирические отступления, воспоминания из жизни. Вдруг взгляд остановился на мне. «Вон сидит Виктор. Приходилось часто сталкиваться с ним по жизни. Он был мэром Севастополя, генеральным консулом Украины в Санкт-Петербурге, сейчас работает в украинском МИД по России. Всегда добивался своего». Потом через паузу: «Препротивный, но зато свой». Слово «свой» прозвучало уже в мягких тонах. Негативно на мне этот пассаж не отразился, хотя на работе могли возникнуть проблемы. В Украине к Черномырдину относились с теплотой. Его высказывания никогда не носили агрессии по отношению к стране пребывания, а если и были иногда не совсем удачные, то они не воспринимались всерьез. «Не трогали» его даже радикально настроенные националисты. В. Черномырдин

чем-то походил на И. Плюща, или И. Плющ на него. Не знаю, что будет более правильно.

Как ни странно, вопрос финансирования увяз в ГД РФ. Изменения, которые я хотел внести сразу, не вписывались в регламент его работы. Рыбкин заверил меня: «Как только, так сразу». Приходилось возвращаться фактически с пустыми руками. Хотя и не с совсем пустыми. Первый канал, который транслировал буквально каждый шаг моего пребывания в Москве, безусловно, поднял мой рейтинг среди севастопольцев, которые еще раз убедились, что слов на ветер я не бросаю.

Моим «поводырем» в Москве был экс-председатель Моссовета, руководитель бюджетного комитета Совета Федерации Н. Гончар, дружба с которым завязалась еще со времени председательствования его в Моссовете. Сыну морского офицера, служившего в Севастополе, город не был чужим. Благодаря Н. Гончару я стал вхож в политические, экономические и финансовые структуры России, с которыми я связывал будущее развитие города. Встречи были разноплановые, начиная от человека, имеющего огромное влияние на президента Ельцина – Б. Березовского, и заканчивая золотопромышленником Тумановым. А знакомство с владельцем одного из коммерческих банков России «Национальный кредит» сыграло немаловажную роль в моей победе на выборах 1994 года.

Но надо было возвращаться в Севастополь. В гостинице раздался звонок. Звонил, к моему удивлению, премьер-министр Украины Л. Кучма. Как нашел он меня, представить не мог. «Ну что – помогли тебе твои россияне?» — «Не знаю, как домой возвращаться, но надежда по результатам есть». — «Через Киев, завтра жду»...

В кабинете, перекурив у открытого окна (Леонид Данилович бросил курить, и на курение в его присутствии было наложено вето), рассказал о своем визите в Москву. Премьер выслушал, надавил клавишу на пульте: «Василь, зайди». Вошел один из его заместителей В. Евтухов. «Подготовь с Виктором программу стабилизации социально-экономического положения Севастополя, причем с реальным

заложением средств». — «Но, Леонид Данилович...» — «Никаких «но», завтра вечером Виктор улетает. С пустыми руками ему возвращаться нельзя».

Прилетел в Севастополь, выступил по радио, телевидению. Первый раз в сознании севастопольцев закрались сомнения - так, может, Украина совсем и не враг? Но финансовая помощь Украины не изменила отношения города к ВМСУ. Однако процесс создания ВМСУ, как я уже отмечал, принял необратимый характер. Постепенно школа прапорщиков, где расположился штаб ВМСУ, приобретала все более удобоваримый вид. И в том была заслуга их первого командующего, бывшего до этого командиром Донузлавской базы ЧФ, контр-адмирала Б. Кожина. Несмотря на отличное знание военного дела, хорошие организаторские способности Борис не походил на командующего, может быть, это и прозвучит странно, из-за своих человеческих качеств. Это был мягкий добродушный человек неспособный «казнить» подчиненных, даже если они заслуживали наказания. Даже в приказах, которые он отдавал подчиненным, как мне казалось, не хватало жесткости. Лучше я узнал этого человека во время поездки на запад Украины для празднования Рождества Христова. Полетел с ним и я, с супругой.

Воспитанный советским обществом, как и для всех крымчан, жители западной Украины представлялись мне «бандеровцами», врагами советского народа вообще и особенно в годы Второй мировой войны. Большое впечатление произвело на меня посещение Почаевской лавры. Но еще большее впечатление оставили два дня и рождественская ночь, которую мы с женой провели в обыкновенном западноукраинском селе в гостях у семьи заведующего местным клубом. Интеллигентная семья, да и соседи, заходившие на «стопку» и посмотреть на приехавших «москалей», оказалось, относятся к нам, крымчанам, гораздо лучше, чем мы к ним. Понравились нам с женой и чисто украинские традиции празднования Рождества Христова. Но один случай заставил меня изменить, скорее, скорректировать свое мнение на события, происходившие в западной Украине по приходу советской власти.

Зашел в одну хату, стоящую на отшибе села. В сенях обратил внимание на огромный гвоздь, вбитый в стенку на выходе. Рассказали историю жившей здесь семьи. И как говорили, это был далеко не единичный случай. В большинстве своем местные крестьяне, благодаря своему трудолюбию жили зажиточно. Но приехавшие с востока уполномоченные начали силой загонять людей в колхозы, что вызывало противодействие со стороны местного населения. В доме со стариками жили три их сына, которые отказывались «идти» в колхоз. Тогда «уполномоченный» обращается к представителю НГБ, так и так, старший – враг народа. Ночью его забирают. История повторяется со средним... Что остается младшему – уходить в лес к «лесным братьям». Так и получалось, что врагов советской власти делала и сама власть. А на гвоздь вечером вешали авоську с продуктами для тех, кого могли вдруг забрать, и тех, кто ночью приходил из леса.

Прошло несколько лет. Стало ясно, что жить мы будем в Украине. Сын после покушения на меня стал учиться в киевском лицее. И чтобы он сам различал, «что такое хорошо, что такое плохо», и лучше понимал, насколько она, Украина, разная, но надо учиться жить вместе, отправил его на каникулы на западную Украину. За время поездки он на несколько дней оставался в семьях моих коллег из Ивано-Франковска, Луцка, Ровно. Во Львове он жил в семье мэра В. Куйбиды, с которым я сохранил дружеские отношения и в дальнейшем. Именно Василий во время моего пребывания в качестве генерального консула Украины в Санкт-Петербурге собрал сессию львовского Горсовета и по ее решению продал участок земли. Деньгами от продажи он оплатил изготовление постамента под памятник Т. Шевченко, который был установлен в Санкт-Петербурге в присутствии президентов двух стран — Л. Кучмы и В. Путина.

Но тогда, по возвращении из поездки на западную Украину, делиться на чистоту своими впечатлениями в городе не стал. Меня просто бы не поняли. Катализатором на мой рассказ стала реакция депутата Горсовета, ветерана Великой отечественной войны контр-адмирала запаса С. Рыбака: «Бандеровец, что ты мне не

рассказывай, есть бандеровец. Мы стояли друг против друга с оружием. Один из нас должен был умереть».

Первому командующему не хватало и глубины образования. Не имея опыта публичной работы, Кожин, бывало, попадал в неловкое положение. Как-то подъезжаю к работе, стоит пикет: «Вон националистов ВМСУ из города!» Помощник объясняет, что сегодня в издании ВМСУ напечатано интервью с его командующим, где он утверждает, что главное для военнослужащего ВМСУ всегда быть и оставаться националистом. Звоню Борису. Он: «Националист – это человек, который любит свой народ, свою Родину». - «Боря, это патриот». Тогда национализм рассматривался только так. Кожин полностью отдавался работе и никогда не занимался созданием своего имиджа в Украине, чем отличался от сменившего его в октябре 1993 года вице-адмирала Бескоравайного В.Г. Владимир Герасимович пел мне в лицо дифирамбы, а за спиной часто поливал меня грязью. Особенно это аукнулось мне во время первого марш-похода кораблей ВМСУ в 1996 году. Тогда же, «как мне принесла сорока на хвосте», он вообще был готов сменить меня на посту главы администрации города, с должности, которая стала теперь назначаемой президентом Украины. Тем не менее совести у него хватило в 1998 году во время моего отъезда на работу за границу обратиться ко мне с просьбой рекомендовать его президенту Украины на должность председателя украинской части подкомиссии по ЧФ.

Приходилось посещать и штаб ВМСУ. Старался делать это незаметно, понимая какой ажиотаж в городе может вызвать сам факт моего посещения штаба украинского флота. Но еще большее отторжение меня от города мог принести январский 1994 года Указ президента Кравчука, как главнокомандующего вооруженными силами Украины, об образовании военного Совета ВМСУ, в состав которого я входил, как председатель Горсовета. «Черную метку» мне передал шурыгинский «Вечерний Севастополь». Пришлось оправдываться, что я включен по должности, но принимать участия в его заседаниях не собираюсь.

1994 год — год выборов во все украинские органы власти. В городе две структуры власти — представительная и исполнительная, будут возглавляться одним человеком. То есть из нас двух — меня и И.Ф. Ермакова, люди должны избрать одного. Почему я не учитывал других возможных кандидатов? Да потому, что мой рейтинг в городе был значительно выше остальных, но при этом одним из главных претендентов становился глава администрации, представитель президента в городе. Допустив Шурыгу-Кондратевского в свое время к городской «кормушке», Ермаков снимал дополнительные сливки со всех «шурыгинских» благотворительных программ и мероприятий, проводимых с единственной целью — его победы на выборах главы города.

Мои отношения с Иваном Федосовичем были чисто рабочими. После создания Горсоветом фонда коммунального имущества города, центром принятия принципиальных решений стал Горсовет, хотя, честно говоря, их принятие двумястами депутатами иногда становилось просто невозможным, исходя из-за его неструктурированного состава. Жизнь часто заставляла Ермакова бывать у меня в кабинете. И вот произошел случай, который стал для меня уроком на всю жизнь.

Раздался звонок. По «малой» звонил Ермаков: «Слушай, весь город видит, что я почти каждый день бегаю через дорогу к тебе. Хотя бы раз для приличия зашел бы ты ко мне». — «Зачем, Иван Федосович?» И хотя спиртным он не увлекался, услышал: «Выпьем просто по стопочке. Давай в субботу». Посмотрел свой график. В субботу намечал в 14.00 после работы заехать домой, забрать жену с детьми и поехать в район Ласпи, как я говорил, подышать свежим воздухом. Перед ретрансляторной вышкой после поворота шоссе возле смотровой площадки на Ялту узкая дорога спускалась к морю. На самом берегу в живописнейшем месте размещался участок, принадлежавший севастопольскому лесничеству со скромным домиком с минимальными удобствами. По договоренности с директором севастопольского лесхоззага Булохом я часто проводил там свои выходные. Место было тихое, спокойное и граничило с госдачей «Заря».

Достопримечательностью был огромный дуб, опоясанный цепью. Там же неофициально я принимал своих гостей...

В субботу за работой забыл о договоренности. Но раздался звонок Ермакова: «Виктор Михайлович, ты что – забыл?» Позвонил домой, сказал, что минут через двадцать буду, перешел улицу и поднялся на третий этаж в кабинет Ермакова. Иван Федосович уже стоял у приставленного к рабочему столу столика с фужером в руках. На столике стояли бутылка коньяка и предназначенный мне фужер. Коньяка в нем было чуть меньше половины фужера. «Понимаю, что ты торопишься, – произнес Ермаков. – Давай, не присаживаясь, выпьем и разбежались. За все хорошее, за взаимопонимание». Выпили. Уходя из своего кабинета, я не зашел в туалет. Помня о неблизкой дороге, спросил: «Иван Федосович, я зайду в заднюю комнату?» Стульчак все время падал. Задержался в туалете на минуту-другую. Вышел из кабинета, не стал дожидаться лифта и быстро стал спускаться по лестнице. Последнее, что помню, площадку между первым и вторым этажом. Очнулся в комнате дежурных у пропускного турникета. Надо мной стоял мой помощник Иван Алексеевич: «Что с вами? Позвонила дежурная и сказала, что вы лежите перед входом на лестницу на второй этаж. Что-то хотите сказать, а изо рта идут пузыри». Посмотрел на часы, прошло где-то полчаса, как я вышел из своего кабинета. Состояние разбитое, голова гудит. «Получил» от жены за опоздание. Жена с удивлением выслушала историю. Убедить ее в случившемся было невозможно.

Выборы выиграны. В кабинете контр-адмирал Рыбак С., депутат Горсовета, к слову, владелец частной телекомпании «Амидас». «Готов служить верой и правдой». — «Но вы же были по другую сторону баррикады с Ермаковым». — «И был и не был, но теперь я с вами. Не верите, тогда слушайте»... В коньяке был замешан клофелин. Доза по времени была рассчитана таким образом, что упасть я должен был при переходе улицы Ленина. Несколько в стороне готова была высказать свое возмущение проплаченная толпа людей. Фиксировать все это должен был оператор «Амидас» с камерой. Так, первый

голос на предстоящих выборах за меня отдал унитаз в комнате отдыха главного претендента. После случившегося одним из правил дальнейшей жизни по вопросу употребления алкоголя стало — если нет возможности отказаться, то должен хорошо знать, с кем пьешь и что!

Кандидаты в президенты Украины своими посещениями не баловали Севастополь. В основном это был «второй состав». Из тройки лидеров с избирателями Севастополя решил встретиться только Черновол. Настороженный Севастополь готовился к встрече с главным «бандеровцем». Но встреча, хоть и не собрала много народа, в корне перевернула у присутствующих представление о нем. Перед избирателями предстал взвешенный, я бы сказал, мудрый человек, с четким представлением о том, какой должна предстать Украина нового образца. При встрече говорил по-русски в отличие от приезжавших иногда в Севастополь депутатов ВР Украины. Несмотря на произведенное впечатление, все равно он был «не наш». Нашим был экс-премьер Украины Л. Кучма: его позиция по отношению к России соответствовала менталитету Севастополя. Поскольку моя предвыборная кампания по некоторым основным параметрам концептуально совпадала с «кучмовской», установил контакт с фактическим руководителем его предвыборного штаба Д. Табачником (официально им считался В. Пустовойтенко).

Где-то за месяц до выборов раздался от него звонок: «Как у вас дела?» Ответил: «Выигрываю под фанфары». — «Это вам так кажется. У меня освободилась на недельку группа имиджмейкеров Островского. Завтра встречайте».

Уже значительно позже прочитал в политических изданиях, что Ефим Островский был одним из сильнейших имиджмейкеров России. По мнению издания он «привел к власти» Кучму, Жириновского, Лебедя... Была там и моя фамилия. Группу в гостинице «Крым» разместил мой товарищ по спорту, бывший в свое время чемпионом СССР по штанге Е. Михайлов. Гостиница была ведомственной и находилась в подчинении министерства по спорту и туризму

Крыма, где одним из руководителей был Евгений. Так что проживание группы в Севастополе финансовых издержек мне не приносило. Несмотря на то, что у меня, как я считал, был немалый опыт в общении с людьми, услышал от Островского, что на встречах с севастопольцами и средствами массовой информации многие вещи я делаю безграмотно. Ведение предвыборной кампании – это целая научная отрасль. Особенно помогли мне разборы моих выступлений перед избирателями. Рассредоточившись по залу, люди Островского наблюдали за реакцией присутствующих. Помню, как после одной из встреч с избирателями морзавода, Ефим поинтересовался моим мнением о встрече. Сказал, что считаю ее удачной. «Еще пару таких «удачных» и о выигрыше можно будет забыть», - сказал Островский. Запомнилась еще одна рекомендация для встреч с избирателями, особенно преклонного возраста. «Очень осторожно «клеймите» предыдущую (при Советском Союзе) власть. Не показывайте, что почти всю свою жизнь власть оставляла их «в дураках». С этим не согласится никто. А ведь это ваши избиратели». Приходилось много работать перед камерой, учился отвечать на любые каверзные и провокационные вопросы. Недельное общение с Островским было для меня хорошей школой в дальнейшем.

Но никакой имиджмейкер ничего не сделает, если отсутствует «материал». Уже, будучи в загранкомандировке в Питере, встретился с Островским на каком-то мероприятии. Ефим был в своей обычной форме — белый костюм, трость. В то время в Украине должны были состояться выборы в Верховную Раду. Ефим «вел» новорожденную партию — «Команда озимого поколения» В. Хорошковского, одного из самых богатых людей в государстве. Рейтинг партии на старте был минимальный. Поспорил с Ефимом на ящик самого дорого коньяка, что он не проведет партию в парламент... Коньяк он до сих пор не отдал.

Но еще, наверное, хуже, когда нет денег. Надо прямо сказать, не имея финансовой поддержки — выборы не выиграть, каким бы высоким ни был бы твой рейтинг. Предвыборная кампания — широкий комплекс мероприятий, которые требуют финансирования,

причем значительного. Я сначала этого не понимал или, вернее, не хотел в это верить. Понимание пришло, когда она вступила в заключительный этап. Помог случай.

Этот вопрос встал на встрече с Н. Гончаром. «Как ты собираешься выиграть выборы? У тебя есть деньги?» – «Нет». – «Тогда не выиграешь». Начал что-то говорить о рейтинге. «Ерунда, – сказал Гончар. – Поехали». Приехали в офис банка «Национальный кредит». Вошли в кабинет к главному банкиру, хозяину банка, с которым я уже был знаком. Сели пить кофе. Николай рассказал о ситуации по выборам в Севастополе. Выслушав Николая, хозяин кабинета сказал: «Поднимайтесь, пошли». Зашли в примыкающую к кабинету комнату. В комнате стоял большой сейф. Такое количество денег я видел только в американских боевиках. Причем это были доллары. «Берите». Посмотрел на Гончара: «А сколько?» – «Бери сто тысяч – должно хватить». За чашкой кофе вернулся к разговору о деньгах. Мне было непонятно, как человек может просто так дать такую для меня просто огромную сумму денег. За что? «Просто вы мне симпатичны и, главное, вы друг Николая. А Николаю я всегда помогаю, как и он мне. Поймите, для меня это не деньги. А, что касается вашего избрания, если наступит момент, и я решу «прийти» в Севастополь, поможете мне с помещением. И все...» К идее открытия филиала российского банка «Национальный кредит» в Севастополе он, правда, пришел и довольно быстро. Реализовать ее из-за разночтения законодательств было очень трудно, но, я думаю, нам бы это удалось, если бы не странная глупая его смерть, произошедшая в результате несчастного случая... Уж больно большими деньгами он обладал.

Сложил деньги в небольшой дипломат, с которым обычно ездил в командировки. Был в Москве еще дней пять. И все это время деньги пролежали в номере гостиницы «Россия», где я остановился. Сто тысяч это сто тысяч. Никто, кроме моей жены, ведь деньги эти я хранил дома, не знал об их происхождении, даже руководитель моего предвыборного штаба И. Куликов. Иван обосновывал необходимость и получал требуемую сумму. Кстати, удивился прозорливости

Гончара. Денег хватило впритык. Деньги давали мне возможность действовать, не попадая в зависимость от кого-либо. Это позволило и после избрания проводить самостоятельную политику — никому не надо было отдавать долги. А все предложения по финансовой помощи во время избирательной кампании я отклонял.

В разгар избирательной кампании такую попытку предпринял Шурыга: «Я готов помочь вам в избирательной кампании». — «Сергей Михайлович, ты же финансируешь Ермакова». — «Но выборы же выиграете вы». — «Почему?» — «Вы умнее». — «Ты хочешь разложить яйца в разные корзины». — «Нет, я прекращу финансирование Ивана Федосовича». — «Хорошо. Только денег мне сейчас не надо. Я скажу Куликову, он встретится с твоим представителем и обговорит возможные направления сотрудничества». Мир продлился не более недели, когда мне доложили, что Ермаков провел встречу в библиотеке имени Л. Толстого с ветеранами вооруженных сил с вручением подарков. Причем мероприятие финансировалось Шурыгой. Программу, которую предложил Куликов с участием Шурыги, я отклонил.

В городе наряду с официальной властью существовала как бы вторая ветвь власти - теневая или криминальная, принадлежащая преступному миру. И как бы ни не хотелось, с ней приходилось считаться. Криминальная она была по своему происхождению и способам действия. Сейчас же члены группировок «превратились» в благопристойных предпринимателей, правда, продолжавших жить по понятиям. Таких в Севастополе по оперативным данным было семь: татарская группировка Алихана, чеченская Чагаева, группировки Давида, Чеснокова-Сергеенко, Руляка и Слепынина. Только навскидку в Севастополе им принадлежали или они контролировали предприятия «Квин-стар», «Баско», «Тримакс», «Герда», «Севбизнесцентр», «Гея», «Скалпер», «Шитрон», «Фартуна», «Севаскент 2», «Демерджи», «Рената Полис», «Оливия», севастопольский филиал киевского банка «Возрождение», московский рынок... Группировки активно скупали недвижимость и, если появлялась возможность, землю.

И весь этот огромный «общак» держал под присмотром

севастопольский авторитет Е. Поданев. Он еще в 80 годах, став чуть ли не первым обладателем «черного пояса» запрещенного тогда в СССР карате, начал свою «трудовую» деятельность с создания подпольных секций любителей этого вида спорта. Группировка Поданева, состоящая в основном из бывших спортсменов, своей жесткостью, переходившей подчас в жестокость, заставила криминальный мир Севастополя и близлежащих окрестностей объединиться вокруг него. В быту его называли «папой». «Папа» жил в замке, построенном в средневековом стиле, на отвесном берегу Фиолента. По городу передвигался в красном «Феррари», а по Крыму и за его пределами любил летать на голубого цвета вертолете французского производства. Мог себе позволить и меценатство. Построил плавательный бассейн, где проходили реабилитацию дети-инвалиды, организовал спортшколу для бесплатных занятий детей спортом. Активно вкладывал деньги в ремонт и восстановление храмов. Укрепившись финансово, Поданев, заручившись поддержкой лидера крымского преступного мира В. Башмакова, заключив с ним «пакт о ненападении», создал Христианско-либеральную партию Крыма. Несмотря на провозглашаемые христианские ценности, мощную экономическую программу под лозунгом - «Крым для крымчан», это была единственная на территории бывшего Советского Союза политическая партия откровенного криминалитета.

Презентация партии в Ялте превратилась в грандиозное шоу. На улицах — «народные гуляния», выступают оркестры. В небе военный истребитель выписывал фигуры высшего пилотажа. Сам съезд проходил в одном из залов одноименной гостиницы «Ялта». К тому времени дружба или просто встречи с Поданевым уже не считались признаком дурного тона, и в учредительном съезде в качестве почетных гостей присутствовали ведущие политики, члены правительств, парламентарии, представители крупного бизнеса Украины и России. Точно знаю, что от украинского кабинета министров присутствовали министр экономики Р. Шпек, министр финансов П. Германчук. Был среди гостей и руководитель русских общин России Д. Рогозин. Из руководства города не поехал, пожалуй, только я, хотя и получил

персональное приглашение. Терять авторитет у простых людей, для которых Поданев все равно оставался бандитом, я не хотел. Если не считать «пересечения» с Поданевым во время благотворительной акции, проводимой женой президента Людмилой Кучмой в Севастопольском доме ветеранов, где вручаемый мною подарок от имени города оказался скромным сувениром по сравнению с «поданевским», наше первое общение с ним состоялось в театре Луначарского на презентации спортивной партии Крыма. Инициатором создания партии с центром в Севастополе выступил известный российский бизнесмен, человек приближенный к президенту Ельцину О. Квантришвили. О его рэкетерской деятельности не знал в России только ленивый. Партия должна была стать в СНГ составным звеном спортивно-туристического союза, хозяином которого в полном понимании этого слова был Отари.

Моя прежняя спортивная жизнь дала возможность быть знакомым, а с некоторыми известнейшими во всем мире спортсменами даже дружить. Такая дружба связывала меня с бывшим московским динамовцем, защитником непобедимой одно время сборной СССР по хоккею В. Васильевым. Вспоминается интересный случай. Както, будучи в Москве, показал ему фотографию своей шестнадцатилетней дочки. «Интересная девочка. Значит так, устраиваем ее дальнейшую жизнь. Показываем ей молодых пацанов из «ЦСКА» и «Динамо». Кто-то да и приглянется. Если бездарь – отказать. А есть и такие, по которым «плачет» НХЛ. Через год-второй уедут в Штаты или Канаду. Знакомим. Ребята круглый год сидят на сборах, света белого не видят. И перед отъездом «избранника» за кордон сыграем свадьбу. Дочь будет обеспечена на всю свою жизнь». Мне понравился ход его мыслей, но заартачилась жена, посчитав, что это будет брак по расчету. Так вот, Валерий и свел меня с Квантришвили. Отари предложил мне возглавить создаваемую им партию. Сказал, что окажу полное содействие в создании партии, но от руководства ею отказался. Квантришвили был человеком действия, и примерно через месяц раздался звонок из Москвы. Звонил Васильев: «Отари будет в Севастополе, с ним приедем я, Тишка (многократный чемпион

мира по биатлону Тихонов), Качан (чемпион мира по боксу Качановский)». Четвертого я запамятовал, но тоже кто-то из «великих».

Председателем партии Квантришвили решил назначить Плисса. В городе Севастополе случались времена, когда вспыхивали спортивные звезды. К ним можно отнести олимпийских чемпионов пловчиху Г. Прозуменщикову, яхтсмена В. Манкина. Были звезды и менее яркие, к таким можно было отнести неоднократного чемпиона СССР по боксу в наилегчайшей весовой категории А. Левищего и чемпиона СССР по классической борьбе в тяжелом весе М. Плисса. К ним обоим я испытывал глубокое уважение как к спортсменам, добившимся успехов своим колоссальным трудом, даже ценою собственного здоровья. Как по разному сложились судьбы двух этих спортсменов.

Анатолий, «казненный» советской системой за проигрыш американцу на олимпийских играх, потерявший хороший заработок, а потом и семью, «дошел» до работы швейцаром в баре, перестроенном из бывшего туалета у «Золотого ключика». Мне было жалко этого в душе порядочного, но безвольного человека. И когда происходила редкая случайная встреча на улице, я никогда не отказывался, несмотря на жесткий дефицит времени, принять его приглашение: «Витя, давай по фужеру шампанского. Я угощаю». Знал, что для него это будет глоток прежней жизни, и еще несколько месяцев он будет рассказывать, как пил шампанское с мэром.

Совсем по другому пути пошел Плисс. И уже в 1993 году он соперничал с Поданевым за лидерство в криминальном мире Севастополя. Встречи наши были единичными во время моего присутствия на открытии спортивных соревнований, как, к примеру, на боксерских поединках по отбору на чемпионат мира, которые проходили на Графской пристани. Не знаю, но он не ассоциировался у меня с людьми теперешней его категории, и оставался для меня по-прежнему Мишкой. Он был значительно младше меня по возрасту.

На презентацию партии я пошел и выступил. Терять знакомство с Квантришвили мне не хотелось из-за его обещания помогать городу. Вечер заканчивался в буфете театра имени Луначарского. Зашел

попрощаться со своими московскими друзьями. Отари сидел за отдельным столиком и о чем-то беседовал с Поданевым. Присел по приглашению Квантришвили за их столик. Буквально через несколько минут Поданев предложил продолжить беседу у него дома. Предложение поддержал Квантришвили. Отказываться было как-то неудобно. Был поздний вечер, и ссылаться на дела было как-то не с руки. Вышли из помещения театра. У выхода из театра на проспекте Нахимова стояла целая кавалькада машин. Впереди с включенными «мигалками» машина сопровождения. Руководил процессией начальник севастопольской милиции В. Белобородов. Но принимать участие в разговоре мне совсем не хотелось. «Поехали, поехали», сказал Поданев. Сделав вид, что мне надо поговорить с окружившей меня толпой, сказал: «Езжайте, я догоню». Сев в машину и, видя удалявшуюся колонну машин, сказал своему водителю: «Саша, постарайся их «потерять». Потеряли. Где жил Поданев я действительно не знал

Еще за пару месяцев до выборов я был спокоен. Спокойствие придавали и результаты предварительного опроса избирателей. Мой рейтинг превышал пятьдесят процентов. Изменить его могла низкая явка. Но за нее я не опасался, так как Горсовет принял решение, что во время выборов будет проведен опрос по судьбе флота и города. У меня в голове не укладывалась мысль, что я, возглавлявший городской Совет, который всегда принимал решения по воле простых севастопольцев, могу проиграть выборы бывшему председателю городской администрации, бывшему представителю президента в Севастополе И. Ермакову.

Рейтинг рейтингом, уверенность уверенностью, но с приближением выборов появилось какое-то внутреннее волнение. И тому были причины. Деньги Шурыги делали свое дело и рейтинг Ермакова, казалось, с каких-то несчастных четырех процентов, медленно, но верно полз вверх. Помогло в этом, очевидно, и решение президента Украины об освобождении Ермакова в январе от должности. В то же время все более настойчивыми становились предложения

депутата С. Рыбака, являющегося одновременно секретарем политсовета ХЛПК, о встрече с ее лидером Е. Поданевым. Но я представить себе не мог красный «Феррари» Поданева, хорошо известный всем севастопольцам, у входа в Горсовет. Понимал, как все раскрутят мои конкуренты, еще недавно присутствовавшие на презентации его партии. Но понимал я и другое, что нажить врага в лице Поданева, дать возможность ему поддержать на выборах Ермакова, даже зная личную неприязнь Евгения к Шурыге, увеличивало шанс проиграть выборы. Лучше подстраховаться. И я решился на встречу. Но чтобы не было огласки, договорились с Рыбаком, что встреча произойдет на территории Поданева в его «замке» на Фиоленте. Встреча эта состоялась примерно за месяц до выборов в середине мая. В районе Камышовой бухты отпустил своего водителя, пересел в другую машину. Не понятно от кого я скрывался, если пленки с записью моей встречи с Поданевым стали общедоступными. Так я получил второй урок – все в современном мире прослушивается и записывается.

Поэтому после этого случая раз в месяц просил начальника службы безопасности Украины по Севастополю В.Ф. Кунцевского проверять мой кабинет и квартиру на «прослушку». С Владимиром Федосовичем наша дружба началась в 1972 году, когда я привлекался к работе бригад от крымского обкома комсомола по проверке и оказанию помощи районным комитетам комсомола области. В Севастополе мы встретились уже при должностях. Сразу после опубликования пленок я спросил Кунцевского: «Володя, ты меня слушаешь?» — «Нет». Далее в шутку: «А как же ты тогда работаешь?» Может, это и было слишком подозрительным с моей стороны, но в промежутках я ставил такую же задачу начальнику севастопольской телефонной станции В. Цуману.

Разговор с Поданевым продлился до глубокой ночи. Поданев живо интересовался аспектами моей предвыборной программы социально-экономического развития города, иногда показывая хорошую осведомленность по их различным направлениям. С элементами рыночного ведения хозяйства он был «на ты». В качестве резюме он сказал, что его лично и его партию такая программа абсолютно

удовлетворяет. И после того, как меня изберут, в чем он ни минуты не сомневался, он готов принять самое непосредственное участие в ее реализации, включая и социальную защиту горожан. «Все мои должны работать на мэра, а кто не будет этого понимать...» Последовал достаточно жесткий пассаж. Стала четко просматриваться его идея руководства городом – замена еще год назад всесильной связки Ермаков – Шурыга на Семенов – Поданев. Роль серого кардинала его полностью устраивала. Помнил урок преподанный Ермаковым - пил по полстопочки. Поданев опьянел достаточно быстро, но полностью контролировал ситуацию. Я насторожился, когда Поданев сказал, что еще до выборов готов оказать помощь. «Стоп, стоп, о какой помощи вы говорите?» – «О моральной», – ответил Поданев. «Но кто же может отказаться от моральной?» - сказал я. Интересовали его и кадровые вопросы. Зашла речь о Белобородове. В городе его звали «дед». С первого дня мои отношения с ним складывались хуже некуда. Еще хуже было то, что они проецировались на такие же отношения с министром внутренних дел В. Кравченко. Очевидно, что обоим не нравилась позиция, которую занимал Горсовет и, естественно, я по отношению к ЧФ и статусу города. Но, очевидно, и этого было мало, и, когда Кравченко в разговоре со мной потребовал, чтобы я чуть ли не из собственного кармана заплатил за ремонт городского здания милиции, а не то «я тебя посажу, есть за что», я понял, что Белобородов грань порядочности переступил... Поэтому сказал Поданеву: «Найти другого начальника милиции будет у меня задачей №1». Непонятно по каким причинам, но наши мнения совпали. Еще запомнился один вопрос, как я отношусь к Балтину. Ответ помню и сейчас: «Как я могу к нему относиться? Уникальный случай. Детдомовец, дослужился до адмирала, стал героем Советского Союза, неординарный человек, «профи» до мозга костей. Но в связи с сумасшедшим противостоянием Украине, ненужной упертости и бескомпромиссности во всем в общих интересах двух государств его надо заменить». - «А кто будет вместо него?» - задал вопрос Поданев. Градусы видно все-таки сделали свое дело. Ответить «не знаю», я себе позволить не смог. На память пришло празднование

прошлогоднего дня ВМФ. Обычно на него в качестве гостей прибывали заместители командующих всех флотов России. Среди них своей образованностью, интеллигентностью запомнился заместитель командующего Балтийским флотом вице-адмирал Кравченко В., с которым мы закончили празднование у меня дома. «Кравченко», — не задумываясь, произнес я.

Поданев был расстрелян в Симферополе сообщниками В. Башмакова после гибели последнего буквально через неделю после нашей встречи и, естественно, до смены командующего ЧФ он не дожил. Но представляю каковым было бы его изумление, когда Балтина сменил Кравченко... А тогда с Поданевым мы расстались в первом приближении удовлетворенные встречей.

Накануне выборов расклад сил не вызывал опасения. Я был выдвинут Советом ветеранов города и Севастопольским приборостроительным институтом, на кафедре физики которого я продолжал читать лекции. Мою кандидатуру поддержал научный мир и интеллигенция. Так одним из доверенных лиц стала народная артистка Украины и Татарстана, артистка театра имени Луначарского Л. Кара-Гяур. Несмотря на то, что одним из претендентов на должность руководителя города был экс-командующий ЧФ адмирал Калинин, в большинстве своем флот был на моей стороне. Более того, заместителями моего руководителя штаба, который возглавил депутат И. Куликов, в прошлом опытный партаппаратчик, заведующий орготделом горкома партии, стали высокопоставленные офицеры ЧФ - капитаны первого ранга Маслов С. и Меняйло А. Большую работу по поддержке моей кандидатуры провел пользующийся огромной популярностью в городе, да и не только в нем, вокально-инструментальный ансамбль Черноморского флота «Черное море», руководитель которого капитан первого ранга Горшков А. в дальнейшем был избран в состав Совета нового созыва. Неожиданным для горожан, но не для меня, стало выступление в прессе главы СБУ Е. Марчука с поддержкой моей кандидатуры.

Но был у меня и главный козырь – самая популярная в городе газета «Слава Севастополя». Будучи председателем Горсовета, помог коллективу газеты избавиться от «пут» горкома партии и пуститься в самостоятельное плавание. Дружба с ее главным редактором В. Ивановым еще более окрепла. Отлично разбираясь в нюансах обстановки в городе, Владимир фактически стал моим главным советником. Даже если я поздно прилетал из своих многочисленных командировок и добирался до города уже ночью, первым делом подъезжал к его дому на проспекте Октябрьской революции. Он выходил из дома, и мы долго ходили вокруг него, обсуждая результаты моей поездки. Как продолжение в газете появлялась умная информация или интервью со мной. Мощный удар по самосознанию избирателей оказал пятничный, накануне выборов, выпуск газеты, где вкладыш был полностью посвящен моей персоне. Моя огромная на весь разворот фотография с изложением моей программы развития города. Через всю фотографию выделялся девиз – «Россия придет в Севастополь».

Наша дружба продолжалась до момента, когда утром на выходе из подъезда дома сработало взрывное устройство, находящееся в урне. Состояние его было крайне тяжелое, одна из единственных возможностей сохранить ему жизнь, по мнению врачей, была ампутация обеих ног. В реанимационную палату вообще никого не пускали. Но я зашел. Владимир был без сознания, правда, изредка открывал глаза. Не знаю, слышал ли он, что я уговаривал его соглашаться на ампутацию, скорее всего, нет. Еще к нему в палату заходила жена. Владимира Ивановича хоронил весь город. Гроб на руках несли от Матросского клуба до кладбища Коммунаров, где его и похоронили.

Честно говоря, для меня было шоком 25,43 процента голосов от общего количества избирателей, отданных за мою кандидатуру. Утром, проголосовав, поехали с С. Масловым и женами на ЮБК, купались, дурачились. Когда время голосования истекло, сели в машину и поехали домой. При въезде в город Сергей произнес: «Вот, еще никто не знает, что в город въезжает мэр».

Ночью Куликов сообщал мне проценты. Все шло более-менее

нормально. Несколько насторожило, когда под утро стали приходить данные из сельских районов Северной стороны. Но уже к 6 часам утра стало ясно, что необходимые для первого тура 25 процентов голосов есть, и это победа.

Оказалось, что я все-таки недооценивал участия в выборах денег. Финансовые возможности Шурыги-Ермакова оказались чуть ли не сравнимы с моим рейтингом и сотней тысяч долларов. Голоса, как потом уже стали докладывать, в сельских районах просто скупались. Не «спал» и «Вечерний Севастополь», прославляя Ермакова и выливая на меня ушаты грязи. Все это позволило Ермакову набрать 16 процентов, что плохо сравнимо с его предвыборными 4 процентами. Но главная их задача состояла не в своих процентах, а в том, чтобы не дать мне в первом туре набрать 25 процентов и перевести выборы во второй тур. А там... Денег-то на второй тур у меня уже не было.

«Газават»⁶, объявленный мне «сладкой парочкой» не прекращался на период всей моей каденции до 1998 года. В отделе горисполкома, отвечающим за выпуск документов, а в дальнейшем в аналогичном отделе администрации работал «купленный» ими человек. Сотрудник направлял отдельные копии выходящих документов людям Ермакова для анализа и поиска «блох», которые в извращенном виде трансформировались в статьи в «Вечернем». «Клоп» был ликвидирован, то бишь уволен аж в 1996 году. Хотя такая критика плюс «колпаки» СБУ и ФСБ заставляли все время держать руку на пульсе - очень ответственно относиться к подписываемым документам. И время показало, что серьезных ошибок я не допускал. А Ермаков оказался удивительным человеком с маниакальным стремлением к будь какой власти. Ему все равно, что возглавлять, региональное отделение партии «Сильная Украина» при Украине или «Патриоты России» при России. Иван Федосович принимал участие во всех проводимых на территории Севастополя выборах. Последняя попытка – участие в семидесятилетнем возрасте в выборах в аннексированном Крыму «губернатора» Севастополя.

 $^{^{6}}$ У мусульман: вооруженная борьба с неверными («священная война»).

Поскольку выборы главы города проводились в один день со всеукраинскими, в частности, с выборами президента Украины, выступления в избирательной кампании давали возможность высказывать свои симпатии по кандидатуре Кучмы. Хотя, собственно говоря, агитировать за Кучму не было особой необходимости. Севастопольцам импонировала его позиция по России. По прогнозам по выборам президента Кучма проигрывал Кравчуку, и предстоял второй тур. За три дня до выборов я пришел со встречи с избирателями где-то под полночь, но в час меня разбудил телефонный звонок, звонил Табачник. «Мы только что прилетели в Симферополь, и Леонид Данилович хотел бы с вами рано утром встретиться». — «Как рано?» — «Ну, часов в шесть». Подремал пару часов и к 6.00 подъехал к небольшой, находящейся на окраине города частной гостинице. Меня встретил Табачник: «Кучма еще спит».

С Леонидом Даниловичем я познакомился в 1992 году, когда он, еще будучи директором «Южмаша» и депутатом ВР Украины, приезжал с женой посмотреть день ВМФ в Севастополь. А за несколько дней до этого мне позвонил его коллега по директорскому корпусу, будущий свекор его дочери Елены, директор симферопольского завода «Фиолент» А. Франчук и попросил пару мест на правительственную трибуну...

Встретились за завтраком. Не было еще и семи, но Кучма выглядел утомленным, что подчеркивал желтый цвет его лица. Было видно, что предвыборная кампания для человека, привыкшего больше делать, чем говорить, давалась ему с трудом. «Виктор, ты можешь договориться на сейчас о моей встрече с трудящимися морзавода?» — «Без проблем! Только один вопрос — а зачем? В Севастополе вы и так наберете больше девяноста процентов голосов. После встречи добавится сотка-другая. А после того, как вы ответите на вопрос о судьбе ЧФ, через полчаса станет известно на западе Украины, и там вы потеряете, я думаю, намного больше». — «Дима! Виктор прав, готовь самолет, полетели в Чернигов». Как и ожидалось, первый тур Кучма проиграл. Победа пришла во втором туре.

Что меня удивило на завершающей стадии моей предвыборной

кампании, так это поддержка избранного несколько месяцев назад президентом Крыма Ю. Мешкова. Он был избран президентом АРК и никакого отношения к Севастополю, как ошибочно трактуют некоторые источники в украинской Википедии, не имел. С Мешковым я был знаком как с коллегой-депутатом первого созыва ВС АРК. То есть, как знаком? По-моему, при встрече мы даже не здоровались за руку. Не было никакого общения и во время его приезда в Севастополь на переговоры по ЧФ, куда мы оба были приглашены российской стороной и откуда оба изгнаны украинской. Партия РДК, возглавляемая им, выдвинула кандидатом в руководители Севастополя офицера ЧФ Мельникова. Вдвойне было непонятно, почему перед выборами Мешков неоднократно заявлял, что я самая достойная кандидатура. Уже позже я понял, что, став президентом, Мешков перестал считаться с коллегами по партии, даже близкими. Для него определяющим было только собственное мнение.

Между нами «советник» из Москвы.

Однако перевод Крыма на московское время оказался недостаточным, это было лишь частью его политической программы. Интегрировать Крым в Россию не удавалось. Не помогло для этого и приглашение в Крым правительства из Москвы, которое практически возглавил заместитель председателя Совета министров России Е. Сабуров. Практически потому что исполнительная власть в АРК по принятой конституции замыкалась на президента. Привезенные Сабуровым специалисты возглавили министерства даже не по профилю своего образования. Местом постоянного проживания правительство избрало не Симферополь, а современный пансионат «Море» в живописном Рабочем (Профессорском) уголке курортной Алушты. Провел несколько рабочих встреч с Сабуровым. Не вынимая изо рта курительную трубку, набитую дорогим табаком, он рассказывал мне про свою программу развития экономики Крыма, выдвигая предложения по сотрудничеству с Севастополем. По сути все было красиво, но трудно реализуемо. Уже через несколько месяцев стало ясно, что правительство приехало отдыхать, а не работать. И Мешков вынужден был сменить правительство. Но ожидания крымчан не оправдывались, реализовать свои обещания Мешкову не удавалось

Чисто человеческие отношения с ним начали складываться после совместного посещения Москвы по приглашению Лужкова. Несколько дней проведенных вместе позволили лучше узнать друг друга. Москва принимала президента Крыма и председателя Горсовета Севастополя «на ура». Особенно запомнилось во время поездки посещение футбольного матча в Лужниках, когда после сообщения о нашем с Юрием присутствии на игре, зрители, стоя, приветствовали нас аплодисментами, повернувшись к правительственной трибуне...

Мешков поражал меня своей самоуверенностью, безаппеляционностью. Был у него еще один недостаток, который, на мой взгляд, мешал ему в работе — мнительность и страх за свою жизнь. Мнение о возможном покушении поддерживалось его женой Людмилой и подкреплялось многочисленной охраной.

Балаклава. С Ю. Мешковым у пограничников.

Запомнился один эпизод лета 1994 года. Июль. Севастополь готовился к празднованию Дня ВМФ России. Накануне празднования день был расписан буквально по минутам на прием многочисленных делегаций и VIP-гостей. Одним из последних в графике стоял мэр Новороссийска В. Прохоренко, с которым у нас сложились дружеские отношения. Следует отметить, что такие же отношения к 1994 году были у меня с губернатором Ростовской области Чубом, мэрами Нижнего Новгорода и Волгограда – Немцовым и Чеховым.

Дружба с мэром Новороссийска началась в 1993 году с празднования дня города, на которое я прибыл вместе с первым заместителем командующего ЧФ вице-адмиралом Ларионовым на большом противолодочном корабле «Керчь». «Керчь» бросила якорь на внешнем рейде. Как объяснил мне тогда вице-адмирал, швартоваться в бухте не рекомендуется из-за постоянно дующего ветра «Бора», иногда достигающего небезопасной скорости даже для такого вида кораблей.

Во время праздничного обеда за соседним столом расположилась делегация России, возглавляемая первым заместителем предсовмина О.Н. Сосковцом, одним из самых влиятельных людей России. Вышел покурить. Ко мне подошел Олег Николаевич. Он предложил мне слетать в Абрау-Дюрсо на дегустацию, как он мне сказал, «настоящего шампанского». Как крымчанин, я считал себя знатоком шампанских вин, и поэтому посещение Абрау-Дюрсо было вдвойне интересным. Ушли не попрощавшись. На городском стадионе, на футбольном поле уже стоял готовый к вылету вертолет. В «Абрау» также приземлились на футбольном поле. Казалось, что шампанским меня удивить невозможно, но подвалы меня поразили. Бутылки самого сухого шампанского «Брют» стояли поросшие белым и черным мхом. Такого шампанского я еще не пил. Мы же специализировались на изготовлении всех видов шампанских вин, кроме самого сухого. Дегустация закончилась, когда начало смеркаться. Сосковец любил играть в футбол, находился в хорошей спортивной форме. «Постучал» с местными мальчишками по воротам и даже на спор с ними попал в ворота с центра поля, где стоял наш вертолет. Ужинали и завтракали за одним столом. На прощание сказал три слова: «Будет трудно – звони».

Наступила зима 1994 года. Сильно похолодало, и котельнаямонстр в Камышах погасла, не хватает давления газа. Другие работают на угле и соляре, которых уже нет. И хотя отопление – прерогатива администрации, люди бегут ко мне в Горсовет. Позвонил Сосковцу, сказал, что город замерзает. В ответ: «Помучайся три-четыре дня, а сейчас отправь на меня телеграмму с обоснованием необходимого, текст ее я тебе продиктую. А я завтра, максимум послезавтра, выполню твою просьбу. «Горючку» ты получишь». Мои хорошие отношения с человеком, который в то время в России мог решить абсолютно все, попытались использовать люди из моего окружения. К концу зимы – звонок из Москвы: «Виктор, извини, потерпи, сейчас не могу тебе помочь». Оказалось, вчера он получил факс от меня с аналогичной просьбой по топливу. Объяснил, что я к нему не обращался, попросил перефаксовать мне письмо. Подпись и моя и не

моя. Двух просителей я вычислил – одного я простил, другой надолго «выпал из обоймы»

Во время встречи с Прохоренко договорились, что после официоза я заеду домой, переоденусь и подъеду на летнюю дачу командующего в Омеге, где остановилась часть почетных гостей. Постучим на бильярде и расправимся с жареным гусем, которого он привез из Новороссийска. И хотя сильно нездоровилось, все-таки приехал на дачу. Уже там почувствовал себя совсем плохо. Приехал домой – температура под сорок. Всю ночь пил жаропонижающие, но температура не спадала, к утру – 38,2. Но надо подниматься и идти, не имел я права заболеть. Это должен был быть мой первый официальный выход на люди, после того как город проголосовал за мою кандидатуру. Да еще в такой день – праздник всего города.

К 9 часам был на Графской. И после обхода кораблей прибыл на правительственную трибуну, где собрались руководство флота и города, почетные гости. Ограниченный круг высокопоставленных лиц размещался в первом ряду за столиками с поминутной программой морского праздника и биноклями. Остальные по ранжиру занимали пронумерованные на трибуне места. Места распределяли вместе с командующим флотом, причем с Балтиным это становилось проблемой. За несколько дней до распределения Балтин сказал мне, что приезжает жена Лукашенко. Посадили ее в первый ряд трибуны между моей женой и женой Балтина Оксаной. С другой стороны от Светланы сидела Люда — жена Мешкова.

Впоследствии при обсуждении праздника моя жена сказала, что, судя по прессе, жена президента Белоруссии работает на приусадебном участке, сама доит корову. А предстала наяву молодая холеная женщина обвешенная «брюликами». Уже потом при посещении Минска мои хорошие знакомые из администрации президента разъяснили, что это его лечащий врач, которая и стала матерью его наследника.

Температура не спадала, чтобы унять дрожь зажимал ладони рук между коленями, но состояние ухудшалось. На трибуне Люда, жена Мешкова, шептала моей на ухо: «Виктора отравили, ты же видишь». Несколько раз Балтин предлагал мне съездить в госпиталь, я сказал, что не поеду. Тогда, видя мое состояние, он пошел на хитрость. На площадке между пролетами лестницы входа на трибуну висел телефон, который на время парада подключался к правительственной связи. «Тебя к телефону, Михалыч», - сказал Эдуард Дмитриевич. Только завернул за угол, меня подхватили под руки четыре здоровенных «спецназовца» и понесли к машине. «Куда вы меня везете?» - «Приказ командующего - в госпиталь». - «Нет, отвезите домой, и привезите врачей». Но, врачи ни из госпиталя, ни из первой горбольницы не поставили четкий диагноз. Прописывали лекарства, которые не помогали, температура не спадала. В понедельник Куликов даже привез знахарку. Ложиться в больницу или госпиталь я наотрез отказывался. А состояние ухудшалось.

Ранним утром во вторник открыл глаза. Передо мной стояли два человека в белых халатах. Представились — профессор Жибровский и профессор Мезенцев. «Нас прислал Мешков». Осмотрели с ног до головы. Правая лодыжка и икра до колена стала красно-черного цвета. Врачи созвонились с Мешковым: «Нужна срочная госпитализация». — «На машине успеете, или прислать вертолет?» — «Довезем». «Скорая» доставила меня в больницу Симферополя. Оказалось, в предыдущее воскресенье, когда я с женой и детьми поехал на базу отдыха «Изумруд» покупаться, на пляже под кожу стопы попал маленький камушек, который и вызвал нагноение. Несколько раз в больницу приезжал Мешков. Разговаривали, как старые знакомые. Наши отношения перешагнули границу официальности. После недельной интенсивной терапии на следующий понедельник я уже приступил к работе.

После всех этих событий не мешало отдохнуть, и я ушел в отпуск. Местом отдыха стал уже привычный 5 номер дачного корпуса санатория «Дюльбер» – дачи «Мисхор».

Светлана с народной артисткой Украины и России В. Заклунной.

Рядом с территорией санатория находилась пятая госдача, на которой разместился Мешков с женой, дочкой, сыном, охраной и огромной, но добродушной собакой породы мастиф по кличке Рэм. Пляж пятой госдачи хорошо просматривался в бинокль с лоджии номера, где я отдыхал с семьей. За двадцать дней моего отдыха наши встречи с Мешковым стали довольно частыми. Не загружаясь работой, Мешков уже часов в семь вечера возвращался домой. Обычно предшествовал звонок Людмилы: «Света, приезжайте вечером». - «Присылай машину, приедем».

Идей у Мешкова было миллион, но реализовать их было просто невозможно. Несколько раз пытался

отговорить его, считая его идеи из области фантастики. Не знаю, насколько он считался с моим мнением, но часто, когда Света говорила, что у меня на вечер другие планы, Людмила просила приехать, говоря, что Виктор положительно влияет на Юрия. Юра сильно любил свою дочь, с теплотой относился к моему сыну, опекал его на пляже и даже научил его нырять с пирса.

По субботам или воскресеньям ездили на концерты в Ялту. На гостевой трибуне курзала познакомился с женой председателя ВР Украины А. Мороза. Увидел, что ее привозили на коляске, у нее была полностью парализована нижняя часть тела. Только в Ялте я понял, почему летом, выходя из самолета, Александр Александрович сразу направлялся в гостевой домик и никогда не торопился, как Кучма, сразу же уехать на дачу. Необходимо было время, чтобы перенести жену в машину. При

Бельбек. Прилет А. Мороза в Севастополь.

отсутствии симпатии к председателю ВР появилось внутреннее уважение к нему за его отношение к тяжело больной супруге.

Во время поездок в Ялту я еще раз обратил внимание, как Мешков опасался за свою жизнь. Машина, на которой мы ехали на концерт вместе с машинами сопровождения выписывали восьмерки на дороге. Переубедить его, что с постоянным страхом за свою жизнь трудно вообще жить, и это мешает в работе, ни к чему не приводили. К украинцам, как к нации, относился очень тепло. Удивило, что на ужине, после его венчания с Людмилой, где присутствовали единицы, много пел украинских песен. Впрочем, чему было удивляться - ведь его мать была украинкой. Юрий Мешков той поры напоминал мне волчонка, загнанного в угол. Хотя правильнее сказать – сам, загнавший себя туда. Россия, на что он надеялся, его не приютила. Идти на разрыв с Украиной из-за Крыма она не хотела, да и не могла. Рушилась бы схема СНГ, инициатором которой был Ельцин. Да и как бы это выглядело в мировом сообществе. Ее бескорыстная помощь оказалась далеко не бескорыстной. Обеспечив топливом посевную, Татарстан потребовал возмещение землей и недвижимостью.

Помню последнюю встречу с Мешковым на даче: «Виктор, я завтра лечу в Швейцарию и привезу оттуда кучу денег». Речь шла об инвестициях, относительно которых у него якобы существовали предварительные договоренности. «Юра, поверь мне, ничего ты не привезешь». Самолет с президентом Крыма не был выпущен за пределы воздушного пространства Украины. Но еще хуже для Мешкова стал тот факт, что окончательно произошел его разрыв со своей командой. Его правая рука С. Цеков, избранный председателем ВС АРК, перестал признавать единоначалие Мешкова. Мешков «закусил удила», но бороться с парламентом сил у него уже не хватало.

А Л. Кучма, ставший к тому времени президентом Украины, безусловно, знал, вернее, ему докладывали о моих отношениях с Мешковым. Позвонил и предложил мне использовать относительное влияние на Мешкова и хорошие отношения с Цековым для нормализации их отношений, как фактора стабилизации ситуации в Крыму. Но несколько поездок в Симферополь с договоренностью встретиться и с одним и с другим в одно и то же время, чтобы усадить их за один стол, не увенчались успехом. Это продолжалось до тех пор, пока один из советников Мешкова, звали его так же – Виктор Михайлович, посоветовал мне выйти из игры. Отвел в сторону и сказал: «Это может плохо для вас кончиться». Не трудно было догадаться, что он представлял российские спецслужбы – либо ГРУ, либо ФСБ. А его предложение мне свидетельствовало, что Россия решила «похоронить» Мешкова с его радикализмом. Ведь главной задачей для нее оставался Севастополь. А я, как они считали, мог им еще пригодиться. Судьба Мешкова была решена. Мешков распускает крымский парламент, Украина лишает автономию ряда полномочий, ликвидируя при этом институт президентства. Идея российского Крыма была похоронена. Но, как оказалось, не навсегда.

Через день другой после выборов ко мне пришел мой основной конкурент Ермаков. После поздравления он предложил выйти на веранду. С веранды моего кабинета открывался великолепный вид на Южную и Севастопольскую бухты.

Кто только не бывал на этой веранде.

По привычке присел на подоконник, закурил. Разговор принял неожиданный характер. «Виктор Михайлович, мы хотим тебя выручить». — «Кто мы?» — «Я и Сергей Михайлович. Нам предлагают пленку с записью твоей встречи с Поданевым». — «Ну, и что?» — «Если ее опубликуют, у тебя возникнут большие неприятности». — «Что ты предлагаешь?» — «Выкупить за пятнадцать тысяч долларов». — «У меня таких денег нет». — «Мы выкупим». — «Иван Федосович, это шантаж. И где уверенность, что это единственный экземпляр? Кроме того, я ничего страшного не сказал. Пусть публикуют. До свидания».

Через час неизвестный принес в приемную пакет. В нем была пленка. Поехал на обед домой. Прослушал. Действительно, полностью наша встреча. Ничего такого, что могло бы меня

скомпрометировать, я не нашел. Был ряд нетактичных высказываний, но они касались моей семьи.

И все равно две российские центральные газеты «Комсомольская правда» и «Труд» вышли с выкладками купюр моей встречи с Поданевым. Моя большая фотография с сигаретой в зубах и заголовок: «Мэр города — глава мафии».

Как ни странно, но после публикации уважение ко мне на всех верхних этажах власти Украины и России, и в предпринимательской среде только повысилось. А Лужков, правда, это может оказаться совпадением, предложил обсудить договор между Москвой и Севастополем взамен подписанного ранее договора между Севастополем и одноименным районом Москвы. «У меня Севастопольский район такой, как ваш Севастополь», — ранее говорил он.

Попытались мои «друзья» внести диссонанс в мои отношения с флотом, то бишь с Балтиным. Сразу же, как стали известны результаты выборов, получил поздравление и от него. А через несколько дней телефон командующего вдруг замолчал. Обычно не было и дня, чтобы я не услышал его голос в трубке: «Михалыч, слушай...» Не понимал в чем дело, но ему не звонил. Власть, которую я получил, была фактически неограниченной в городе - председатель Горсовета, председатель горисполкома. Интересно было давать поручения самому себе. Городской Совет решил... Председателю горисполкома Семенову В.М. ... и подпись – председатель городского Совета Семенов В.М. Так что, откровенно говоря, было не до Балтина. Но примерно через неделю раздался звонок. Тон официальный. «Виктор Михайлович, – почему-то на «вы», – давайте встретимся». - «Приезжай». - «Приезжайте вы, я вам что-то должен рассказать и показать». Поздно вечером поехал в штаб флота. Зашли в комнату отдыха. На столике стоял стационарный магнитофон. Балтин надавил на его кнопку. В динамике раздался голос Поданева: «А что вы думаете о командующем флота Балтине?» И сразу же без паузы мой голос: «Его надо заменить». И все. Рассмеялся. Так я впервые узнал, как «купируются», то есть делаются вырезки из текста пленки.

И как даже нормальное можно превратить в неразумное. Рассказал ему содержание разговора. Сказал, если не веришь, завтра передам тебе подлинник, который мне предлагали купить за пятнадцать тысяч долларов. Балтин открыл дверь в кабинет: «Иван, бутылку и закуску». Адмирал любил выпить.

В городской Совет было избрано семьдесят пять депутатов. Это произвело положительный эффект. Потому что предыдущий состав из двухсот человек больше напоминал толпу революционных матросов, чем депутатов, которые должны были принять взвешенное решение. Моих оппозиционеров в лице коммунистов, возглавляемых их первым секретарем В. Пархоменко, было недостаточно согласно регламенту даже для включения вопросов в повестку дня. Город успокоился, ожидая от городского Совета решительных действий, поскольку все депутаты были избраны на пророссийской «волне». Депутаты же настаивали на скорейшем созыве сессии. Но я, как уже писал, после всех предшествующих событий, поправлял здоровье в «Дюльбере» и пообещал депутатам провести сессию через пару недель.

Но отдохнуть по-настоящему не удалось. 20 августа в номере, где я отдыхал с семьей, появились «парламентеры» – члены президиума Горсовета с просьбой: пока я в отпуске, провести сессию без всякой политики, обсудив только один вопрос — водоснабжение. Ситуация по обеспечению водой Севастополя становилась все более критической. Воды в Чернореченском водохранилище оставалось по минимуму, а пить днепровскую воду под влиянием «зеленых» город отказывался. Внес свои поправки в обращение к президентам Украины и России — без политики Горсовет обойтись не мог. Сказал: «Вперед».

22 августа вечером ко мне приехал депутат Куликов. «Виктор Михайлович, только что закончилось заседание президиума, приняли решение завтра проголосовать за российский статус города. Вам надо ехать». — «Иван, какой смысл? Я же председатель и должен четко понимать, что это не уровень Горсовета принимать такие решения. Оно не имеет никакой юридической силы. Верховный

Совет России уже принимал такое решение. И что? А как жить дальше без финансирования, ты же понимаешь, что Россия не поддержит, скорее, промолчит. Ей сейчас не до этого. А Украина «перекроет кислород». Потом после некоторой паузы спросил: «Тебя прислал президиум?» — «Нет, депутаты понимают, к чему это решение может привести. Хотят оставить для себя люфт, надеясь, что вы не подпишете решение из-за его неконституционности. Поэтому решили вас не информировать». — «Ну и хорошо, ты у меня не был, я о решении ничего не знаю. Что-нибудь придумаем». Но думать я не собирался, решение в голове созрело сразу.

23 августа ближе к обеду в номере раздался звонок. Охрана сообщила, что ко мне приехала целая делегация: депутаты, журналисты, телеоператоры с камерами. Попросил пропустить. Всех попросил пройти на открытую лоджию. Вид был у меня пляжный — шорты, спортивная майка. Пригласил депутатов, их было трое, сесть за стол. Телевизионщики стали налаживать аппаратуру. Начал мой заместитель по Горсовету Н. Глушко: «Сегодня Горсовет единогласно принял решение о российском статусе города». На стол легли документы.

Севастопольский городской Совет народних депутатов

Решение О Статусе города Севастополя

Заслушав и обсудив информацию депутата городского Совета от седьмого избирательного округа Романенко В.И. «О Статусе города Севастополя» и, учитывая результаты опроса общественного мнения граждан города от 26 июня 1994 года по этому вопросу, а также происходящие в настоящее время контакты между Украиной и Российской Федерацией по заключению полномасштабного договора, севастопольский городской Совет народних депутатов

решил:

1. Признать Российский правовой статус города Севастополя.

- 2. Подтвердить принципиальную позицию севастопольського городского Совета о Севастополе, как главной базы Черноморского флота Российской Федерации, выраженную во всех ранее принятых решениях городского Совета XXI XXII созывов.
- 3. Принять обращение городского Совета по статусу города Севастополя к Президентам двух государств Ельцину Б.Н. и Кучме Л.Д., руководителям высших органов государственной власти Шумейко В.Ф., Рыбкину И.П., Морозу А.А.(прилагается).
- 4. Направить делегацию городского Совета для участия в переговорах.
- 5. Контроль над исполнением настоящего решения возложить на Заместителя Председателя городского Совета Глушко Н.М.

Председатель городского Совета народных депутатов Севастополя	В. Семенов
Руководитель секретариата городского Совета	К. Павленко
Председатель редакционной комиссии	В. Романенко
Председатель секретариата сессии	И. Куликов

Президенту Российской Федерации Ельцину Б.Н.

> Президенту Украины Кучме Л.Д.

Председателю Федерального Собрания Российской Федерации Шумейко В.Ф.

Председателю Госудаственной Думы Российской Федерации Рыбкину И.П.

Председателю Верховного Совета Украины Морозу А.А.

Обращение

Севастопольского городского Совета народных депутатов

Севастопольский городской Совет народных депутатов обращается к Вам с предложением принять государственно-взвешенное важное решение о Российском Федеральном Статусе Севастополя и окончательно решить проблемы Черноморского Флота.

Основанием для рассмотрения указанных проблем является:

- 1. Воля жителей Севастополя и моряков-черноморцев, 89% которых положительно ответили на вопрос о Российском его статусе.
 - 2. Отсутствие конкретных решений по статусу города и флота.
 - 3. Продолжающаяся финансово-экономическая блокада города.
- 4. Принципиально невозможное базирование сил Черноморского флота и ВМС Украины.
- 5. Введение в город Национальной гвардии Украины без согласования с городским Советом народных депутатов.

Юридическая база российского Федерального статуса города Севастополя досконально изучена многочисленными комиссиями, в том числе и международными, основана на Постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 года о выделении города Севастополя в самостоятельную административно-хозяйственную единицу со статусом города республиканского подчинения.

Де-юре город Севастополь и по ныне — часть Российской Федерации, так как при передаче в 1954 году крымской области из состава России в состав Украины Постановление 1948 года о статусе города Севастополя не отменялось, а последующее распространение юрисдикции Украины на город Севастополь принято в одностороннем порядке без принятия соответствующего решения конституционными органами РСФСР.

С распадом СССР в декабре 1991 года и образованием суверенных государств России и Украины российский правовой статус города Севастополя не претерпел изменений, а получил дальнейшее подтверждение принятием Постановления Верховного Совета

Российской Федерации от 9 июля 1993 года «О статусе Севастополя». Правовая неурегулированность отношений между Россией и Украиной по статусу города Севастополя открывает возможность для территориальных претензий третьих стран.

Уважаемые политики!

Учитывая особую значимость Севастополя для России, постоянный рост негативных последствий, вызванных нерешенностью вышеуказанных проблем, просим выполнить волеизъявление жителей города и моряков-черноморцев, восстановить историческую справедливость, незамедлительно завершить переговоры о Федеральном Российском статусе города Севастополя и окончательно решить проблему Черноморского флота.

Считаем, что на переговорах обязательно участие делегации Севастопольского городского Совета.

Полагаем, что Ваша государственная мудрость и ответственность позволит решить проблемы города Севастополя и Черноморского флота.

Подписи те же.

Внимательно прочитал. Будучи хорошо знакомым с юридическим обоснованием статуса города, полученным мною ранее из Москвы, понял – решение Совета и обращение к главам государств писались по московским лекалам. Обратил внимание, что председателем редакционной комиссии был полковник ЧФ В. Романенко, и на документах значились подписи, которые не предусмотрены правилами документооборота. Стало ясно, что люди захотели войти в историю (а вдруг?!). Не хватало лишь моей подписи. Обратился к журналистам: «Хочу сделать заявление». Текст в уме проработал еще вчера. «Сегодня городской Совет принял решение о российском статусе Севастополя. Оно эмоциональное и, на мой взгляд, преждевременное (сделал ударение на последнем слове), поскольку не предусматривает вариантов жизнеобеспечения города, экономическое

положение которого и так находится в критическом состоянии. Но Совет выразил волю севастопольцев, которые оказали мне доверие, избрав меня своим руководителем. Поэтому я подписываю решение и принимаю всю ответственность за его принятие на себя». Взял ручку, которую Николай Михайлович предварительно положил на стол, и размашисто поставил свою подпись.

Журналисты и телевизионщики (на сто процентов представляющие российские СМИ) удалились. Остался с депутатами. Вид у них был растерянный. «Зачем вы это сделали?» – задал вопрос. Хотя прекрасно понимал зачем. «Завтра прекратится подача света, газа, днепровской воды, против подачи которой Совет голосовал, но без которой городу не обойтись. А логистика? Как будем решать проблему продовольствия? Самолетами, кораблями Черноморского флота? И как тогда будем смотреть в глаза людям?» Услышал то, что и собирался услышать. «Виктор Михайлович, но мы же должны были выполнить предвыборные обещания. Да и толпа, если бы мы не приняли решения о российском статусе, просто не выпустила бы нас живыми и здоровыми из здания».

Что такое разъяренная толпа я знал не понаслышке. Вспомнил, как принималось решение о государственном суверенитете Крыма Верховным Советом АРК. Идущему передо мной депутату, проголосовавшему «против», в кровь разбили голову мегафоном. Еле удалось его отбить у взбешенных молодчиков при полном безразличии немногочисленных милиционеров.

Вместе с депутатами подготовили заявление для прессы. «Городской Совет, принимая решение о российском статусе, умышленно сделал этот шаг, прекрасно осознавая, что превышает свои полномочия. Однако депутаты не могли поступить иначе потому, что в канун крупномасштабных переговоров между Украиной и Россией необходимо было привлечь внимание руководителей обоих государств к Севастополю и его проблемам».

Включил российский первый телевизионный канал. Как и предполагал, Москва молчала, хотя обычно митинг еще не закончился, а российские СМИ уже вещают, как он прошел, и что там говорилось.

Зато раздался звонок правительственной связи. Обычно ее устанавливали в номере на время моего приезда. Звонил Леонид Данилович.

- Виктор, ты хоть знаешь, что творится у тебя в городе? Твой Совет принял решение о российском статусе!
 - Не только знаю, а скажу больше, я его только что подписал.
 - Ну, ты это сделал напрасно.
 - Леонид Данилович, мне вылететь в Киев разъяснить?
- Не дергайся, голос Кучмы звучал бодро и даже, мне показалось, как-то весело. Я послезавтра прилетаю на отдых. Ты, надеюсь, меня встретишь? Тогда и поговорим.

Ан-24 вырулил на стоянку возле гостевого домика аэродрома Бельбек. Да, первый прилет в Крым в качестве президента Кучма совершил на Ан-24.

Вспоминаю 2003 год, когда волею обстоятельств в Санкт-Петербурге встречал и провожал нашего президента, а рядом стояли мои коллеги — немецкие дипломаты, с аналогичной задачей по Шредеру. На стоянке рядом друг с другом стояли малюсенький самолет Шредера и Ил-62, на котором прилетел Кучма. Помню шутку немецких коллег. Смотря на самолеты, услышал от них: «Хорошо жить в богатой стране».

Но вернемся в Севастополь. Опустили трап. Между сдвинутых шторок я сначала увидел чей-то глаз, потом шторки раздвинулись. Леонид Данилович сделал шаг на ступеньку, а потом увидел меня и, как бы испугавшись, отступил назад. Потом снова вперед на ступеньку вниз и, рассмеявшись, спросил: «Виктор, это еще Украина?» У президента было отличное настроение. Настороженность, скованность при подготовке к встрече и дальнейшей беседе прошла. «Украина», — говорю. Поворачиваясь к выходу: «Люда, выходи. Виктор говорит, что это Украина». Пригласил в домик. «Виктор, я устал, не провожай. Пару дней отдохну, покупаюсь, потом позвоню, и тогда переговорим».

Через несколько дней по звонку тогда первого помощника В.М. Литвина приехал на девятую дачу на встречу в президентом.

На веранде «девятой» ожидаем президента. Слева от меня председатель СМ АРК А. Демиденко, руководители: МВД В. Кравченко, СБУ Л. Деркач, УВД АРК М. Корниенко.

У входа здания на мраморной веранде меня встретил Владимир Михайлович. «Присаживайтесь, сейчас подойдет Леонид Данилович». Вышел с Литвиным. Расположились за столиком. «Володя погуляй. Мы с Виктором переговорим». Сразу на веранду выскочил малолетний внук Роман и забрался деду на руки. Леонид Данилович страшно любил внука, тому дозволялось все.

- Виктор, я принял решение. Я распускаю Совет, а ты остаешься.
- Леонид Данилович, это не выход. Как только вы распускаете Совет, я сразу делаю заявление и слагаю с себя полномочия.
 - И что дальше? задал вопрос Кучма.
- Дальше вы назначаете новые выборы, и под фанфары выбираются без проблем те же самые депутаты. А про себя я вообще не говорю. Получу минимум семьдесят пять процентов. Кроме того, ваш рейтинг упадет до нуля. И вообще, неизвестно, как прореагирует город на ваше решение о роспуске Совета. Есть люди, которые только

этого и ждут. Не забывайте о реакции России.

- Так что ты предлагаешь?
- А я здесь при чем? Если это решение антиконституционно, а оно антиконституционно, то пусть отменяет тот, кому это положено Верховная Рада. Только без шума, без дебатов. Севастополь сейчас это тлеющий костер, готовый каждую минуту вспыхнуть. И масла подливать не надо.
- Ну, с Морозом я говорить не буду (антипатия Кучмы к Морозу была известна всем). Хочешь спокойствия в городе, разбирайся с Морозом сам.

Реакция Кучмы меня поразила, особенно последняя фраза.

«Девятая». Президент в шлепанцах с руководством Крыма и Севастополя.

Созвонился с Александром Александровичем. Договорились о встрече. А город выжидал. Но с каждым днем, сарафанное радио действует всегда, у людей приходило понимание, что решение Горсовета, как и предыдущее решение Верховного Совета России

о российском статусе города, не решает ни одну из проблем, ни политическую, ни связанную с экономическим выживанием города. Но большее воздействие на признание города российским оказало отсутствие реакции со стороны России. «Хасбулатовский» Верховный Совет был распущен. А даже самые радикальные депутаты «рыбкинского» созыва не проявляли активности. Россия как бы не заметила политического шага Горсовета. Молчала и украинская сторона. Вообще бы я назвал политику Украины в то время по отношению к Севастополю созерцательной.

Переговорил с Морозом. Попросил Мороза принять решение без разжигания страстей. И в дальнейшем поражался его умению «управлять» парламентом... Мороз не торопился. И только почти через месяц 19 сентября раздался звонок из первой приемной Верховной Рады. «Виктор Михайлович, включите радио». Была пятница и оставшиеся в сессионном зале депутаты с нетерпением ожидали закрытия очередного сессионного дня. Решения принимались на «ура». И вот, когда все ожидали слов спикера – вечернее заседание объявляется закрытым, из уст председательствующего раздалось (не гарантирую дословность): «Мы забыли рассмотреть вопрос об антиконституционном решении севастопольского Горсовета о российском статусе города. Прошу включить в повестку дня». Шум в зале... «Прошу голосовать... Включается... Теперь оглашаю решение... Прошу голосовать...». Крики из зала: «А обсуждение?» Голос Мороза: «Какое может быть обсуждение? Решение принято вне полномочий городского Совета. Оно антиконституционно. Голосуем».

Уставший от политической борьбы город промолчал. Но решение о российском статусе, принятое Горсоветом, несмотря на его отмену ВР Украины, повысило авторитет Горсовета и мой личный, как его председателя. По мнению горожан депутаты выполнили свое главное обещание о российском статусе города. Это позволило на некоторое время сохранить управляемость городом, несколько снизить «планку» его российского статуса. Но «единый Черноморский флот» никто не отменял.

Севастополь всегда был против Беловежских соглашений.

Согласованной концепции по ЧФ у Украины и России не было. Эпопея с ЧФ началась с провозглашением 24 августа 1991 года независимости Украины и принятием Верховной Радой Постановления о подчинении всех вооруженных сил, находящихся на ее территории, государству. Одновременно было создано министерство обороны Украины, и назначен его первый министр К. Морозов. 30 декабря 1991 года организаторы СНГ подтвердили право Украины, как и других образовавшихся независимых государств, на создание с 3 января 1992 года собственных вооруженных сил в соответствии с национальным законодательством. При этом в их прямое подчинение переходили все воинские формирования, находящиеся на территории бывших союзных республик, кроме общих (а де-факто российских с центром в Москве) войск стратегического назначения.

С точки зрения Украины принадлежность ЧФ государству не вызывала сомнений согласно ее вкладу в создание ВМС СССР. И при разделе ВМС Союза плавсостав и связанная с ним

инфраструктура ЧФ должны были бы полностью перейти к Украине. Да и базировался весь Черноморский флот, кроме новороссийской базы, на ее территории.

Россия же, понимая какие последствия для нее может иметь потеря флота, после отсутствия определения его судьбы при подписании Беловежских соглашений, стала утверждать, что ЧФ должен быть передан Украиной в состав сил стратегического назначения. Мотивация: в состав ЧФ входила Средиземноморская эскадра, в состав которой, в свою очередь, входили корабли и Северного и Балтийского флотов. В этом понимании ЧФ для СНГ (читай России) имел действительно стратегическое значение, несмотря на то, что Турция, как член НАТО, полностью контролировала проливы Босфор и Дарданеллы.

Неизвестно, как сложилась бы судьба ЧФ (а существовала и такая версия), что если бы президент Украины Л. Кравчук прибыл 3 января в Севастополь и зачитал свой, как Верховного главнокомандующего, Указ о переходе флота в его подчинение, при этом назначив командующим адмирала Касатонова, Россия теряла бы для себя Черноморский флот. Существовала ли такая возможность? Теоретически – да. Ведь более девяноста процентов состава ЧФ проголосовало за независимость Украины. Исчезала бы и вероятность перевода на Северный или Тихоокеанский флоты, где условия прохождения службы не сравнимы с крымскими или южноукраинскими. Однако руководство Украины останавливали ее провалы в экономике, огромные задолженности России за газ, боязнь лишиться Российских заказов для оборонпрома. Флот, стоимость которого по оценке западных экспертов составляла 80 млрд. долларов США, имел: 45 больших кораблей, 28 подводных лодок, более 300 мелких и средних судов, 151 самолет и 85 вертолетов палубной авиации, плюс инфраструктура флота и содержание станции помех от ракетного нападения (СПРН); кроме того, уникальный учебный центр подготовки летчиков морской авиации «Нитка» и испытательный полигон на мысе Опук, фактически не входивших в подчинение ЧФ. То есть у Украины не было практической возможности забрать весь флот, как и не было нужды в

нем согласно ее военной доктрине. Но отдать «свое» было жалко, да и как отдавать? Ведь тогда город и флот рассматривался как единое целое. Хотя еще в августе 1994 года председатель ВР Украины А. Мороз заявлял, что если бы ему пришлось решать судьбу ЧФ, то он просто отдал бы его России.

Потерю ЧФ Россия не рассматривала, да и рассматривать не собиралась. Для начала. Создание аналога севастопольской базы ЧФ в Краснодарском крае не было возможным не только из-за сумасшедших финансовых расходов, но и из-за рельефа и конфигурации его побережья. Но главное, потеря ЧФ была бы непоправимым ударом по России, исходя из самой ее сущности и концепции «лидера второй половины мира». Терять геополитическое влияние на своих южных границах она не собиралась. Как и не собиралась выводить флот из Севастополя. Для России это было «невозможно». Так проблема флота и его базирования переросла в проблему «чей город», а жители его на долгое время стали заложниками большой политики.

Выход из ситуации был один — переговоры. Практически началу переговорного процесса предшествовали события после апрельских 1992 года «параллельных» указов президентов Украины и России о переходе ЧФ под юрисдикцию своих государств, с назначениями командующими флотами соответственно Б. Кожина и И. Касатонова. Процесс противостояния был запущен. Образование новой структуры ВМС Украины вызвало полное неприятие командования ЧФ Российской Федерации. Ситуация обострилась до предела после скандальной шифрограммы Касатонова своему командованию.

Состоялся разговор двух президентов. И буквально на следующий день в Севастополь прибыли две правительственные делегации Украины и России, которые возглавили первый заместитель председателя ВР Украины В. Дурдинец и заместитель председателя правительства России Ю. Яров. Было принято решение о замораживании конфликта и подготовке встречи президентов в ближайшее время в Ялте. Переговоры продолжились в Одессе, где стороны лишь подтвердили важность продолжения переговоров относительно создания на Черном море ВМФ РФ и ВМС Украины.

3 августа 1992 года президенты Кравчук и Ельцин в Мухалатке под Ялтой подписали Соглашение «Про принципы формирования ВМС Украины и ВМФ России на базе ЧФ прошлого СССР». Считалось, что ЧФ выводится из подчинения СНГ и становится объединенным флотом Украины и России с объединенным командованием, которое назначают два президента. Соглашение предусматривало до конца 1995 года использование флотом существующей системы базирования и материально-технического обеспечения. При этом по каждой статье Соглашения предусматривалось подготовить отдельные соглашения. В январе 1993 года решением двух президентов командующим ЧФ был назначен вице-адмирал Э. Балтин. Но флот как подчинялся ранее, так и продолжал подчиняться российскому военно-морскому ведомству, его командующему адмиралу Ф. Громову. И это несмотря на то, что флот в основном финансировался Украиной. Газовый «крантик» довлел над Украиной на переговорах. Однако Украина «получила» согласие на формирование собственных ВМС со штабом в Севастополе, под который ЧФ «любезно» выделил помещение бывшей школы прапорщиков.

21 апреля 1994 года я получил официальное приглашение от российской стороны принять участие в переговорах по ЧФ, которые должны были пройти в штабе флота. Аналогичное приглашение получил и избранный президентом АРК Ю. Мешков. От украинской стороны такого приглашения не последовало. Встреча делегаций должна была определить практические шаги по реализации Соглашения, подписанного президентами. Предусматривалось поэтапное урегулирование проблемы ЧФ.

Для решения этого вопроса в Севастополь прибыли «высокие» делегации. Украинскую сторону представляли министр обороны Украины генерал армии Радецкий В., его заместитель генерал-полковник Бижан И., заместитель министра иностранных дел Б. Тарасюк и командующий ВМС В. Бескоровайный.

Российскую делегацию возглавил министр обороны генерал армии Грачев П. С ним прибыли посол по особым поручениям МИД РФ Ю. Дубинин и командующий ВМФ Ф. Громов.

Встреча в Севастополе министра обороны Украины В. Радецкого.

С трудом пробрался через толпу, заполнившую все пространство перед зданием штаба флота. В торцах зала заседаний стояло два длинных стола для участников делегаций. А у стены между ними два отдельных столика с табличками: «Президент АРК Ю. Мешков» и «Председатель Севастопольского городского Совета В. Семенов». В зале ко мне подошел заместитель министра иностранных дел Украины Б. Тарасюк и сказал: «Ваше участие в заседании не предусмотрено. Вы не включены в состав официальной делегации Украины». Не включен, так не включен. Вышел. На площади перед зданием бушевала толпа, которой полностью «овладел» Ю. Мешков с мегафоном в руках.

На следующий день в час дня раздался звонок по ВЧ. Звонил Грачев: «Приезжай на дачу командующего, пообедаем, заодно и

переговорим». Эта была далеко не первая встреча с министром обороны России. Об их количестве говорит то количество подарочных часов «от министра обороны РФ», щедро выделяемых им на официальных и неофициальных встречах... За столом были Грачев и Мешков. Увидев меня, Грачев встал и проводил к выходу Мешкова. Остались вдвоем. Безусловно, оставаясь сторонником российского Черноморского флота и российского статуса города, воевать за него, зная позицию своего президента, он не собирался. Но найти решение, удовлетворяющее обе стороны, не удавалось. Из разговора понял, что теперешняя ситуация Россию полностью на сегодняшний день устраивает. В ее интересах сохранить, заморозить ситуацию, надеясь на благоприятную для нее политическую развязку в Крыму и Севастополе.

Обед затягивался. Всегда поражало умение Павла Сергеевича выпивать. Даже при значительном употреблении спиртного он всегда сохранял четкость мыслей, умение держаться. Но сейчас ведь ему было необходимо ехать на продолжение переговоров. Несколько раз заходил ординарец, спрашивая: «Когда будете? Делегация ожидает». Время перевалило за три часа. Раза два уходил в комнату, где стоял телефон правительственной связи. После очередного разговора дал команду звонить на Бельбек – готовить к вылету самолет. «Улетаем в Москву». Читая мемуары Дубинина и других участников переговоров, нигде не нашел их объяснения куда и почему «пропал» Грачев. Из моей беседы с ним стало ясно, что Россия совсем не заинтересована в конкретике обсуждаемых вопросов. Ведь речь должна была идти о месте дислокации ЧФ, дележе кораблей, судов, самолетов, их размещении. Предложение Украины не устраивало Россию, поэтому в разговоре, очевидно, с президентом России было принято ограничиться ничего не значащим протоколом. Думаю, что без подписи главы российской делегации, встреча становилась еще более «бумажной». Россия продолжала использовать всю береговую инфраструктуру для флота, который только на словах был объединенный, а фактически принадлежал ей. Но еще раз подчеркну, Россия не собиралась принимать радикальных мер.

Хотя в Крыму, да и у нас, были горячие головы. Как-то у меня в кабинете уже после принятия ВС России российского статуса города, появился советник Ю. Мешкова, по памяти, бывший командующий 32 армейским корпусом, дислоцирующимся в Крыму. «Виктор Михайлович, мы (кто «мы»?) закрываем вас с суши, а ЧФ с моря. Вы – наш президент!» Рассмеялся. «Мы это уже проходили. Не хочу получить дырку в голове».

Многоразовые переговоры не решали ни одного вопроса, а только больше запутывали ситуацию, загоняли в тупик саму проблему. Это относилось и к майской 1994 года встрече президентов в Москве и к их встрече в декабре того же года в Киеве.

Командующий Черноморским флотом не любил Украину, которая «посягала» на «его» флот, сверхкритично относился к Ельцину, считая его главным виновником развала Советского Союза, которому он служил верой и правдой. В то же время Балтин был согласен на мирное сосуществование в городе, говоря: «Хоть и по украинским законам, но тебя избрал народ».

Приближались 50-летие окончания Великой отечественной войны и 51 годовщина освобождения Севастополя, они приходились на один и тот же день 9 мая. Ко мне обратился Балтин с предложением восстановить советские традиции празднования Дня Победы. Для севастопольцев праздник Дня Победы был, наверное, самым почитаемым праздником в городе. Алгоритм его празднования при Союзе был традиционно постоянным: утром колонна машин с руководством города, флота и ветеранами формировалась у здания горисполкома и направлялась к обелиску на Сапун-горе для возложения венков и цветов. Далее возложение к памятнику на мысе Фиолент и перед 10 часами – к мемориалу на площади Нахимова. Ровно в 10.00 начинался Марш победителей. Колонна ветеранов Великой отечественной войны формировалась возле ДОФ. Тогда еще были живы ветераны, непосредственно принимавшие участие в боевых действиях при обороне Севастополя и при его освобождении. Ветераны проходили мимо трибуны, кто мог по состоянию здоровья доходил до площади 50-летия Октября (сейчас Лазарева), а тысячи людей, стоявших на тротуарах площади и улицы Нахимова, бросали им под ноги ветки сирени, живые цветы. Мой отец, участник героической обороны Севастополя, в этот день как бы себя не чувствовал, надевал мундир с наградами и, в последнее время уже опираясь на мать, считал обязательным пройти в колонне ветеранов. Во главе колонны шли Герои Советского Союза. В живых при мне оставалось 21 человек таких ветеранов. Далее шли «коробки» военнослужащих ЧФ.

Балтин предложил объединить усилия для организации празднования. «Давай, — сказал я. — Только учти, в параде должны принять участие и ВМСУ». — «Этого не будет», — сказал Эдуард Дмитриевич. «Тогда не будет и парада», — сказал я. «Я проведу парад сам, и ты мне этого не запретишь», — были последние слова командующего.

На следующий день через открытую балконную дверь, выходившую на веранду моего кабинета начал раздаваться какой-то шум. Помощники доложили, что к месту, где обычно стояла трибуна, подъехала грузовая машина. Матросы открыли борт, устанавливают микрофоны – сооружают импровизированную трибуну. Набрал Балтина. «Что за подготовка?» – «Я же сказал, что проведу парад». – «А ты согласовал с президентами?» – «И не собираюсь». Кстати, такие поступки были характерны для Балтина. Позвонил Кучме. Рассказал об обстановке в городе и сказал: «Ваш ставленник собирается провести парад». – «Ну и что здесь страшного?» – «Страшного ничего нет, но он против участия в нем военнослужащих ВМСУ».

День прошел в нервном напряжении. Работалось с трудом. Но телефоны молчали. По моей просьбе телефоны малой и даже правительственной связи я мог переключать на приемную, что было не положено. Особенно возмущался первый заместитель главы президентской администрации В.Г. Яцуба, с которым мне приходилось общаться наиболее часто. «Тебе зачем поставили правительственную связь? Чтобы я разговаривал с твоими?..»

Первое общение с Владимиром Григорьевичем началось с противостояния во время одного из «круглых столов» в Киеве по устройству государства. Я утверждал, что государство может состояться

только в случае сильных, в меру самостоятельных регионов. Яцуба усмотрел в моей системе элементы федерализма, против которого он рьяно выступал. «Зачем же ты приезжаешь в Киев за деньгами? Ну и живи самостоятельно в своем Севастополе».

Наше частое общение переросло в настоящую дружбу, дружбу семьями. Она продолжилась и тогда, когда Владимир развелся со своей первой женой Ольгой, матерью двух его сыновей, оставшейся в Днепропетровске дорабатывать до льготной пенсии, в то время как он ухал на работу в администрацию президента. Моя жена Светлана предупреждала Ольгу: «Надолго мужиков одних оставлять нельзя»... Сложившиеся нормальные, теплые отношения с его второй женой Оксаной только укрепили нашу дружбу. Оксана родила ему маленького Вовку, в котором он души не чаял. Руководитель, хозяйственник от бога, он всегда по возможности подставлял мне свое плечо помощи, на каких бы высоких должностях не находился. А жители Севастополя, где Володя заканчивал свою государственную

службу в должности главы администрации, и сейчас считают, что более сильного хозяйственника-руководителя у города не было.

Часов в семь вечера секретарь доложила, что по «малой» звонит Балтин, просит соединить. Попросил передать, что занят. Через некоторое время снова звонок. И так повторялось несколько раз. Потом секретарь говорит, что Балтин угрожает, если я не возьму трубку, он взорвет город. Снимаю трубку и слышу голос Балтина с заплетающимся языком: «Михалыч, давай встретимся, поговорим, выпьем». — «Дмитрич, куда тебе пить, тебе уже хватит». — «Я не шучу, давай встретимся, или я взорву город». — «Хорошо, не взрывай, приезжай ко мне». — «Нет, ты ко мне». Договорились встретиться на Нахимова у Кима (его заместителя) в помещении военного строительства ЧФ где-то через часик.

В комнате был Эдуард Дмитриевич и его порученец Иван. Балтин фактически спал в тарелке. Увидев меня: «Ваня, наливай». Я сказал порученцу, чтобы он не торопился. Разговаривать с Балтиным на трезвую голову было бы бесполезным. Стоя, налил себе в фужер коньяка. Выпил, не закусывая. Опять: «Ваня, наливай». — «Подожди». Поставил фужер и сел за стол. Закусил. «Ну, вот теперь давай поговорим»... Около полуночи под охраной «морпехов», которые обычно всегда сопровождали командующего, наконец добрался до дома. Что я только не выслушал от жены. «Зато теперь мы можем спать спокойно, мир сохранен», — сказал я и с чувством выполненного долга отправился в спальню.

На следующий день у меня в кабинете вместе с Балтиным и командующим ВМСУ Бескоровайным полностью согласовали программу праздника. Традиционное возложение венков, Марш победителей, прохождение военных «коробок» ЧФ и ВМСУ, обед от моего имени с ветеранами в ресторане «Севастополь». Вечером салют и во время салюта фуршет на «троне» – так я называл смотровую трибуну, возвышающуюся над морем, возле Памятника затопленным кораблям, построенную для просмотра морского парада в День флота для правящей элиты страны еще в партийное время. Были разногласия по

самому процессу военного парада, но договорились и здесь. За ветеранами выстраивались военнослужащие ЧФ, за ними ВМСУ. Споров здесь практически не было. ВМСУ ведь «вышли» из ЧФ. Командующие объезжают только свои построения и возвращаются на трибуну. С речью к жителям города обращался я, единственным условием от адмиралов было закончить речь словами: «Ура, товарищи». Слева от меня на трибуне должны были находиться члены военного Совета ЧФ, справа ВМСУ. Среди них размещалось руководство города.

Поднялся на трибуну. Осмотрелся. Вроде все, кому положено, здесь. Вдруг вижу, стоит под трибуной начальник управления службы безопасности Украины в городе Кунцевский. «Владимир Федосович, чего ты там стоишь? Поднимайся». — «Виктор Михайлович, ты что — забыл? Мы ведь давно договорились, кто и где должен стоять». Ничего не понял.

Уже после моего возвращения из долгосрочной загранкомандировки из Санкт-Петербурга он рассказал мне историю, о которой я совсем забыл. Летом 1972 года во время поездок в составе бригады обкома комсомола, которую он возглавлял как завотделом, разговорились о том, кто как собирается жить дальше. Володя рассказал, что ему предложили работать в КГБ, и он уже оформил все документы. Я же сказал, что и у меня были такие же предложения, но это значит, что всегда надо будет стоять в стороне и наблюдать, что вокруг тебя происходит. А я хочу стоять на трибуне и махать рукой. Тогда между этими событиями прошло более двадцати двух лет.

Все шло по плану. Хотя Балтин все-таки перед началом парада попытался испортить мне настроение. Он достал из ножен кортик и взялся за провод микрофона, который стоял передо мной. «Сейчас я перережу провод. Мне принесут другой микрофон, и речь буду говорить я». С шутками Балтина я был хорошо знаком, поэтому спокойно сказал: «Если хочешь испортить людям праздник, нечего резать провод, говори в этот». Но это были только цветочки. Прошли моряки ЧФ. И вот когда через некоторый интервал к трибуне приблизились «коробки» ВМСУ, по команде Балтина высший командный состав ЧФ покинул трибуну. Конфликт флотов был налицо.

Спустился с трибуны. Меня окружили украинские и российские журналисты. Было несколько журналистов из зарубежных изданий. К трибуне пропускались те, кто прошел аккредитацию. Один из них задал вопрос: «Как вы относитесь к поступку адмирала Балтина?» – «Как можно относиться к поступку невоспитанного человека?», – ответил я и пошел в сторону Горсовета. В толпе журналистов продолжала бесноваться симферопольская журналистка Т. Коробова, известная своими призывами об изгнании российского Черноморского флота из Крыма. Солидные издания редко пользовались ее перлами из-за матершинных слов, нередко встречающихся в подготовленных ею материалах. Поступок Балтина в Киеве остался без внимания — созерцательная политика Киева по отношению к Крыму и Севастополю продолжалась. Продолжилось и мирное сосуществование между мною и Балтиным.

Средства массовой информации жадно хватались за такие «жаренные» факты и еще больше накаляли ситуацию в городе. Как-то вечером договорились встретиться на даче командующего. Я задерживался на работе. Позвонил Балтину, сказал, что немного задерживаюсь. «Отправь машину за Светланой». Вечерние посиделки обычно начинались с его монологов. Балтин ходил вдоль веранды, на которой был накрыт стол, клеймя все и всех. При этом его любимым занятием было ковбойское покручивание на пальце пистолета, с которым он никогда не расставался.

Раздался звонок – жена. «Витя, я уже дома». – «А что случилось?» – «Приедешь, расскажу». Оказывается, читая женщинам «лекцию о международном положении» и покручивая пистолет на пальце, не удержал его. Пистолет упал на мраморный пол. Раздался выстрел. Пуля попала в мягкие ткани, то есть в «зад». Это видели только два человека – наши жены. Но в средствах массовой информации эпизод приобрел политическую окраску. Произошло, чуть ли не покушение на командующего.

Был случай, когда я оказался причастным к модернизации флота.

В последние годы советской власти пополнение ЧФ кораблями и боевой техникой не проводилось. Флот устаревал не только морально, но и физически. Не было ни одного достойного корабля, который бы по праву носил звание флагмана ЧФ. На это неоднократно жаловался адмирал, но решить этот вопрос собственными силами он не мог. Вмешался случай, невольным участником которого стал я.

В городе частым гостем стал мэр Москвы Ю. Лужков, который решил взять шефство над ЧФ.

Строительное управление флота «сидело» без заказов, поскольку единого безразмерного оборонного бюджета бывшего СССР уже не существовало. Не было денег для строительства жилья для военнослужащих ЧФ и у российской власти. Финансирование взяла на себя мэрия Москвы. Город выделял земельные участки в районе проспекта генерала Острякова. Ежегодно стройуправлением флота сдавался дом, а иногда и два. Уже впоследствии со стороны Украины

мне предъявляли претензии о выделении земли «москалям». Почему впоследствии? Да потому, что в ту пору это строительство Украину абсолютно не волновало. Шла война за флот и подспудно за украинский Севастополь. Не волновало и то, что почти четверть города пенсионеры, а добрая четверть из них льготники. В силу скудности бюджета о жилищном строительстве в городе уже давно забыли. А строительство московских домов позволяло городу гарантированно по договоренности получать две-четыре, а при строительстве многоквартирного дома до восьми квартир.

Сам процесс пребывания в Севастополе Лужкова был отработан до мелочей. Утром к 10 часам прилетал борт с российской делегацией во главе с мэром и группой известных артистов с обязательным присутствием Кобзона и Газманова, которые вечером давали концерт в ДОФ. Где-то в районе 11 часов — митинг по случаю закладки первого камня или раздачи ключей, далее — Графская пристань и катером на 14 причал, где стояли два вертолетоносца семидесятых

годов постройки — «Москва» и «Ленинград». Стояли у причала мертвым грузом, поскольку по причине коррозии корпусов выйти в море было опасно. Флагманом флота считалась «Москва», а «Ленинград» готовили на судоразделку. На «Москве» — встреча делегации с личным составом, небольшой концерт на палубе, обед в кают-компании. Обеды проходили практически без спиртного, что в то время было просто не принято. И впоследствии я никогда не видел пьющего Лужкова. Как обычно, члены команды получали подарки от мэ-

рии. Как-то я пошутил: «Юрий Михайлович, вы уже навезли столько подарков, что «Москва» не может выйти в море». Лужков подключил к разговору Балтина. Разговор между ними перешел в практическую плоскость и получил дальнейшее развитие.

На одном из ужинов у Балтина он открыл бутылку хорошего коньяка и тостом поблагодарил меня за участие в модернизации флота. Оказалось, что благодаря моей шутке, Лужков поднял этот вопрос на высоком уровне в Москве, и было принято решение о модернизации в Николаеве построенного там же на заводе «61 коммунара» ракетного крейсера «Слава», который после списания противолодочного крейсера «Москва» унаследовал его имя и стал флагманом ЧФ.

О воровстве на флоте знали многие в городе. Целые корабли, суда перерабатывались на местной судоразделке. К портопункту «Большой Инкерман» рейсовому пассажирскому катеру нужно было подходить осторожно из-за «топляков» – полузатопленных кораблей, подводных лодок, вспомогательных судов флота, заполнявших бухту, на берегу которой и проводилась их разделка. Списывалось и еще годное оборудование. Не один раз пытался поднять этот вопрос в разговоре с Балтиным, но наталкивался на один и тот же ответ: «Это – отработанная матчасть, какое же это воровство? Все идет правильно, меньше достанется «хохлам». Такой была твердая позиция командующего флотом. Хотя сам он, исходя из своих убеждений, что воровать ниже собственного достоинства, выгоды от возможных сделок со многими нулями, на мой взгляд, не имел. В городе разбираться с этим вопросом было не с кем, да и ввязываться в разборки, особенно после того как в подъезде собственного дома был застрелен один из идеологов «русской идеи» капитан первого ранга Лазебников А., мне не хотелось. Убийство было явно не политическим, хотя было трактовано как таковое. Но когда мне доложили, что за границу «втихаря» должно уйти на продажу одно из вспомогательных судов флота, я решил обратиться к Дурдинцу, которого я считал бескорыстным и принципиальным человеком. Не доверяя средствам связи, полетел в Киев. Василий Васильевич выразил свое возмущение и сказал, что знает, как это пресечь. Каково было мое изумление, когда я узнал, что судно все-таки ушло за границу. В последующем разговоре Дурдинец выглядел как-то растерянно, и я понял, что ничего не понял. Однако для себя решил, бороться с

ветряными мельницами не стоит – может быть опасно для жизни.

Черноморский флот продолжал носить символику уже несуществующего Советского государства. Корабли ходили под флагом ВМФ СССР. Военные самолеты летали с изображением пятиконечной красной звезды. Интересный случай произошел на аэродроме Анапы, где приземлился борт командующего ЧФ Ту-134 пролетом в Москву, куда мы летели каждый по своим делам вместе с Балтиным. Самолет дозаправляли, Балтин куда-то удалился, а я стоял чуть поодаль от самолета. Мимо проходил в спецовке кто-то из обслуживающего персонала. Удивленно посмотрел на самолет, его символику и спросил: «Вы откуда прилетели?» — «Из прошлого», — ответил я.

Город продолжал жить прошлым с надеждой на будущее, не имея определенности на настоящее. Как я уже отмечал, многочисленные встречи по ЧФ не вносили ясности и, на мой взгляд, были просто оттяжкой времени. Понимая абсурдность решений, пытался сделать из мухи слона и, чтобы смягчить обстановку в городе, комментировал принятые решения как положительное продолжение переговорного процесса. Наверное, я поступал неправильно, но сохранить в городе более или менее спокойную жизнь, если можно в тот момент назвать ее спокойной, по-другому я не мог. Другую позицию занял Балтин. Гнул «правду-матку», считал принятые решения глупыми и обвинял российскую сторону в нерешительности. Дело дошло до того, что во флотской газете «Флаг Родины» высказался о самостоятельности флота в принятии решений. «Бездарные решения флот выполнять не будет», – заявил он. Это насторожило Москву. Раздался звонок из администрации президента. Звонил Рюриков. «Как складываются у вас отношения с Балтиным?» - «Личные - отлично. А так, как могут складываться отношения с непредсказуемым человеком. Впрочем, почему непредсказуемым - предсказуемым. Вас что - удивило его последнее выступление против Ельцина? Так он никогда не был «вашим». Вспомните, как голосовал флот на выборах президента России». - «А у вас сохранились их результаты? Если да, перешлите», - попросил Рюриков. «Без проблем», - ответил я. На выборах президента России флот в первом туре голосовал так: 1 – Лебедь,

2-3юганов, 3-Ельцин. Во втором туре большинство голосов было за Зюганова. Естественно, что флот голосовал так, как голосовал командующий.

6 февраля 1996 года я сидел в своем кабинете, принимая поздравления по случаю своего пятидесятилетия. Не хочу показаться нескромным, но торговки в центре города повысили цены на цветы. Поздравили по телефону и премьер и председатель Верховной Рады. Почему-то не звонил Кучма. В предыдущие годы обычно кроме официального поздравления — правительственной телеграммы, еще утром раздавался его звонок. Сейчас его не было. На душе было как-то неспокойно. Президент редко пользовался телефоном прямой связи. Обычно соединение происходило через его приемную. Сейчас же зазвонил «прямой». «Виктор, извини, замотался, с днем рождения тебя». — «А подарок, Леонид Данилович?» — «Подарок тебе это то, что я снял Балтина». Сказал спасибо, но подумал, что на самом деле этот подарок сделал мне Ельцин. По правде сказать, работалось с Балтиным очень сложно.

Третьим командующим ЧФ при моей власти в городе стал вице-адмирал Кравченко В.А. Это был высокообразованный тактичный военачальник-политик. Взаимоотношения с ним были рабочими, чисто деловыми. Разногласия практически всегда решались в спокойной обстановке, с поисками компромиссов. Виктор Андреевич строго стоял на стороне интересов России, но сумел наладить отношения с командующим ВМСУ М. Ежелем, который пришел на смену адмиралу Бескоровайному. Новый командующий ЧФ всегда показывал свое уважение как к государству Украина, так и к все более укрепляющему свое положение в Севастополе ВМС Украины.

В 1995 году заканчивался срок Соглашения, определяющего ЧФ, как совместный флот двух государств. При этом флот терял свое юридическое лицо, снова был должен стать флотом с неопределенным статусом. Однако за последние три года дипломатами и военными специалистами обоих государств была подготовлена правовая база, которая стала основой для разработки очень важных соглашений.

Выходом из создавшегося правового тупика стало подписание 9 июня 1995 года сочинского Соглашения. Была отработана структура базового Соглашения, которое состояло из трех входивших в него соглашений. Над соглашением «Про статус и условия пребывания ЧФ РФ на территории Украины» работала группа, которую со стороны Украины возглавлял заместитель министра иностранных дел К. Грищенко, а с российской – заместитель министра иностранных дел С. Крылов. Разработка соглашения «Про параметры раздела ЧФ» была поручена первому заместителю министра обороны Украины И. Бижану и главкому ВМФ России Ф. Громову. Первый заместитель министра финансов В. Гончарук возглавил со стороны Украины подготовку соглашения «Про взаимные расчеты, связанные с разделом и пребыванием ЧФ РФ на территории Украины». Переговоры по погашению задолженности ЧФ перед городом поручили мне, к тому времени сменившему одну из своих должностей - председателя горисполкома на главу городской государственной администрации, с сохранившейся сущностью – главы исполнительной власти города.

А долги флота были, и были не малыми. Особенно большими они были за электроэнергию. Это было не удивительно, потому что, повторюсь, город, несмотря на лимит по электроэнергии, не имел права на отключение ряда военных объектов, работающих круглосуточно. Работал по этому вопросу с первым заместителем министра обороны России А. Кокошиным. В решение вопроса практически сразу, непонятно, как он об этом узнал, пытался вмешаться лидер ЛДПР В. Жириновский. По телефону он предложил заключить Соглашение между городом и ЛДПР, в котором поручалось ЛДПР обеспечить погашение Россией задолженности городу. «Виктор Михайлович, они тебя надурят, ничего не отдадут, а я решу». Отказался. Услышал в трубке: «Если бы такое предложение получил от Зюганова, то наверняка бы согласился». Сказал, что не согласился бы и с Зюгановым, вопрос в стадии решения.

Алгоритм погашения долга российским газом меня более чем устраивал. Газпром поставляет газ Севастополю на сумму задолженности ЧФ городу. На эту же сумму Газпром освобождается от

налоговых обязательств государству. Для этого должна была состояться встреча в Москве в Газпроме. Прилетел в Москву. Глава Газпрома Вяхирев был в загранкомандировке и должен был вернуться к вечеру. Приехали с Кокошиным в офис Газпрома. Рэм Иванович появился в приемной где-то ближе к полуночи. Прошли в отдельную комнату переговоров. Принесли кофе. Вяхирев просмотрел письма от Горсовета, горадминистрации за моей одной подписью, письмо правительства Российской Федерации. Неожиданно положил передо мной лист бумаги и сказал: «Пишите расписку, что вы должны рассчитаться со мной за газ, поставленный Газпромом Севастополю суммой эквивалентной задолженности России за коммунальные услуги городу». Смутно помню ее содержание. Что-то примерно такое: «Я, Семенов Виктор Михайлович, глава Севастопольской городской государственной администрации, обязуюсь рассчитаться за газ, поставленный Газпромом городу Севастополю (сумма была с 6 нулями) в счет компенсации долгов МО РФ коммунальным службам города в случае непроведения перерасчета налоговых обязательств Газпрома государственному бюджету». «Рем Иванович, что это за форма?» – «Это не форма, а гарантия того, что схема сработает». Подумал, что я ничем не рискую. Почетно быть гарантом самого Газпрома.

Так Севастополь практически на два года при большом дефиците газа в Украине оказался им обеспеченным. Этот газ не всегда поступал в город в холодное время года, а такое случается и в Севастополе, «благодаря» свату президента А. Франчуку, назначенному ВС АРК председателем Совета министров АРК. Пользуясь своей властью, он давал команду Черноморнефтегазу открывать газовую заглушку на Симферополь, который был хроническим неплательщиком. В результате давления в газопроводе высокого давления на Севастополь не хватало, чтобы запустить «камышовскую» котельную, которая обогревала чуть ли не треть города.

Руку, вернее, лапу на «мой городской газ» пытался наложить и премьер–министр П. Лазаренко. Он вызывал всех руководителей регионов по одному и предлагал для обеспечения газом подписывать

договор с одним и тем же поставщиком. Не помню сейчас, вроде бы с «Итерой». Так было и со мной. Сказал ему, что газ у меня есть. Лазаренко: «Это не твой газ, а государственный». — «Нет мой», — сказал я и положил перед ним на стол мою расписку Вяхереву.

Вторая половина 1994 года и первая 1995 года ознаменовалась непримиримой борьбой между Морозом и Кучмой за власть. Исходя из того, что всеобщим голосованием избирались председатели областных, Киевского и Севастопольского городских Советов, которые автоматически становились председателями соответствующих исполкомов - руководителями исполнительной власти на местах, Мороз пытался замкнуть вертикаль исполнительной власти на ВР. Руководители Облсоветов – исполкомов и мы с Л. Косаковским стали постоянными «посетителями» Верховной Рады. Также мы были и постоянными участниками заседаний КМ Украины. С учетом медленно, но все-таки развивающейся экономики, такая схема управления была малоэффективной. И поэтому на встрече с президентом все мы поддержали его предложение о преобразовании исполкомов в государственные администрации с прямым подчинением президенту. Это было частью Конституционного соглашения, которое президент предлагал подписать ВР, и принятие которого всячески тормозилось его председателем. Президент все-таки «дожал» ВР, и Конституционное соглашение было подписано. Большинство председателей облисполкомов, в том числе и я с Косаковским, были назначены главами соответствующих администраций. Так в конце 1995 года у меня впервые появился непосредственный начальник. Три с лишним года я был «котом, который куда хотел туда и ходил», любые решения, служебные поездки мне не надо было ни с кем согласовывать, просто «посоветоваться» с собственным Советом, то есть с собой. Но были среди председателей и пострадавшие. Таким пострадавшим стал киевский руководитель Л. Косаковский.

После своего назначения я теперь уже был не приглашен, а срочно вызван к президенту. За приставным столом в кабинете президента сидел крепко сложенный с пробивающейся проседью на висках

человек. «Знакомься, глава Киевской городской администрации Александр Омельченко. Теперь он будет руководить Киевом. Запомни, Косаковского больше для тебя не существует. Вы с Александром хозяева двух самых важных для Украины городов и должны работать в связке. Я вам буду помогать во всем». И хотя партнерские отношения между Киевом и Севастополем и при Косаковском были на хорошем уровне, и никаких противоречий с Леонидом Григорьевичем у меня не возникало, я кивнул головой в знак согласия.

Леонида «съело» окружение президента. Их пугал его стремительный карьерный рост. Был избран на альтернативной основе первым секретарем Печерского райкома партии, далее председателем районного Совета и райисполкома того же элитного района Киева и, наконец, был назначен представителем президента в Киеве. Набрав около полумиллиона голосов на выборах 1994 года в Киеве, выиграв борьбу за должность председателя Горсовета – горисполкома, Косаковский стал полновластным хозяином города на четыре года. Окружение президента, да и сам Кучма стали видеть в нем будущего соперника на грядущих хотя и не близких президентских выборах. Да и сам Косаковский своим поведением, безальтернативными высказываниями и всем своим видом показывал, что он не прочь задуматься о столь высоком посте. Не получив от Кучмы в 1995 году должности главы администрации, он был фактически отстранен от власти в Киеве, находясь в заблокированном своем кабинете на Крещатике.

Александр Александрович сильный хозяйственник, выросший из строительного рабочего, прошедший все ступеньки строительных должностей до руководителя крупного строительного предприятия, имел одну «достопримечательность», он родился мало того, что в один 1938 год с президентом, но и в один и тот же день — 9 августа. И хотя он уже познал вторые роли в руководящих административных органах, во всем, начиная от общения, был значительно проще Косаковского. Отношения между нашими городами начали приобретать более предметную окраску, отходя от той политической направленности, которая была присуща при Косаковском. А наши

личные отношения приобрели, можно сказать, дружескую форму.

Всегда буду благодарен Александру и за решения моих личных проблем уже после моего переезда в Киев. Получив ордер в депутатско-кабминовском доме, рядом со станцией метро Осокорки на Срибнокильской улице на левом берегу Днепра, даже не живя в Киеве, понимал, что левый берег – это левый берег. Квартира была четырехкомнатная в новом построенном доме, но, откровенно говоря, я не привык жить далеко от работы. Зашел к Омельченко, тот задал вопрос: «Определился с жильем?» Положил ему на стол ордер. Александр надавил на клавишу: «Голица, зайди». Зашел один из его заместителей. Омельченко спросил: «Ты знаешь этого человека?» Голица кивнул утвердительно. «Так вот, Украина за то, что в него стреляли, взрывали, жить отправляет на левый берег. Возьми ордер. Виктор Михайлович будет работать в МИД. Подбери ему, что будет его устраивать где-то рядом с работой. Даю тебе неделю срока. Надеюсь, что этого вопроса в нашем с Виктором Михайловичем разговоре больше не будет».

С назначением Омельченко мало что изменилось в отношениях с Киевом. Правда, может быть, схема поддержки ВМСУ приобрела более конкретное содержание.

В штабе ВМС Украины.

Однажды, выслушав «фэ» от президента по поводу очередного выделения земли для жилого дома для военнослужащих ЧФ, не выдержал: «Каким бы не был Лужков, он строит дома, и город от этого получает квартиры. А от «наших» – культурные программы и подарки. Вызовите Омельченко и Демина. Киев и Харьков далеко не бедные регионы. Пусть построят хоть один дом для военнослужащих ВМСУ. Землю я выделю, но и парочку квартир заберу». — «Ты когда улетаешь?» — «Сегодня». — «Улетишь завтра. Сегодня в 19 чтоб был у меня». Вечером было принято решение о строительстве сорокавосьмиквартирного дома. Контроль над ходом строительства взял лично президент.

Встал вопрос о выборе подрядчика. Отношения с Севастопольстроем, с его руководством у меня не складывались еще со времен выборов, когда его руководитель поддерживал Ермакова. Строительное управление ЧФ отпадало автоматически.

Несмотря на мою «нелюбовь» к Симферополю и команду не пускать крымский и симферопольский бизнес в город – у нас и своих «бандюков» хватает, попросил своих помощников подыскать в Симферополе не «засвеченную» и не «запачканную» строительную

Сдача дома для ВМСУ фирмой «Консоль». В. Константинов третий справа.

фирму. Помощники предложили еще находящуюся в стадии развития фирму «Консоль». Пригласил ее руководителя В. Константинова.

В процессе строительства Владимир имел личные контакты практически со всеми, кто находился в Украине у руля власти. Так началось становление строительного крымского монстра «Консоль», и открылся путь в большую политику Константинова, поменявшего должность председателя ВС АРК на должность «председателя Госсовета Крыма» на оккупированном Россией полуострове.

Следует отметить, что Севастополь в Украине всегда воспринимался как инородное тело. Все равно для Украины он был чужим. Приведу один пример, который это подчеркивал. О погоде в Севастополе жители обычно узнавали из российских информационных программ. Даже для первого украинского канала в разделе погода такого города не существовало. Как-то на встрече с президентом спросил: «Леонид Данилович, Севастополь российский или украинский?» Последовал ответ, в переводе на цивилизованный язык означавший — «у тебя, что — крыша поехала?» Рассказал ситуацию. Кучма схватил трубку телефона: «Кулик, Севастополь российский или украинский?» Кулик возглавлял в то время комитет по телевидению и радиовещанию Украины. И далее по схеме... Вечером, вернувшись в свой гостиничный номер, включил телевизор. Шла программа УТ-1, из которой я узнал, какая погода будет завтра в Севастополе.

Оторванность Севастополя от Украины стала понемногу уменьшаться со становлением ВМС Украины. При Союзе регионы и города брали шефство над кораблями и частями вооруженных сил. Эта схема продолжала существовать и для кораблей ЧФ. По этой же схеме области и города Украины стали брать шефство над кораблями ВМСУ. В город зачастили украинские делегации. Заработала и программа «Севастопольская весна», построенная на обмене делегациями регионов Украины, с широким освещением

в региональных средствах массовой информации. Предусматривался и обмен культурными программами.

Вспоминается случай на встрече со средствами массовой информации во Львове. Где-то у меня проскользнул пассаж, что Украина – это еще не государство. Сразу последовал вопрос, почему я так считаю. Привел пример из своего посещения США. В Бостоне в музее флота экскурсию проводили седовласый ветеран и совсем еще молодой скаут. И когда ветеран рассказывал о первом сражении американского корабля с английским в Атлантике, мальчуган закончил его выступление словами: «И мы победили». Совсем еще юный гражданин США ассоциировал себя со страной, с ее историей. Причем в его словах чувствовалась гордость за свою родину. Девушка-гид, проводящая экскурсию по Стэндфордскому университету, рассказывала об его истории и, когда мы проезжали мимо бейсбольного поля, она сказала: «На этом поле сто лет назад впервые прошел матч. Команда нашего университета встречалась с бейсболистами ... университета». И опять – «мы победили». А любовь американцев к национальной символике? С каким уважением к флагу отдавали ему приветствие американские моряки, сходя на берег с корабля шестой Средиземноморской эскадры, прибывшего с дружеским визитом в Севастополь... Сказал, что когда каждый, хотя, может быть, и не каждый, но большинство людей, живущих в Украине, будут ассоциировать себя с государством, тогда можно сказать, что Украина состоялась. Практически все присутствующие закивали головами. Интерес к Севастополю в Украине повышался. Но еще больше я чувствовал появление интереса к городу, пребывая за рубежом. Так в Штатах, оказавшись в курилке с рядовыми клерками, слово «Украина» в разговоре вызвало недоумение, Черное море – уже теплее, а Севастополь - закивали головами. Правда, может быть, еще и потому, что в США есть город аналогичного звучания – Себастополь.

Делегация мэров городов Украины была приглашена в США, почти что на месяц, с целью ознакомления со структурой власти в государстве. В делегацию я попал по личному приглашению мэра

Харькова Е. Кушнарева, который возглавлял ассоциацию мэров городов Украины, который и формировал ее состав. С Евгением мы были знакомы еще со студенческих лет. Объединяла нас любовь к спорту. Я, будучи мастером спорта по баскетболу, играл за местный по тогдашним меркам профессиональный клуб «Строитель», а Женя был неплохим гандболистом. Наши пути пересекались, когда после окончания университета я работал на одной из кафедр ХИСИ, а Женя его заканчивал. И хотя я принадлежал к более высокому уровню руководителей местного самоуправления, от поездки в Америку я, безусловно, отказаться не мог, тем более что поездка и даже перелет из Севастополя в Киев оплачивалась принимающей стороной.

После окончания одного из занятий, именно занятий, в форме которых была построена программа нашего пребывания в стране, ко мне подошел один из сотрудников госдепа, а в тот день занятия проходили в его центральном офисе, и сказал, что меня приглашает заместитель госсекретаря США. Не могу ли я уделить время в пределах часа для беседы с ним. Отправил его за разрешением к руководителю делегации В. Дурдинцу.

Увидел необычайный интерес у своего собеседника к ситуации в городе. Для меня было удивительно, что он показал широкую осведомленность в том, что происходит в городе, особенно на флоте. А интересовали его больше нюансы, положение внутри этой ситуации, я же по накатанной схеме больше говорил об экономике города, о сложности формирования его бюджета, изношенности коммунальных сетей города... В заключение разговора он пообещал организовать встречу в Международном банке реконструкции и развития. МБРР вместе МАР-фондом для беднейших стран предоставлял займы, гарантии, консультационные услуги странам со средним уровнем доходов, занимался координацией мер реагирования на региональные проблемы. Благо МБРР тоже находился в Вашингтоне, куда первоначально прибыла наша делегация.

И такая встреча состоялась. Она превзошла все мои ожидания. Разговор коснулся о водоснабжении города, об изношенности его коммунальных сетей. По окончании встречи услышал, что банк

может выделить на программу реконструкции водоснабжения и канализации города беспроцентный кредит на пятьдесят лет! Но существовали и условия: программа разрабатывается западными специалистами, закупку материалов, оборудования, проведение работ осуществляют западные фирмы. Собственно, это было стандартной схемой. Она где-то напоминала финансовую схему нашей поездки в США. Грант был предоставлен правительством Соединенных Штатов Америки. Перелет осуществлялся американскими авиакомпаниями, проживание в гостиницах, переезды, оплата лекторов и даже шопинг — все деньги, что выделялись, фактически остались «дома». По результатам встречи договорились, что если в городе будет открыт «зеленый свет» — перейти к практической реализации проекта.

За принятие такого решения должны были проголосовать большинство депутатов Совета. Но уже после вынесения вопроса на обсуждение на сессии и выступления депутатов В. Пархоменко и особенно бывшего первого секретаря горкома партии П. Власенко, уже имеющего отношения с морзаводом, все стало ясно. Аргумент — зачем нам трубы из-за границы, когда на морзаводе есть свой литейный цех. Правда, он производил не трубы, а мелкие детали. Но это не пугало депутатов. Ничего — реконструируем его, плюс появятся новые рабочие места, и далее бред в таком же духе. Я думаю, что здесь больше сработали «пужалки» коммунистического прошлого, где внешние враги — США, приравнивались к внутренним «бандеровцам».

Внешним экономическим связям, да и не только внешним, мешала не только неопределенность статуса флота, а вместе с ним и города, а, наверное, еще в большей степени его «закрытость». Въезд в город для его жителей осуществлялся по прописке в паспорте, а для физических лиц Украины и стран СНГ по приглашениям, оформляемым в райотделах милиции. Хотя строгость въезда была уже далеко не та, когда на постах стояли военные моряки. Въехать в город стало возможным не только по объездным дорогам, но иногда и просто за бутылку водки.

Для иностранных граждан город был вообще «закрыт». С точки зрения охраны правопорядка в закрытости города был больший плюс, чем минус. Это было общее мнение как севастопольских силовиков В. Кунцевского и В. Белобородова, так и их киевских боссов В. Радченко и Ю. Кравченко. Последние двое просили меня не поднимать вопрос открытости города на встречах с президентом. Наживать в их лицах оппонентов мне как-то не хотелось.

Многократные встречи с президентом научили меня понимать по тону разговора, что он хочет, или еще больше, что решение по обсуждаемому вопросу им уже принято. Ближе к концу 1995 года во время моей поездки в Киев президент раздраженным голосом задал мне вопрос: «Так, что ты там скрываешь в своем Севастополе?» Понял, что президент уже принял решение, и апеллировать ему по этому вопросу не стоит. Ответил то, что думал на самом деле – я за открытость города, но открытие – не его компетенция. Выйдя из кабинета, отзвонил Радченко и Кравченко. Предупредил, что такой разговор с президентом состоялся. Решением КМУ город в конце 1995 года был «открыт».

За время своей госслужбы я работал при пяти президентах, начиная с Кравчука и заканчивая исполняющим обязанности президента В. Турчиновым. С Турчиновым в его допрезидентской ипостаси наши пути не пересекались. С Януковичем, как президентом, в отличие от времени его премьерства, встречи были единичны, так что могу с уверенностью говорить о Кравчуке, Кучме и Ющенко. Вообще, характерная черта для всех президентов – со временем они начинают «бронзоветь». Из толерантных, взвешенных, умеющих с уважением относиться к собеседнику, выслушивать чужие мнения они становились антиподами себя допрезидентских времен. Правда, скорость «покрытия себя бронзой» была разная. С Кравчуком я познакомился, когда он был уже «бронзовым» – сказывалось его партийное прошлое. Кучма «бронзовел» постепенно. Но уже после двух лет президентства возражать ему было чревато. Правда, его требования, что за все в области, в городе, причем абсолютно за все, начиная

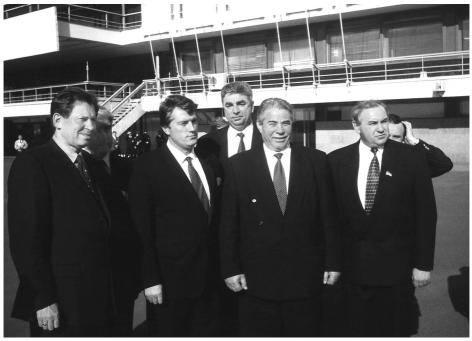
с вывоза мусора и заканчивая правопорядком, несет ответственность глава администрации, считал правильным. Ющенко-президент «побронзовел» чуть ли не моментально.

С Виктором Андреевичем я познакомился в 1993 году, когда он возглавил Нацональный банк Украины. Нельзя сказать, что были друзьями, но кроме рабочих вопросов иногда затрагивали и чисто бытовые проблемы. Так я знал, что у него в Крыму есть два места, где можно отдохнуть. Одно – в Ялте, другое – в Феодосии. В Феодосии у Нацбанка было служебное помещение – небольшое здание, которое использовалось для проведения выездных конференций, семинаров... Было в этом здании и несколько «приличных» номеров. Один – для Виктора Андреевича, другой – для его гостей. Кроме того, на прекрасном песчаном пляже на окраине города находилось «бунгало» с парилкой, небольшим катером и водными лыжами.

Об этом я вспомнил в 1999 году, уже работая в Санкт-Петербурге. Надо было ехать в отпуск. Вопрос «куда» — не стоял. Конечно в Крым — там мама. Хотелось побыть дома, но опять же хотелось и отдохнуть. Ведь два года провел без отпуска. Но отдохнуть вдали от людских глаз, без лишнего общения. «Дюльбер» по этой причине отпадал. Позвонил Ющенко в Киев. Он предложил Ялту или Феодосию. В Феодосии тоже были друзья, но их было значительно меньше, чем в Ялте. Написал заявление, оплатил время проживания в гостевом номере. После недели у мамы вместе с дочкой и сыном, которые учились в Киеве, поехали в Феодосию. Отдых прошел великолепно. В соседнем номере отдыхал Олег Рыбачук, тогда еще «никто», вместе с женой, дочерью и сыном. Целые дни проводили вместе у моря в «бунгало». Олег уезжал раньше, расстались как добрые знакомые.

Как-то мне сказали, что на денек приезжает Ющенко. Утром, собираясь на пляж, столкнулись с Виктором Андреевичем. Тепло поприветствовали друг друга, после чего Ющенко предложил вечером в 19.00 мне с женой поужинать у него в номере. Согласился. Но Светлана начала меня уверять: «Кому ты сейчас нужен? Виктор Андреевич пригласил тебя чисто из вежливости, а ты все воспринимаешь всерьез». Не пошли.

Но не прошло и года, и новая встреча с Ющенко, теперь уже с премьер-министром, прибывшим на Санкт-Петербургский экономический форум. Встретил его в Пулково. Полный официоз. И вдруг, когда на минуту мы остались вдвоем, последовал вопрос: «Виктор Михайлович, я никак не пойму, почему прошлым летом вы не пришли на ужин, ведь мы же договаривались?» Что мне оставалось делать? Сказать, что послушался жену? Ответил с юмором: «Виктор Андреевич, если бы я знал, что вы станете премьер-министром, я бы обязательно пришел». Ющенко засмеялся. Хлопнули друг друга по рукам. Оставшиеся полтора дня ни разу не увидел никакого превосходства в его глазах.

Встреча в Пулково. Справа от В. Ющенко губернатор Санкт-Петербурга В. Яковлев.

И вот Ющенко – президент. Первое его посещение МИД буквально сразу после инаугурации. В большом зале заседаний на встречу

с президентом был собран руководящий состав. Сначала в зал вошел Рыбачук (уже глава секретариата президента). Несмотря на разницу «в положении», подошел. Поздоровались. Олег спросил: «Ну как жизнь?» Ответил: «У тебя сейчас лучше». В зале прозвучало: «Президент Украины В.А. Ющенко». Все встали. Обвел всех взглядом. Встретились глазами. Это был взгляд абсолютно незнакомого человека.

Примерно через месяц президент захотел ознакомиться лично с ситуацией по ЧФ. На встрече присутствовали я и министр иностранных дел Б. Тарасюк. Но уже через полчаса Тарасюк по заданию президента ушел. Остались вдвоем. В беседе и близко не чувствовалось, что мы уже больше десяти лет знакомы. «Стояла стена» — он и все остальные. И таких встреч было несколько. Повторюсь, но то, что факт «бронзовения» остальных президентов, с которыми я работал, был налицо, подтверждали многие мои собеседники.

Возвращаясь с Мухалатки, президент Кучма остановился на КП в Гончарном, как он мне потом сказал — попить водички. КП размещался в брезентовой палатке, все остальное — полное отсутствие элементарных бытовых условий. Я, как всегда по протоколу, должен был встречать его у входа в гостевой домик на Бельбеке. Услышал от него: «У тебя люди на посту живут в свинских условиях. Смотри, буду через месяц возвращаться и не увижу на КП нормальных условий — пеняй на себя».

Через месяц поехал на Бельбек встречать президента. У «гостевого» увидел улыбающихся с чувством сожаления Радченко, Кравченко и Кузьмука. Эта тройка, правда, не всегда в полном составе, но с обязательным присутствием Кравченко, как правило, приезжала из своих апартаментов Черноморья, Бекетова, Партенита, где они отдыхали, для встречи или проводов первого лица. «Доступ к телу» был крайне ограничен. Направляясь с ЮБК на Бельбек, они, безусловно, не увидели по направлению своего движения никаких изменений на КП. Странно, что никто из них не обратил внимания на противоположную сторону трассы, где несколько в глубине от нее

был построен небольшой домик. Сейчас он заброшен и напоминает о временах закрытости города.

Процедура встречи президента была однообразной. Встреча у трапа самолета, заход в домик приемов на десять-двадцать минут, по фужеру сухого вина и отъезд на девятую дачу — президент всегда торопился на отдых. Процедура отлета напоминала прилет, но занимала несколько больше времени. Гораздо дольше она длилась для «допущенных». Все снова садились за стол... Процесс продолжался до той поры, пока шасси борта №1, не касались киевской взлетно-посадочной полосы.

Немножко о самом домике приемов. Он представлял благоустроенное, но без различных излишеств одноэтажное функциональное здание. В нем был довольно вместительный холл, просторный обеденный зал и даже небольшой кабинет с примыкающей комнатой отдыха, душем и туалетом. Обстановка и даже голубое покрывало на двуспальной кровати напоминали о времени, когда на ней после прилета последнего генсека СССР М. Горбачева имела привычку отдыхать его супруга Раиса Максимовна, пока Михаил Сергеевич вел в кабинете «прием». Такая привычка была у первого и последнего президента СССР.

С кабинетом была тоже интересная история. Как-то, не помню сейчас, по прилету или отлету, направляясь в зал, Леонид Данилович неожиданно для меня сказал: «Виктор, мне надо с тобой переговорить. Где здесь есть такое место?» — «Да, здесь же есть кабинет. Пойдемте». Войдя в кабинет, Кучма уверенно направился к креслу, стоящему за письменным столом. И, когда он уже был близок к столу, я громко произнес: «Не садитесь в это кресло!» — «Почему?» — недоуменно спросил президент. «Плохая примета, на нем сидел Горбачев». Никогда до этого не видел, чтобы президент крестился.

Постепенно «приучили» президента к качинскому «Каберне». К созданию его торговой марки приложил руку и Леонид Данилович. Опять же за столом он заметил: «Виктор, хорошее вино. Но кто его у тебя купит – посмотри на бутылку, этикетку, пластмассовую пробку». Я ему говорил, что в первозданном виде, каким я его пил из

закатанных трехлитровых бутылей, оно еще лучше — и более насыщенный вкус, а на донышке оставался небольшой осадок. К сожалению, президенту это было не дозволено, даже бутылки подлежали соответствующей проверке. Президент поставил задачу — привести вино к международным стандартам, что и было сделано. И впоследствии и администрация президента и МИД закупали наше вино для представительских целей.

Будучи сам сильным хозяйственником, Кучма не признавал мелочей в работе руководителей регионов. Перед приездом Кучмы на южные очистные, как обычно, вместе с передовой группой, в которую обязательно входили и представители личной охраны президента, проходил по маршруту визита. На «очистных» кто-то из его охраны спросил меня: «А что это за вагон стоит?» На большом расстоянии от места, где президента должны были ознакомить с ходом работ по строительству южных очистных сооружений, на заброшенной железнодорожной ветке стоял такой же заброшенный товарный вагон.

По приезду президента на объект начал докладывать о ходе строительства. Кучма прервал: «Виктор, знаю, что сможешь нормально доложить, но дай возможность высказаться специалистам». Потом после некоторой паузы: «Лучше скажи, что это за вагон вон там стоит?»

И еще был случай. По прилету президента на отдых сидели за столом. На столе в вазах лежали фрукты, отборные кисти винограда. Сидящая рядом с Леонидом Даниловичем его супруга Людмила Николаевна произнесла: «Какой прекрасный крымский виноград!» Президент был в прекрасном настроении, посмотрел на жену и приложил палец ко рту:

- Тише, ты так больше при Викторе не говори.
- А как говорить? спросила Людмила Николаевна. Виктор, как?
 - Какой прекрасный севастопольский виноград!
- Вот! сказал президент. Кстати, сколько сейчас на рынке стоит килограмм винограда?

- Не знаю, Леонид Данилович, сам я не любитель винограда, а детям жена покупает его на базаре.
 - Ну конечно, зачем тебе это знать. Тебе его привозят ящиками.
 - Да нет же, Света покупает его на базаре.
- Сейчас проверим, принесите Виктору телефон. Набирай Светлану.

Забрал у меня трубку:

- Света, почем сейчас на рынке виноград?

Услышал. Через некоторое время: «Поехали».

Остановились на ялтинском кольце. Вышел из машины. Вышел и я. Подошел к придорожным торговкам, попробовал виноград, спросил цену. После этого настроение у президента стало еще лучше: цена на виноград, которую назвала Светлана, была в пределах погрешности. А я на долгое время среди присутствующих на той встрече узкого круга допущенных министров стал объектом шуток, которые вместо «здравствуй» или «привет» задавали с улыбкой вопрос — так почем же сейчас в Севастополе мясо, или персики, или еще что-то другое. Но не всегда удавалось «сдать экзамен» на отлично.

Заседание Совета регионов должно было пройти в Севастополе. Совет регионов создавался Кучмой в противовес Верховному Совету, возглавляемому социалистом Морозом. Выигравший в борьбе за власть подписанием Конституционного соглашения ее первый этап, президент замкнул исполнительную власть в стране на себя. В Совет регионов вошли двадцать шесть избранных демократическим путем всенародным голосованием руководителей областей, городов Киева и Севастополя, плюс председатель Совета министров АРК, избираемый ВС АРК по представлению президента. Заседания Совета регионов проводились регулярно один раз в месяц, а иногда при необходимости и чаще. Его решения публиковались наряду с другими государственными актами. Президент неоднократно подчеркивал, что мы являемся вторым по значимости государственным органом страны: «Первый – я, меня избрала вся Украина, далее – вы. За вас,

двадцати шестерых, проголосовала тоже вся Украина. А в ВР избрано аж четыреста пятьдесят депутатов. Сравните удельный вес вас и каждого депутата». Присутствовали на заседаниях с правом голоса только первые лица регионов. Постоянными участниками заседаний являлись глава президентской администрации и секретарь Совета национальной безопасности. Бывали и приглашенные министры КМ Украины, присутствующие только при рассмотрении вопросов, входящих в их компетенцию. Перед вынесением принципиальных вопросов на КМ Кучма считал полезным, чтоб еще раз убедиться в своей правоте, а много экономических инициатив исходило именно от него и его ближайшего окружения, провести экспертизу, узнать мнение регионов. С нашей помощью президент мог даже воздействовать на ВР для принятия принципиальных для него решений. Перед такими заседаниями ВР Кучма проводил беседы с каждым руководителем региона. Чаще всего это выглядело таким образом: «Виктор, у тебя (от Севастополя) четыре депутата, учитывая, что все они «коммунисты», минимум двое должны проголосовать «как надо». – «Леонид Данилович, побойтесь бога. Они все проголосуют, как скажет им Мороз». – «Значит, ты плохой руководитель. Депутаты тоже люди, и у них есть свои проблемы. И ты должен помочь им их решить». Иногда президент играл в демократию. Мог «посоветоваться» по поводу должностных назначений или, как это было, об освобождении от должности премьера П. Лазаренко.

Позвонил Д. Табачник и сказал, что завтра президент собирает Совет регионов. Быть обязательно. И перед началом заседания просил зайти к нему. Зашел. «Президент просил вас выступить первым и предложить освободить Лазаренко от обязанностей премьера». Сказал, что, если надо, поддержу, но первым выступать не хочу. Ни слова не говоря, Табачник сразу дал команду пригласить к нему главу Винницкой областной государственной администрации А. Матвиенко.

Сразу же после назначения премьером Павел в корне изменился. Мы все поддерживали назначение своего коллеги, главы Днепропетровской областной администрации на эту высокую должность. Но

даже в этот же день Лазаренко выступил на Совете регионов, резко критикуя многих из нас, причем приводя факты из неформального общения... О том, что «парень зарвался» знало большинство из моих коллег. Но особенно его не переваривал Табачник, который неоднократно предлагал Кучме освободить Лазаренко от занимаемой должности, говоря при этом такую фразу, я ее от него слышал и не раз: «Паша «хапает» все подряд. И если сегодня есть еще что-то украинское, то завтра все это будет «пашино». В играх наверху я не принимал никакого участия, все вопросы решал на уровне президента после экспертизы Горбулина.

Никакого давления на город от Лазаренко я не испытывал. Более того иногда после заседания КМ приглашал зайти к себе. «Ты когда улетаешь?» К примеру, если заседание проводилось как обычно во вторник, отвечал: «Пару дней еще пробуду здесь — есть дела, и улечу, скорее всего, в четверг вечером». Предлагал: «Если есть дела, оставайся и на пятницу, а в субботу я полечу на дачу в Крым и захвачу вас с женой. Заодно и деньги сэкономишь».

В это время мои дети учились в Киеве. Жена скучала без них и при любой возможности стремилась приехать в Киев. Тем более что за мной был закреплен номер на седьмом этаже гостиницы «Национальная», в котором помещались не только моя жена, но и дети. Окна номера выходили на здание ВР, над куполом которой возвышался государственный флаг Украины. «Ты знаешь, почему тебя так разместили? — шутили коллеги по Совету регионов. — Чтобы, проснувшись и посмотрев в окно, у тебя перед глазами всегда был украинский флаг, напоминающий, в каком государстве ты находишься со своим Севастополем». Летал Лазаренко на закрепленную за ним в Крыму дачу всегда со своим сыном. Во время полета обычно беседовал с моей женой о жизни, на бытовые темы. Жена удивлялась тем дорогим подаркам, которые он делал сыну. Так, к примеру, морскому скутеру, который в то время был в диковинку.

Не повернулся у меня язык выступить первым еще и потому, что кроме стандартных соболезнований — телеграммы плюс личный звонок от руководителей государства, при выносе гроба отца из

Дома панихиды в Севастополе, я увидел стоящего с венком от КМУ одного из заместителей министра кабинета министров.

На 28 июня 1996 года было назначено выездное заседание КМ в Черкассах. А накануне президент собрал Совет регионов. Работа по подготовке и принятию Конституции Украины шла ни шатко ни валко, превращаясь в долгоиграющую пластинку. Все или почти все предложения президента «гасились» Морозом, и даже в случае положительных рекомендаций Конституционной комиссии не находили поддержки депутатов. Мороз намеревался взять реванш за Конституционное соглашение, построив парламентскую республику, что не воспринималось Кучмой, да и практически всеми членами Совета регионов.

На Совете регионов президент охарактеризовал обстановку вокруг принятия Верховной Радой Конституции. Сказал азбучные вещи, что без Конституции не существует государства и так далее. И он решил посоветоваться, в каком государстве – президентской или парламентской республике, народ хочет жить, и в соответствии с этим, какой должна быть Конституция нового государства. Для этого, пользуясь своим президентским правом, решил объявить всеукраинский референдум – кому народ больше доверяет президенту или Верховной Раде. Вотум доверия одной из ветвей власти означал автоматическое сложение полномочий другой. Каждый из присутствующих, а присутствовали только первые лица регионов и, как обычно, Горбулин и Табачник, каждый из членов Совета регионов должен был высказать свое мнение по факту проведения референдума и попытаться спрогнозировать его региональный результат. Я, как и все, понимал, что при любом результате референдума, должность, на которую нас избрали люди – председателей Советов, у нас никто не заберет, но без сильного президента, жестко выстроенной вертикали власти порядок в стране не наведешь и экономику не поднимешь. Что и сказал. Добавил, что, несмотря на коммунистический менталитет города, люди в нем в основном военные или из военных и, следовательно, привыкли к единоначалию. Поэтому референдум

мы выиграем. С уверенностью выигрыша президента выступили и остальные, как сейчас принято говорить, губернаторы. Документация, необходимая для объявления референдума, у президента была уже готова, и в заключение он сказал, что завтра объявит Украине о принятом решении проведения референдума.

На следующий день в 6 часов утра мы должны были быть на Садовой у 6 подъезда здания КМ, откуда на двух автобусах уезжали в Черкассы. А после заседания Совета регионов собрались в гостинице сложившейся компанией. Это были, как правило: ровенский Василишин, его брат заместитель министра внутренних дел Украины, тернопольский националист, прославившийся взрывами памятников Ленина, Бойко, волынский Вышиванюк, средний из львовских братьев Горыней и я. У всех из собравшихся после окончания трудового дня вечером оставалось время просто поговорить по душам, в отличие от остальных руководителей, особенно восточных и южных регионов, обычно решающих в свободное вечернее время свои бизнес интересы. Своим западным коллегам я был благодарен еще и за то, что они, хорошо зная от меня обстановку в Севастополе, утихомиривали желания «своих» крайних радикалов навести порядок в нашем городе. Все члены Совета регионов, кроме меня и предсовмина Крыма, всегда приезжали на своих машинах с заполненными всякой всячиной багажниками, так, что ужинать в ресторане не имело смысла. Привозимого было более чем достаточно. Как впоследствии оказалось, что не все пошли «вечерять» или решать свои дела. Тайное всегда становится явным, и уже вечером нам стало известно, что глава администрации Луганской области сразу направился в Верховную Раду и, очевидно, в деталях обрисовал Морозу картину встречи у президента. «Предательство» луганского главы не осталось без последствий. Он подал заявление о сложении с себя обязанности главы Луганского областного Совета и главы соответствующей администрации «по собственному желанию». Причина – переход на другую работу.

Ранним утром нас всех поразило такое обилие машин возле Верховной Рады, какое бывает только тогда, когда заканчиваются

вечерние заседания. В.В. Дурдинец, ставший в ту пору первым заместителем премьера, стоял возле первого автобуса. Подошел к нему. Василий Васильевич сказал, что депутаты работали всю ночь, принимали одну статью за другой, причем работали конструктивно. Стало очевидным, что «ввязываться в драку» с президентом, с риском потерять насиженные места, депутаты не захотели.

Заседание в Черкассах все не начиналось. Ждали премьера. Для заполнения времени «крутили» какие-то документальные, научно-познавательные фильмы. Ближе к полудню началось какое-то движение. Оказалось, накрывают столы. Стало известно, что депутаты приняли Конституцию, заседание кабмина отменяется, а премьер едет сюда, чтобы поздравить всех нас со знаменательным событием в жизни государства.

Президент стал планировать выездные заседания Совета регионов. Каждый из нас стремился добиться права проведения заседания у себя в регионе. Таким образом, оно фактически превращалось в выездное заседание КМУ по проблемам региона, по вопросам, вынести которые на заседание КМУ и добиться положительного решения, было практически невозможно. А решение Совета подписывал президент, и оно было обязательным для выполнения. Кроме того, поездки в регионы давали, как это было ранее принято говорить, возможность ознакомиться с достижениями других регионов, привезти домой что-то хорошее, новое. Одно из таких заседаний состоялось в Севастополе.

В голову мне пришла мысль. В переговорном процессе по ЧФ стороны определились с исполнительным механизмом раздела 50 на 50 корабельного состава, технических запасов, вооружения и использования инфраструктуры. Неопределенным до конца оставалось понятие «раздельное базирование». Российская сторона считала, что ВМСУ не место в Севастополе. Украинская — что ее главный штаб и корабли, отошедшие ей, будут оставаться в севастопольских бухтах. Но Украине удалось основное — «отвоевать» город. Стороны договорились, что ЧФ Российской Федерации, его главная база будут

находиться в Севастополе, а не Севастополь – главная база Ч Φ . Но спор за севастопольские бухты и причалы продолжался.

Попросил соединить меня с президентом: «Вы собираетесь встречаться с Ельциным. Наверняка будет затронута тема базирования украинских кораблей в Севастопольских бухтах. Представляете, какое у вас будет преимущество, если вы увидите все собственными глазами. Кроме того, проблем по городу накопилось, что без вашей помощи мы их не решим. Давайте проведем Совет регионов в Севастополе». Конечно, я понимал, что размещение кораблей в бухтах или, вернее, принадлежность бухт — не президентский вопрос, слишком «мелкий» для глав государств, в чем, кстати, еще раз убедился и на последующей своей встрече с президентом России. Но, наверное, у Леонида Даниловича был «хороший» день, потому что я услышал в трубке: «А давай. Сейчас дам указание Кушнареву».

Кушнарев резко пошел на повышение, после освобождения Табачника занял должность главы администрации президента. Как я уже упоминал, с Евгением мы были хорошо знакомы еще со студенческой скамьи. Возобновились наши отношения почти через двадцать лет, когда оба оказались в большой политике. Они были честными, открытыми. Только один раз я взял грех на душу, когда пообещал поговорить с президентом по поводу Жениного перемещения с мэра Харькова на главу администрации Харьковской области. Наш разговор произошел во время похорон главы области А.С. Масельского, бывшего ранее первым секретарем Харьковского обкома партии, с мнением которого Кучма сильно считался. «Ты сейчас в фаворе «у папы», намекни насчет моей кандидатуры». И я пообещал, хотя знал, что это не сделаю, потому что по какому-то стечению обстоятельств присутствовал при разговоре Масельского с президентом. Александр Степанович довольно нелицеприятно высказывался о Кушнареве. Думаю, что и он покривил душою только один раз, когда я спросил, знает ли он о предложении Пустовойтенко по поводу моего перемещения по работе. И Евгений сказал, что нет.

Сразу после моего разговора с президентом раздался звонок от Кушнарева: «Витя, так друзья не поступают. Леонид Данилович

сказал мне созвониться с тобой и в течение десяти дней подготовить заседание Совета регионов в Севастополе. Позвонил бы мне, все бы решили». — «Женя, ты же знаешь, что ничего бы не решили, лучше скажи, когда мне быть у тебя?» — «Давай послезавтра...» Обговорили программу пребывания, кого из министров включить в делегацию, подготовили черновик проекта решения. Все шло как нельзя лучше.

Как обычно, за несколько дней до начала заседания появилась передовая группа. С «силовиками» отрабатывали все детали поездки, уделяя главное внимание на перемещении президента. «Силовики» настаивали на сухопутном перемещении в бухту Казачью, где на закрытой территории морского рыбного порта на одном из судов и должно было состояться заседание. Пугали президента возможным покушением. Я же их убеждал, что для президента важнее переход морем. Но еще более важным морской переход был для меня, поскольку я считал, что по справедливости часть причалов должна была отойти городу, в чем я хотел попытаться убедить президента. Звонил президенту, жаловался на «силовиков». В ответ слышал: «Работайте». Отработали два варианта. Одна колонна машин поворачивает на Северную и движется к причалу, вторая идет через Инкерман и далее по ялтинскому кольцу в Казачью. Автобус, в котором будет вместе с остальными членами делегации находиться президент, сворачивает к пирсу портопункта «Большой Инкерман». А кортеж машин продолжает движение. У пирса должен стоять катер ВМСУ. Дно у пирса должны были обследовать водолазы рано утром... До самого позднего вечера звонил Кушнареву – что решил президент, какой выбрал маршрут? Где-то уже после 23.00 он меня «послал», после того, как его «послал» президент. Сказал ему: «Утром сойду с трапа и скажу Виктору». Стало понятно, меры безопасности превыше всего.

Самолет вырулил на стоянку у гостевого домика. Обе колонны «на товсь». К трапу пошел один, договорившись условным знаком показать, какую колонну подавать к домику. Вышел по виду не выспавшийся президент. «Леонид Данилович, так как, едем или идем морем?» – настороженно спросил я. «Идем морем», – ответил

президент. Вошел первым в автобус и сел возле окна. Меня задержали «силовики»: «Президенту нельзя сидеть возле окна, Виктор, пересади его. Сядь возле окна сам». Попробуй, пересади! Получил – «Ты мне здесь не указывай, сам знаю, где сидеть».

На верхнем мостике катера разместились президент, Горбулин, командующий ВМСУ Ежель и я. Рассказывал, как превратить Севастополь из дотационного в город «донор». Но для этого надо инфраструктуру флота разделить на три части – треть ЧФ, треть ВМСУ, треть городу. Считал несправедливым, что из причальных стенок Севастопольской и Южной бухт городу принадлежало всего четыреста метров. Успевал знакомить Кучму и Горбулина с некоторыми историческими объектами города – беседкой на возвышенности, откуда якобы последовал указ Екатерины об основании города, домом, где размещался штаб Колчака... Ежель давал пояснения по российским кораблям, стоявшим у причалов Севастопольской бухты, о береговой инфраструктуре флота. Приглашались на разговор и министры, разместившиеся на нижней палубе или в каюте. Проходила, как бы преамбула заседания. Заметив нефтяное пятно на поверхности бухты, президент попросил пригласить на мостик министра экологии, которого не оказалось, так как он не был включен в состав делегации. «Втык» получил Кушнарев, хотя по большому счету это была моя вина.

К заседанию Совета регионов подготовился основательно. Накануне с передовой группой обходил морпорт. Получил последнюю информацию о стоящих в порту судах... Пришвартовался катер ВМСУ, пошли вдоль причалов. Впереди я с Леонидом Даниловичем. Чуть поодаль в нескольких шагах — Горбулин, Радченко, остальные члены прибывшей из Киева делегации. Президент интересовался по каждому судну — предназначение, водоизмещение, количество команды...

И вдруг. У причала стоял «иностранец». Еще вчера на этом месте стояло наше судно с хорошо звестными мне характеристиками.

«А это откуда?» Но увидел на моем лице недоразумение.

«Ну конечно, откуда тебе это знать. Сидишь целый день в кабинете». Леонид Данилович напоминал мне одного из героев рассказа Шукшина, по-моему, рассказ называется «Срезал». Кучма, как тот герой, который не успокаивался, пока своими вопросами не загонял собеседника в тупик. Я повернулся к идущему сзади Горбулину: «Владимир Павлович, идите сюда, не хочу портить настроение президенту». — «Идите дальше, будете знать, как все время находиться возле президента, вы же к этому стремились?!» На помощь мне пришел Радченко.

прошло Заседание более успешно. С руководителями предприятий Кучма говорил на одном языке, вносил поправки в интересах города в проект решения, ранее согласованного с КМ, несмотря на грустные лица министров, присутствующих на заседании и особенно министра финансов. Время пролетело незаметно. После непродолжительного обеда в бывшем Дворце культуры рыбаков, теперь Украинском доме, состоялась встреча с журналистами. На вопрос одного из них о претензиях России к Украине по Крыму президент ответил: «Не волнуйтесь, с Россией мы договоримся. Слава Богу, что Греция и Турция не выставили своих претензий»

А в это время центр города бурлил. «Кругловцы» хорошо подготовились к встрече с президентом. Толпа с транспарантами забила все подходы к зданию Горсовета, где по программе была «запланирована» встреча президента с депутатами и представителями общественности города. Для большей правдоподобности встречи при входе в Горсовет была установлена рамка металлоискателя, так что депутаты и все те, кто пытались превратить серьезное мероприятие в политический балаган, терпеливо ждали Кучму. Я предусматривал такой ход событий, и поэтому и было принято решение о проведении заседания на закрытой территории Севморрыбпорта. После встречи с журналистами, как и предполагалось заранее, президент по окружной направился на Бельбек. О том, что встреча с общественностью и депутатами не состоится, знали единицы.

Могу с уверенностью сказать, что и в морпорту и в других подобных случаях при «вычитывании» меня президентом никогда не замечал зла в его глазах. Критические замечания больше имели шутливую форму. Правда, и позволял он мне, как казалось многим, больше, чем остальным членам Совета регионов, не говоря уже о министрах. Мне дозволялось вставлять во время неофициальных встреч реплики и даже подшучивать над коллегами в продолжение высказываний президента. Коллеги по Совету никогда не обижались, а иногда и пользовались моей помощью. Заседания заканчивались совместным с президентом ужином. Большинство из нас курили. Леонид Данилович бросил курить и, естественно, за столом о курении не могло идти и речи. А как выйти покурить? И часто меня просили спросить у президента: «Можно выйти покурить?» На: «Спроси сам», часто звучало: «Лучше ты – тебе все можно». А с «покурить» была такая история. Ужин близился к концу. Попросил разрешения выйти из-за стола покурить. Президент спросил: «С чего это ты вдруг заволновался?» Я ответил: «Вам хорошо, а мне еще домой в Севастополь возвращаться». На вопросительный взгляд президента, рассказал один из любимых моих анекдотов. «Англия. Лондон. Тауэр. Преступника ведут на казнь. Рядом – священник. Холодно. Льет дождь. Преступник: «Какая отвратительная мерзкая погода». Священник: «Вам ничего, а мне еще домой возвращаться». Президенту он тоже нравился.

Можно мне было больше еще и потому, что президент хорошо узнал, что из себя я представляю еще во время своего премьерства и выборов. А может быть, и потому, что освободив меня от должности главы администрации, он не мог освободить меня от должности председателя городского Совета, а эта ситуация могла стать чреватой для Украины в целом. Повторения киевской ситуации с Косаковским он не хотел. Севастополь – это не Киев. Это понимало и все его ближайшее окружение.

Однажды провожал супругу президента Людмилу Николаевну в

Киев, посетившую Севастополь по гуманитарным вопросам. И уже перед трапом самолета неожиданно услышал: «Я уже не первый раз общаюсь с вами. Вы приятный человек. Возьмите, вот мой телефон, — и протянула написанный на блокнотном листе номер. — Это мой «прямой», без Леонида Даниловича. Всякое бывает. А то Леонид Данилович последнее время стал таким вспыльчивым». Понял, что и по моей персоне у президента бывают вспышки гнева. Но был случай, когда вряд ли бы помог и телефонный номер Людмилы Николаевны.

1 августа 1996 года. Вот как освещала этот день украинская пресса. «Это были первые оперативно-тактические учения ВМС Украины под флагом Верховного главнокомандующего – президента Украины». А накануне в последнее воскресенье июля, как обычно, город отмечал день ВМФ России. Город был наполнен многочисленными делегациями и просто гостями со всех уголков России и Украины. Мест на главной трибуне для почетных гостей не хватало. Причем самая представительная делегация была от ВР Украины! Около двухсот депутатов, отдыхавших в подведомственном санатории «Ореанда», решили посмотреть морской парад. Особенно выделялась группа депутатов, которая на всех углах требовала выведения ЧФ с территории Украины, а с другой стороны требовала размещения их чуть ли не в первых рядах гостевой трибуны. Выход нашел мой первый заместитель Кучер, предложив установить скамейки с правой стороны под трибуной, на закрытой от многочисленных гостей территории. Город блестел, как начищенный ботинок. Чтобы не было политической подоплеки, сам объехал город, проверил содержание наглядной агитации. Праздник, как всегда, удался. Толпы местных и приезжих заполнили все возвышенности живописных Севастопольской и Артиллерийской бухт. Не знаю, где нашел компромат командующий ВМС Украины вице-адмирал Бескоровайный. Но точно знаю, что нашел. Это стало мне понятно уже на флагмане ВМС Украины «Гетмане Сагайдачном».

Была команда прибыть на «Зарю» к 7.30. Одиннадцатая госдача, или как ранее она называлась объект «Заря», была знаковым местом,

где развернулись основные события, связанные с ГКЧП. Она находилась практически полностью на территории Севастополя в его административных границах.

Кстати, о самой даче. Решение о строительстве двух однотипных зданий, одного на Южном берегу Крыма, другого – в районе Сочи было принято на самом верхнем этаже партийной власти. Но строить не торопились, ведь правительственных дач было достаточно. Первому лицу государства на ЮБК выделялась первая госдача, расположенная чуть ли не в центре самой Ялты, в Ореанде. Если Н. Хрущев почти всегда отдыхал в Сочи, то Л. Брежнев предпочитал Крым. Трасса Симферополь – Ялта закрывалась за два часа до прилета или отлета генсека, все машины «изгонялись» с дороги подальше от нее. Леонид Ильич любил прокатиться с ветерком и часто, как говорят, садился за руль сам. Устраивал его и пляж госдачи. На расстоянии прямой видимости от ее пляжа проходил маршрут рейсовых катеров идущих из Ялты в сторону Алупки. Как подтверждали «старожилы», капитаны проходящих катеров гудками приветствовали Брежнева, увидев его на пляже, а пассажиры махали руками. Про это я пишу не понаслышке, потому что часто на выходные мы с женой ездили в Алушту к ее родителям. Говорят, что такой процесс Леониду Ильичу нравился.

Но опять же, говорят, что это очень не нравилось супруге Горбачева, в результате чего в минимально короткие сроки был построен объект «Заря» — одиннадцатая госдача. Здесь было спокойно. Она находилась вдали от человеческих глаз. Вообще, Раиса Максимовна любила покомандовать. Известен факт смены обслуживающего персонала дачи из-за оборвавшегося карниза.

Город от такого перемещения места отдыха первого лица государства только выиграл. Приобрел цивилизованный вид аэродром Бельбек, куда стал приземляться борт №1. Привели в порядок дорогу от Бельбека в сторону Ялты и, наконец, стали строить дорогу в объезд Инкермана. Правда, закончить ее не успели: Союз развалился.

Прибыли с Бескоровайным по-военному ровно в 7.30. По берегу моря прогуливался президент, возле небольшого пирса стояли два адмиральских катера. Бескоровайный что-то сказал президенту в полголоса, после чего Леонид Данилович произнес: «Виктор, садись во второй катер, командующий хочет со мной переговорить».

Поднялся в командную рубку «Сагайдачного». Там уже «топталась» высшая военная элита государства. В просторной командирской рубке с правой и левой стороны по борту стояли вращающиеся кресла. Президент разместился в правом. Толпа мигрировала в левую часть рубки и приняла решение делегировать меня к президенту: «Иди, развлекай президента». Подошел, попробовал несколько раз развернуть кресло, на котором сидел Леонид Данилович. Нарвался: «Что ты делаешь?!» Чувствовалось, что Кучма чем-то раздражен.

Начались стрельбы. Прямо перед нами на нижней палубе выползали ракеты, которые по «направляющим» подавались к месту пуска. Солидол на салазках мне показался грязноватым. С языка сорвалось: «Могли бы смазочку к приезду президента поменять». Далее такого Кучмы я не видел. Глаза горели злобой: «Могли бы, если бы ты России меньше ж...у лизал». Не выдержал: «Я-то каждую копейку считаю, а вы...». Президент не дал договорить. Вскочил, схватил меня за чуть расстегнутый ворот рубашки: «Что ты несешь! Вон отсюда!» Я спросил: «Каким образом?» – «Прыгай с корабля. О твоей семье я позабочусь». Толпа насторожилась. Подскочил, несмотря на всегдашнюю степенность, его военный советник генерал армии Герасимов, глубокоуважаемый Кучмой человек: «Леонид Данилович, дайте Виктору Михайловичу договорить». Я сказал: «Вы подписали Постановление об освобождении предприятий и организаций от уплаты задолженностей за электроэнергию. Я понимаю, что оно правильное, и что надо дать возможность им проплачивать хотя бы текущие платежи, так как задолженность достигла космических цифр. Но там предприятия и организации Черноморского флота, а это удар по бюджету города». - «Врешь, я никакого Постановления не подписывал. Это Постановление кабинета министров». - «Да я

звонил. Жаловался Лазаренко. А он мне сказал, что Постановление согласовано с вами чуть ли не постатейно».

Обращаясь к командиру «Сагайдачного» и ко мне: «Пошли». Спустились в каюту командира корабля. По ВЧ соединили с премьером. «Павел, вот Виктор уверяет меня, что в Постановлении об освобождении от уплаты задолженности за электроэнергию есть предприятия и организации ЧФ». – «Да, Леонид Данилович». – «Ты что несешь? Завтра у тебя будет Виктор, приведите все в норму. Это деньги города». – «Леонид Данилович, я же в отпуске», – обратился я к президенту. «Ничего, успеешь отдохнуть».

Напряженность спала. После секундного молчания: «Ты знаешь, какое у меня сегодня было давление?» Цифры действительно были угрожающими. Я сказал: «Как мне дальше руководить городом, если я после всего, что произошло наверху, просто перестал для них существовать? И завтра об этом узнает вся Украина». — «Не переживай, все будет нормально». Поднялись в рубку. У всех напряженные лица. Обнял меня за пояс. «Чего смотрите? Виктор, пошли».

24 августа в честь пятилетия независимости Украины я был награжден Почетным знаком отличия президента Украины. Президент всегда умел красиво выходить из любых ситуаций.

Учения прошли успешно. Узкий круг присутствующих собрался в кают-компании. Президент пошел «помыть руки». Появился с удовлетворенным видом и сел посередине овального стола. «Чего не садитесь?» Все продолжали стоять. Привычных карточек, определяющих рассадку за столом, не было. «Виктор, садись», — сказал Кучма, хлопнув по стулу справа от себя. «Спасибо, Леонид Данилович, я уже сегодня рядом с вами постоял». Все грохнули от смеха. «Садись, садись, обещаю, больше тебя сегодня не трону». Бескоровайный подвел итоги прошедших учений и в заключение предложил сделать 1 августа Днем ВМС Украины. Президент встал и сказал: «Сегодня я действительно увидел, что флот у Украины есть. Дам команду подготовить Указ о признании 1 августа праздником». Выпили. Я опять не выдержал: «Леонид Данилович, нельзя 1 августа. Последнее воскресенье июля — День ВМФ России. Нельзя

проводить празднование через несколько дней, а может, и на следующий день после российского. Это всегда будет выглядеть очень бледно». — «Наверное, так. Но я уже пообещал командующему. Значит, так тому и быть». Такими были слова Кучмы.

Я оказался прав. Попытка на следующий год провести самостоятельное празднование закончилась провалом. Ударение в шоу было сделано на использовании авиационной техники. И сидящий рядом со мной на «трибуне-троне» Леонид Данилович, низко наклонял голову при каждом пролетающем над бухтой самолете и спрашивал: «У нас что сегодня — день ВВС?» Потом пошли совместные празднования. Но день 1 августа был выбран крайне неудачно.

Страна готовилась к празднованию пятой годовщины своей независимости. Программа празднования была насыщенной. Каждый регион имел в выставочном зале определенную организаторами площадку, на которой демонстрировал свое лицо.

Было что показать и Севастополю, начиная с макетов самых больших в мире плавкранов, строящихся на морзаводе, заканчивая плодами уникальных сортов фруктов, выведенных научно-исследовательским институтом растениеводства, и различными марками вин инкерманского винзавода. На выставке было не протолкнуться. Она вызвала огромный интерес не только у киевлян, но и у многочисленных гостей столицы. Выставку посетил вместе с президентом и премьером председатель ВР. Впервые на неофициальных мероприятиях я видел их вместе.

Праздничное настроение царило и во дворце культуры «Украина». Помпезно прошла и торжественная часть вечера. Всех председателей облгосадминистраций, меня и Омельченко вместе с руководителями государства посадили на «пьедестал» – трибуну, возведенную прямо на сцене. Банкетная часть вечера должна была пройти на разных этажах здания дворца. У меня было приглашение на самый верх, к президентскому столу. Когда начали расходиться со сцены, меня подозвал президент: «Виктор, мне будет спокойнее, если 24 августа ты будешь в Севастополе». Окликнул Данкевича и Яцубу. Подошли министр транспорта И. Данкевич и первый заместитель главы администрации В. Яцуба. «Срочно найдите самолет и отправьте Виктора в Севастополь». И повторил: «Так мне будет спокойнее». - «Леонид Данилович, мне только что докладывали Кунцевский и Белобородов: обстановка в городе спокойная, провели торжественное, идет концерт. А я тоже хочу с вами на параде помахать рукой с трибуны». – «Помашешь в другой раз. И чтобы тебе не было скучно, забирай с собой моего представителя в АРК Степанюка, а под вечер завтра позвонишь», - сказал президент и, повернувшись, ушел со сцены. Посмотрел на растерянные лица Данкевича и Яцубы. «Где мы тебе сейчас найдем самолет?» - «Ребята, это ваши проблемы». Данкевич задержал рейсовый самолет до Запорожья, откуда я должен был добираться своей машиной. В Севастополь въехал, когда уже светало. Президента можно было понять. Он как никто другой понимал взрывоопасную ситуацию в городе. Запомнилась фраза где-то прочитанная или услышанная: «Ситуация в Севастополе

напоминала пороховую бочку, на которой намеревались раскурить далеко не мирную трубку Украина и Россия».

Будучи сильным хозяйственником, Кучма прекрасно знал о нищенском положении Севастополя, и к чему все это может привести. Уже став президентом, где-то с интервалом месяц-другой находил время чуть ли не для часового моего доклада о ситуации в городе. Алгоритм встречи был таков. Я готовил служебную записку. Разрешалось пять пунктов. Четыре отводились на решение проблем города. Со служебной запиской сначала знакомился секретарь Совета национальной безопасности В. Горбулин, иногда внося свои коррективы. А затем я шел к президенту.

Что касается пятого пункта, он должен был быть личного характера, касался меня и моей семьи. «Я тебя прошу об одном, - говорил мне Леонид Данилович, - не занимайся бизнесом. Что тебе надо пиши, я решу». И так было всегда, вплоть до окончания моей каденции в Севастополе. Так, после покушения «силовиками» был поставлен вопрос о невозможности моего проживания в центре города. По распоряжению президента Кабинету министров было дано поручение о выделении мне суммы, ограниченной в пределах пятидесяти тысяч долларов, для покупки дома, расположенного в месте безопасного проживания. Леонид Данилович лично рассматривал предложения, которые я ему привозил для утверждения. Иногда слышал от него: «Нескромно». Особенно не нравились ему дома с башенками. Проект моего переселения был не завершен в связи с переводом меня на работу в Киев. Опять же уже после покушения на меня президентом было принято решение о переезде моего сына восьмиклассника на учебу в киевский гуманитарный лицей при КГУ. «Нечего ему делать в твоем Севастополе, пусть учится здесь, хоть получит достойное образование». Леонид Данилович тепло относился к Вите особенно после личного знакомства с ним. Еще учась в Севастополе и зная, что мне часто приходится ездить встречать президента, сын замучил меня просьбами: «Познакомь меня с Леонидом Даниловичем». И один раз я взял его на такую встречу.

К трапу подошли вместе с сыном. Объяснил президенту ситуацию. Леонид Данилович улыбнулся и, протянув Вите руку, сказал: «Ну вот, ты теперь в школе всем можешь говорить, что при встрече с президентом ты всегда здороваешься за руку»...

Сын стал жить в Киеве в общежитии института международных отношений в отдельной комнате с дочкой. Дочь Виктория к тому времени училась на факультете международной информации Киевского института международных отношений.

Моя мать была при сталинском режиме ЧСИР – членом семьи изменника Родины, и вместе с родной сестрой Аллой воспитывалась в детском доме, куда была направлена, после того, как моего деда в декабре 1937 года расстреляли в Бутырке, а бабушку отправили в лагеря в Казахстан. До ареста деда семья проживала в Москве в центре города на Краснопрудной улице 22, в квартире 52. Моя мать, зная что, репрессированным по российским законам возвращают

квартиры, попросила меня обратиться к Лужкову, с которым мне доводилось часто встречаться. Переговорив с Лужковым, получил от него «добро»: «Ту квартиру вашей маме мы не вернем, там живут другие люди, но аналогичную она получит». Маме надо было подготовить соответствующие бумаги. Пятым пунктом доложил президенту о своем решении. «Не позорься», - получил ответ. «Но я же живу практически в квартире родителей». - «Не дергайся, когда тебе действительно понадобится квартира, ты ее получишь». Сначала после покушения было решение о выделении мне денег на покупку безопасного жилья. А уже при переезде в Киев мне была выделена четырехкомнатная квартира. Пятый пункт президент выполнял всегда. Хотя было и одно исключение. За время пребывания у власти я вырос со звания старшего лейтенанта до полковника. Парадокс, но вспоминаю, что первые повышения по званию мне присваивались министром обороны России, последующие - приказом министра обороны Украины. Один раз, дойдя до пятого пункта, начал издалека: «Через день встречаюсь с командующими ЧФ и ВМСУ. Один – полный адмирал, другой – вице. Фактически раздаю им указания. Но они же – военные, адмиралы, а ими командует полковник». – «Кто, кто??» – раздраженно спросил Кучма. «Полковник». – «А ты знаешь, какое у меня звание? Капитан!» Понял, что мои дела плохи. Еле успел выскочить из кабинета президента, уже на ходу говоря: «Если я был президентом, то мне хватило бы и звания лейтенанта».

Щепочек, которые давали возможность в 1994-1995 годах превратить «костер» в вакханалию в городе, было предостаточно. Но не потушить его, а просто не дать ему разгореться далее позволили принятые Горсоветом, абсолютное большинство которого было избрано на пророссийских позициях, гимн Севастополя, его исконный герб и, конечно, российский статус города. В основу гимна легла музыка Вано Мурадели на стихи поэта Петра Градова. Мелодия, звучавшая с курантов Матросского клуба, была близка всем севастопольцам, и действительно стала народным гимном. Интересна и история восстановления герба города 1893 года. Во время одного из моих

визитов в Санкт-Петербург и посещения храма «Спаса на крови» мне показали стену, где были изображены гербы всех российских городов. Был на ней и герб Севастополя. Вернулся в Севастополь. Обратился в геральдическую палату России. Получил необходимые разъяснения и документацию, необходимые для принятия решения о восстановлении исторического герба города. И чуть ли не в день 101 годовщины со дня его принятия Горсовет утвердил герб Севастополя.

Этот исторический исконный герб был отменен в 2000 году прокоммунистическим составом Горсовета с восстановлением принятого в 1969 году на каком-то партийном уровне герба с изображением

Памятника затопленным кораблям и золотой Звезды Героя. Причина – сессия 1994 года не отменила герб, принятый в 1969 году, умолчав, а был ли в 1969 году отменен герб 1893 года. И все равно я горжусь, что под двумя решениями о символике Севастополя стоит моя подпись. Еще более удивительно, что и сейчас продолжаются дебаты о гербе города. Пытаются скрестить ужа с ежом, заигрывая с коммунистами. Это я понял уже из разговора с Меняйло, приехав в Севастополь на похороны мамы. Герб должен оставаться таким, каким он был при основании города, а нынешний — хороший логотип города, отображающий страницы его героического прошлого.

Город жил тяжело, но мы прилагали все усилия, чтобы он, может быть, жил и плохо, но выживал. Удалось даже открыть второй детский дом. Издал распоряжение «О запрете продолжения строительства Балаклавским рудоуправлением рудника, ДОФ и вспомогательных сооружений на базе горы Гасфорт». Утвердил схему размещения православных церквей и возвращения в сообщество монастырей Святого Климента трех храмов: 12 апостолов (Балаклава), Святых Константина и Елены (село Флотское) и пещерный храм Всех Скорбящих (Инкерман). Моими распоряжениями были созданы координационный комитет по борьбе с преступностью и Севастопольская телерадиокомпания.

Неопределенность положения ЧФ, постоянные «разборки» по этому вопросу, подспудно перетекающие в вопрос — чей Севастополь, полностью закрывали возможность прихода любого капитала в город, без чего его развитие становилось просто невозможным. Деньги любят «тишину». А вкладывать инвестиции в «пылающий» город, к тому же «закрытый» не только для внутреннего, но и внешнего мира, здравомыслящий вряд ли будет. Почему «пылающий»?

В Лондоне проводилась международная выставка «Инвестиционные возможности Украины». Страну представляла правительственная делегация во главе с тогдашним премьер-министром Марчуком. Евгений Кириллович, тепло относившийся к городу, может быть, еще и потому, что в нем на Северной стороне проживала его

сестра, зная потенциальные возможности города, «выделил уголок» в демонстрационном зале и дал возможность мне презентовать город. Выставка продолжалась два дня. В первый день «уголок Севастополя» был одним из самых привлекательных в плане обсуждения возможных предложений. Но это было только до обеда, а после него он уже представлял только информационный интерес. Объяснение получил только вечером, когда один из членов делегации показал мне номера двух престижных английских изданий. Была большая фотография горящего военного корабля. Статья с «ужастиками» про Севастополь имела заголовок — «Пылающий город».

Приезд мэра Лондона, мэров французских, турецких городов имели, по существу, политический характер, как и мои ответные визиты. То же можно было сказать и об отношениях с российскими губернаторами. Их приезд, как и мои ответные визиты с подписанием договоров о дружбе и сотрудничестве больше играли на имидж руководителей их подписавших, чем принесение практической выгоды.

Визит мэра Лондона с супругой в Севастополь.

Но с учетом бурлящего города, капли успокоения были нужны. И мне приходилось включаться в эту «бумажную» игру. Звонит губернатор Архангельской области: «Виктор, у меня через неделю выборы, пришли телеграмму с поддержкой моей кандидатуры». — «Привет, с какой стати? Так дела не делаются. Пусть твои помощники свяжутся с моими, подготовят соглашение о сотрудничестве, мы его подпишем по факсу и ты его опубликуешь».

Редко, но бывали случаи с положительным эффектом. Несколько ослабило экономическую напряженность в городе подписание Соглашения между правительством республики Татарстан, городом Севастополем и Черноморским флотом (М. Сабуров, В. Семенов, Э. Балтин) о торгово-экономическом сотрудничестве, в котором были заложены основы делового взаимодействия, определяющие дальнейшее развитие города, его торгового порта. Но главное в нем было

решение вопроса по обеспечению города и флота энергоносителями и нефтепродуктами. В городе было открыто представительство республики Татарстан. За эту выгодную сделку город расплатился «малой кровью» передачей Черноморским флотом Татарстану семидесяти метров причала в Южной бухте. Я же помог им «открыть» на причале границу. Сложились отличные отношения и с президентом Татарстана М. Шаймиевым.

Выход на него осуществлялся через первого заместителя председателя правительства Татарстана и сына президента Ростислава, который часто приезжал в Севастополь. А по некоторым вопросам встречи с ним происходили у меня дома.

Но этого было слишком мало для города, о чем свидетельствовала резолюция по итогам выездного заседания международного Трейд-клуба, представленного тридцатью двумя странами, которое состоялось в октябре 1995 года. «Севастополь имеет многостороннюю перспективу, но для этого необходим нормальный

микроклимат, стабильная законодательная база и открытость города»... Собственно говоря, ничего нового в резюме Трейд-клуба я не увидел, потому что к такому же алгоритму развития города я пришел еще в предыдущем году, когда получил всю полноту власти в городе и возможности ссылаться на кого-либо или на что-либо у меня не стало.

Создание стабильной социально-экономической обстановки в городе невозможно без развития его законодательной базы. И важным шагом в ее создании должен был стать предусмотренный конституцией Украины Закон о статусе Севастополя, который определял особенности исполнительной и законодательной власти в городе с учетом нахождения в нем флотов двух государств, органично вписывая Севастополь в законодательство Украины. Двигаясь в этом направлении, в мае 1995 года создал под своим руководством комиссию по подготовке этого закона. В конце 1995 года город стал открытым для всех граждан Украины и зарубежных физических и юридических лиц. В город зачастили иностранные делегации. Но о нормальном микроклимате говорить не приходилось. Проблема ЧФ породила проблему статуса Крыма и Севастополя, сделала напряженными украино-российские отношения. Единственным выходом для стабилизации отношений могли стать два краеугольных соглашения. Первое – это соглашение, определяющее концепцию отношений двух государств общепринятым в те годы договором о дружбе и сотрудничестве, и второе – по Черноморскому флоту. Эти два соглашения находились в разработке у двух государств.

Интерес к городу возрастал. По приглашению ВР в Украине пребывала делегация представителей Конгресса США и Северо-Атлантической ассамблеи — парламентской структуры НАТО. В состав делегации входили: председатель комитета по правилам процедуры Палаты представителей Конгресса США, председатель политического комитета по международным отношениям Северо-Атлантической ассамблеи Дж. Соломон, председатель финансового комитета Конгресса США, президент Северо-Атлантической ассамблеи

сенатор У. Ротт и другие конгрессмены — всего десять человек. Конгрессмены, а среди них были и республиканцы и демократы, представляли различные комитеты Палаты представителей: по вопросам торговли, по природным ресурсам, по вопросам разведывательной деятельности, по вопросам вооруженных сил и по вопросам международных отношений. Делегацию сопровождал посол США в Украине Уильям Грин Миллер, с которым у меня и до этого приезда было несколько встреч, как в Севастополе, так и в Киеве в посольстве США.

Среди сопровождающих привлекал своей фамилией помощник сенатора У. Ротта И. Бжезинский. Был ли он родственником того самого Бжезинского или просто однофамильцем, меня тогда просто не интересовало.

Насыщенный однодневный визит делегации в Севастополь заканчивался проходом на катере по Севастопольской бухте и отъездом от причала Северной стороны на аэродром Бельбек. Время подпирало. Близился вечер. А вылет должен был быть произведен в светлое время суток, так как оборудование аэродрома не позволяло производить прилет и вылет гражданских бортов в темное время. Проход по Севастопольской бухте, где были сосредоточены корабли ЧФ, вызвал огромный интерес у сенаторов. Он сопровождался моими комментариями о потенциальных экономических возможностях города, как незамерзающего глубоководного порта. Катер уже подходил к причалу Северной стороны, когда, проходя мимо северной площадки морзавода, я обратил внимание сенаторов, что здесь находится самый большой сухой док в Европе и, что здесь недавно проходил ремонт один из самых быстроходных морских круизных лайнеров, которому принадлежала Голубая лента Атлантики за быстроту пересечения океана. «Все это хорошо, - отметил неформальный лидер делегации Ротт, - но правильнее мэру было бы сделать акцент на международный туризм с привлечением для его развития инвесторов». Как-то получилось, что в течение дня наибольшее время общения у меня было именно с ним. Выяснилось, что в жизни он крупный бизнесмен. И в разговоре со мной он сказал, что больше свою кандидатуру выставлять на выборах не будет и полностью вернется в бизнес. Услышав его замечание, а катер подходил уже к причалу Северной стороны, дал команду капитану развернуться и двигаться в Артиллерийскую бухту, несмотря на возражение, что мы не укладываемся в график. Стали в Артбухте прямо перед гостиницей «Севастополь». Рассказал о гостинице, предупредил, что отсутствует автономное водоснабжение, и вода подается по графику... Словом, все как есть на самом деле. «Покупаете?! Завтра могу собрать сессию, примем решение». На этом все и закончилось... Интересный факт. Нашу поездку, правда, на расстоянии, сопровождал катерок ЧФ. Проводив делегацию, позвонил начальнику штаба ЧФ П. Святошову: «Нерационально используешь «горючку». Сказал бы раньше, взял бы твоего человечка с собой на наш катер. А сэкономленные деньги лучше бы прогуляли», – пошутил я.

И все-таки благодаря инициативе В. Иванова, культурно-историческому центру «Севастополь», который он и организовал, удалось получить английский транш. И уже в 1992 году на месте английского

кладбища в присутствии экс-премьер-министра Великобритании лорда Калагена был заложен символический знак, а в 1994 году в присутствии послов государств, участвовавших в Крымской войне, герцога и герцогини Глостерских и их сына был открыт мемориальный комплекс — «Камень примирения».

В дальнейшем на Канкартовом холме был воздвигнут обелиск в память английских воинов, погибших в Балаклавском сражении. Культурно-историческому центру удалось установить имена всех погибших в сражении английских воинов. На открытие в 1996 году обелиска с отданием воинских почестей прибыл наследник английского престола принц Чарльз.

Приземлился он на маленьком, рассчитанном не более чем на десять персон, самолете. По протоколу встретить его полагалось мне. Совсем недавно абсолютно случайно обнаружил в You Tube ролик, выложенный Ивановым. По этому ролику можно было судить, что главной персоной в визите принца является он. Но это в его традициях, из присутствующих при чем-то стараться показать себя чуть ли не как главное лицо.

Зная о пристрастиях принца к художеству, что он сам пишет картины, подарил ему картину с крымским пейзажем.

В полудневном общении Чарльз оказался человеком без апломба, чопорности, что, казалось бы, должно было быть присущим членам королевской семьи. Такие сведения о них я черпал из литературных источников.

Так, после посадки сосенок возле мемориала — одно деревце посадил я, другое с противоположной стороны дорожки — он, с лицом человека достойно выполнившего свою работу, как бы стряхивая землю с рук, сказал: «Ну, вот и покопали немножко».

На проводах он поделился со мной впечатлениями о южном береге Крыма после небольшой поездки по ялтинской трассе. «Как вы думаете, я смог бы здесь отдохнуть, чтобы меня никто не беспокоил, ни пресса, ни папарацци». — «Запросто, — сказал я. — Это вам может обеспечить вон тот человек», — сказал я и показал на стоящего невдалеке руководителя «девятки». «С удовольствием отдохнул бы здесь с детьми», — вздохнул принц Чарльз. Всему миру тогда был известен его конфликт с Дианой. И я спросил: «А Диана детей отпустит?» Перед переводом ответа смеялись оба, и принц Чарльз и переводчик.

Затем переводчик сказал: «Чисто по-русски ответ такой — а куда она «нафиг» денется?!» На отлете произошло несколько недоразумений. Сначала забыли вытащить из-под шасси «башмак», и самолет не мог тронуться с места, а когда он начал «рулежку», ко мне подбежали пограничники и таможенники: «Виктор Михайлович, надо приостановить вылет. Самолет не прошел соответствующие процедуры». Послал их... к президенту.

Была у депутатов идея — одним махом решить все экономические проблемы в городе. И идея в принципе неплохая. Мало того, что она была современной, так еще для города и своевременной. Веяние, пришедшее с запада — свободная или специальная экономическая зона (СЭЗ), «заполонило» головы депутатов. Инициатором создания в городе специальной экономической зоны был депутат, профессор СПИ Э. Костоломов. По его инициативе в сентябре 1992 года сессия приняла решение о создании СЭЗ «Севастополь». Однако практическая работа по созданию «зоны» так и не начиналась. И все оставалось разговорами до тех пор, пока благодаря партнерским

отношениям с губернатором Калининградской области Маточкиным мне удалось заполучить основополагающую документацию по созданию в Калининградской области СЭЗ «Янтарь». Создали под моим руководством рабочую группу, в которую вошли: Б. Кучер, В. Иванов, М. Юрлов и заместитель министра экономики Украины Минин. К работе в группе были привлечены ведущие умы города. С большим трудом удалось переломить продолжателей идеи Костоломова, Кучера и Иванова о распространении СЭЗ на всю территорию большого Севастополя и вовлечь их в работу по созданию локальных экономических зон в городе.

Следует отметить, что идея создания СЭЗ в Севастополе поддерживалась и в администрации президента, и в ВР, и в КМУ. Лично курировать работу над воплощением идеи создания СЭЗ обязались президент Л. Кучма и председатель ВР А. Мороз. Интересно, что мнение администрации президента и Верховной Рады разделились по вопросу, каким органом должно быть принято решение о введении в жизнь «зоны». Мороз утверждал, что СЭЗ в городе вводится Законом ВР. Президент же считал, что в рамках концепции разделения властей легитимным будет соответствующий Указ президента. Отвлекаясь от дальнейшей политической карьеры Н. Витренко, хочу отметить ее большую практическую помощь в разработке материалов по СЭЗ. В то время доктор экономических наук Витренко была внештатным советником А. Мороза по экономике.

Времени на подготовку документов и хождение по киевским кабинетам было потрачено немало. Во все поездки по вопросам СЭЗ я брал своего заместителя по экономике Н. Сурова, кстати, возглавлявшего аналогичное направление и в горкоме партии. Одна из таких поездок стала для него последней. Как-то выйдя вместе с ним из «высокого» киевского кабинета власти, где что-то не сложилось, был возбужден, клял всех налево и направо, и вдруг услышал от Николая: «Виктор Михайлович, вы сколько собираетесь жить?» Назвал ему ориентировочно цифру. «А теперь умножьте на 365 дней – вот столько вам и осталось жить. Так плюньте на все, поберегите себя». Плевать я не хотел. Не хотел, чтобы так же поступали и мои помощники. Пренебрежительного отношения к работе я не выносил. И по приезду в Севастополь я предложил Сурову уйти с занимаемой должности.

Когда работа была завершена, документы за моей подписью были направлены в ВР и в администрацию президента. Но как всегда вмешалась политика. Среди депутатов, для большинства которых ЧФ был гарантом связи с Россией, пошли разговоры, что создание специальной экономической зоны — первый шаг по «выдворению» ЧФ из Севастополя. В день выборов в местный Совет 26 июля 1994 года в городе проводился опрос — поддерживает ли население города идею развития Севастополя как базы ЧФ. И подавляющее число избирателей на поставленный вопрос ответили утвердительно.

По требованию депутатов была созвана сессия с заранее подготовленным решением. Ни основному докладчику Кучеру, ни мне не удалось убедить депутатов, «забойщиками» у которых были коммунисты и даже всегда поддерживающие меня депутаты-черноморцы, что локальные СЭЗ в городе совместимы с пребыванием Черноморского флота. Первый раз моего авторитета оказалось недостаточно. Политика победила. Не подписать решение я не имел права. Так родился документ, который гласил:

«Заслушав информацию рабочей группы по созданию СЭЗ в Севастополе, Севастопольский городской Совет народных депутатов отмечает, что председатель городского Совета Семенов В.М. и исполнительный комитет Совета, инициируя вопрос о создании свободной (специальной) экономической зоны в Севастополе в Верховном Совете и Правительстве Украины предварительно не поставили его перед Советом XXII Созыва, а свои действия базировали на решении Совета XXI Созыва, принятом по инициативе бывшей госадминистрации и в совершенно другой общественно-политической и социально-экономической обстановке, без учета мнения города.

Исходя из...Севастопольский городской Совет народных депутатов решил:

1. Решение городского Совета XXI созыва «О создании в городе

Севастополе специальной экономической зоны» считать утратившим силу.

- 2. Считать нецелесообразным принятие решения о создании в городе Севастополе специальной экономической зоны до стабилизации политической ситуации окончательного решения о статусе Севастополя и Черноморского Флота.
- 3. Обязать председателя Совета Семенова В.М. в недельный срок отозвать все юридически значимые документы и проекты по СЭЗ, направленные в органы законодательной и исполнительной власти Украины.
- 4. Включить в повестку дня сессии Горсовета на сентябрь-октябрь 1995 года вопрос «О концепции развития города», где путем рассмотрения альтернативных вариантов определить концепцию развития Севастополя как базы Черноморского флота.

Председатель

Семенов В.М.»

Так было похоронено моими же руками еще одно из направлений в попытках изменить социально-экономическую ситуацию в городе. И просто глупо выглядят рассуждения В.Б. Иванова обо мне как главном «гробовщике» якобы его идеи с СЭЗ Севастополя.

Валерий Борисович был одним из моих соперников на выборах в 1994 году. Набрал мизерное количество голосов избирателей. Но отдельные положения его предвыборной программы по развитию города заслуживали внимания. И я с огромным трудом «пробил» ему должность моего заместителя по программам развития города, должность, которой прежде не было, да, наверное, и не будет в структурах исполнительной власти. Полностью занявшись понравившейся ему темой СЭЗ, он совершенно отстранился от решения других городских проблем. Такие «узкие» специалисты мне были не нужны. Я уволил Иванова с занимаемой должности, за что впоследствии получал от него только негативную оценку моей деятельности. Его талант полностью раскрылся на писательской стезе. Он является автором ряда интереснейших книг по истории города,

которые советую прочитать, несмотря на то, что в некоторых из них мой образ представляется как сугубо отрицательный. А дома у меня мертвым грузом лежат два авторских свидетельства:

- Концепция и обоснование проекта создания локальной свободной экономической зоны «Манганари». Концепция и проект создания СЭЗ «Манганари»;
- «Херсонес» отдельный экономический район. Концепция и проектные разработки по итогам комплексного исследования: пути повышения эффективности региональной экономики.

И если говорить о вкладе в их появлениях, то это М. Юрлов, который работал у меня советником по экономике.

Была у города еще одна «болячка». Изношенность жилого фонда достигла к 1994 году критического состояния. Практически весь жилой фонд города был ведомственным. При профильных предприятиях в девяностые годы продолжали функционировать ведомственные жилищно-эксплуатационные конторы. Содержание жилья полностью ложилось на организации и предприятия, которым не всегда удавалось вовремя платить даже заработную плату с постоянным увеличением задолженности по ней. На флоте также существовала организация, ведущая содержание жилого фонда – СОМИС7. Принять жилой фонд на баланс города не позволял нищенский бюджет. Подобная ситуация была характерна и для других регионов Украины, правда, не в той степени как в Севастополе. Вопрос надо было решать на уровне государства. И под, можно сказать, натиском на КМ руководителей регионов, где не последняя роль принадлежала и мне, было принято решение цивилизованной передачи регионам ведомственных фондов. При этом предусматривалось выделение соответствующим министерствам, которым подчинялись предприятия и организации, имеющие ведомственный фонд, финансов для подготовки жилья для передачи его коммунальным службам. А ведомственный фонд ЧФ при отсутствии его финансирования фактически оставался бесхозным. На мои обращения к главкому ВМФ о принятии

 $^{^{7}}$ Севастопольское отделение морской инженерной службы ЧФ.

жилого фонда флота на тех же украинских условиях с компенсацией оставались не услышанными. Как обычно, Громов избрал «козлом отпущения» Украину, мотивируя ее задолженностью за газ.

Особенно тяжелой была ситуация с двумя жилищно-эксплуатационными конторами флота в Каче, где люди продолжали жить в наскоро слепленных после окончания войны двухэтажных домишках «с удобствами» во дворе. Дома эти пришли в полную негодность для проживания. Их большинство находилось в аварийном состоянии, требовало переселения жильцов. И принятие домов на баланс города при полном отрешении ЧФ от проблемы и при пустом городском бюджете становилось подобно смерти. И хотя абсолютное большинство депутатов это понимало, популизм и колоссальное давление толпы перед зданием Горсовета заставили принять сессию решение о передачи качинского жилья на баланс города. Однако невозможность практически решать проблемы качинцев, да и других севастопольцев, проживающих в ведомственном жилье флота, добавило недругов власти города и Украине в целом как государства. С чисто человеческой точки зрения такое отношение к севастопольцам было несправедливым. Они грудью отстаивали неделимость российского флота, неприятие ВМСУ, российский статус города. Но с политической точки зрения надо же как-то было Москве поддерживать их бунтарский дух в нежелании жить в Украине. Кроме того, на верхних этажах российской власти все больше находило понимание того, что Севастополь все таки придется «отдать» Украине.

Еще один эпизод с собственностью ЧФ заслуживает внимания. После Указа президента Ельцина о сокращении вооруженных сил настало время сокращаться и ЧФ. Много было военных городков, которые пустовали, а из их личного состава оставались лишь те, кто обеспечивал охрану. Раздался звонок. Балтин: «Михалыч, отдаю тебе три городка в Балаклаве — принимай. Если откажешься принимать, предупреждаю, завтра там ни одного моего военнослужащего не будет». Что значит принимать? Надо подготовить соответствующую документацию, провести в соответствии с законодательством Украины процесс приема-передачи собственности. Собрать сессию.

И, в конце концов, это не прерогатива города. Отвечаю Балтину: «Ты должен официально передать эти городки не мне, а Украине». Смеется в трубку: «Ты же знаешь, для меня такого государства, как Украина, не существует. Городу передам. Решай». Что будет с этими городками, я уже представлял. Пару дней назад флот «ушел» из военного городка в окрестностях Балаклавы, с горы рядом с рудником Балаклавского рудоуправления, забрав с собой все, что можно было забрать. После продолжившегося местными жителями дерибана от городка не осталось ни кирпичика. И еще больше, единственный колодец на его территории какая-та сволочь залила смолой, что не делали даже фашисты, отступая из Крыма.

Звоню Горбулину. Так и так. «Виктор Михайлович, можно по упрощенной схеме, может, еще каким-то способом, но городки надо обязательно принять». Голос строгий, потом становиться мягче. Вообще, Горбулин владел чувством юмора. «Принимайте городки. Родина вас не забудет».

Не забыла. Начало 2004 года. Я генеральный консул Украины в Санкт-Петербурге. Звонок из Украины. Прокуратура: «Виктор Михайлович, когда вы будете в Украине?» — «А что?» — «Возбуждено дело по разграблению городка Б1 в Балаклаве. Вас надо допросить». Это же «штольни», один из трех городков, которые мне передал Балтин. Психанул: «А я здесь при чем? Вы что, сдурели?» Бросил трубку. Дозвониться до президента было уже очень проблематично: это не из Севастополя. Но с Горбулиным меня «связали»... Больше по этому вопросу меня не беспокоили. Интересно было, что комиссию по приемке городков тогда возглавлял мой первый заместитель Б. Кучер, который остался после моего отъезда «на хозяйстве» в городе. Правда, ненадолго. Через полгода он умер. А с мертвого, понятно, и спросу нет.

К задаче принять городки добавлялась еще одна, которую решить было практически невозможно – разместить в Севастополе по Указу президента батальон Национальной гвардии. Но Национальная гвардия была для Севастополя, что ВМСУ, только в квадрате.

Командовал полком национальной гвардии в Крыму А. Кузьмук, который оставил после первой встречи с ним приятное впечатление. Но на вопрос, где в Севастополе будет размещена Национальная гвардия, я тогда ответить ему не мог.

Принимаю решение. Один городок, находящийся в центре Балаклавы, клуб, госпиталь отдать Балаклавскому Совету. Второй, находящийся на самом выходе из Балаклавской бухты – Национальной гвардии. Что делать с третьим – «штольнями», я не знал. Подземный комплекс для ремонта подводных лодок (в простонародии «штольни») представлял собой почти километровую сеть подводных каналов, расположенных на глубине более ста метров горы Таврос, с судоремонтным заводом с сухим доком и стационарной электростанцией – объектом ГТС 825, и арсеналом для хранения торпед и ядерных боеголовок. Что там может быть в дальнейшем, не представлял никто. Но «смелые» идеи по использованию были. От плантации по выращиванию шампиньонов до валютного казино! Не находили применения и складские помещения, в которых вроде бы в свое время хранились ядерные боеприпасы... Сейчас часть городка используется как музей Великой отечественной войны. Наверное, единственное правильное решение.

Но как принять на сессии вопрос о передаче одного из городков Национальной гвардии? Переговорил буквально с каждым депутатом. Пояснял, что по закону городки должны быть переданы государству, то бишь ВМС Украины. Есть другой вариант. Два используются городом, а один вдалеке от центра города — Национальной гвардией, иначе их придется разместить в центре. Выбирайте. Решение было принято в спокойной обстановке, на удивление без дебатов, без которых, кстати, не обходилось ни одно принятое решение. После отзвонился Горбулину. «Правильно сделали». Знал, что если Владимир Павлович соглашался, президент не будет возражать. Убедился в этом, когда пришедший на смену Кожину Бескоровайный буквально «топотал» ногами по поводу этих трех городков и даже пытался обжаловать решение Совета через суд. Правда, его вовремя «сверху» успокоили.

Оставалась еще одна проблема — Кузьмук, который считал, что его подразделение должно размещаться чуть ли не на площади Нахимова. Но после разговора: «Ты хочешь, чтобы здание и забор были каждый день измазаны смолой, регулярно выбивались стекла, и ты бы просыпался каждый день с головной болью — какая сегодня будет провокация? Выбирай, такую жизнь, которую я тебе обрисовал, или спокойную, фактически на ЮБК. А в городе, если ты не возражаешь, будем твоих использовать как помощь милиции для поддержания порядка в городе». Так и поступили. Более того, нелюбовь к Национальной гвардии в городе стала уменьшаться после нескольких случаев оказания помощи простым севастопольцам. А после того как на меня в помещении Горсовета напал с ножом один из вкладчиков Церковного банка, национальные гвардейцы стали нести охрану зданий Горсовета и городской государственной администрации.

Генерал армии Украины Кузьмук А.И. Здесь уже министр обороны.

Как-то один из украинских журналистов, снимая интервью со мной, задал вопрос, а прижилась ли в Севастополе Национальная гвардия или нет. «Что значит прижилась? – ответил я. – Своими действиями они просто стали севастопольцами». Часть интервью вошла в вечерний выпуск последних известий на УТ-1. Кузьмук был в восторге. Позвонил, поблагодарил. Я ему сказал, что сказал, как думал, и душой не покривил. Наверное, с тех пор и сложились дружеские отношения с Александром Ивановичем, которые присутствуют и сейчас. А Севастополь был, наверное, с точки зрения общественного порядка самым спокойным городом в Украине и в России: милиция, добровольная народная дружина, патрули ЧФ, ВМСУ и Национальная гвардия.

Несмотря на то, что переговорный процесс к 1996 году приобрел более-менее предметный характер, он проходил в рабочем закрытом режиме, да и народу было абсолютно все равно, кому достанется тот или иной корабль или земельная делянка. Севастопольцев продолжал волновать один вопрос или, вернее, два — Севастополь российский или украинский, и связанная с ним тема Черноморского флота. Хотя севастопольцы, видя, что Россия не собирается ставить территориальных претензий к Украине, стали постепенно приходить к пониманию, что жить все-таки придется в Украине, и флот разделят. Однако по-прежнему в душе не хотели этому верить.

Надежду давали продолжающиеся собрания народного вече на площади Нахимова, собираемые его лидером А. Кругловым, и подпитываемые приездом в город депутата Госдумы К. Затулина. Единомышленник, сторонник мирного решения спорных вопросов (что стоило его выступление на круглом столе, который мы организовали вместе с Рогозиным по следам событий в Югославии), подхватив у депутата предыдущего созыва Пудовкина «знамя» российского Севастополя, он занял крайне радикальную позицию. Затулин призывал чуть ли не к открытому восстанию. Эпицентр его борьбы с Украиной был перенесен на мою персону. На митингах в Севастополе я выглядел в его глазах предателем интересов севастопольцев.

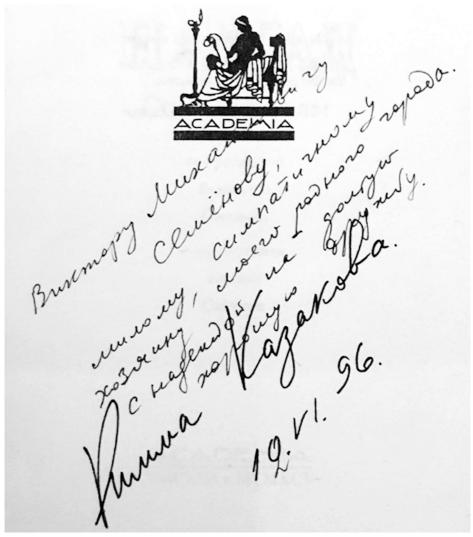
Хорошо зная меня: мы ранее часто встречались в неформальной обстановке и даже в его загородном доме под Москвой, он понимал, что по пути Мешкова я не пойду, зная, чем он закончил, и главное — Севастополь это не Крым (АРК) и может взорваться сразу. Не удалась Затулину и попытка скомпрометировать меня в российских СМИ. Им была инициирована запись интервью с его другом журналистом Андроником Миграняном на телеканале «Россия». Мигранян, демонстрируя газету «Слава Севастополя» с моей предвыборной программой «Россия придет в Севастополь», обвинял меня в отходе от изложенных в ней принципов. Ответил ему, что мы и сейчас ждем прихода России в Севастополь своими экономическими программами, своей культурой.

Говоря о культуре, я, конечно, покривил душой. Город, несмотря на политические распри и полунищенское экономическое положение, жил полноценной культурной жизнью. В городе функционировали два русских драматических театра – имени Луначарского и имени Лавренева, постоянной сценой которого был Матросский клуб. Летом, когда наши театры уезжали на гастроли, их заменяли ведущие театры России и Украины, где почти каждый артист – знаменитость театра или кино. Наибольшего расцвета, когда билеты раскупались задолго до спектаклей, театр Луначарского достиг при режиссере Петрове, которого нам удалось «выдернуть» из одного из сибирских театров. В стадии создания был и третий театр – театр на Большой Морской. Летом, во время проводимого городом фестиваля «Херсонесские игры», собиравшего актерские труппы со всего бывшего Советского Союза, обязательной программой был спектакль из античной истории, действие которого проходило под открытым небом. Естественными декорациями были развалины старинного Херсонеса, там же находились многочисленные зрители. Большим успехом не только в Украине, но и в России и за рубежом пользовался театр современного танца под управлением Елизарова, где я был почетным президентом. О любви севастопольцев к искусству говорил и битком заполненный зал театра имени Луначарского во время концертов Крымского симфонического оркестра под управлением

А. Гуляницкого, тематические концерты которого для детей отдельно и для взрослых проходили ежемесячно в воскресные дни. Абонементы на концерты были дефицитом. Несмотря на сложное положение с бюджетом, город находил возможность оплачивать транспорт для приезда оркестра, основная база которого находилась в Ялте. Несмотря ни на какую погоду, аллея Приморского парка возле театра Луначарского в субботу и воскресенье была заполнена людьми. Вернисаж у театра всегда пользовался успехом не только у севастопольцев, но и гостей города. Всегда старался выкроить часок свободного времени, чтобы полюбоваться творениями местных художников, многих из которых я знал лично. Тематика картин была близка моему сердцу – виды Севастополя, Крыма. Посещение вернисажа превращалось в неформальную встречу с жителями города, от которых я узнавал много такого, о чем мне «боялись» докладывать мои подчиненные. Каково было мое изумление, когда после очередной командировки, я обнаружил, что аллея возле «Луначарского» пуста. Оказалось, что без согласования со мной, что вообще было для него редкостью, мой первый заместитель с целью «поправить» бюджет решил обложить художников арендной платой. Естественно, я отменил это решение, а Борису сказал: «Ты что творишь? У людей и так жизнь не сладкая, они видят мало хорошего. Так ты решил их избавить от возможности хоть на картинах увидеть что-то красивое, доброе».

В городе частыми гостями были знаменитости. Писатели, поэты, композиторы, не говоря уже об артистах театра, кино и эстрадных исполнителях. Ввел для себя правило, найти хотя бы десять-пятнадцать минут для встречи с ними. Хотелось от этого жестокого мира, в котором я очутился, от мира, где, к сожалению, было много грязи, хоть ненадолго окунуться в другой мир — мир искусства, мир прекрасного, с которым я связывал этих людей. Хотя, может быть, я и ошибался. Наиболее запомнилась встреча с Риммой Казаковой. На встрече она мне сказала, что, разочаровавшись в Горбачеве, которому написала пару стихотворных строк, она поклялась больше не встречаться с политиками. Тем не менее попросила о встрече со

мной не просто, как с политиком, а как с руководителем, как она сказала, великого города. После встречи подарила мне книгу своих стихов.

Страница с дарственной надписью из сборника стихов «Наугад».

Но самые теплые отношения сложились с почетным гражданином Севастополя поэтом Э. Асадовым, потерявшим зрение при штурме Севастополя. Последнее, что он увидел своими глазами, было очертание города. Всегда находил возможность приглашать его с женой Галиной на все севастопольские торжественные мероприятия. Был в Москве вместе со своей женой у него в гостях в городской квартире. Асадов даже обижался, когда узнавал, что я, будучи в Москве, не навестил его. Не имея привычки вести личный архив, все же до сих пор храню письма от этого достойного особого уважения человека.

Как я уже отмечал, Севастополь не был обделен гастролями знаменитостей. Запомнились встречи с кинорежиссером В. Меньшовым и его женой актрисой В. Алентовой, Натальей Бондарчук, Кларой Новиковой, поэтом Ярославом Смеляковым, супругами Белоножко, Богданом Бенюком... А с киевской актрисой Валерией Заклунной и ее мужем у нас с женой сложилась настоящая дружба. Практически все они оказывались в общении простыми людьми с человеческими слабостями. Беседы проходили без всякого официоза. Я даже не представляю, как сейчас мог сложиться разговор с Аллой Борисовной, тогда уже второй раз приехавшей в Севастополь вместе со своим очередным бойфрендом Челобановым. Во время приезда Лужкова в Севастополь обязательными попутчиками его были Кобзон и Газманов. В отличие от Пугачевой и Газманова Кобзон выделялся своим высокомерием. Садясь всегда по правую руку от Лужкова, он этим как бы подчеркивал свою значимость. Говорил всегда с апломбом, особенно когда произносил тост. Кобзон был любимым певцом и супруги президента Украины Людмилы Николаевны. Она восхищалась его пением. Думаю, почести, которыми он пользовался в Украине, и те награды, которые он получал, во многом дело ее рук. Высокомерие проявилось и во время его приезда в Севастополь в 1997 году незадолго до подписания Украиной и Россией Договора о дружбе и сотрудничестве и соглашений по ЧФ.

С раннего утра телефон разрывался. Звонили из Киева. В Севастополь прилетает Кобзон, он даст концерт для военнослужащих

ЧФ и ВМС Украины. Требовалось обеспечить его достойное пребывание в городе и обязательное мое присутствие на концерте. Послал на его встречу на Бельбек одного из своих заместителей с приглашением гостя на чашку кофе или стакан чая после того, как он отдохнет от перелета. Получил согласие, и дал команду включить встречу и концерт в график. Было бы естественно после короткой встречи поехать вместе на концерт. Но буквально за десять минут до встречи мне сообщили, что Кобзон не придет. А из администрации президента давление усиливалось. Звонил глава администрации и передал указание президента выступить перед началом концерта. Звонил и командующий ЧФ В. Кравченко. Он получил из Москвы такие же указания. На концерт я не пошел. Хоть ты и друг Лужкова и Людмилы Николаевны, но власть Севастополя надо уважать.

А Затулин не успокаивался. Дело дошло до того, что он был признан Украиной персоной нон грата с запрещением права въезда на ее территорию. Выглядев на митингах бесстрашным революционером, в жизни он оказался боязливым человеком. Так, по крайней мере, свидетельствовал случай, произошедший с ним в городском доме офицеров, точнее — в его кафе.

Раздался звонок. Секретарь СНБОУ В. Горбулин. Разговор короткий. «Как мне известно, в вашем городе сейчас находится Затулин. Дальше действуйте по закону». Приглашаю Кунцевского и Белобородова. Подтверждается. Затулин на красных «жигулях» паромом перебрался через Керченскую переправу и сейчас в Севастополе. «Жигули» стоят под штабом флота, а сам он ужинает в кафе ДОФ с Балтиным. Как это получилось, спрашивать не стал, понимая, что о «прибытии» его в Крым стало, безусловно, известно сразу, но пока информация добиралась до самого верха, пока принималось решение, Затулин был уже в Севастополе. Его визит был как бы проверкой «на вшивость» украинской власти. Но как действовать согласно закону, как его арестовать? Устроить «заварушку» с «морпехами»? Ничего себе! Значит, надо просто выкурить его из города. Говорю: «Виват Александрович, возьмите парочку милиционеров и, подойдя

к столику, где сидит Затулин, проинформируйте его, что в связи с тем-то и тем-то он арестован. Дальше увидите – все пойдет само собой». Белобородов, конечно, сам не пошел, направил своего заместителя. Далее – вскакивает из-за стола бледный перепуганный Затулин: «Эдуард Дмитриевич! Что это такое?!» Балтин среагировал моментально: «Охрана, ко мне!» И своему адъютанту: «Две машины ВАИ сопровождения до Керчи». Картина – бегущий в горку к штабу флота Затулин в окружении «морпехов», сзади наряд милиции – «Остановитесь, вы арестованы!» В продолжение – «жигули» в эскорте двух машин ВАИ флота, за которыми машина ГАИ – «Прошу остановиться, прошу остановиться!» О поведении Затулина рассказал мне Балтин, как всегда, когда хотел сказать что-то неприятное, поджав нижнюю губу: «Трус, чего ему бояться, когда рядом мои «головорезы»?!» А я, как только кавалькада машин пересекла административную границу Севастополя, связался с Горбулиным. Тот, выслушав мою информацию, прореагировал спокойно: «Хорошо. Спасибо, Виктор Михайлович».

С тех пор прошло много времени. Часто менялись секретари СНБОУ. Но равного по уровню Владимиру Павловичу не было, да и, пожалуй, не будет. Доктор технических наук, академик, высокоинтеллектуальный человек, хорошо разбирающийся в искусстве, особенно любящий живопись, Горбулин был как бы отделом контроля у президента. Наверное, из верхних чинов власти в Украине больше всего общения у меня было с Горбулиным, который всегда с пониманием относился к проблемам города и практически всегда поддерживал многие мои предложения. А президент всегда считался с его мнением.

Еще раз хочу подчеркнуть, что «забыв» про Черноморский флот в Беловежской пуще, и, понимая, что без него на юге Россия уже не Россия, параллельно с проблемой принадлежности флота подспудно появилась тема российского Севастополя. Хотя эти проблемы мог решить Ельцин еще в Беловежской пуще. Так, в разговоре в Белоруссии с экс-председателем правительства, участником переговоров

в Пуще и подписантом Беловежских соглашений В. Кебичем я поинтересовался, не поднимались ли на переговорах вопросы о принадлежности ЧФ, Севастополя, Крыма. Получил однозначный ответ – не поднимались, и в продолжение, по его мнению, если бы Ельцин поставил вопрос о принадлежности Крыма и Севастополя России, то Кравчук во имя признания независимости Украины согласился бы.

Хорошо знал я и позицию многих региональных лидеров России. Так, для Собчака Севастополь в отличие от Украины был Городом с большой буквы, гордостью России. Поэтому я, как его руководитель, был приглашенным практически на все торжества в Санкт-Петербурге. Так вот, позиция Собчака была, что ЧФ — часть истории России и должен ей принадлежать полностью. В конце концов, говорил он, в мировой практике много примеров, когда военные базы одного государства находятся на территории другого.

Думаю, что в душе концептуально такой позиции стал придерживаться и Ельцин вместе с ближайшими членами своей команды уже после нескольких лет борьбы с Украиной за ЧФ. «Севастополь – украинский город, флот полностью российский с фактической арендой города». По крайней мере, так мне говорил Б. Березовский в политической части наших разговоров, хотя их предметом всегда была экономика. И с Собчаком больше говорили об экономических возможностях Санкт-Петербурга в развитии Севастополя. И хотя Собчак предпочитал встречи один на один, почти всегда на них присутствовал, правда, никогда не вмешивался в разговор, не высокого, скорее, маленького роста человек в будущем президент России В. Путин.

Об этих встречах я напомнил ему в Петербурге, когда встречал президента Украины Кучму и президента России Путина, прибывших в город для участия в «газовом саммите» на одном самолете.

- А это наш генеральный консул, был раньше мэром Севастополя,
 представил меня Кучма.
 - Мы знакомы, сказал Путин.
 - Неужели помните мои приезды в Питер? задал я ему вопрос.

– Конечно, – ответил Путин.

Удивительные глаза у Путина. Прочитать в них что-то было невозможно.

Было и еще несколько пересечений с президентом России, происходили они в основном в санкт-петербуржском аэропорту Пулково. Все они ограничивались одной-двумя стандартными фразами.

Нашим общим с Санкт-Петербургом планам не удалось осуществиться из-за проигрыша Собчаком очередных выборов губернатора. Неожиданным для него и, наверное, для большинства петербуржцев стал проигрыш вследствие «подковерных» интриг в высших эшелонах российской власти, о которых я узнал не понаслышке, а лично от адмирала В. Щербакова, бывшего одно время первым заместителем губернатора, и которого я хорошо знал. Но, что более интересно, что губернатором стал всегда встречающий и сопровождающий меня во время поездок в Санкт-Петербург, бывший в то время заместителем губернатора В. Яковлев, единственный из верхушки петербуржской власти согласившийся принять участие в политической игре по смещению Собчака.

В аэропорту Пулково. Санкт-Петербург.

В моих поездках в Москву уже в конце 1996 года тема российского Севастополя как бы ушла в тень. Но встречаясь с руководителями и политическими деятелями России, замечал, что нет-нет да и проскакивала искорка российского Севастополя. Опорой движения в Россию оставались «народное вече» с его идеологом А.Г. Кругловым и российская община Севастополя, которой руководила Раиса Телятникова.

Александр Георгиевич продолжал быть частым гостем Москвы. Маршрут Севастополь - Москва - Севастополь - площадь Нахимова стал обыденным. Собирая после каждой поездки порядка тысячи своих поклонников, а иногда и больше, он «кормил» толпу «обещалками». Надо было отрабатывать московскую не только моральную, но и материальную поддержку. Найти причину «поднять людей» стало трудно. Горсовет принял российский статус города, председатель его подписал. Значит – референдум. «Долой ненавистную украинскую власть!» Председатель был избран общенародным голосованием, но по украинским законам. Значит – референдум по отзыву председателя. «Виктор, ты пойми, - говорил мне на встречах Круглов, – ты абсолютно нормальный адекватный человек, я борюсь не с тобой, я борюсь с украинской властью». Правда, самого механизма по отзыву председателя не существовало. Но для проведения местного референдума, который по прежнему законодательству Украины был возможен, надо было собрать подписи, по-моему, десять процентов от общего количества избирателей в течение месяца, чтобы поддержать его тему.

Появляется Круглов с группой сподвижников. Подписываю решение о создании инициативной группы по моему отзыву. У входа на Приморский бульвар рядом с городской доской почета практически на троллейбусной остановке устанавливался столик. Активист с мегафоном призывал проходящих мимо людей поставить свою подпись. Иногда, проезжая мимо, останавливал машину, подходил к столику.

Почти постоянно здесь Александр Георгиевич и его родной брат Гелий Георгиевич, избранный также депутатом Горсовета.

Спрашиваю, как дела. «Не соберем, Виктор Михайлович», – обычно вздыхали братья. «Не переживайте, сделаем перерыв и начнем все по новому». Я принял эту игру Круглова. В целом процесс проходил спокойно, но был случай, когда сорвался и сам Круглов, когда ему не удалось удержать наэлектризованную им же самим толпу митингующих на «вече».

Это было в одно из воскресений. Был дома на адмирала Октябрьского. Вдруг звонок. СБУ. Кунцевский: «Порядка тысячи людей с кругловского «вече» под его руководством выдвигаются с Нахимова к твоему дому. Хотят переговорить с тобой. Требования прежние. Вывесить над административными зданиями российские флаги... Ты не выходи из дома. Белобородов выставит на перекрестке Большой морской и Очаковцев милицейский кордон». Но шум нарастал. Опять Кунцевский: «Они прорвали заслон. Ставим милицию возле дома и забаррикадируем вход в подъезд». — «Давай я выйду на лоджию». — «Я тебя прошу, не выходи — тебя нет дома»... Толпа бушевала порядка часа, перекрыв движение транспорта.

Телятникова же была в целом «управляема». И что значит российская община, когда живешь практически в русском городе. Раиса часто обращалась ко мне с различными просьбами и предложениями, связанными с городскими мероприятиями и участием в них российской общины. Именно она стала инициатором моего знакомства с командующим 14 российской армией, базирующейся в Приднестровье, генералом Лебедем. Как-то в разговоре с ней затронул тему пикетов российской общины перед зданиями Горсовета и администрации, которые препятствовали движению транспорта по городскому кольцу. И вдруг услышал: «Пригласите Лебедя на празднование Дня Победы, сниму». Сказал, что если это ультиматум — не приглашу, если просьба общины — подумаю. Извинилась — это просьба.

ТИРАСПОЛЬ 17/1059 85 6/5 1605=

КРЫМ СЕВАСТОПОЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОРОДСКОГО СОВЕТА СЕМЕНОВУ=

ИСКРЕННЕ ПРИЗНАТЕЛЕН ЗА ПРИГЛАШЕНИЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ ПРАЗДНОВАНИИ 50 ЛЕТИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ ОТ НЕМЕЦКО ФАШИСТСКИХ

ЗАХВАТЧИКОВ ОЧЕНЬ СОЖАЛЕЮ ЧТО ПО ПРИЧИНАМ ВЕСЬМА УВАЖИТЕЛЬНЫМ НЕ ИМЕЮ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЕХАТЬ В ЛЕГЕНДАРНЫЙ ГОРОД ГЕРОЙ ПОКЛОНИТЬ. КОЛЕНИ ПЕРЕД ПАМЯТЬЮ ТЕХ КТО СОЗДАЛ ЕМУ ВЕЧНУЮ НЕУВЯДАЕМУЮ СЛАВУ И ЛИЧНО ВЫРАЗИТЬ ВОСХИЩЕНИЕ ВАМ И ВСЕМ СЕВАСТОПОЛЬЦАМ ПОКАЗЫВАЮЩИМ ОБРАЗЦЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ В ВАЖНЕЙШЕМ ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ И ПРЕУМНОЖЕНИЯ ЛУЧШИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА ПРИМИТЕ СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПРАЗДНИКОМ ПОЖЕЛАНИЯ НЕИССЯКАЕМОЙ БОДРОСТИ ЗНЕРГИИ ВСЕГО САМОГО ДОБРОГО ЧЕСТЬ ИМЕЮ = АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЬ—

1622ННИН 1727

Лебедь набирал политическую силу в России, был одним из лидеров, зампредседателем национального Совета конгресса русских общин. А почему бы не пригласить? Связался по «вертушке» с

Лебедем. Пригласил. Александр Иванович поблагодарил за приглашение и попросил пригласить официально, телеграммой.

На празднование не приехал. Обменялись поздравлениями по телефону.

Пару раз встречался с ним в Москве. Он оказался земляком моей жены — оба родились в Новочеркасске. Последний раз встретился с Лебедем в Санкт-Петербурге на встрече губернаторов Санкт-Петербурга и Красноярского края — Яковлева и Лебедя, в рамках экономического сотрудничества российских регионов, куда были приглашены генеральные консулы аккредитованных в Санкт-Петербурге стран. Услышал от проходящего вместе с Яковлевым Лебедя: «О, а ты что здесь делаешь?» Разъяснил. «Бросай свою Украину, Санкт-Петербург, поехали со мной, будешь моим первым заместителем». Рассмеялся, сказал, что мне здесь и без Сибири хорошо. Вечером во время приема услышал от него много интересного. В том числе, как его «кинул» Ельцин.

1996 год был знаменателен тем, что парад, посвященный Дню Победы, в отличие от прошлогоднего обощелся без скандала. Хотя такое решение далось не просто. В течение недели два командующих флотами Кравченко и Бескоровайный не могли прийти к согласованному решению по форме проведения парада. Пришлось пригласить обоих к себе. Собрались у меня после работы в 19 часов. Разговор не клеился. Каждая сторона настаивала на своих предложениях. Увидел, продолжать спор не было смысла. Сказал: «Прервемся до завтра». И попросил своего помощника Ивана Алексеевича и секретаря накрыть стол в комнате отдыха. Вход в нее из кабинета, доставшегося мне по наследству от первого секретаря горкома партии, был через дверцу одежного шкафа. Первый секретарь не имел права отдыхать или «перекусить» на работе. Такова была партийная мораль. Правда, честно говоря, при мне комнату отдыха расширили и несколько меблировали.

Я уже не помню, кто из военных порекомендовал мне Ивана Алексеевича. Но более работоспособного человека я не встречал.

Капитан первого ранга в отставке, награжденный во время службы орденом Ленина, имел один недостаток – любил выпить. Сам я приезжал на работу обычно к девяти и заканчивал без четверти двенадцати ночи, когда работников моей патронатной службы развозила по домам дежурная машина. Такой режим работы ежедневно выдержать было трудно, поэтому за выполнение любой патронатной обязанности было закреплено по два человека. Не было дублера только у Ивана Алексеевича. Обладая «сумасшедшей» памятью, он практически никогда ничего не записывал, и, несмотря на то, что после 19 часов от него начинало попахивать спиртным, и запах к концу работы усиливался, все поручения выполнялись в срок, даже если они приходились на раннее утро. Всегда утром в 9 часов меня встречал гладко выбритый, всегда подтянутый Иван Алексеевич. Очень редко, но случалось, когда он пропадал на целый день. Проводил воспитательную работу: «Эх, Иван Алексеевич, если бы ты еще не пил, тебе б цены не было». Ограничивался его заявлением «по собственному желанию», которое грозился подписать, если случай повториться. «Если бы я не пил, то стал бы Героем Советского Союза и, наверное, у вас бы не работал», – отвечал Иван Алексеевич. Дело в том, что он действительно был представлен к высокому званию, но где-то «сорвался», и поэтому награждение ограничилось вручением ордена Ленина. Но после празднования моего пятидесятилетия, когда в течение трех суток его никто не мог найти, я подписал заявление, хранившееся у меня в сейфе, и отдал его руководителю аппарата С. Власенко, чтобы он отнес его в кадры. Нового помощника долгое время не мог подобрать, и каково было мое удивление, когда утром на пороге моего кабинета меня встретили Власенко и Иван Алексеевич. «Какие будут поручения?» - спросил меня Иван Алексеевич. «Так ты же уволен». В разговор вступил Власенко: «Виктор Михайлович, я не дал ход заявлению, потому что вы второго такого помощника не нашли бы. А Иван Алексеевич от этой заразы вылечился». Вылечиться то вылечился, но это был уже другой Иван Алексеевич: куда-то пропала память, и не всегда в срок выполнялись поручения. И все равно не могу себе простить, до сих пор мучает

совесть, как я поступил с этим преданнейшиим мне человеком. Уезжая в Киев, попросил Бориса, который был назначен главой администрации, оставить состав работающих со мной людей на своих местах. Забыл одно — патронатная служба подлежит увольнению. И хотя все из нее, кроме Ивана Алексеевича, не остались без работы, он чуть ли не год не мог трудоустроиться. Человека Семенова почему-то остерегались.

За столом в комнате отдыха разговор пошел на посторонние темы. Но после нескольких стопок вернулись к «нашим баранам». Разошлись в два часа ночи с подписанной мною программой проведения парада. Следует отметить, что командующие не являлись любителями спиртного и в обычной обстановке ограничивались двумя-тремя стопками.

Нельзя сказать, что ЧФ признал ВМСУ, но армия есть армия, и менталитет старшего по званию становится менталитетом его подчиненных. Существовала у нас с командующим ЧФ договоренность, что если кому из нас «сорока на хвосте» принесет известие о смене работы, то в первую очередь мы должны известить об этом друг

друга. Кравченко тоже считал главным, что спокойствие и стабильность в городе превыше всего. Безусловно, его поведение было зеркальным отражением политики Ельцина, политики лояльного отношения к Украине. Борис Николаевич, видимо, смирился, что флот все-таки придется разделить, но при этом его российская часть останется в Севастополе.

У меня в кабинете командующий ЧФ В. Кравченко и его первый заместитель Г. Сучков, впоследствии командующий Северным флотом, а затем Тихоокеанским флотом РФ.

Многое для стабилизации обстановки в городе сделала и личность командующего ВМСУ М. Ежеля, сменившего В. Бескоровайного. Простой, общительный в быту, он не боялся в отличие от Бескоровайного встреч с людьми в городе. В Севастополе его часто видели в обществе Кравченко. И севастопольцы стали приходить к пониманию, что, несмотря на их желание, жить придется-таки в Украине и в присутствии двух флотов – российского и украинского. Но это была уже вторая половина 1996 года.

А празднование Дня Победы 1997 года прошло без сучка и задоринки. Впервые в общем строю прошли военные моряки ВМСУ и ЧФ РФ.

Правда, была в этот день у меня и ложка дегтя. «Ложкой» оказался привоз в Севастополь депутатом ВС от Евпатории группы депутатов ПАСЕ. 8 мая у меня кабинете раздался звонок. Звонивший начал с места в карьер: «Я сопровождаю группу депутатов Парламентской ассамблеи Совета Европы. Сегодня мы находимся в Ялте, а завтра будем у вас. Я пообещал им организовать с вами встречу». — «Ради бога приезжайте, но встречи не будет, весь день у меня расписан. Кстати, а зачем им встреча со мной?» — «Хотят услышать от первого лица о политической обстановке в Севастополе». Ответил, что в этот день в Севастополе о политике не говорят — это День памяти. Пошли угрозы, правда, закончившиеся просьбой. Но скандала не хотелось. Сказал, что предупреди депутатов — о политике говорить не буду. Нашел «окошко» в сорок пять минут. Встретился с делегацией в небольшом зале гостиницы «Крым». Рассказывал долго о Севастополе,

истории города, о плане его развития. Но после того как пошли вопросы на политическую тему, предложил перенести эти вопросы на следующую встречу, ведь сегодня День памяти, и, сославшись на лимит во времени, поблагодарил их за визит и ушел.

Каждое лето было у меня жарким, как в прямом, так и в переносном смысле. По роду службы в мои обязанности по протоколу, как «хозяина» города, входили встречи и проводы почетных гостей. Особенно возрастала нагрузка во время отпуска президента, во время которого у него чуть ли не каждый день были намечены встречи с первыми лицами дружеских государств и другими высокопоставленными особами.

Отношения как младшего товарища со старшим сложились у меня с президентом Узбекистана Исламом Каримовым. Он прилетал на отдых с супругой и младшей дочкой Лолой в течение трех лет. Все началось с первого приезда. Как обычно после приземления, причем обязательным атрибутом которого была красная ковровая дорожка, в домике приемов присели за стол. Он был по обыкновению сервирован десертом.

О Каримове я слышал, что он властный хозяин Узбекистана, диктатор. Но передо мной предстал мягкий семейный человек, уставший от работы и приехавший отдохнуть. Официоза никакого и близко не было. Сказал, что много слышал обо мне хорошего, и первая встреча подтвердила это мнение. Думаю, что это было просто жестом вежливости. Полушутя рассказывал о дочке, которой уже пора замуж, да что-то не складывается с женихами, спросил, нет ли у меня подходящей кандидатуры. Правда, не помню, раз или два привозились на просмотр возможные кандидаты в члены семьи, но за стол они не допускались.

На столе стоял разрезанный арбуз. Вдруг обратил внимание, что на столе не было дыни. Подозвал начальника общего отдела В. Медведева и шепотом спросил: «А где дыня?» Услышав это, Каримов рассмеялся: «Ты что, хочешь удивить меня дынями?» Попросил пригласить своего шеф-пилота. Узбекистан в то время взял в лизинг

пять или десять «Боингов», и руководитель лизинговой компании был по совместительству пилотом президентского лайнера. Сказал ему: «Когда будешь лететь за мной, захвати пяток наших, настоящих...» Все, кроме одной, я отдал потом в столовые Совета и администрации, где на обед в виде бесплатного десерта раздавались ломтики аппетитных узбекских дынь.

Не помню уже, во второй или в третий приезд превысил свои полномочия. После встречи на Бельбеке, по дороге на ЮБК на шестую госдачу, предложил заехать в ресторан на Байдарских воротах. Там у меня было помещение с отдельным невидимым общему глазу входом для приема VIP-гостей. Безусловно, ни шашлыками, ни чебуреками удивить Каримова я не мог, но похвалу услышал.

Через несколько дней в телефонной трубке раздался злой голос Кучмы. Выслушал, кто я такой и что я из себя представляю. Оказалось, что он запланировал совместный обед с Каримовым с супругами, и местом общения помощниками был выбран ресторан на Байдарских воротах. И после приезда туда Каримов сказал Леониду

Даниловичу: «А я уже здесь был, – и, увидев растерянное лицо Кучмы, продолжил, – с Виктором». Это уже был второй случай, когда я получил за самоуправство.

«Одиннадцатая» или просто дача Горбачева из-за ее дурной репутации практически не использовалась президентом и его гостями, хотя и содержалась в полном порядке. Только один раз там провел несколько дней Чубайс, и все. Я очень редко, но пользовался этой достопримечательностью и бывал там со своими гостями. Так продолжалось до тех пор, пока снова не раздался звонок президента: «Мне докладывают, что ты на «Заре» устроил шашлычную». — «Да нет, Леонид Данилович». — «Не да-нет, а чтобы тебя там больше не видели. Нет, ты можешь там бывать, но только с моего разрешения».

Во время бесед с Каримовым узнал много интересного о президентах бывших союзных республик, в частности, что «на Назарбаева большое влияние оказывает Танька — его жена». Не понимал он и Леонида Даниловича, у которого чуть ли не на каждый день отпуска приходилась деловая встреча. «Во время отпуска надо отдыхать, а не делать вид, что работаешь», — говорил Каримов.

Запомнился и приезд президента Латвии Улманиса.

Утром, только придя на работу, услышал звонок правительственной связи. Звонил глава администрации президента Д. Табачник: «Виктор Михайлович, а вы что еще не на аэродроме?» Оказалось, что через сорок минут на Бельбек должен был прилететь президент Латвии Улманис, и я, как обычно, по протоколу должен был его встречать. Как это случилось, разбираться было некогда.

Это — прокол. Отправляю Ивана Алексеевича за цветами. Сам быстро сажусь в машину. По дороге связался с аэродромными службами. Докладывают, что через десять минут посадка. А мне ехать еще минут двадцать. Говорю: «Отправляйте борт на дополнительный круг. А как только моя машина появится на Бельбеке, давайте «добро» на посадку».

Подошел к трапу. Вышел Улманис. Сразу начал с благодарности: «Большое спасибо за удовольствие, которое я получил. Мне сказали,

что вы дали команду сделать круг над Севастополем, захватив часть ЮБК. Прекрасная картина». В ответ сказал, что я с глубоким уважением отношусь к президенту государства, где я провел часть своего детства. И в школу я пошел в Риге. Проводил на «шестую», получил приглашение на следующий день на обед.

Встречи, общения в неформальной обстановке с такими людьми давали многое в моем саморазвитии, и я всегда буду благодарен за это судьбе.

Как я уже отмечал, Леонид Данилович во время своего летнего отдыха вел активный образ жизни. В «моем» номере в «Дюльбере» раздался звонок правительственной связи. Сидел на лоджии и крикнул, чтобы жена сняла трубку. Жена рассказывала, что связь была плохая, и она поинтересовалась откуда звонок. Ответ был: «Из машины». Светлана растерялась: «Из какой машины?» Ответ: «Света, из «хорошей». Давай мужа». И мне:

- Ты почему не в Севастополе?
- А зачем, Леонид Данилович?

- Ты что не знаешь, что завтра прилетает министр иностранных дел ЮАР H₃₀?
- Почему не знаю, знаю. Программа отработана, согласована с вашей администрацией, МИД. Его встретит мой первый заместитель Кучер.
- Никаких «кучеров», ты что не понимаешь, насколько нам важно иметь хорошие отношения с ЮАР? А ты знаешь, что Нзо сидел в одной камере с Манделой? Как проводишь, сразу доложишь.

Программа пребывания Нзо с Севастополе была насыщенной, даже можно сказать, слишком. Я видел, как тяжело передвигался пожилой человек, «карабкаясь» по трапам флагмана ВМСУ «Гетмана Сагайдачного», посещение которого входило в программу его пребывания в городе. Сопровождали Нзо министр иностранных дел Г.И. Удовенко и сотрудник аппарата президента, в будущем министр иностранных дел В.С. Огрызко.

Стол на обед был накрыт на втором этаже ресторана «Севастополь» одноименной гостиницы с прекрасным видом на Артиллерийскую бухту и открытое море. Заранее был предупрежден, чтобы на столе не было спиртного. Как мне сказал Геннадий Иосифович, еще никто не видел, чтобы Нзо даже на приемах пригубил спиртное. Тем не менее распорядился, чтобы на столе стояла бутылка нашего «Каберне». При рассадке за стол предложил Удовенко сесть напротив Нзо. «Ты, Виктор Михайлович, принимающая сторона. Вот и садись напротив и веди беседу. А мы с Владимиром Станиславовичем здесь просто сопровождающие лица». В процессе разговора, говоря о Севастополе, рассказал и о его винодельческой отрасли. Рискнул. Сказал, что из красных сухих вин, я отдаю предпочтение южноафриканскому «Каберне». И не будет ли господин министр так любезен, выступить в роли дегустатора и попробовать наше «Каберне», потому что, мне кажется, оно чем-то напоминает знаменитое с его родины. И, как ни странно, Нзо согласился. Министр оказался настоящим дипломатом, потому что, пригубив вино из бокала, сказал, что напоминает.

Вечером, провожая Нзо на Бельбеке, прощаясь с Удовенко, услышал от него: «Я уезжаю на работу в ООН. Мне нужны умненькие молодые люди». Рассказал о зарплате, о возможности после окончания каденции жить в любой стране мира. Я спросил: «Какой же я молодой?» — «Для дипломатии еще молодой», — сказал Удовенко. «Если не возражаете, переговорю с президентом». — «Переговорите».

Вскоре раздался звонок по «прямому» президентскому. Так как обычно соединение проходило через его приемную, и хорошо зная президента, понял, что дальше услышу что-то недоброе. Разговор был коротким и запоминающимся. «Ты, что... забеременел?» Почему-то на автомате ответил: «Нет». — «А чего это вдруг тебя на легкую работу потянуло?» И бросил трубку. Стало понятно, звонок — результат его встречи с Удовенко. Так закончилось мое первое вхождение в МИД.

Следует отметить, что мои отношения с руководством МИД складывались довольно плотно. Приходилось встречаться неоднократно и до 1994 года, когда МИД возглавлял А. Зленко, и после, когда министром стал Г. Удовенко. Для Украины краеугольным камнем во внешней политике стали отношения с Россией. Два новообразованных государства напоминали мне сиамских близнецов, имеющих одни и те же органы обеспечения их жизни, но разделение их все равно должно было произойти. Это был очень трудный этап существования, как государств, не только для Украины, но и для России. Не считаться с ситуацией в Севастополе Украина просто не могла,

чем и объясняются мои постоянные общения с заместителями министра иностранных дел Украины Б. Тарасюком и К.И. Грищенко. И если мои отношения с Тарасюком складывались, мягко говоря, не просто из-за его радикальных взглядов на судьбу Севастополя, то Грищенко был более дипломатичен, гибок. И часто при подготовке вопросов, касающихся украино-российских отношений, не пренебрегал посоветоваться со мной. Для меня же его советы тоже были необычайно важны, и поэтому наше общение продолжались во время летних отпусков, когда Константин Иванович вместе со своей верной спутницей Натальей отдыхал в Крыму, обычно в отдельном коттедже санатория МО в Партените.

Но были моменты, когда ничьи советы помочь не могли – решение надо было принимать самому. Звонок. Удовенко: «Виктор Михайлович, как у нас обстоят дела с немецким кладбищем?» Вопрос застал врасплох. «Какие дела, Геннадий Иосифович?»

Отношения с Германией развивались успешно. Об этом свидетельствовал и визит Кучмы в Берлин. Оказалось, что во время личной встречи Леонид Данилович пообещал канцлеру Г. Колю восстановить немецкое кладбище в Севастополе, кладбище, где были захоронены немецкие воины, погибшие во время второй мировой. «Геннадий Иосифович, о каком восстановлении может идти речь? На наши кладбища посмотрите, а тут немецкое – сверхухоженное будет. Ведь деньги на восстановление выделят немцы. Но вы же знаете отношение севастопольцев, особенно ветеранов к немцам». – «Виктор Михайлович, но поручение президента надо выполнять, иначе все может закончиться международным скандалом». – «Геннадий Иосифович, а если после восстановления кладбище разнесут, это будет не скандал?» – «Ладно, – сказал Удовенко, – думайте, как будем выходить из этого положения».

В Севастополе много мест, связанных с его историей. Одно из таких – мыс Херсонес. 1942 год. Отвесный в несколько десятков метров обрыв, несколько метров берега и море. Отступающие советские войска. Но дальше отступать было некуда... История – жестокая штука. Часто она повторяется. Так было и в апреле-мае 1944 года, когда под натиском советских войск, немцы откатывались к тому же самому месту – мысу Херсонес. Историки утверждают, чтобы предотвратить панику при отступлении, немцы на дороге, ведущей из центра города в Камышовую бухту, возле небольшого мостка через овраг перед улицей Д. Ульянова установили табличку со стрелкой и надписью «город Камышовая». Число жертв с двух сторон в этой бойне за Севастополь история умалчивает, но в одном из источников я нашел цифру – сто тысяч погибших.

Прецедент установки камня примирения у нас уже был – Крымская война. Переговорил с Советом ветеранов, выслушал мнение

многих Героев Советского Союза, жителей города. И великодушие победителей, и благоразумие, что до смерти нельзя держать камень за пазухой, взяло верх. Позвонил Удовенко, сказал, что город готов установить на месте трагических событий второй мировой на мысе Херсонес «Камень примирения» с нейтральной надписью, фиксирующей даты кровавых событий. «Это выход, — сказал Удовенко. — Думаю, Коль поймет».

В городе установка камня примирения вызвала неоднозначную реакцию, к которой я был готов, поскольку дома услышал мнение моего отца: «Ты что творишь?» Говорили, что один из ветеранов даже пытался покончить жизнь самоубийством на месте установки мемориального знака.

Но оказалось, что это не все. Президент договорился об обмене делегациями ветеранов. При этом группа ветеранов участников боев в Крыму и осады Севастополя в 1942 году захотела посетить Севастополь именно 9 мая. Причем А. Франчук, будучи предсовмина АРК, очевидно, пользуясь родством с президентом (к тому времени его сын Игорь женился на дочке президента) предложил провести встречу с нашими ветеранами только в Севастополе.

Договоренности надо выполнять. Решили принять делегацию не 9 мая, а числа 12-13. И еще было наше условие. В составе делегации не должны быть лица, имеющие офицерские звания. Серьезно готовился к встрече. Долго выбирал, что сказать. Делегацию принял в нижнем зале Горсовета. Сразу обратил внимание, что в составе делегации были инвалиды. У нескольких не было рук, а у одного была ампутирована нога. Помню, что говорил сначала довольно жестко. «Сегодня вы увидели белокаменный Севастополь, а теперь вспомните сорок второй. Что было перед вами, когда вы в него вошли. Города фактически не было, остались одни руины. Поэтому вы должны понять людей, которые встречают вас без энтузиазма, без распростертых объятий». И в заключении сказал: «Но тем, кто погиб в этой жестокой мясорубке, уже все равно. Земля сравняла всех. Давайте почтим их память минутой молчания и будем жить дальше, выстраивая новые отношения между нашими государствами».

Во время дружеского обеда напряженность спала. Несмотря на возраст участников, выпито было достаточно, и по славянской традиции наши ветераны разобрали немцев по своим домам для продолжения банкета. На следующий год делегация севастопольских ветеранов посетила Берлин, в котором некоторые из них уже были. Правда, это было в далеком 1945 году.

О признании и значимости города говорили не только в России. Получил приглашение от президента Белоруссии на государственный праздник – День независимости, который приходится на день освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. К тому времени, сменив свою должность председателя горисполкома на главу администрации города, находясь в прямом подчинении президента, я, как и все губернаторы, должен был согласовывать свой любой отъезд за пределы Украины. Написал служебную записку. Обычно ответ на нее получал в телефонном режиме от главы администрации Д. Табачника. Здесь же позвонил мне Сам: «Виктор, мне о Белоруссии говорят двояко - одни рассказывают ужастики, другие, что там чуть ли не рай. Побудь там недельку, но возьми с собой Светлану». Президент тепло относился к моей жене после случая с ценой винограда на севастопольском рынке. «Пусть она походит по магазинам, базарам...» – «Леонид Данилович, но вы же знаете, что у Лукашенко все мероприятия проходят без жен, и я получил приглашение только на себя». – «Ничего, разберешься».

Позвонил мэру Минска. Рассказал о намерении провести в Белоруссии после праздника где-то недельку. Получил согласие: «Мы с тобой будем на всех мероприятиях вместе. А твою жену я «прикреплю» к своей, они найдут, чем заняться».

Провел три дня на озере Свислочь, где отдыхают чиновники государства. Там меня опекал министр торговли Белоруссии, который был родом из Севастополя. Узнал много из «кухни» президента Белоруссии о внутренней жизни и жесточайшем контроле Лукашенко буквально над всем. Кстати, во время личного приема Лукашенко почетных гостей об уважении к Севастополю говорил и тот факт,

что в графике я был вторым после мэра Москвы Ю. Лужкова. Хотя я представлял Севастополь, а не Украину, в основном разговор шел о внешней политике Украины и Белоруссии как государств. Поразился в самоуверенности «батьки» в том, что то, что сейчас делается в Белоруссии, и куда он ведет государство — единственно верный и правильный путь. На мой вопрос, не боится ли он попасть в зависимость от России, Украине ведь есть чем расплатиться — ЧФ, к примеру, а вам? Лукашенко с хитрецой в глазах ответил: «Найдем, как расплатиться». И по выражению глаз я понял, он найдет.

Жизнь в Белоруссии, конечно, не была раем, но и «ужастики» не подтвердились. Сейчас могу с уверенностью сказать, что жить в Белоруссии в то время, несмотря на отсутствие элементарных демократических принципов, было значительно легче, чем в Украине.

Когда поднимался по широкой лестнице, ведущей на второй этаж, на встречу с Лукашенко, столкнулся с Лужковым. Прошли, не поздоровавшись. А ведь все начиналось по-другому.

Безусловно, личность Лужкова вызывала уважение. Градоначальник мегаполиса, хозяйственная деятельность которого напоминала работу хорошо отлаженного механизма. Что касается флота, как живет эта многофункциональная военно-хозяйственная машина, откровенно говоря, не интересовало кардинально ни Украину, ни Россию, старавшихся переложить хозяйственные заботы по его содержанию друг на друга. Хотя, учитывая, что де-факто флот оставался российским, позиция Украины по этому вопросу выглядела более естественной. Часть функций некогда большого государства по обеспечению жильем военнослужащих ЧФ, как я уже упоминал, взяла на себя мэрия Москвы в лице Лужкова. Что касается взаимоотношений между нами, то Лужков во время одной из наших первых встреч предложил, что в них должна отсутствовать политика и иметь место только хозяйственная деятельность наших городов. Так и жили. Я часто обращался с различными вопросами к Юрию Михайловичу и всегда получал «бескорыстную» помощь. Почему в кавычках, да потому, что землю под строительство выделял Горсовет, под решением

которого стояла моя подпись. Но большей преференцией для Юрия Михайловича была политическая подоплека — дружба двух великих городов.

Лужков скрупулезно владел всеми нюансами ведения городского хозяйства. Как-то в разговоре я пожаловался на наших дорожников. Вроде бы выделили деньги на ремонт дорог, но через год, максимум два, снова требуют денег, причем на ремонт этих же дорог. Разговор был в Москве. «Они вас дурят, Виктор Михайлович. Поехали, покажу как». Приехали в лабораторию, которая по простейшей технологии проверяла качество уложенного дорожного полотна.

Вообще, старался строить отношения с Москвой на паритетных началах. Сначала в рамках соглашения, подписанного с Севастопольским районом Москвы, а после избрания меня полным руководителем города в 1994 году в рамках договора между Городами-Героями. По договору севастопольцы могли проживать в гостиницах Москвы не как иностранцы, а по ценам для граждан России. По направлениям нашего городского отдела здравоохранения севастопольцы могли консультироваться и лечиться в ведущих клиниках и больницах Москвы. Мы принимали из Москвы больных с проблемами органов дыхания. Московские дети с такими проблемами, да и не только с такими, отдыхали в городских детских оздоровительных лагерях «Алсу» и «Ласпи» на тех же условиях, что и наши. Вообще, говоря по большому счету, и в московских льготах чувствовался политический подтекст российского Севастополя, хотя открыто вслух об этом никто не говорил и даже не акцентировал внимания.

Соглашение, предусматривающее и оказание помощи севастопольским ветеранам Великой отечественной войны, сработало в преддверии пятидесятилетия Дня Победы. Сидели в кабинете Лужкова. Обсуждали, как можно поощрить ветеранов. Как всегда главный вопрос – где взять деньги? Лужков пригласил на встречу одного из своих внештатных советников солидного бизнесмена. Спросил: «Поможем Виктору Михайловичу?» И услышал утвердительный ответ. Насколько помню, договорились где-то о сумме с шестью нулями. Решили, что каждый ветеран получит часы с изображенным на циферблате Памятником затопленным кораблям и звучащей в полдень мелодией «Легендарный Севастополь», чашку с символикой Севастополя и памятной датой, а также продуктовый набор, в который входили: бутылка водки, банка растворимого кофе и несколько банок хороших рыбных консервов. Счета оплачивались, если на них стояла моя подпись. Ее я ставил после согласования с Советом ветеранов Великой отечественной войны. Наверное, это был редкий случай, когда каждая благотворительная копейка пошла по назначению.

Юрий Михайлович подставлял плечо иногда и в политических моментах, но только если политика была связана с хозяйственными проблемами управления городом.

Городской бюджет формировался и утверждался с превеликими сложностями. Среди депутатов было много руководителей городских предприятий, которых интересовала только судьба своих хозяйств, а бюджет напоминал не только короткое, но и дырявое одеяло, которым надо было накрыть весь город. Каждое утро у меня начиналось с доклада начальника финансового управления Н. Шкирандо о состоянии бюджета, под кабинетом которой стояла толпа «страждущих» руководителей, жаждущих получить хоть какую-то сумму денег для поддержания на плаву своих предприятий и организаций. «Они меня разорвут на части», - каждое утро говорила Наталья. Иногда приходилось изыскивать деньги на решение возникающих острых насущных проблем. Так, проезд в автобусах городского АТП из-за изношенности резины просто становился небезопасным, и пришлось выделить им некоторую сумму денег. Сразу же появился руководитель севастопольского троллейбусного управления В. Головин. Он был из прежней команды Ермакова. Те же проблемы – резина плюс еще контактный провод. В общем, получил ультиматум: «Если управление в течение недели не получит финансирование, водители не выйдут на работу». Прекрасно понимал, чем это все может закончиться. Главное создать прецедент. Ведь, говоря откровенно, финансовое положение СТУ было далеко не худшим в городе.

Еще большее право на забастовку имели не только они. Безусловно, нашлись бы люди, которые только этого и ждали и привнесли бы политическую окраску событиям. А в городе, напичканном военнослужащими двух государств, это вдвойне опасно.

Буквально на следующий день после разговора с Головиным раздался звонок от Лужкова: «Мне сказали, что у вас возникли проблемы. Есть предложение. Сколько у троллейбусников задействовано водителей? Пятьдесят – пришлю пятьдесят, сто – пришлю сто. Надо только подыскать им жилье, лучше на берегу в каких-нибудь домиках, типа как в детских оздоровительных лагерях. Водители возьмут у меня отпуск и приедут в Севастополь. Совместят приятное с полезным. Нельзя людям давать садиться на голову, можно просто потерять управление».

Выступил по радио, телевидению, говорил о проблемах города и как мы собираемся их решать. Затронул и тему троллейбусников, рассказал о телефонном разговоре с мэром Москвы. В то время устроить противостояние со мной, может быть, моим противникам и удалось бы, но пойти против Лужкова — нет. Москву севастопольцы очень уважали.

Лужков также старался подчеркнуть хорошие отношения между нами и всегда приглашал меня лично на различные московские мероприятия. На этот раз я был приглашен с женой на закладку храма Христа Спасителя. Несмотря на холодную промозглую погоду, на мероприятии присутствовало огромное количество москвичей и гостей столицы. К месту церемонии прибыл в эскорте Лужкова. Празднество удалось. После закладки камня в основание собора был приглашен в числе немногих почетных гостей на трапезу в городскую резиденцию патриарха всея Руси Алексия второго. В просторном зале был накрыт стол и присутствующие ожидали прихода патриарха. Вошел пожилой человек опять же в мантии, правда, не в такой помпезной, в которой освящал закладку собора. И вдруг присутствующие услышали то, чего совсем не ожидали: «Что, еще не выпили? Замерзли же, давайте для сугреву». Присутствующая напряженность у всех сразу же прошла.

Пригласил меня в комнату для приемов. Несмотря на то, что гости оставались за столом, уделил мне порядка получаса. Алексий не был оригиналом, живо интересовался ситуацией в Севастополе. При этом затронул тему моих отношений с крымским владыкой Лазарем и возможностью проводить воскресную службу на городском холме в Петропавловском соборе, помещения которого уже давно использовались городом в своих целях. Чувствовалось, что разговор со мной был запланирован. Разговор закончился неожиданно. Патриарх сказал, что готов инициировать создание фонда под эгидой церкви по восстановлению колыбели православия на Руси – Владимирского собора в Херсонесе. А мне предложил стать президентом фонда. Я ответил, что, на мой взгляд, было бы более естественным, чтобы фонд возглавил кто-нибудь из священнослужителей, а я бы стал исполнительным директором. Хотя видео и фотосъемка в резиденции была запрещена, в виде исключения Алексий разрешил сделать «картинку» с ним телеоператору, которого я взял в Москву с журналисткой для освещения этого знаменательного события. Эта пленка и сейчас должна находиться в архивах севастопольской телерадиокомпании.

В тот же приезд в Москву я мог стать невольным участником еще одного знакового события. Возвратился с женой в гостиницу после патриаршего приема, чтобы немножко отдохнуть перед вечерними мероприятиями. Портье передал мне записку с телефоном и просьбой позвонить Васильеву.

Васильев сказал, что Отари Квантришвили приглашает меня сегодня к 19 часам в парилку в «Сандуны». Людей будет немного, несколько человек, в том числе и мои знакомые. Договорились о месте встречи. Но случилось то, что случилось. Во время основного мероприятия по закладке первого камня моей супруге что-то попало в глаз. Как потом оказалось, опилок, из тех, которыми были посыпаны дорожки. Боль в глазу усиливалась, и часов в 18 пришлось позвонить моей «палочке—выручалочке» по Москве Н. Гончару. Он подъехал, и мы поехали в больницу. Понятно, что было не до парилки.

Вернувшись в гостиницу, включили телевизор. В ночном выпуске передали, что при выходе из Сандуновских бань, застрелен Квантришвили. Жена сказала: «Видишь, я тебя спасла. А вдруг бы снайпер промахнулся и попал в тебя». Я улыбнулся и сказал: «Там не промахиваются». Но после этого случая обратил внимание, что при отъезде, когда мы с Юрием Михайловичем выходили во двор мэрии, там стояло несколько машин. Причем в какую он сядет, не знали даже его ближайшие помощники. Береженого бог бережет. Но тогда об этом я не задумывался.

Нравился мне и стиль работы Лужкова. Он всегда сам неожиданно приезжал туда, где видел «слабые точки», с дальнейшим разбором вплоть до принятия самых жестких кадровых решений. Так стал поступать и я...

Вечером город полностью погружался в темноту. Севастопольцы жаловались на отсутствие света даже на остановках городского транспорта. Чиновники же жаловались на отсутствие финансирования, при этом утверждая, что не все так плохо, как говорят.

В 21 час телефонограммами приглашаю к себе на 22 часа руководителей районов, горэнерго, горсвета, радио, телевидение, журналиста «Славы Севастополя». После того, как все собрались, предложил проехать по городу. Темнота, хоть глаз выколи. Вернулись в мой кабинет. Сказал, что если в течение трех дней не будут освещены, хотя бы остановки транспорта, это будет означать автоматическое увольнение виновных. Оказалось, деньги на лампочки нашлись. Оперативно отработали и СМИ. И люди увидели, что власть все-таки в городе есть.

Отношения с Юрием Михайловичем со временем стали носить не только деловой, но и личностный характер. Помню, как летал в Москву и поздравлял его с рождением дочери. Никогда не думал, что в наши отношения вмешаются события, происходящие в России. Это было время приближения к президентским выборам 1996 года. Борис Николаевич был тяжело болен, и «трон» под ним качался,

причем основательно. Безусловно, за событиями в России следил весь Севастополь. Горожане смотрели первый российский телеканал и читали российскую прессу, полностью игнорируя украинские средства массовой информации. В политической жизни России появилась связка Примаков – Лужков, с каждым днем набирающая силу.

И вот очередной приезд Лужкова в Севастополь. Закладывался фундамент под очередной строящийся для военнослужащих ЧФ дом. Вообще, и закладка, и сдача домов проходила в торжественной обстановке. Присутствовали журналисты ведущих российских газет, операторы и репортеры центральных телеканалов. Раскрутка Лужкова, как государственника, патриота, человека чуть ли не единственного в России, борющегося за сохранение российского Черноморского флота, приобретала уже видимый невооруженным взглядом характер. Моя роль в этой раскрутке становилась далеко не последней. Телевизионная картинка: два мэра — Москвы и Севастополя, на фоне радостных жителей Севастополя и, безусловно, мои хорошие слова о Юрии Михайловиче.

На Бельбеке по накатанной программе Лужкова встречали командующий флотом и мой первый заместитель. Я, как обычно, подъехал к месту закладки нового дома, где уже стояли моряки-черноморцы и большая группа представителей российской общины во главе с ее руководителем Телятниковой. Первым тоже, как обычно, выступил Лужков. Обычная стандартная речь: «Москва всегда будет помогать флоту». И вдруг услышал: «Севастополь – российский город, и Россия никогда его не отдаст. Севастополь - Россия!» - «Севастополь – Россия!», – подхватила восторженная толпа последние слова Лужкова. Представляя власть Украины, помня слова Ельцина, что за Севастополь Россия с Украиной воевать не будет, не захотел стать болванчиком в российском междусобойчике. Сказал, может быть, несколько скомкано о дружбе Украины и России, и впервые в Севастополе услышал свист в мой адрес. Такого простить я Лужкову не мог. Идти на «Графскую» для продолжения визита Лужкова - морского перехода на флагман ЧФ, было просто не позволительно.

В кабинет вошел «правая рука» Лужкова его заместитель, председатель фонда госимущества Москвы Олег Толкачев. Он как бы являлся связующим звеном в наших отношениях с Лужковым. «Виктор, Юрий Михайлович тебя ожидает на «Графской»». — «Олег, никуда я с вами не поеду». — «Ты, что обиделся? Это моя вина, я не успел с тобой переговорить. Ситуация изменилась». Следующие его слова я запомнил отчетливо. «Мы идем в президенты, поверь, все будет хорошо». — «Если бы мы переговорили по ситуации ранее, не исключаю, что нашли бы форму сотрудничества, а так вы сделали из меня болванчика. Извини, но я занят».

Не знаю, может быть, и действительно «все было бы хорошо», потому что позвонил Кучме перед его поездкой в Москву, которая должна была состояться чуть ли не сразу после последнего приезда Лужкова в Севастополь и спросил: «Леонид Данилович, как вы можете встречаться с Лужковым после его последнего заявления по Севастополю? И еще, я увидел в вашей программе пребывания совместное с Лужковым участие в открытии объекта в Москве». Услышал от президента следующее: «Виктор, запомни, место сидения определяет точку зрения. Станет Лужков президентом, а, скорее всего, председателем правительства, и уже, я думаю, ему будет не до твоего Севастополя». Может быть. Но я прекратил личные контакты с Юрием Михайловичем. А почему так поступил Кучма, мне открылось значительно позже.

Внешне вроде ничего не изменилось. Севастопольцы не обратили внимание на произошедшее. Но мои комментарии в СМИ поменяли направленность. Если раньше я заявлял, какой «великий» Лужков, то сейчас стал утверждать, что ничего сверхъестественного в его действиях по отношению к флоту нет, что еще в советские времена регионы, города брали шефство над подразделениями армии и флота. И что аналогичная картина сейчас наблюдается и в Украине. Наверное, все-таки изменения тональности не удовлетворяли Лужкова, и я лично получил приглашение на встречу с ним. Повод был — празднование Москвой Дня города. Программа предусматривала короткий ланч в стенах мэрии, далее просмотр демонстрации

на импровизированной трибуне перед зданием мэрии. Не поехать в Москву, тем более что о приглашении Лужкова знал весь город, я просто не имел права. Севастополь мне этого бы не простил.

День города Москвы совпал со временем пребывания меня с супругой по приглашению греческого олигарха Ласкаридиса в Салониках. Прервал поездку и взял билеты на ранний утренний рейс из Афин в Москву. Время прилета позволяло мне уже в 10 часов быть на Тверской. Но по метеоусловиям рейс был задержан, и мы прилетели в Москву в районе 12 часов. Встречал нас Толкачев. Высказал сожаление, что нам не удалось побывать на утренней программе, и сообщил, что Юрий Михайлович выделил из своего плотного графика время и ожидает меня перед официальным приемом в 17 часов у себя на Тверской. В гостинице зашли в ресторан пообедать. Сидя за столиком, я сказал, что прилично замерз, а это было действительно так, попросил принести водки и под недоуменным взглядом жены залпом выпил фужер. Договорились с Олегом, что к 16 часам он заедет ко мне в гостиницу. Вернулись в номер. Светлана спросила меня, что это за фокус с водкой. «Света, ты пойми, я совсем не хочу встречаться с Лужковым, тем более тет-а-тет. Я знаю, о чем пойдет разговор, пойми я ушел от разборок Ельцина и Хасбулатова, а теперь меня хотят втянуть в новые. Поэтому, когда Толкачев придет за мной, скажешь, мол, ты не знаешь, что со мной случилось, но по приходу в номер я продолжал пить. Сейчас сплю, и вряд ли меня можно разбудить». – «Странно, – сказал Олег. – Никогда не замечал за ним такого». Но, думаю, он все прекрасно понял. А разговор, которого я не хотел, все-таки состоялся.

Утром следующего дня, провожая меня в аэропорту, Олег сказал, что Юрий Михайлович сожалеет, что мы не смогли встретиться, и просил передать мне его просьбу — все-таки изменить мою позицию к случившемуся между нами и вообще посмотреть другими глазами на то, что сейчас происходит в России. Иными словами, мне надо было открыто поддержать их в борьбе за президентский пост в России. «Поймешь это, и твои дети и твои близкие в пятом (почему-то в пятом?!) поколении не будут иметь жизненных проблем, — сказал

Толкачев и продолжил. — Ты уже вошел в историю, как первый мэр самого Севастополя, избранный всеобщим голосованием, но в историю можно войти либо героем, либо иудою». — «Олег, но как одновременно для двух государств быть героем?» — «А ты в Украине и не можешь быть героем. Почему? Да потому что ты Семенов».

Вспомнил эту фразу, когда после покушения на мою жизнь по настоянию Леонида Даниловича мой сын был переведен на учебу в гуманитарный лицей при КГУ на Круглоуниверситетской улице. Лицей находился под патронатом лидера Руха Черновола, который часто бывал в лицее и общался с его учениками. Предстояли выборы президента лицея. И однажды после разговора с сыном Черновол подошел к директору лицея и сказал: «Нравится мне этот хлопец. Кстати, как его фамилия?» – «Семенов», – ответила Ганна Стефановна, которая рассказала мне об этом случае. Кандидатура Виктора в список претендентов на должность президента лицея не вошла. Думаю, что дело не только в фамилии, а еще и в том, что он из Севастополя.

Последняя наша встреча с Лужковым состоялась в Санкт-Петербурге на праздновании трехсотлетия города на приеме в честь этого события, куда я был приглашен как генеральный консул Украины в Санкт-Петербурге. Ко мне подошел охранник Лужкова, парень двухметрового роста, косая сажень в плечах (без него я никогда Юрия Михайловича не видел), и попросил подойти к нему. Лужков, несмотря на опалу, стоял за центральным столом. Состоялся приятный разговор о жизни. Делить нам с Юрием Михайловичем было уже нечего.

На день города Москвы я прилетел, как уже отмечал, из Греции. Приглашение посетить открытие казино в Салониках я получил от известного в деловом мире бизнесмена Ласкаридиса, входившего в пятерку самых богатых людей Греции. Конечно, не без своего интереса он подставил плечо «тонущему» «Югрыбхолодфлоту», севастопольскому предприятию, занимающемуся морскими перевозками. На деловых встречах руководителя «Юга» В.А. Андреева с греком

я часто присутствовал в качестве гаранта от города. Из разговора с Владимиром Анатольевичем я узнал, что Ласкаридис решил попробовать себя в непрофильном бизнесе – построить в Салониках современное казино, с партнером, специализирующимся на строительстве гостиниц. Вот на его открытие я был приглашен вместе с женой. Программа была шикарная и даже предусматривала недельный отдых на яхте.

Не надеясь получить добро от президента: Леонид Данилович не признавал такого рода отлучек от работы, все-таки запросил разрешение. Раздался звонок по прямой связи. «Ну, – подумал я, – началось», – и снял трубку. Но рычания в трубке не раздалось, наоборот спокойным тоном: «Виктор, так ты действительно хорошо знаешь Ласкаридиса?» – «Да, Леонид Данилович, и даже во время приезда в Лондон в ЕБРР для получения кредита «Югом» был в его лондонских апартаментах. Хочу сказать, несмотря на его богатство, они достаточно скромные». – «Так, езжай. И на встрече с ним скажи, что имеешь поручение от президента пригласить его в Украину. И, если он согласится, передай, что с ним в ближайшее время свяжутся мои помощники». Так и произошло. Но больше у меня встреч с Ласкаридисом не было. Состоялся визит Ласкаридиса в Украину, встречи с президентом и премьером. Были согласованы программы его сотрудничества с Украиной. Но «Юг» он не бросил и поставил компанию на ноги.

Бюджет города — это городской кошелек. Сколько денег ты положишь на год, столько можешь и израсходовать. Действенных вариантов улучшения экономического положения города за счет наполнения бюджета собственными силами я не видел. Да их, собственно говоря, из-за политической неопределенности и не было. Исторически город даже в лучшие советские времена был глубоко дотационным, что естественно не могло измениться и сейчас. Поэтому мне пришлось превратиться в «выбивалу» денег из республиканского бюджета. Правда, у нас в городе считалось, что если человек вовремя подтянет гайку на какой-нибудь конструкции — этот

хороший хозяйственник, а тот, кто правдами-неправдами старается сформировать бюджет, который позволяет городу выжить в это трудное время — уже политик. Думаю, это неправильно. Руководитель должен сочетать эти две компоненты в жизнеобеспечении города. С политикой в плане формирования бюджета у меня было более чем нормально. Мало того, что я был вхож к президенту, жизнь столкнула меня с председателем постоянной комиссии по бюджету ВР Н.Я. Азаровым. Надо сказать, что даже на самом верху, даже при принятии самых важных решений не малую роль играет фактор личных отношений. А у нас с Николаем Яновичем появились еще и общие интересы.

Принятие бюджета – компетенция ВР. И не последнюю роль здесь играет бюджетный комитет и его председатель, хотя первоначальный вариант предлагает КМ. Существовала традиция защиты бюджетных показателей руководителями регионов на заседаниях комитета.

Азаров был директором украинского государственного научно-исследовательского и проектно-конструкторского института горной геологии, геомеханики и маркшейдерского дела в Донецке. В сферу научной деятельности института входило изучение и борьба с оползневыми процессами. Такая же проблема была и в Севастополе. Частые обрушения почвы в районе Красной горки, да и не только там, представляли действительную угрозу жизни севастопольцев. Деньги были нужны и институту и городу. Дальше все было делом техники.

Тот, кто ездил дорогой Севастополь – Ялта, видел, как местами трасса «сползает» в сторону моря, и на ней ведутся работы по ее укреплению. Но, что такое настоящий оползень, я увидел летом 1997 года, когда ночью меня разбудил телефонный звонок – «ползет» дорога в районе двадцать первого километра ялтинской трассы. Это чуть дальше небольшого искусственного озерка под горой Гасфорта. Своими глазами увидел, как с последовательностью приблизительно в час проваливалось вниз полметра-метр дороги. Несмотря на возражения, подошел к обрыву, постоял десяток секунд, но не больше,

проверил себя на трусость и удачу. Но со стихией шутить все же не следовало. Со стороны Ялты по частично сохранившемуся асфальту еще могли проезжать автомобили. Сказал гаишникам, чтобы они закрыли проезд по трассе. Услышал, что это не их компетенция. Позвонил первому заместителю премьера Дурдинцу. Услышал: «Закрывайте трассу». Связался с мэром Ялты... Насчет ремонта абсолютно не волновался. Дорога находилась в ведении Укршосдора, а главное, что по ней через полтора месяца на дачу в Мухалатке должен был проехать президент.

Сложившимся с Азаровым неофициальным отношениям способствовало и то, что в августе наши семьи отдыхали на даче ВР «Мисхор». Нельзя сказать, что наши отношения как-то сильно стали отличаться от рабочих, но относились мы друг к другу с взаимным уважением и, может быть, даже с симпатией. Планировали иногда и совместные выезды. По просьбе Николая Яновича как-то организовал морскую прогулку по ЮБК. Наши отношения складывались, наверное, еще и потому, что Азаров младший - Алексей, несмотря на разницу в возрасте – он получал уже второе высшее образование, заинтересовался моей дочкой Викой, которая заканчивала школу. Их дружба продолжилась, когда Вика училась в КИМО, а Алексей приезжал из Донецка в Киев. Мне Леша нравился – умненький мальчик. Таких я условно относил к разряду «яйцеголовых». Я думаю, у Алексея были серьезные намерения, потому что как-то перед Новым годом из Киева мне позвонила дочь и сказала, что Леша по предложению Николая Яновича приглашает ее встретить Новый год в их семье в Донецке. Не знаю, почему я уперся, и предложил ей приехать на Новый год вместе с Алексеем к нам в Севастополь. Вика комплексовала из-за того, что Леша был немного ниже ее ростом. Не знаю, почему они расстались, но, думаю, инициатива принадлежала ей. Потому что через некоторое время я случайно встретился с ним в КМ, и Леша попросил у меня номер телефона Вики. В дальнейшем наши пути с Азаровым старшим пересекались, когда он стал председателем налоговой администрации Украины.

В очередной приезд в Киев перед отъездом в аэропорт сидел в кабинете Табачника, где меня нашел звонок Азарова: «Мы создаем партию региональных лидеров — Партию регионального возрождения Украины. Предлагаем вам войти в руководящие органы». — «Под каким номером?» — сразу спросил я, понимая, что партия создается под выборы для вхождения в ВР. «Под вторым», — ответил Николай Янович. «А кто под первым?» — «Рыбак». Рыбак был мэром Донецка. «А почему не я?» — «Виктор Михайлович, побойтесь бога. Сравните Донецк и Севастополь». — «А президент знает?» — «Я думаю, он не будет возражать».

Попасть к президенту второй раз, только выйдя от него, было невозможно. Поинтересовался мнением Табачника, который был в курсе нашего разговора, поскольку разговор проходил по громкой связи. В тот момент раздался звонок от президента: «Дима, зайди». Выходя с Табачником из кабинета, он никому даже родному брату Мише, не позволял оставаться в кабинете при его отсутствии, попросил, если появится возможность переговорить на эту тему с президентом. Табачник вернулся быстро. Посмотрел на него. Леонид Данилович сказал: «А что в Севастополе у него уже нет дел?» Так Кучма отвел меня от другого пути в моей жизни, которая наверняка закончилась бы в 2014 году, как и для большинства лидеров Партии регионов. Партия рухнула, а многие из ее членов стали для Украины фактически изгоями после бегства Януковича, что было, на мой взгляд, просто его малодушием.

Последний раз с Азаровым в официальной обстановке встретился уже после возвращения из загранкомандировки в 2004 году в МИД Украины. В Москве должно было состояться очередное заседание Смешанной украино-российской комиссии по сотрудничеству. Делегацию Украины возглавлял премьер-министр В. Янукович. Поскольку состав делегации был утвержден еще до моего возвращения, МИД посчитал необходимым включить меня в ее состав, так как один из рассматриваемых вопросов был в моей новой компетенции. Это так же должно было решиться во время организационного заседания, которое должен был провести Янукович.

Вошел в зал заседаний, хорошо знакомый, поскольку сам проводил здесь до отъезда в Петербург, заседания украинской части подкомиссии по ЧФ Смешанной украино-российской комиссии по сотрудничеству. Присел за стол. Рядом расположилась одна из членов делегации. Премьер задерживался. Вдруг задвигались стулья, все повскакивали. С некоторым запозданием поднялся и я, но еще позже задумавшаяся о чем-то моя соседка. «Заработалась, задницу трудно оторвать от стула», – обращаясь к ней грубым командирским голосом, произнес Азаров, который из-за занятости Януковича должен был провести заседание. Та испуганно вскочила. Но это был уже не тот Азаров, которого я знал раньше.

Перебрасывались мы несколькими фразами и на неофициальных встречах. Тон у него был менторский. Правда, моя супруга как-то подначила его на встрече в российском посольстве: «Николай Янович, а как у вас обстоят дела с внуками?» — «У меня внучка», — сказал Азаров. «А у нас два внука», — похвасталась Светлана... Сейчас их у меня пять.

А во время самого заседания в Москве произошел случай, на который обратили внимание все члены нашей делегации. Я и другие эксперты встали, когда в зал заседаний вошли премьер-министры. Но Янукович подошел только ко мне и поприветствовал, как старого приятеля.

Несмотря на мои связи, получать дотации для бюджетных расходов становилось все сложнее и сложнее. Их просто неоткуда было брать исходя из экономического состояния Украины. Городские бюджетно-образующие предприятия остались без заказов ВПК, а структуры, финансируемые за счет центрального бюджета, не всегда своевременно получали даже заработную плату. Скрупулезное расходование бюджетных денег становилось чуть ли не задачей номер один. Но были и экстремальные случаи расходования бюджетных средств, когда пришлось нарушить законодательство. Таких случаев я помню два. Первый, когда в кабинете появился командир городской пожарной части и пожаловался, что у него не осталось ни грамма

порошка, и возможности потушить даже небольшое возгорание в городе у него нет. Пояснил, что порошок закупить город не может, потому что это будет нецелевым расходованием средств городского бюджета, что карается уголовным наказанием. Финансирование должно осуществляться за счет центрального бюджета. Предложил обратиться с письмом к своему министру. «Виктор Михайлович, нас на прошлой неделе в Киеве собирал заместитель министра и разъяснил, что любое обращение по финансовым вопросам будет рассматриваться как заявление на увольнение». Выбора у меня не оставалось. К сожалению, в то время это был один из методов управления подчиненными. Первый раз я столкнулся с таким методом руководства в кабинете у министра финансов Украины. «Ты выделил деньги на?..» – обратился он к своему заместителю. Ответ был, что этого делать нельзя, это – противозаконно. Это в конце концов тюрьма. «Не можешь – иди. Завтра на твоем месте будет другой, который сможет». И когда заместитель вышел, продолжил: «Тюрьма – тебе. Мне – усилить контроль». Нехорошо? Нехорошо. Но иногда приходилось поступать и так.

В Севастополе в Казачей бухте находился совершенно секретный военный объект, который жители Севастополя называли очень просто – дельфинарий. Это был суперсовременный научный центр — центр подготовки морских животных в военных целях. Центр имел в своем составе высококвалифицированных ученых, докторов и кандидатов наук, а также первоклассных тренеров, в основном мастеров спорта по плаванию. По накатанной системе готовились дельфины-охранники, дельфины-диверсанты. Обучению подвергались морские котики и даже один морской лев. Было в работе дельфинария и представление с дрессированными дельфинами. Оно предназначалось для высшего истеблишмента страны Советов. Говорили, что однажды здесь был и Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев. С дельфинами работала красавица блондинка Галина Шурепова. На нее, как утверждал один из тренеров, засматривался и стал частым гостем будущий первый президент Азербайджана Г. Алиев.

Галина пользовалась огромным авторитетом еще и потому, что кроме собственного достижения мастера спорта по плаванию, она была дочерью начальника контрразведки КГБ СССР генерал-лейтенанта Шурепова. Ей разрешалось буквально все. Следует сказать, что она обладала и талантом прекрасного дрессировщика. Подопытные дельфины буквально боготворили ее. Сам не раз наблюдал и слышал, как они еще при подъезде Галины к проходной дельфинария начинали издавать приветственные звуки.

На территорию секретного объекта я попадал благодаря Галине, с которой меня познакомил один из тренеров дельфинария. Это было еще во времена Советского Союза, когда я еще «бездельничал» в троллейбусном управлении, ожидая конкурса в институт. С Вячеславом, мастером спорта по плаванию из Ленинграда, которого знал по прошлой спортивной жизни, я случайно столкнулся на Большой Морской. Иногда Слава доверял мне помогать в тренировке дельфина, которого он готовил как охранника морского объекта. Я сидел на бортике специального вольера, где плавал дельфин. Рядом со мной стояло ведерко с рыбой. Там же плавал спокойно и Слава. Потом он резко начинал погружаться на глубину. Дельфин стрелой устремлялся за ним и должен был ударить его носом, на который был надет мягкий «набалдашник». При выполнении боевой задачи он менялся на средство поражения. «Набалдашник» фиксировал закрытой глотку дельфина. Сразу после удара, Слава, в случае удачно проведенного эксперимента, подавал условный знак рукой. А дельфин сразу же устремлялся на поверхность, где я приподнимал приспособление и клал ему в глотку рыбку. Если удар не удовлетворял тренера, то я приподнимал приспособление, но рыбку в глотку не клал.

Дельфины умные животные и хорошо поддаются тренировке. Кстати, это не секрет, что когда вход в Севастопольскую бухту был защищен уходящей до дна металлической крупноячеистой сеткой, охрану несли находящиеся в подводном вольере около Константиновского равелина дельфины. Они в случае пресечения входа в бухту каким-нибудь предметом или даже человеком подавали условный сигнал, давя на специальную кнопку. Помню, удивлялся,

насколько дельфины похожи на людей. Одна из главных артисток Галины дельфиниха Марфа родила дельфиненка, которого назвали Федькой. Марфа умирала и, когда ей становилось тяжело держаться на поверхности, и она начинала тонуть, то маленький Федька подплывал под нее и старался вытолкнуть ее наверх.

Понятно, что при Союзе речь об обеспечении объекта не шла. Но наступили девяностые. Дельфинарий был на грани полного развала. МО России от финансирования открестилось, а украинскому было не до того. В один из приездов тогда еще первого заместителя председателя ВР Украины Дурдинца, он настоял, чтобы мы посетили дельфинарий.

Все, что мы там выслушали, к сожалению, было правдой. Научный и обслуживающий персонал давно сидел без зарплаты, не было средств даже на кормежку дельфинов. Окружили меня с Василием Васильевичем. «Мы подготовили письмо с расчетами на Виктора Михайловича, чтобы нас хоть немножко поддержать». - «Поддержим?!» - сказал Дурдинец, передавая мне бумагу. В машине я сказал: «Что вы сделали? Я не могу выделить ни копейки. Денег не хватает фактически ни на что. Их выделение из городского бюджета - это уголовная статья (нецелевое расходование средств). Да и люди не поймут». – «Виктор Михайлович, вы рассуждаете не по-государственному. Поднимитесь над своим Севастополем. Вам потом на территории дельфинария памятник поставят. А что касается расходования средств, не беспокойтесь, закроем этот вопрос». Памятник, конечно, не поставили, но пару лет жизни впоследствии этого посещения дельфинария у меня забрали. Вечером пригласил начальника финансового отдела Шкирандо. «Я не буду этого делать. Если меня до этого не разорвут, то в тюрьму точно посадят». - «Если не подготовишь распоряжение, то завтра его уже будут готовить другие... Не переживай, все будет хорошо».

Ермаково-шурыгинский «жучок» продолжал отрабатывать свой хлеб. Но поползновение отдельных депутатов созвать специально по этому вопросу сессию мне удалось заблокировать. Но спустя месяц раздался звонок. Звонил начальник КРУ Украины, с которым я был хорошо знаком по его прежней работе. Он был начальником финуправления у одного из моих коллег, губернатора, с которым мы иногда проводили время в неформальной обстановке и с его присутствием. «Виктор Михайлович, у вас неприятности. Сегодня поступило письмо из администрации президента. Группа ваших депутатов жалуется президенту на грубые нарушения, которые вы якобы чините по расходованию бюджетных средств. Его резолюция – проверить и доложить». Подробно рассказал о случившемся нарушении. «Я вам пришлю «нормального» проверяющего». — «Не надо «нормального», пришли самого дотошного. Я уверен, что грубых нарушений у меня нет. Но в этом я хочу убедиться еще раз».

Две недели перепуганная Наталия работала с группой проверяющих, ожидая заключения с констатацией выделения средств дельфинарию. Беседовал «проверяющий» и со мной. Поскольку проверке подлежал весь срок моего пребывания у власти, многостраничный отчет зафиксировал всего два нарушения, которые в выводах не преподавались как критические. В целом никаких предложений по принятию мер не последовало. Не затрагивался этот вопрос и на моих встречах с президентом. Так был сохранен дельфинарий. В дальнейшем, думаю, благодаря Дурдинцу финансирование дельфинария ни шатко ни валко продолжалось из государственного бюджета.

В продолжение темы городского бюджета стоит отметить, что хроническими неплательщиками являлись предприятия агропромышленной зоны. Получить их задолженность городскому бюджету никогда не удавалось, потому что ВР, возглавляемая Морозом и его первым заместителем, бывшим министром сельского хозяйства А. Ткаченко, регулярно принимала решение об их списании. Таким злостным неплательщиком был совхоз «Севастопольский».

В моей патронатной службе была группа экономических советников. Это были молодые ребята в возрасте под тридцать лет, которые уже имели опыт работы в бизнесе, а некоторые уже успели защитить диссертации. В стране ходили большие деньги в основном неизвестного происхождения. Все экономические предложения, перед тем как лечь мне на стол для принятия окончательного решения, проходили аудит моих советников. Если речь шла об очень больших деньгах, пользовался услугами Национального института стратегических исследований, который возглавляли А. Белов и его первый заместитель С. Пирожков. А. Белов носил погоны генерал-лейтенанта СБУ, а С. Пирожков был чисто ученым, доктором наук. Рекомендации, которые я получал от них, часто носили такой характер деньги «грязные», но работать можно. Но бывало и так — «грязные» на крови. Так, что, казалось, что ошибки в принятии мною решений маловероятны.

Но однажды один из моих экономических советников привел в

кабинет предпринимателя, от предложения которого я отказаться не смог. Речь шла о переуступке долга совхоза «Севастопольский» городскому бюджету. Подписал договор. Фирма обязывалась погасить задолженность совхоза, причем значительную, в течение года равными долями. Для меня это показалось живительным глотком воздуха. Но все оказалось не так-то просто. Буквально на следующий день секретарь доложила, что в кабинет «рвется» директор «Севастопольского» Бондарь. Сказал, что у меня к нему вопросов нет и принять его я не могу. Но он буквально ворвался в кабинет с криком: «Не губите, Виктор Михайлович!» Оказалось, что вчера к правлению подъехала на «крутых тачках» группа стриженых хлопцев, которые первым делом «захватили» бухгалтерию, потом зашли в кабинет директора со словами: «Ты, батя, конечно, можешь ходить на работу, но все решения будем принимать мы». С таким способом «отжатия» я встретился впервые...

Пригласил предпринимателя, сказал, извини, не могу и многозначительно поднял палец вверх. Жест этот был понятен всем, он означал, что есть еще выше меня люди, против которых идти нельзя. Разговор закончил словами: «Будут проблемы — заходи». А переуступка долгов позднее чуть не стоила мне жизни, но тогда я об этом даже не задумывался.

В городе после убийства Поданева действовали отдельные организованные преступные группы (ОПГ) под видом субъектов предпринимательской деятельности. Их руководители стремились встретиться со мной всеми правдами и неправдами. Но особенно усердствовал, добиваясь встречи, вышедший после убийства В. Башмакова на ведущие позиции преступного мира Крыма Воронков. Как бы случайно во время пребывания меня на неофициальных встречах за городом там же оказывался Воронков. Причем приглашения о встрече за его столом поступали от нашего генерала милиции Белобородова, тоже случайно, как ни странно, оказывавшегося там. Поскольку я всегда трапезничал в отдельном помещении, приглашать «Воронка» за свой стол я не собирался, тем более не собирался и принимать его приглашения.

А что творится за кулисами крымского преступного мира, я узнавал от одного из бывших «башмаков», превратившегося в благочестивого предпринимателя, ставшего депутатом ВС АРК Л. Миримского. Рейсовый Ан-24 Симферополь — Киев находился в воздухе 2 часа 20 минут. Минимум один раз в две недели мне приходилось по делу службы летать в столицу, и часто моим попутчиком оказывался Миримский. Лев издавал газету «Крымские вести», которая бывало разрождалась каким-то негативом обо мне. Он каждый раз стучал себя в грудь, говорил, что просмотрел и клялся, что такого больше не повторится. Но за время полета я узнавал от него многие из тайн «мадридского двора». Общению сопутствовала выделенная в хвосте самолета VIP-кабина на шесть человек. Иногда откровенничал в самолете приближенный «Воронка» Анатолий, всегда с запахом спиртного.

О «севастопольских» полная информация поступала мне от В.А. Белобородова, который как бы стал посредником в моих отношениях с ними. Еженедельно он детально анализировал ситуацию в каждой ОПГ. Я знал, что у него со всеми главарями есть контакт, потому что через него я получал их просьбы, которым, если они даже были в рамках законодательства, я не содействовал, хотя, честно говоря, и не препятствовал. От него же я знал, что они со мной «считаются» и затевать открытую борьбу не собираются. Правда, и Белобородову не всегда удавалось «разруливать» ситуацию в преступном мире, и Севастополь взрывался резонансными убийствами.

Отношения с Виватом Александровичем с открытого противостояния стали меняться после моего избрания единоличным руководителем в городе. Причем меняться буквально на глазах. Он превратился, чуть ли не в самого преданного мне человека. Думаю, это случилось тогда, когда поливать меня грязью стало невозможным и, может быть, даже опасным, ибо с министром внутренних дел В.И. Кравченко в результате частых неформальных встреч, когда мы хорошо узнали друг друга, сложились нормальные человеческие отношения. О них может судить тот факт, что после похода «кругловцев» к моему дому, покушению на меня, поступили рекомендации-

требования от силовых структур на воскресенье выезжать за город, он предоставлял возможность выезжать с семьей на его министерскую дачу на ЮБК в Бекетово. «Я там бываю очень редко, причем свою охрану можешь там не оставлять. У меня там ребята дежурят – супер», – говорил Владимир Иванович. Никогда не поверю в его самоубийство. Не такие уж «чистенькие» пришли к власти в 2004 году. Накопив за долгие годы пребывания у власти компромат и на них, у него не было причины себя убивать.

Были проблемы и с городскими нуворишами, которые считали, что деньги решают все. Приходилось успокаивать и их, правда, не всегда законными методами. Одно время, проезжая домой на обед, обратил внимание на стоящий под запрещающим знаком напротив здания главпочтамта на Большой Морской «Мерседес» последней модели. Пригласил начальника ГАИ. Оказалось, что эта ситуация ему знакома. Нарушитель – богатый и известный в городе человек. Регулярно платит штрафы, иногда хочет рассчитаться долларами и часто предлагает заплатить штраф и за следующий день, просто хамит. «Так снимите номера». – «Не имеем права». – «Хорошо, тогда их сниму я». На следующий день по дороге на обед взял в машину своего помощника Ивана Алексеевича, который открутил номера и по моему указанию, пока я обедал, отвез их начальнику милиции Белобородову. Каково же было мое удивление, когда на следующий день я увидел стоящий на прежнем месте «Мерседес» с номерами. Белобородов сказал, что отдал номера, потому что забрать их, у него нет прав. «А право стоять под знаком?» – «Но мы же его штрафуем». В тот же день поступил звонок в приемную от хозяина «Мерседеса» с просьбой мне передать, чтобы я не думал, что я полный хозяин в городе, и мне все дозволено. На следующий день попросил Ивана Алексеевича не просто открутить номера, а порезать и положить на капот. И параллельно, хотя это было и не порядочно с моей стороны, дал команду проверяющим инстанциям, начиная с КРУ и заканчивая санэпидемстанцией и пожарниками, проверить соблюдение им всех законодательных норм, причем с пристрастием. А через начальника КРУ Севастополя Ольгу просил передать ему мои сожаления, что бизнес в Севастополе ему все же придется закрыть. И примерно через неделю, на выходе из Горсовета, меня встретил довольно молодой в строгом заграничном костюме человек. Это был хозяин элитного авто. «Виктор Михайлович, я хочу сказать, что был не прав. Вы - мужик». И протянул мне руку. Я ее пожал. «Виктор Михайлович, если у вас будут какие-нибудь проблемы, готов помочь». - «Спасибо», – сказал я и пошел к машине. «Мерседес» больше на том месте не стоял.

Ни преступный мир, ни бизнес не любят слабых и уважают только сильных

Собственно говоря, до 1996 года у меня не было никакой охраны. Не было охраны даже на входе здания Горсовета, где сидела дежурная – женщина преклонного возраста. Первая настоящая охрана Горсовета появилась лишь тогда, когда группа обманутых вкладчиков банка Шурыги–Кондратевского пришла защищать его и пыталась ворваться в мой кабинет. Причина – якобы я «обанкротил» Сергея Михайловича. Я вышел в коридор и вступил с ними в разговор. И как я уже писал, один из вкладчиков бросился на меня с ножом. Правда, его утихомирила сама толпа. Тогда я посчитал это просто несчастным случаем. А когда даже президент говорил мне, чтобы я взял охрану, отвечал: «А кого я должен бояться в своем городе? Пусть они лучше боятся меня».

Продираясь через толпу у входа в Горсовет, не чувствовал никакого страха перед людьми, окружающими меня. Считал, что словами делу не поможешь. Но и знал, словом людей можно успокоить. Не обязательно обещаниями, а просто разъясняя ситуацию, что можно сделать, а что нет.

Если докладывали о стихийно возникающих митингах, часто менял планы на день, а он был расписан по минутам, и ехал к людям.

До случая, как я его назвал первым звоночком, считал за правило по утрам часов этак в десять по воскресеньям ездить с женой на базар. Проходили через двор на Очаковцев на остановку 6 и 10 троллейбусов, идущих с Летчиков и Камышовой. Много людей выходило из троллейбусов, но столько же пыталось и втиснуться в него. Когда мы с женой подходили к остановке, место у входа в троллейбус становилось как бы пустым. А когда мы входили в троллейбус, люди как бы вдавливались вглубь него, так что возле нас оставалось еще свободное место. На базаре проводили часа два-три. «Поход» на базар фактически превращался в мероприятие встречи с севастопольцами. Простым горожанам нравилось, что езжу на троллейбусах

и без охраны. Разговоры на базаре за редким исключением носили дружелюбный характер.

Но бывало и такое. Вдруг слышу: «Витя!» Оборачиваюсь. Жена моего товарища, с которым мы играли в одной команде. Она торговала селедкой. Поговорили о том о сем. Галина подобрала мне пару селедочек и все наотрез отказывалась брать деньги. Вдруг слышу за спиной громогласное: «Гляньте люди, народ голодает, а этот селедку жрет!» На провокации я научился реагировать спокойно.

А походы на базар прекратились после одного из июньских дней 1996 года, когда я как обычно приехал домой на обед. Еще из машины обратил внимание на группу афганцев, которые вышли из подъезда соседнего двенадцатого дома, с которым у нашего дома был общий двор. В двенадцатом, в квартире на первом этаже разместился Совет ветеранов Афганистана. Отношения с афганцами складывались у меня как нельзя лучше. В апреле 1996 годы Горсовет принял решение об установке памятника севастопольцам, погибшим в афганской войне. Поднапряг не бедных людей, помогли построить часовенку в Комсомольском сквере. День вывода советских войск из Афганистана проводил вместе с афганцами, принимая участие во всех их мероприятиях, включая и застольные, за что часто «получал» от жены. Совет возглавлял Серега Крушатин, получивший во время боев в Афгане тяжелое ранение в голову. Часть черепа в районе макушки у него отсутствовала и была «заштопана» искусными хирургами. Его все время преследовали мучительные головные боли. Сергей был депутатом городского Совета и доставлял мне немало трудностей. Часто «науськиваемый» моими противниками, выступал с яркой обвинительной речью предварительно написанной ему на бумаге. В ближайшем перерыве подходил ко мне с виноватым видом. «Серега, что ты мелешь?» Брался двумя руками за голову: «Михалыч, извини. Блин, ты не представляешь, как голова болит!» Я на него не обижался.

Машина еще не успела отъехать, как меня окружила группа афганцев. Вдруг метрах в двадцати раздался крик: «Виктор Михайлович!» От угла улиц Кулакова и Адмирала Октябрьского ко мне подбежал мужчина средних лет: «Только что с Кулакова на Октябрьского повернула «копейка», заднее боковое стекло было открыто, там сидел человек со «шмайсером», и я услышал, как он говорил по телефону — «объект закрыт, не удалось». Позвоните Кунцевскому». Пытался отнекаться. «Позвоните! Без вашего звонка меня к нему не пустят, подумают, что сумасшедший». Позвонил.

Ближе к вечеру раздался звонок из Киева. Дурдинец: «Я вам сколько раз говорил, негайно (немедленно) взять охрану, но вы не слушали. Завтра у вас будет четыре охранника. Извольте слушать, что они вам говорят. И никаких «нет», до свидания». На следующий день в кабинет вошли Кунцевский, Белобородов и четверо спортивного вида ребят. Жизнь моя приобрела новую окраску. Во-первых, прекращалась передача во все подведомственные подразделения информация о графике моей работы, который я практиковал с первого дня пребывания на посту. Кстати, того же требовал я и от своих подчиненных. Во-вторых, и главных. Я не мог самостоятельно даже выйти из дома. И всюду должен был быть в сопровождении охраны. Если возникала необходимость срочной поездки, то охране необходим был люфт в полчаса. Честно говоря, мне было как-то неудобно. Ребята дежурили сутками по два человека. Я всегда, направляясь в поездку, просил ребят из охраны брать с собой блокнот и авторучку, представляя их моими помощниками.

Но не все может и охрана. Это случилось 10 октября 1996 года. Предыдущую неделю провел в командировках. Работы накопилось невпроворот. Готовясь к аппаратному совещанию, которое я проводил по вторникам, встречался со своими заместителями и руководителями ключевых управлений администрации. При разговоре с начальником финансового управления Шкирандо, которая докладывала о состоянии бюджета, повторилась старая история — неплатежи предприятий в бюджет. В разговор вмешался мой первый заместитель Б. Кучер, который попросил о своем присутствии при этом разговоре.

Если в должности председателя Горсовета кадровой проблемы для меня не существовало, то получив в 1994 году параллельно и

должность председателя горисполкома, при выдвижении кандидатур на должность своих заместителей, утверждаемых сессией, я должен был учитывать и мнение депутатского корпуса. Как ни больно вспоминать, в большинстве своем в заместителях оказывались случайные люди. Так, один из них – полковник строительных войск Буровенко, «прославился» тем, что за полтора года переместился из обыкновенной «двушки» в двухуровневые апартаменты. Со стопроцентной уверенностью могу утверждать, что не ошибся с назначением на должность социального заместителя И. Цокур. Учитывая, что приходилось совмещать две должности, огромный круг обязанностей и, главное, ответственности, требовался очень серьезный подход по выбору главного помощника – первого заместителя по исполнительной работе. Первыми, кто отказался стать моими первыми заместителями были руководители Югрыбхолодфлота В. Андреев и директор Севморзавода А. Череватый. Третьим отказавшимся стал бывший первый секретарь Гагаринского райкома партии В. Черник. Его ответ был показательным. «Я уже стал забывать время, когда люди плевали мне вслед. Ты хочешь, чтобы я это вспомнил? Но теперь они будут плевать мне в лицо». Руководитель моего предвыборного штаба И. Куликов говорил мне: «Перестаньте ходить по верхам, вам нужен просто хороший исполнитель». И предложил посмотреть на кандидатуру директора электромеханических мастерских Б. Кучера. Мастерские были филиалом Симферопольского электромеханического завода. Небольшое предприятие даже в столь сложное время работало довольно ритмично, и его рабочие регулярно, хотя бывали и задержки, получали заработную плату. С мнением Куликова я сильно считался. Бывший первый «орговик» горкома партии по роду службы должен был знать про все и про всех в городе.

Борис оказался хорошим исполнителем. Никогда не принимал самостоятельно серьезных решений, не посоветовавшись со мной. Но жестко контролировал выполнение принятых. Редкая неделя обходилась у меня без выездов за пределы города. Но я со спокойной душой мог оставить дела на своего первого заместителя, правда, оставляя на отдельном листке бумаги перечень заданий,

о выполнении которых он должен был отчитаться по возвращению меня из командировок. Часто из поездок привозил что-то новое, что пытался внедрить в интересах города. Но новое почти всегда воспринималось, да и сейчас воспринимается в штыки. Часто после принятия таких решений я погружался в атмосферу звонков, предлагающих их отменить, а депутаты, «выполняющие волю народа», часто даже предлагали собрать внеочередную сессию. Тогда Борис предложил мне такую схему. Он подписывает решение после моего отъезда, когда он остается «за главного». «По приезду к вам сразу же побегут с жалобами на Кучера, принявшего решение. Говорите, успокойте, что дел набежало много, разберусь и с Кучером. Потяните время, а там...» Действительно, часто запал спадал. Такая схема меня устраивала. Главное – дело. Такое правило появилось у меня со времени работы в институте. Будучи председателем профкома, стал членом ученого Совета института. И многие мои предложения на его заседаниях как-то не замечались, хотя в дальнейшем они звучали из уст ректора и принимались к решению. В разговоре со своим товарищем, заместителем декана факультета ТПТМ В. Карпенко, пожаловался ему на это. Услышал: «Тебе что главное – дело, или чтобы дело исходило от тебя?» Но такая ситуация устраивала и Кучера, создавая ему имидж человека, принимающего «революционные» решения, образ современного хозяйственника. Эта схема работала до тех пор, пока неожиданно для меня Борис попросил отпустить его на другую работу. Причем неожиданно, в телефонном режиме, когда я после покушения находился в Феофании. Причина – хочет попробовать себя на самостоятельной работе, руководителя севастопольской налоговой. У меня сразу появились на этот счет другие обоснования, но в них я не хотел верить.

Но это было позже, а сейчас Кучер сидел за одним столом со мной и Шкирандо. После доклада Шкирандо он заметил: «Виктор Михайлович, я знаю, как исправить ситуацию. У меня был Петров». Петров был одним из «клиентов» Белобородова. «Он готов погасить задолженность бюджету некоторых предприятий». — «Каким образом?» — «А, что разве я вам раньше не докладывал? Когда вы были в

отпуске, я подписал два документа», – и положил их передо мной на стол. Для меня это стало сверхстранным, ибо в каждый день моего отпуска еще до завтрака я получал от Бориса подробную информацию – что сделано вчера и намечается сегодня. Причем почти всегда вносил свои правки.

Это был договор от 27 августа о совместной деятельности между севастопольской городской администрацией в лице первого заместителя Б. Кучера и доверительным обществом с дополнительной ответственностью «Конфирмационный дом «Дисконт» в лице президента общества В. Петрова. И за тем же числом «Договор об уступке требований». «А что за предприятия вы обсуждали?» После их перечисления мне стало чуть ли не плохо. Там были не только небольшие предприятия, но и «Атлантика», «Муссон», «Эра». Вряд ли Кучер не понимал, что это типичный бандитский прием «отжатия» предприятий. Или вернее, зная мое отношение к таким сделкам, просто побоялся остаться со мной наедине и раскрыть истинную финансовую составляющую «договора». Даже по существующей ставке «отката» в двадцать процентов суммы были заоблачные. Сказал: «Оставь документы, ознакомлюсь подробнее». На аппаратном совещании 8 октября Кучер не присутствовал, приболел. Я дал команду юридическому отделу подготовить бумагу по расторжению договора. 9 октября вечером, как обычно утвердил график работы на 10 октября. И как обычно он был насыщенным. Но все планы спутал звонок из Ялты. Звонил директор днепропетровского «Южмаша». Завтра в 10 часов должна была состояться большая презентация первого украинского троллейбуса. Знаменитому «Южмашу» из-за сокращения своей профильной деятельности пришлось заняться выпуском отечественных троллейбусов. «Приезжайте». Очевидно, что-то у него не сложилось с приездом «випов». Пытался отговориться, ссылаясь на занятость. «Я подарю Севастополю троллейбус». Но от этого, конечно, я отказаться не смог.

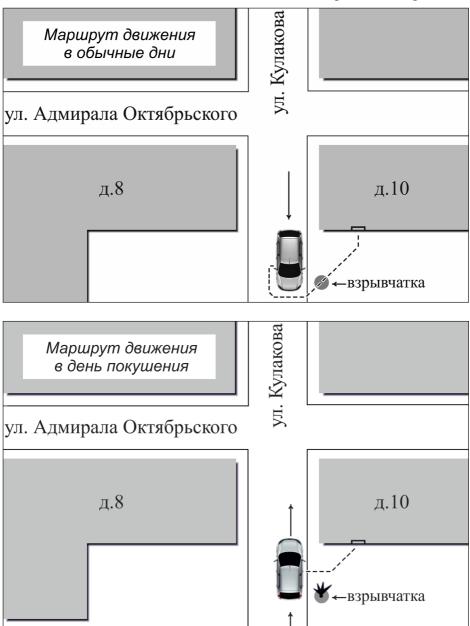
Обычно мои водители, оба Саши, ставя в спецгараж одну из двух «Волг» 600 01 и 600 02 со спецсвязью обменивались звонками

по поводу графика на следующий день. Если не было никаких нововведений, то без десяти минут девять я выходил из дома. Так же, как правило, в 13.10-13.20 я старался приезжать на обед. Примерно в таком режиме я жил уже пятый год. Но один из водителей отпросился съездить домой, навестить родителей, живущих в Краснодарском крае, поэтому работать 10 октября пришлось без смены второму Саше, и «взрывники», которые могли черпать информацию из телефонных разговоров водителей, на сей раз ее не получили.

Утром в Ялту уехал где-то в начале девятого. График с 9.00 сместил на 12.00. Задерживаться в Ялте я не собирался. Но выступить и сразу уехать не удалось, пришлось остаться на фуршет. Сделав «глоток шампанского», попрощался с присутствующими, сел в машину и сразу же позвонил в приемную. Сказал, что немного задерживаюсь, и кто ожидает в приемной, пусть немного подождет. К часу подъехал к Горсовету. У входа меня ждал Иван Алексеевич. «Я всех уже «распустил», сказал, что будете к 15.00. Езжайте, пообедайте. Я позвонил Светлане Андреевне, она уже выехала». Жена работала на полставки и после обеда занималась детьми, которые приходили из школы. До сих пор не могу понять, почему мы поехали не по Большой Морской, как это было всегда, а, пожалуй, впервые по Кулакова. Может быть, на Большой Морской была пробка... Такое решение было принято Сашей – моим водителем. Но, собственно говоря, это и спасло мне жизнь.

Несмотря на то, что по правилам охраняемое лицо должно находиться на заднем сидении за водителем рядом с охранником, а второй охранник на переднем сидении рядом с водителем, вопреки инструкции всегда садился на переднее сидение. Выходя из машины, обходил капот и направлялся к подъезду дома. На тротуаре всегда проходил по плотно утрамбованной лунке от выкопанного дерева. Как оказалось потом, в лунку были заложены взрывчатка эквивалентом триста грамм тротила и граната РГД-5. Так называемый «афганский вариант». Взрыв был произведен дистанционно. Подрывник находился где-то в зоне видимости, скорее всего, на углу улиц Адмирала

Октябрьского и Кулакова. Но машина подошла со стороны Кулакова. Вышел из машины. С заднего сидения вышел охранник Игорь.

Получилось, что он как бы прикрыл меня от взрыва. Сделал несколько шагов... Осталось в памяти, что меня как бы оторвала от земли какая-то сила, и во рту почувствовал какой-то горьковатый привкус. Открыл глаза. Рядом лежал Игорь, почему-то запомнилось, что в руках у него был пистолет. Надо мной склонился сосед с первого этажа Володя. Мне казалось, что у меня вытекает правый глаз: «Володя у меня есть глаз?» – «Есть, есть», – успокоил он меня. Как мне потом рассказывали, на балкон выскочила мать и кричала: «Что он вам сделал, за что?» Времени я не ощущал. Местами сознание возвращалось. Открыл глаза. Надо мной стояла перепуганная жена.

Со Светланой, студенткой 5-го курса нашего института, я познакомился на свадьбе В. Калабина, ее однокурсника. Играли в одной севастопольской команде, но друзьями никогда не были. В 1977 году в год окончания им института получил приглашение стать свидетелем у него на свадьбе. Поинтересовался, кто будет свидетельницей. Сказал: «Светка. Живет в общежитии в одной комнате с моей будущей женой». Но перед самой свадьбой Светлана отказалась быть свидетельницей, якобы из-за моей плохой репутации у студенток,

что было откровенной чушью. На свадьбе поймал на себе вопросительный взгляд. Исходил он от маленького роста худенькой девчушки. Поинтересовался у Володи, кто это. «Так это та самая Света, что отказалась быть свидетельницей». Пару раз потанцевали. Договорились, что в понедельник после третьей пары она заглянет в преподавательскую. Пошли в ресторан «Украина», пообедали. Встречались недолго, и уже через неделю я предложил Светлане стать моей женой.

И вот уже вместе прожито более сорока лет, и не было ни одного дня,

когда бы я пожалел о своем выборе. Всегда находил ее полное вза-имопонимание и поддержку. И еще, она никогда не вмешивалась в мои рабочие дела.

Еще в Севастополе ее подруги говорили – вот Света удачно вышла замуж за мэра. За какого мэра? За неплохого, но не достигшего значительных высот спортсмена и всего-навсего тридцатиоднолетнего не имеющего научной степени, и не известно с какими перспективами ассистента кафедры физики. Так что всего, что мне удалось добиться в жизни – это Бог и Светлана. И еще Светлана – это моя судьба, которая навсегда связала меня с Севастополем. Ведь после нашей свадьбы уже 1 сентября я должен был приступить к учебе в целевой аспирантуре МГУ, экзамены в которую были мною успешно сданы. Ясно было, что из Москвы я бы уже в Севастополь не вернулся. В Москву на первых порах я должен был ехать один. Появлялся вопрос, а стоило ли жениться? И я сделал выбор. В Москву была отправлена телеграмма, что я не могу приступить к занятиям по семейным обстоятельствам. Степень кандидата технических наук

я получил несколько позже, защитившись в Севастополе. Правда, возникли сложности при заключении брака. Жениться или выйти замуж летом в Севастополе была большая проблема, это время курсантских свадеб. Все дни были расписаны. Как всегда меня выручил директор СТУ Круподеров. Свадьбу сыграли у него же в столовой троллейбусного управления 15 июля.

В 1978 году Света родила мне дочку Викторию, а 1981 году – сына Виктора. Жизнь сложилась так, что я был «приходящим» отцом, и воспитание детей полностью легло на ее хрупкие плечи.

Светлана как раз вышла из троллейбуса и услышала взрыв. В ближайших домах посыпались стекла. Она мне потом говорила, что как только услышала взрыв, сразу все поняла. Бежала от остановки к дому, а это метров пятьдесят, и думала лишь бы увидеть меня живым.

Следующим, что осталось в памяти, почему-то приезд пожарной машины, а не скорой, и затем реанимационная палата первой горбольницы. Вспоминаю перепуганные лица Кунцевского и Белобородова. Сквозь сознание понял, что ждут приезда нейрохирурга из госпиталя. Услышал диагноз — отек головного мозга. Мысленно начал прощаться с жизнью, но страха не испытывал, было как-то все равно.

Потом почувствовал, что меня стали одевать. Н. Беленко – главврач первой горбольницы, депутат Горсовета объяснила, что меня отправляют в Киев и сейчас отвезут на самолет. Сказал, что я никуда не поеду. «Это приказ президента», – услышал я в ответ.

Открыл глаза, увидел жену и женщину в белом, очевидно, врача. «Придержите носилки, сейчас будем взлетать, и носилки поедут...» Я лежал на носилках в самолете... «Витя, мы уже час как летим», – успокоила жена.

В аэропорту меня ждала скорая помощь, первый заместитель главы администрации президента В. Яцуба, начальник управления регионами КМУ Ф. Панасюк, главврач «Феофании» А. Свиридов. Момент встречи я не помню. Следующее воспоминание – вдруг стало

тепло — это включили лампы над хирургическим столом. Надо мной стоял хирург. «Доктор, вы пришьете мне палец?» Безымянный палец держался непонятно на чем. «Пришьем, пришьем. А сейчас снимем крестик». — «Доктор, не надо, может, он спас мне жизнь».

Я вырос в семье убежденного атеиста. Мать, как я понял, будучи уже взрослым, была глубоко верующим человеком. Но тема бога в семье отсутствовала. Так я и вырос некрещеным. В девяностые годы стало модным руководителям различных рангов присутствовать в церквях на больших религиозных праздниках — Рождестве Христовом и Пасхе. У нас молебен всегда проходил на Братском кладбище Северной стороны. Командовал паствой благочинный Севастопольского округа отец Георгий. «По совместительству» он занимался предпринимательством. Его интересовали объекты недвижимости. Мощный современный джип, на котором он мотался по Севастополю, знали почти все его жители. Пару раз не принимал его на работе, ссылаясь на занятость.

Но прихожу домой на обед. Дверь открывает мама и сразу восторженно шепотом мне на ухо: «Витя! У нас отец Георгий!» Маме тоже на ухо: «Зачем ты его впустила?» — «Витя, ну как же?!» Прохожу на кухню. На столе икра, прочие яства, бутылка водки. Кстати, это был разгар поста.

- Михалыч, давай выпьем.
- Георгий, а как же пост?

Перекрещивает меня:

- Бог простит.
- Георгий, что ты хочешь?
- Отдай «Военную книгу».
- «Военная книга» это магазин на улице Большой Морской.
- Зачем?
- Будем с тобой крестики продавать, иконки.
- Так придется ж платить налоги. Продавай в церкви на «Братском». Ведь на территории церкви их платить не надо.
 - Там тоже продаем. Но «Военная книга» это же центр.

Несколько раз он предлагал стать моим крестным отцом. Конечно, это противоречило моим жизненным принципам.

В августе 1996 года, как обычно, отдыхал в «Дюльбере» на даче «Мисхор». Это было как раз после неудавшегося первого покушения. Заехал ко мне благочинный Крыма владыка Лазарь. Как-то у нас с ним совпала необходимость в одни и те же сроки выехать в Киев. И он уговорил меня не лететь самолетом. Вечер и почти вся ночь прошли в разговорах в купе спального вагона поезда Симферополь - Киев. Церковь боролась за возвращение собственности. И я стал для Лазаря как бы неофициальным советником по этому вопросу. Он часто заезжал ко мне посоветоваться. Так было и в этот раз. Вопрос возник о возобновлении службы в Петропавловском соборе на городском холме. При этом предложил проехать в его симферопольскую резиденцию в Марьино у Симферопольского моря, пообедать и там покрестить меня. «Я, кстати, привез из Иерусалима святую воду», - сказал владыка. Так и появился у меня на шее, на скромной золотой цепочке, крестик, который я, не снимая, ношу до сих пор. Там же он стал крестным отцом и для моих детей.

В Феофании в реанимационную палату ко мне никого не пускали. Но один раз увидел перед собой высокого крепкого телосложения человека в белом халате. Оказалось, это мой лечащий врач — академик Возианов: «Какие будут просьбы?» После взрыва голова у меня была в каком-то мусоре и страшно зудила. Сестричка, заходившая часто в реанимационную палату все мои просьбы отклоняла. «Помойте ему голову, — сказал Возианов и продолжил. — Вы знаете, в советские времена разыгрывалась в лотерее «Волга». Так вот, считайте, что вы выиграли не «Волгу», а «Мерседес». Поразила и записка, которую он мне передал от посла США в Украине господина Миллера. Она заканчивалась словами: «Я молюсь за вас». Посол был частым гостем в Севастополе и любил заезжать на несколько дней в гостевой домик санатория «Южный», в чем я ему содействовал.

Несмотря на то, что больничный номер позволял постоянно находиться в нем моей жене, первое время после реанимации, в которой

я провел три дня, в палате постоянно дежурила медсестра. Каждый день начинался с мучительной процедуры удаления осколков, которыми было «нафаршировано» мое тело. Часто заходил и мой операционный хирург В.С. Москаленко. Виктор Степанович, хирург от бога, на мой вопрос, а где же мой палец, отвечал: «Я его удалил, чтобы он вам не мешал». Он и дня не мог обходиться, чтобы не оперировать. Уговорил меня удалить прямо в палате большую родинку, а жену, как он говорил, чтоб не находилась без дела в больнице, заставил пройти медобследование, после чего удалил ей желчный пузырь. Каждый день в палату заходил и начмед В. Рыбка, дружба с которым продолжается и поныне. Каждый год вместе с ним и его женой Тамилой отмечаем мой второй день рождения. У входа в палату находилась вооруженная охрана, которая кроме следователей и медицинского персонала ко мне никого не допускала. Прорваться смог только глава администрации президента Табачник, которого интересовали в деталях подробности произошедшего. Я рвался на работу. Считал, что долечиться можно и в Севастополе. В первых числах ноября я настоял на выписке и меня повезли к президенту.

Президент встретил приветливо. Расспросил о дочке, она поступила в институт международных отношений и проживала в институтском общежитии на Мельникова. Почему спросил о дочке потому что на одной из встреч с президентом я набрался наглости. «Леонид Данилович, вы знаете, что у меня есть дочь?» – «Знаю». – «Вы меня будете оставлять на должности главы администрации или нет?» Президент, чтобы держать глав региональных администрации в «ежовых рукавицах», чуть ли не раз в году проводил наши переназначения. «А при чем здесь твоя дочь?» - недоуменно посмотрев на меня, спросил президент. «Если вы меня оставляете, она будет поступать в КИМО, если нет, уезжает в Москву поступать в МГИМО». После дочери поинтересовался о жене, о сыне. И вдруг разговор резко перешел в другую плоскость. «Ты знаешь, я решил тебя оставить в Киеве. Согласен?» – «Раз вы так решили, значит, согласен». Знал, что Леонид Данилович не доволен Табачником и ищет ему замену. Но кем он видит меня в своей структуре, не представлял. Хотя сразу

вспомнил, что первую проверку я уже прошел. Это было летом перед отпуском.

Позвонил президент и предложил провести брифинг, который еженедельно проводился в администрации. Журналистов интересовала тема Севастополя. Согласился. Но поскольку предложение провести брифинг было с сегодня на завтра, попросил перенести его на один день, чтобы было время лучше подготовиться. И хотя это не было принято в администрации, брифинг был перенесен.

Прекрасно понимая, что главный вопрос будет по российскому статусу города, пересмотрел все материалы, которыми меня насыщали с двух сторон. Толстый перечень материалов московской спецпочты и материалы украинского института государства и права имени Корецкого и института стратегических исследований, которые направлялись мне по указанию Дурдинца. Информации у меня было достаточно, хватало даже на докторскую диссертацию. Что касается других вопросов, то с ними у меня проблем не должно было возникнуть.

В зале администрации на первом этаже было, как никогда, много народа. Ровно в 10.00 вошел в зал вместе с руководителем пресс-службы президента и буквально за минуту до начала появившимся секретарем СНБОУ Горбулиным. Когда он подошел, я с обидой спросил: «Вы что, мне не доверяете?» – «Нет. Я не буду вмешиваться. Просто если будут вопросы, на которые вы не сможете ответить, отвечу я». Сразу успокоился. Еще раз хочу отметить, что вопросов по Севастополю, на которые я бы не смог ответить для меня не существовало. Как и следовало ожидать, после моей информации о городе, первый вопрос – о его статусе. Я взял с собой отлично оформленную, как сейчас помню, в красном теснении брежневскую Конституцию СССР. Сказал, что не хочу ввязываться в юридические нюансы: в них можно запутаться. Сделал упор на логику. Вот основной закон бывшего нашего государства - СССР. Открываем содержащуюся в этом сборнике Конституцию РСФСР... Города республиканского подчинения – Москва и Ленинград. Севастополя нет. Открываем Конституцию УССР... Города республиканского подчинения – Киев

и Севастополь. Сосредоточил внимание присутствующих на копиях бюджетов Украины и России с 1954 года. Финансирование Севастополя идет из бюджета Украины. Очевидно, что «девочку танцует тот, кто ей платит». Встреча затянулась, чуть ли не на полтора часа. К слову, Владимир Павлович, сидящий рядом, не произнес ни слова. После брифинга я еще задержался на несколько минут с журналистами, а потом поднялся к президенту. «Ну как прошел брифинг?» – «Нормально». – «Ладно, не выдергивайся. Заходил Горбулин, сказал, что ты молодец».

Приняв предложение президента, как бы автоматически спросил: «А кто будет в Севастополе?» – «Другого, такого как ты, местного, я не найду. Это будет человек из Киева» – «Леонид Данилович, этого делать нельзя. Севастополь чужака не примет. Вернется хаос. Понимаете, я «г...о», но я свое «г...о». Кучма задумался. Молчание длилось не меньше минуты. «Как знаешь. Ладно, езжай в свой Севастополь». Леонид Данилович всегда принимал решения моментально. Хотя, думаю, в случае со мной он проигрывал несколько вариантов. Последовало к приемной: «Соедини меня с Курасом (вице-премьер КМУ) и пригласи в приемную Бородича». Соединили с Курасом: «Семенов едет домой. Но сына его все равно надо забрать из Севастополя. Да, как мы говорили. В лицей на Круглоуниверситетской. Служба говорит, что так будет безопаснее. Да, хоть парень образование получит соответствующее». И обращаясь ко мне: «Подожди Бородича в приемной». Бородич был заместителем Кравченко и «боролся» с организованной преступностью. В приемной появился Бородич. Зашел к Кучме. После того, как вышел: «Слушай меня внимательно. Мы продумали вариант твоего возвращения. Можешь работать спокойно, не опасаясь за жизнь. Охрана будет у тебя высокопрофессиональная из «альфовцев», - потом засмеялся, посмотрел мне в глаза и сказал. – Нет, тебя, конечно, может «снять» снайпер. Но ты уже ничего не почувствуешь. Так, что лучше слушай ребят, которые тебя охраняют».

В аэропорт «Жуляны» меня с супругой прямо к трапу самолета привез микроавтобус, в котором находились четыре вооруженных

автоматами бойца «Титана». Проводили в салон, когда погрузка уже закончилась, бойцы оставались у самолета вплоть до начала его рулежки. В VIP-кабине сидел человек, в котором я узнал одного из банды Воронкова «Сейлем». Это была его правая рука по фамилии, насколько помню, Пономаренко. Прилично выпивший, он чуть ли не причитал: «Виктор Михайлович, как? Где же ваша охрана?» — «А зачем мне в самолете охрана?» — «Нет, должна быть и здесь. Мы с Сергеем Михайловичем («Воронком») обсуждали этот вопрос. Он готов предоставить вам настоящую охрану». — «Чтоб довести до конца то, что не удалось?» — то ли в шутку, то ли в серьез ответил я ему.

В аэропорту Симферополя зеркальный вариант. К самолету подогнали мою машину и две машины с охраной. Встречали меня руководители силовых структур Крыма и Севастополя. И лишь после того, как кортеж отъехал метров на сто, из самолета стали выпускать пассажиров. Такой ритуал вылета и прилета сопровождался до конца моего пребывания в Севастополе.

Всегда, возвращаясь домой из аэропорта, как только машина проезжала «ай-петринскую» развилку на Ялту, подъезжая к указателю «Севастополь», я расслаблял узел галстука на рубашке и произносил всегда одну и ту же фразу: «Ну, вот мы и дома». Но сейчас чем ближе машина приближалась к Севастополю, тем больше привычное чувство, что наконец-то ты дома, сменялось каким-то внутренним холодком. Я начинал чувствовать себя, мягко говоря, довольно некомфортно.

Весь двор был заасфальтирован. Беседки и клумбы во дворе уже не было. А на въезде во двор на возвышении стояла охранная будка, напоминающая будку для регулирования движения на перекрестке в советское время. Моя машина вместе с машинами сопровождения повернула во двор и остановилась напротив подъезда. Из передней машины сопровождения вышли двое с автоматами и взяли под контроль пространство по ходу движения. Аналогично поступила охрана и из задней машины сопровождения. Из моей машины вышел охранник, открыл мою дверцу, я по-прежнему сидел на переднем

сидении, и сказал: «Виктор Михайлович, выходите». Я вышел. Он встал за моей спиной и сказал: «Идите к подъезду». Стало совсем не по себе, и я принял решение. Возвращаюсь в машину. «Саша, сдай назад и подъезжай так, как мы всегда подъезжали к дому». К машине подскочил Кунцевский: «Виктор Михайлович!» — «Володя, успокойся. Здесь я хозяин»... Машина подъехала как обычно. Я вышел из машины, обошел капот. Передо мной было то место, где ранее засыпанная гравием находилась взрывчатка. Остановился и, громко рассуждая как бы сам с собой, сказал: «Вот так. Подъехали. Иду». Сердце чуть не выскакивает из груди. Делаю шаг, наступаю на «лунку». И опять же сам себе: «Вот и все...» Но страх куда-то ушел полностью, и я спокойно пошел к подъезду. Эпизод был вычеркнут из моей памяти.

О ходе следствия меня информировал начальник милиции генерал-лейтенант Белобородов. Честно говоря, мне было некогда, да и не интересно вести собственное расследование. Все свои предположения я изложил в Киеве на встречах со следователем. Конечно, это могли быть и «крымские», которых я «не пускал» в город, но самым очевидным считал отмену, подписанного моим первым заместителем соглашения о переуступке долга. Главное было не допустить его отмены, и через день я взлетел на воздух.

Пока лежал в больнице, свободного времени было много. И иногда в голову приходило, кому же я перешел дорогу. Для России я не был «чужим». Наоборот моя замена могла принести большие проблемы. И поэтому определенный в дальнейшем и даже арестованный «продавец» взрывчатки — командир батальона морской пехоты из «Казачки», был сделан просто козлом отпущения. Но это я понял уже гораздо позже. А тогда из-за этого случая прервалась многолетняя дружба с Н. Гончаром, который вступил в борьбу с Ю. Лужковым за пост мэра Москвы. «Виктор, мне нужна телевизионная картинка. Я приезжаю в Севастополь, открываю дверь камеры, где сидит полковник, и освобождаю комбата». — «Коля, извини, но он продал взрывчатку, хотя он мог и не знать, для кого она предназначена,

фактически мог отправить меня на тот свет. Извини, не могу». Наверное, я был не прав. Дружбой, тем более настоящей, надо дорожить

Не ожидал я провокаций и от татар. Следует отметить, что в то время действия меджлиса Джемилева носили «радикальный» характер. Основная задача была придать Крымской автономии национальный крымско-татарский характер. Признание крымско-татарской автономии взорвало бы русское большинство полуострова. И в интересах сохранения спокойствия на полуострове Украина, откровенно говоря, по большому счету рассматривала нахождение Черноморского флота в Крыму как противовес большой политики меджлиса и поддерживающей ее части мусульманского мира. Принятая же еще во времена Горбачева программа, восстанавливающая историческую справедливость по возвращению крымско-татарского народа на родину, практически осталась на бумаге. Финансирование ее полностью легло на плечи Украины. А возвращение крымских татар приняло массовый неорганизованный характер. Как рассказывал мне Ислам Каримов, это происходило, по его мнению, не без рук татарских радикалов. Крымские татары – трудолюбивый народ. Переселенные в Узбекистан из Крыма они довольно быстро благоустроили свой быт, и в большинстве своем жили довольно зажиточно. И тут как бы случайно кто-то стал чуть ли не силовым порядком направлять их в Крым. Сгорел один дом, в котором жили татары, затем другой. Определенные силы выталкивали их в Крым. Так говорил мне Каримов.

Севастополю массовое переселение татар не грозило, во-первых, депортировано было по крымским меркам не так уж много – порядка восьми тысяч человек, а, во-вторых, город до 1996 года был закрыт. Тем не менее городским Советом было принято решение, что крымские татары, подтвердившие документально, что они выселены с территории Севастополя, имеют право на возвращение. С руководством севастопольского меджлиса у меня установились нормальные деловые отношения. Еще при первой встрече с его

руководством я предложил сделать выбор: если вы общественная организация двери моего кабинета будут для вас всегда открыты, если политическая – нет.

Восстановили в центре, в квартале от дома, где я жил, мечеть. Так что за завтраком я слышал призывы муллы на молитву. По просьбе меджлиса в рамках программы по возвращению крымско-татарского населения по моей инициативе Совет принял решение о возрождении старого татарского поселения деревни «Камышлы». Место было живописное в пойме бывшей реки, за железнодорожным мостом перед станцией Мекензиевы горы. Подъехали с инициативной группой. Разъяснил, что по тому финансированию, которое получает город по Программе, деревню сможем восстановить к концу века. Но не этого, а следующего. Ведь инфраструктура полностью отсутствует. Один подъезд только во что обойдется! Договорились, что деньги Программы пойдут на строительство жилья в городе, и первые квартиры были выделены накануне выборов 1994 года. Не исключено, что татарское население голосовало за меня и по этой причине. Кроме того, Горсовет выделил им сто участков в сельской местности под строительство жилья. Предложил меджлису самим распределить участки. Почему самим? Да потому, что руководство нашего меджлиса рассказывало, как несправедливо распределяются земельные участки по Крыму. Получают родственники и «нужные» меджлису люди, причем местные, которые и так живут в Украине - в Херсонской и Николаевской областях. А те, кто возвратились издалека, находят приют у родственников или знакомых. Сказал, покажите, как надо по справедливости. «Сложность» распределения заключалась в том, что половина участков находилась на побережье, а половина в «глубинке» – десяти километрах от береговой черты. Несколько раз заходил председатель: «Виктор Михайлович, распределите». – «Нет, ребята, распределяйте сами».

Лет через десять, будучи послом по особым поручениям МИД Украины, в рамках работы украино-российской подкомиссии по ЧФ, проводил рабочую встречу с российской делегацией в помещении Севастопольской городской администрации. Выходя из здания,

натолкнулся на группу людей с транспарантами с лозунгами, требующими землю. Смотрю — татары. Нахожу знакомое лицо. Спрашиваю, а как же с теми участками, что еще при мне выделил Горсовет? Молчание

Ясно, что политические моменты в покушении отпадают. Значит – большие деньги. В Севастополе таких программ было две – демилитаризация Балаклавской бухты и попытка разработки месторождения известняков горы Гасфорта. Мою программу по демилитаризации Балаклавской бухты поддержал президент. Идея создания в бухте международного яхтинга возникла у меня после разговора по телефону с владельцем «Лукойла» В. Аликперовым. Он обратился ко мне с просьбой поставить в Севастополе на зиму свою яхту. Первый мой вопрос к нему был, почему он обращается ко мне, а не к Балтину, ведь причалы в городе были под ним. Ответ Балтина Аликперову был таким – хозяин в городе Семенов, обращайтесь к нему. Сыграла здесь и «классовая» ненависть «большевика» Балтина к «капиталисту» Аликперову. После телефонного разговора, когда я узнал, во сколько ему обходиться стоянка яхты в Турции, понял, Балаклавская бухта может стать для города «курочкой, несущей золотые яйца». Но продавать за копейки причалы или места для них тоже не хотелось. По схеме часть денег должна была пойти на очистку бухты. Покоя мне не давала фотография одного из российских царей, стоящего в полосатом до колен купальнике в Балаклавской бухте. Сейчас же редко кто отчаивался купаться в ней, дно которой на несколько метров было загажено длительным военным присутствием. Но, очевидно, такая схема нравилась не всем. Что подтвердилось уже после моего отъезда из Севастополя. По той же схеме деньги, которые должны были пойти на очистку дна бухты, просто легли в карманы киевских и крымских чиновников.

Контакты с Аликперовым продолжились. Город задыхался от дефицита бензина. Заправиться в Севастополе можно было только на двух заправках. И первая коммерческая АЗС была «лукойловской». Никогда не предполагал, что знакомство с Аликперовым даст

возможность пригубить бокал шампанского под знаменитой картиной Айвазовского «Девятый вал». Я работал уже в Санкт-Петербурге и был приглашен на празднование десятилетия «Лукойла», которое проходило в здании Русского музея.

Конфликт был у меня и по Гасфорту. Экологи считали, что добыча известняка приведет к полному уничтожению горы, что изменит «розу ветров» в этом районе, нарушит водный баланс, и таким образом нанесет вред экологии Севастополя. Я был полностью согласен с мнением экологов и провел сессию по этому вопросу. Сессия была необходима еще и потому, что «тихой сапой» у подножия горы началось строительство административного здания и промышленного цеха. Решение сессии — «запретить разработку месторождения». Хотя предполагалась и возможность возвращения к этому вопросу, «при положительном заключении специально созданной экологической комиссии с обязательным включением в нее севастопольских экологов».

Но время — деньги, и у меня появляется курьер от КМ с проектом решения о выдаче разрешения балаклавскому рудоуправлению на разработку месторождения. Причем уже присутствовали согласования вплоть до экологического министра. Несмотря на уговоры поставить подпись под словом «согласовано», написал «согласовано при условии», и перенес решение сессии. После чего поставил свою роспись. Каково было мое удивление, когда в бюллетене КМ я увидел соответствующее постановление по Гасфорту. Было оно принято не на заседании КМ, на которых я всегда присутствовал, а в рабочем порядке. Существует и такой метод принятия решения КМ, когда премьер подписывает Постановление, согласованные подписи на котором были собраны без обсуждения вопроса.

Буквально через несколько дней мне позвонил Кинах, тогда еще вице-премьер правительства. Анатолий был из первой группы руководителей регионов, которые были избраны всенародным голосованием. Меня с ним объединяли многие позиции, начиная с политических вопросов и заканчивая взглядами на экономическое развитие регионов и государства в целом. А наше различие было в

том, что он, будучи представителем президента в Николаевской области, на выборах президента в 1994 году естественно поддерживал Π . Кравчука, а я — Π . Кучму. Но это в дальнейшем не сказалось на его карьере, а вылилось только в распределении номеров в гостинице «Национальная». Мне достался двухкомнатный полулюкс, а ему маленький одноместный номер. Кинаху впоследствии неоднократно предлагали должность министра, но он, кстати, как и все руководители регионов, считал ее ниже той, которую мы занимали.

«Виктор, тут у тебя неприятности. Президент поручил разобраться с Гасфортом. У меня служебная записка на президента от профильного министра, в которой он просит рассмотреть твое пребывание на должности главы администрации». Дело в том, что после выхода Постановления я дал интервью и первому национальному каналу и одной из центральных газет о неправомерном Постановлении КМ. Разговор продолжился. «Ты же согласовал его». — «Ничего я не согласовывал». — «Как? У меня перед глазами постановление и твоя подпись под согласием. Приезжай». Куда исчезли мои замечания, не знаю. Во внутренних министерских дрязгах я разбираться не собирался, а Кинаху оставил копию Постановления, с которым приезжал курьер и с которого я своевременно снял копию. А гора Гасфорт стоит и по сей день, изуродованная остатками бывшего строительства.

Наши дружеские отношения с Кинахом сохранились и во время пребывания его на должности премьер-министра и после его освобождения от должности. Вспоминается его приезд уже без регалий на празднование юбилея Ленинградского кораблестроительного института, который он закончил. Жалуясь на плохую связь, ему несколько раз пришлось звонить мне по обычному телефону; привыкший к «вертушке», спросил, почему у меня нет правительственной связи. «Да потому что, когда ты был премьером, не дал команду мне ее поставить».

Чтобы остановиться на какой-то версии покушения, нужны были факты. А их не было. Как докладывал Белобородов, на след

подрывника, а ясно, что он при взрыве находился где-то рядом, выходить не удавалось. Потихоньку история покушения стала забываться, или ее стали забывать, и была бы с успехом положена в архив, но вмешался случай.

Весной 1997 года в милицию пришла молодая женщина. 10 октября прошлого года она с молодым человеком, с которым состояла в гражданском браке, прогуливалась по Приморскому бульвару. Ее гражданский муж, посмотрев на часы, а время приближалось к часу, сказал, что сейчас произойдет событие, которое всколыхнет не только город, но и Украину и Россию. И через несколько минут раздался взрыв. Почему она пришла? Ее благоверный поступил непорядочно – расстался с ней. Вот она и пришла.

Но, чтобы выйти на непосредственного заказчика, необходим был исполнитель. Белобородов уверял, что его арест дело времени. Но исполнитель был по его рассказам то в Германии, то в России. А когда он находился в Украине, и туда посылалась группа захвата, он внезапно исчезал. Ниточка оборвалась, когда летом на пляже «Учкуевка» был обнаружен его труп. Как объяснил мне тогда Кунцевский, теперь дело не имело перспектив раскрытия, и я мог больше не опасаться за свою жизнь. Я не вспоминал об этом вплоть до 2015 года, когда приехал на похороны матери. Случай свел меня с человеком, который полностью «ушел» в бога, а в горячие девяностые был из тех «крутых». Он подвозил меня к дому, где я раньше проживал, а теперь готовился к похоронам матери, и разговор невольно зашел о покушении. Я сказал, что виновника так и не нашли и дело закрыли. И услышал от него: «А как его могли найти, если вас «взорвал» Белобородов». Причем говорил он об этом со стопроцентной уверенностью. Честно говоря, сказал ему, что не верю. Но сомнения зародились.

Приехав домой в Киев, решил поковыряться в папках, которые кочевали со мной мертвым грузом со времен отъезда из Севастополя. Это были некоторые документы или, вернее, бумаги, предназначенные лично мне в неформальном порядке и хранившиеся в секретере нашей с женой комнаты. Начинаю перебирать. Вот стенограмма

моей встречи с Поданевым. Вот еще один интересный документ аналитическая справка в отношении деятельности ТДК-ККЦБ. Читаю оригинал: «На сегодняшний день общественно-политическая обстановка в городе Севастополе остается достаточно стабильной. (Вот как! Так это же моя заслуга.) Однако предвыборная кампания по выборам Президента РФ и процесс принятия Конституции Украины оказали определенное влияние на деятельность некоторых организаций и объединений города. Существует и ряд внутренних факторов дестабилизирующих обстановку в городе. Так, в последнее время явно просматривается связь пророссийски настроенных общественно-политических организаций с руководителями малого частного производственно-коммерческого предприятия «Торговый Дом Кондратевского» и Крымского коммерческого церковного банка, объявленных банкротами. Преследуя свои цели, С.М. Кондратевский и И.Ф. Ермаков оказывают поддержку сепаратистским формированиям СО ВДИРК и РПС, видящим решение всех имеющихся в регионе проблем в восстановлении бывшего Союза или присоединения Севастополя и Крыма к Российской Федерации. На данном этапе это проявляется в активизации деятельности по сбору подписей за российский статус Севастополя и отставку председателя городской государственной администрации, обвиняемого в проведении политики Украины на территории российского города...» Не интересно.

Но вот. Информационная справка. «Последнее время наметилось сильное противостояние между группами людей, приближенных к председателю Горсовета Семенову В.М. и его первому заместителю Кучеру Б.А. Явно оно пока не просматривается, но ведутся тайные встречи и подготовительные работы. Цель Кучера: создать свой имидж, как единственно работающего хозяйственника, знающего экономику, и что только он этим занимается. Скомпрометировать Семенова, показать его несостоятельность как руководителя, который только обещает, но ничего не делает. Создать вокруг себя мощную группировку людей на всех постах исполнительной власти. Сделать своими союзниками руководителей предпринимательских структур, государственных предприятий и т.п. Основными практическими

исполнителями группы Кучера являются: Гришин С.П., Суров Н.А., Бетин А.А., Рыбак С.С. Ими и с их помощью поставлены на руководящие посты в органах исполнительной власти и сделаны своими сообщниками депутаты Горсовета Щепицин, Бернадский, Истомин, Юрковский, Нагарянская и ряд других.

В одной из конфиденциальных бесед Кучера с Гришиным было определено, что нужно создать обстановку в городе, в результате которой Семенов будет снят с должности (руководителя городской государственной администрации). На какое время будет поставлен Кучер, и механизм из беседы не ясен. Вопрос будет уточняться. Поставлена задача сбора необходимых для компрометации Семенова материалов его деятельности. Так, собраны различные договоры, распоряжения о передаче в аренду на 15 лет здания бывшего дома политпросвещения со всем имуществом, предоставлении земельных участков, в том числе забираемых у флота, документы о создании представительства Горсовета в Госдуме РФ, а также о предоставлении режима «наибольшего благоприятствования» для некоторых структур (особенно представительству Татарстана – руководитель Вахитов) и многих других материалов.

Группа Кучера — Гришина попытается в ближайшее время на одной из ближайших сессий Горсовета организовать выступление депутатов и даже групп с недовольством политикой, проводимой Семеновым и его приближением, используя при этом недовольство политических групп: КП — Пархоменко, Русской партии — Мазюк, Лиги женщин — Васильева, народного вече — Круглов и др., а также публикации в прессе по его связями с бандитами, мафией».

Здесь я хочу оторваться от цитирования записки и остановиться на одном из ее фигурантов Семене Гришине. Снять его с должности председателя фонда городского коммунального имущества я не успел, да простит меня бог, по причине его неожиданной смерти. А повод для снятия был серьезный — мздоимство. Как-то во время одной из командировок в администрации президента меня попросили встретиться с одним из бывших севастопольских предпринимателей, который жил уже в Штатах. Не хотел с ним встречаться, потому что

по характеристике Белобородова тот был отъявленным бандитом и «счастье его, что успел уехать». Но меня уговорили на встречу. И, то, что я услышал, было очень интересно. Что Гришин грешил своей любовью к деньгам и не чурался взятками – такие слухи до меня доходили. Но тут они получили подтверждение от непосредственного участника. «Мне в городе ничего не надо. Я туда больше не вернусь, но я хочу рассказать о человеке, которого вы всегда публично защищаете, о Гришине». Но, а как я мог не защищать человека, которому сам предложил возглавить свое детище – фонд городского коммунального имущества? «Этот человек ничего не делает без взяток. Но взятки берет под вашим прикрытием. Как? Очень просто. Хочу «взять» «Золотую осень» (овощной магазин на углу Большой Морской и площади Ушакова). Назначает встречу не в кабинете, а на Историческом бульваре. Садимся на уединенную скамейку. Гришин сразу с места в карьер: «Пятьдесят». Я ему: «Семен, побойся бога, таких цен сейчас нет». А он: «А что я могу сделать, если половину я должен отдать ему на самый верх».

А о том, что моим именем прикрывались, я догадывался, но как бороться с этим не знал. Подтверждение этого получила моя жена, когда мы перебирались в Киев, и она ехала из Севастополя в купейном вагоне. Трое попутчиков, по разговорам стало ясно, что из предпринимателей, как только поезд тронулся, быстро накрыли, как они сказали, «поляну» и приступили к трапезе. Светлана поблагодарила за приглашение к столу и продолжила читать книгу. После нескольких стопок «горячительного» их разговор продолжился на повышенных тонах. Речь шла о рынке на Героев Сталинграда. В то время рынок «крышевали» афганцы. Вдруг она услышала: «Сволочь Семенов уже убрался из города, а дань ему плати». Света насторожилась: «Вы о ком говорите?» – «Да о бывшем мэре. Уже в Киеве, а деньги продолжает собирать». - «Это неправда, я его жена». - «Жена Семенова в обычном купейном вагоне не поедет». Пришлось Светлане показать паспорт со штампом о браке. А уже года через три в генеральное консульство Украины в Санкт-Петербурге зашла землячка: «Виктор Михайлович, вы меня не помните? Я главный бухгалтер

«Изумруда». («Изумруд» – база отдыха в бухте Ласпи.) Почему вы летом не приезжаете? Ваш номер никто не трогает. Правда, там часто бывают «ваши». В этом номере я был два раза перед выборами 1994 года, когда собирал там свой избирательный штаб.

Почему я в свое время не обратил внимания на эту «информационку»? Но, во-первых, обвинения, содержащиеся в ней, были голословны и не могли найти подтверждения. Во-вторых, я всегда находил общий язык с оппозицией, и, главное, я никогда не считал Бориса самодостаточной фигурой. Он был, скорее, ведомым, чем ведущим. А на характеристику на Кучера, данную мне москвичами в помощь при подборе кадров просто не обратил внимания. Честно говоря, повторюсь, просто не поверил. А обратить внимание, видимо, следовало. Привожу ее. Оригинал.

«Кучер Борис Александрович.

Человек не предсказуемый. Может начинать работу, зная, что она не принесет пользу, только вред другому человеку и делу. Самолюбив. От этого большинство людей старается подмять под себя, навязать свою точку зрения. Слушает других. Делает по возможности по-своему. Имеет манеру подсмеиваться над другими людьми, многих из которых считает недоумками. Завистлив. Труслив. Вредный человек. Резко отрицательная личность. ———»

Три минуса из представленного списка не получил никто.

Еще в 1996 году я догадывался, что причина покушения — это договор Кучера с бандитами, который реализовать он не смог. Но и его организатором он тоже быть не мог. А после разговора о Белобородове, о его причастности к организации покушения начал складываться другой «пазл». Вот Белобородов был самодостаточной фигурой! В городе его кличка была «дед», причем не только из-за возраста. Оставаясь как бы на вторых ролях, он был безапелляционен в суждениях. Имея «наверху» такую «лапу», как министр внутренних дел Кравченко, «дед» был уверен в себе. Не случайно из всех начальников областных и городских управлений он имел высшее звание — генерал-лейтенант. Правда, и у меня были уже свои каналы в городе, которые хоть и боялись «деда», но информировали

меня о том, что Белобородов далеко не бедный человек. Все свои бизнес интересы, как бы бизнес интересы своего сына, он решал напрямую. Никто в городе не мог ему отказать. А когда механизм не срабатывал, он не стеснялся обращаться и ко мне. Так он просил «отдать» его сыну под кафе полуподвальное помещение во Дворце пионеров, а затем площадку по набережной Корнилова в Артбухте. «Дед» меня прослушивал. Я об этом не только догадывался, но и знал. Помню, что однажды он, будучи по натуре глубоко обидчивым человеком, не выдержал и сказал мне: «Виктор Михайлович, вы опять взялись за старое?» И произнес фразу, которая действительно присутствовала в разговоре на встрече с приехавшим ко мне руководителем Югрефтрансфлота В. Андреевым во время летнего отдыха в своем пятом номере дачи ВР Украины «Мисхор».

Ставить «жучки» в номере, где подведена правительственная связь можно было только с разрешения самого верха силового ведомства. То, что я, несмотря на «дружбу», находился под «колпаком» спецслужб и не только украинских, помогало, как ни странно, в работе, заставляло меня принимать решения взвешенно и, главное, чтобы там не присутствовали личные интересы. Еще раз убедился в правильности поговорки – дружба дружбой, а служба службой.

Летом состав лиц встречавших и провожавших президента был строго ограничен. Но в «основном составе», как я уже ранее упоминал, почти всегда находились министр обороны Кузьмук, министр внутренних дел Кравченко, руководитель службы безопасности Украины Радченко (потом Деркач) и я, тоже отдыхающие в Крыму в это время года. И однажды, после одной из встреч президента, прибывшего на отдых в Крым, у меня пропала электронная записная книжка. Как пропала? Очевидно, просто выпала из кармана пиджака. Прилета президента все, кому положено, ожидали в мягких креслах просторного холла гостевого домика. Ожидали, как обычно, без пиджаков, наброшенных либо на спинки кресел, либо уложенных на свободные кресла. И вот вернувшись на дачу, я обнаружил отсутствие записной книжки. Обзвонил кого только можно, но книжка просто испарилась. И вдруг почти через месяц она неожиданно

нашлась. И где бы вы думали? Там же на Бельбеке. Сразу все стало понятно. Электронная записная книжка позволяла «спрятать» часть информации за паролем. Но за шифром было всего два личных киевских телефона. Один принадлежал Дурдинцу, другой — супруге президента.

На такие вещи я не обращал внимания, поскольку не имел никаких «заговоров», не занимался противозаконными делами и вообще считал «прослушку» нормальной работой спецслужб. Время было такое, что доверять было никому нельзя. Да, я уехал из Севастополя, не имея ни дач, ни собственных или связанных с родственниками объектов недвижимости и фирм. Зато в отличие от многих моих знакомых, занимающих государственные посты, всегда спал спокойно.

Но, а если вернуться к Белобородову, то именно такой человек действительно мог быть идейным вдохновителем той большой игры, которая велась за моей спиной и основы которой были заложены в информационной записке. И как я раньше не мог догадаться? Откуда появилась пленка записи моей встречи с Поданевым? Записывал меня «для протокола» сам Поданев. Уверен на сто процентов, что посторонним сделать это было просто невозможно. Но после его убийства, в «дачном домике» на Фиоленте был произведен обыск. Там и была обнаружена эта злосчастная пленка, о которой было, безусловно, доложено генерал-лейтенанту Белобородову. Тот негатив относительно него, да еще со словами, что «первый, кого я «уберу» с должности, будет Виват Александрович», он простить мне не мог. Но его первая попытка публикацией пленок скомпрометировать меня и заставить уйти с должности с помощью Ермакова – Шурыги не имела успеха. Знал я, что Белобородов являлся вкладчиком их банка, но в отличие от действительно обманутых вкладчиков, деньги с процентами вернул сполна. Но после того как «компромат» не имел успеха, с учетом моих отлаженных отношений с его прямым начальником Кравченко, он «затаился», ожидая возможного случая рассчитаться со мной.

Складывалась спайка по интересам Кучер — Белобородов. Сюда можно было бы добавить и заместителя прокурора города

Г. Твердохлеба, с которым Кучер проводил все свободное от работы время. Хорошего много не бывает, и поэтому, когда я отказался от прибыльной аферы, в которую меня пытался включить Кучер, явно не являясь ее инициатором, интересы Белобородова и преступного мира совпали. Проще меня было устранить, ссылаясь впоследствии на якобы мои бандитские связи, связи с мафией. «Работать» с Кучером было бы гораздо проще и безопаснее. Ведь он всегда был управляемым.

Но «пазл» сложился у меня только в 2015 году. С тех событий прошло почти двадцать лет. «Дед» был на пенсии, жил за городом, занимался разведением пчел. В городе практически не появлялся. «Ковыряться» в прошлом мне не хотелось, тем более что я считал, что жизнь у меня удалась.

Удалась она, правда, и у Белобородова. Я был вынужден в мае 1998 года покинуть город, в котором он еще долгое время оставался «серым кардиналом» на своем посту начальника управления внутренних дел Украины по городу Севастополю. Сбылась мечта и у Кучера. После моего отъезда он был назначен главой севастопольской государственной администрации. Правда, «покомандовать» городом он так и не смог. В городе появился новый коммунистический Горсовет, возглавляемый В. Пархоменко, а у самого Бориса летом обнаружилось тяжелое заболевание. И проведя оставшееся время в больницах, он скончался в январе 1999 года. Хотя фактически план Кучера – Гришина свершился. И миф о Кучере, как великом хозяйственнике, в умы севастопольцев удалось заложить. А после моего переезда в Киев и отъезда в Санкт-Петербург мои «доброжелатели» приложили все усилия, чтобы представить меня человеком, обманувшим интересы жителей, проголосовавших за меня на выборах. «Обещал привести город в Россию, а привел в Россию себя – уехал туда жить и работать». А о том, что это командировка, хотя и долгосрочная, никогда не упоминалось. Задача у оставшихся у власти была одна - побыстрее забыть о Семенове и времени его руководства в городе, оставив за мной только негатив. Но главное, наверное, учитывая, что рыльце все-таки было в пушку, забыть о покушении,

представив его как что-то игрушечное — взрыв не представлял угрозу жизни. Триста грамм взрывчатки и невзорвавшаяся РГД-5 не представляли угрозы жизни? Хорошо, что граната не взорвалась, перелетела через соседний дом и упала на Новороссийскую. Плохо то, что она упала под ноги ветерану войны, который потом говорил мне — всю войну прошел целым, а тут под ноги падает боевая граната, чуть не умер от разрыва сердца. Тогда мне просто повезло, наверное, потому, что как говорила моя мама, я родился в рубашке.

После Феофании я вернулся в город, в котором ничего не изменилось. После месячного «отпуска» взялась за старое шурыгина-ермаковская газета «Вечерний Севастополь». Но то, что действительно происходило в городе – и плохое, и хорошее, откровенно звучало в постоянном общении с севастопольцами в часовой передаче севастопольского телевидения «Час мэра». Чтобы не политизировать и без того политизированное население Севастополя постоянно ведущая журналистка «Славы Севастополя» И. Катвалюк затрагивала действительно болевые точки города и обязательно вопросы его жизнеобеспечения. А «Вечерний Севастополь» буквально захлебывался грязной клеветой. Идеологом стал бывший журналист «Славы», а теперь главный редактор «Вечорки» А. Колесниченко, управляемый Ермаковым. Удивительный человек Иван Федосович. Познавший в течение двух лет «сладость» власти, он не может успокоиться и до сих пор, участвуя в любых выборах «куда-нибудь». После каждой такой публикации, а газета распространялась бесплатно, город начинало лихорадить, а депутаты требовали собрать сессию и обнародовать факты. А после того как выяснялось, что они «липовые» требовали подать на газету в суд. Мне не хватало только судов, которые были бы беспредметными, поскольку, по мнению моих юристов, не давали возможности применить действенных мер к «кляузникам». Суды превращались бы в базарные разборки, в которых они и были заинтересованы. Обращение к генеральному прокурору Украины о защите чести и достоинства государственного служащего практического результата не принесло. Отвлекаясь, хочу сказать, что со всеми

генеральными прокурорами у меня складывались отменные деловые отношения. Но меня абсолютно не устраивал прокурор города Зелянин, на которого поступали многочисленные жалобы от севастопольцев. И я всем правдами и неправдами работал по его «замене». Подобрал даже кандидатуру. Был у меня знакомый «важняк» в спецотделе генпрокуратуры В. Гаевой. Сказал ему, что если он согласен, переговорю с генеральным. «Ты что, зачем мне твой Севастополь? Лучше давай поедем, я тебе покажу какую я под Киевом дачу строю». Вода камень точит. Зелянин был снят. Прокурором города был назначен другой киевлянин И. Вернидубов, с которым ни шатко ни валко работать было можно. А вообще — непонятная личность.

Прокуратура города не имела более-менее достойного помещения. Об этом и зашла речь по приезде в город генерального прокурора Украины В. Дацюка. Разговор зашел о здании в центре города. Объяснил ему, что в центре ничего подходящего нет. По крайней мере, так мне докладывали главы районов. Последовало — «Виктор Михайлович, ты хороший человек, но не думай, что ты безгрешен. И на тебя приходят письма с «кляузами». Что я с ними делаю? Зная тебя, бросаю их в мусорный ящик. А ведь могу и дать ход». Вечером вызвал к себе глав Ленинского и Гагаринского районов Зайца и Кирюнникова. «Мне надо здание для прокуратуры в центре города». Услышал старую песню, нет такого в центре. Далее, используя методику Дацюка, дал им время до завтра до 9 часов утра. В 10.00, провожая на Бельбеке «генерального», передал ему предложения.

Действительно, я был тоже не святой. В Киеве в центральных средствах массовой информации у меня были «свои» журналисты, которые, если говорить прямо, писали нужные мне заказные статьи, которые потом перепечатывала «Слава», как материал не исходящий с моей стороны.

И вот в пятничном номере «Вечорки» появляется статья «Хороша мэрская жизнь», где говорилось, что каждую субботу я получаю по пятнадцать тысяч долларов, и завтра такая же сумма перекочует в мой карман. Это было уже предметное обвинение. Подал в суд. Указал сумму морального ущерба. Суд, естественно, я выиграл. Сумма возмещения морального ущерба была приличная, что позволило фактически «закрыть» газету. Описано было не только помещение, но и все, что в нем находилось, включая оборудование. И что тут поднялось по всей Украине! Стал душителем гласности даже и для «своих» журналистов. Вот такое было время.

Деньги, выигранные по суду, я перевел в фонд обманутых вкладчиков. Обманутые вкладчики это большая по севастопольским меркам группа людей обанкротившегося банка Шурыги – Ермакова. Стал банкротом и торговый дом Кондратевского. А Шурыга, переведший значительную сумму в один из каирских банков (мне были известны даже номера его счетов), распространял слухи, что его обанкротил Семенов, задушив все его предприятия, не давая им работать. По украинскому законодательству получить вклады, украденные Шурыгой, у вкладчиков надежды практически не было, так как очередность на получение денег за счет реализации имущества банкрота у физических лиц была четвертой или пятой. То есть очередь до них могла и не дойти, как впоследствии и не дошла. И наверное, я поступил неправильно, когда поддавшись на уговоры вкладчиков - «Дайте ему работать, он обещал в этом случае вернуть нам деньги» – предоставил ТДК налоговый кредит сначала на полгода, а затем еще на такой же срок. Таким образом, предоставил ему отсрочку от выплаты задолженности и в без того дырявый бюджет города. Понял, к сожалению, уже позже, что для руководителя нельзя быть для всех хорошим - это просто невозможно, и что еще хуже – нельзя быть хорошим для одних за счет большинства других. К сожалению, на Украине становится нормой, когда жесткое воздействие даже небольшой группы людей, преследующих личные интересы, на депутатов заставляет их принимать решения в ущерб интересов большинства. Честно говоря, жалею, что передал эти деньги обманутым вкладчикам, а не детскому дому или дому престарелых. Потому что обманутые вкладчики стали наиболее активной группой избирателей во время выборов в 1998 году депутатов в ВР Украины, призывавших голосовать за Кондратевского. В результате он стал депутатом ВР Украины, выиграв выборы с небольшим перевесом

голосов по 222 избирательному округу. Они в буквальном смысле вытащили его из тюремной камеры, в которой он находился за свои «благодеяния». Но справедливость восторжествовала, и после окончания срока действия депутатского мандата он оказался там, где и должен был быть, и надолго. А мне уже в Санкт-Петербурге годы его депутатства запомнились систематическими обвинениями, которые содержались в многочисленных депутатских запросах направляемых им в различные органы государственной власти Украины.

Нормальный микроклимат в городе может быть при условии, если власть проводит политику, с которой согласны его жители. Город считал, что Севастополь – главная база ЧФ, Севастополь принадлежит России. Так считал Горсовет, так думал и я. Инакомыслящим в этой среде я не был. Но после российских 1993 года перипетий и даже после того, как городской Совет принял, казалось бы, венценосное решение о российском статусе, которое в России, кстати, прошло незамеченным, стало ясно, что судьба города не в руках России или Украины, а в руках переговорного процесса двух государств. Общаясь с первыми лицами российского государства, я как никто другой знал, что Россия не собирается «забирать» себе Севастополь

В 1995 году высокие договаривающиеся стороны приняли решение, что флот будет разделен, а российский ЧФ остается в Севастополе, арендуя инфраструктуру. То есть Россия в лице высшего политического руководства де-факто признала Севастополь частью Украины. Нельзя говорить, что «наверху» в России все были согласны с таким ходом событий. Безусловно, радикалы надеялись реализовать сценарий, предложенный мне на Старой площади в 1993 году. Но опять же, я, как никто другой, понимал, что это ни к чему большему не приведет, кроме кровопролития в городе. Россия тогда не была готова, да и обстановка не располагала к модернизированному сценарию 1993 года, вылившемуся в оккупацию Крыма в 2014 году.

Теперь об оккупации Крыма и развертывании войны на Донбассе. Не воспользоваться «Майданом» и не «наказать» Украину за

ее своенравный путь развития и уход из под влияния российского государства Путин не мог. По большому счету украинский Донбасс в отдельности ему не был нужен. Конечной целью для него был распад Украины на две части с созданием на юге и востоке Украины вассала России – русской Украины. Но Украина – не Россия. И без вмешательства своих вооруженных сил такую задачу выполнить оказалось невозможно. Но остались Крым и Донбасс, который со временем превратился в тот «чемодан», который со временем все тяжелее нести, а бросить жалко. Жалко еще и потому, что руководство России продолжает испытывать иллюзии по легитимности «российского» Крыма, надеясь, что в конце концов уставшие Украина и Запад согласятся разменять Крым на Донбасс по аналогии с героем одного известного анекдота, которого его ближайший друг уверял, что когда он женится, жена родит ему негритенка с двумя головами... И вот день когда он, придя в роддом навестить жену, услышал: «Ваша жена родила». – «Негритенка?» – с волнением в голосе спросил молодой отец. «Негритенка», – последовал ответ. «С двумя головами?» – дрожащим голосом спросил он. «Зачем же, с одной», - сказала медсестра. «Ну и, слава Богу», - несколько раз повторил герой анекдота и перекрестился.

Вероятность кровопролития в городе, нафаршированного людьми с оружием была велика. Двадцать четыре тысячи служащих ЧФ, все увеличивающееся количество украинских ВМС, национальная гвардия. Для меня было абсолютно ясно, что Севастополь оказался разменной пешкой двух государств, решавших свои стратегические задачи. Центром, мешавшим этой большой игре, стал, как ни странно, ЧФ во главе с его командующим Э. Балтиным. Его позиции оставались непреклонными — ЧФ неделим, полностью российский и не каких ВМСУ в Севастополе. И когда он был уволен с должности, а на его место был назначен военный «дипломат» Кравченко, я окончательно понял, что идея российского Севастополя на данный момент «умерла». «Умерла» она и у тогдашнего председателя Государственной Думы И. Рыбкина, с которым я встречался несколько раз по поводу частичного финансирования социальной сферы

Севастополя из бюджета России. Севастополь пытался свести концы с концами украинским бюджетом, а Россия ограничивалась принятием одного из пунктов переговорного процесса — «Россия участвует в развитии социально экономической сферы Севастополя». Правда, неизвестно каким образом.

Но, я же не был ни киевским, ни московским ставленником и не принадлежал к числу таких политиков, которые, для того чтобы оставаться на плаву, продолжали раскачивать лодку под названием Севастополь. Впервые в Севастополе люди доверили мне свою жизнь, всенародно избрав меня своим градоначальником, имевшему не только широкие полномочия, но и ответственность за их судьбы. И я должен был руководить городом, исходя не из пророссийских или проукраинских убеждений, а просевастопольских. Я прекрасно видел, как охладевало отношение России к Севастополю. Но что мне оставалось делать? Выйти на баррикады, заменить Затулина и Круглова? Поступить так, превращаясь в попа Гапона или Дон Кихота, мог бы только ненормальный человек, обещавший на выборах наладить в городе нормальную человеческую жизнь, а на деле призвавшего к борьбе с мельницами. А взять и уйти с должности в этот сложный период жизни города, было просто малодушием, трусостью. Оставалось одно – используя свою возможность доступности на верхние этажи власти, как Украины, так и России, попробовать вписать интересы города во взаимопротивоположные интересы двух государств. И хотя возможность решать вопросы в России у меня ослабла, но в Украине наоборот возросла.

В конце 1995 года я был назначен президентом главой Севасто-польской государственной администрации, что значительно повышало возможность в принятии как оперативных, так и стратегических решений. Правда, при этом повышалась и ответственность за их принятие. То есть нести персональную ответственность, не прикрываясь решениями Горсовета. Должность с прямым подчинением президенту, плюс высший первый ранг госслужащего, который в первое время имели считанные лица в государстве, позволяли беспрепятственно быть вхожим в любой кабинет КМУ.

Сюда добавлялись регулярные встречи с президентом, председателем СНБОУ, головой ВР. Так что вектор моих поездок переместился в Киев. За Россией остались в основном поездки по приглашениям на торжественные и подобного рода мероприятия. Но связь с сильными мира в России я не терял.

Севастополь всегда был дотационным городом. И визиты высших должностных лиц государства помогали держаться городу на плаву. Такую же цель преследовало и проведение в Севастополе выездного заседания КМУ с повесткой дня «О решении социально-экономических проблем Севастополя» под предводительством премьера В. Пустовойтенко, сменившего на этом посту Е. Марчука, который стремительно набирал политический вес и мог представить серьезную конкуренцию на предстоящих выборах президента. А они были уже не за горами.

После отставки Лазаренко наиболее вероятной кандидатурой на должность премьера был его первый действующий заместитель В. Дурдинец. И по деловым качествам, а еще и потому, что не представлял реальную угрозу Кучме быть избранным на второй срок.

Надо сказать, что реальную угрозу Кучме в тот момент стал представлять лидер коммунистов Украины П. Симоненко. Следует отметить и параллельную политическую ситуацию в России, где еще большую угрозу для Ельцина приобретал Зюганов. Такие политические раскладки складывались потому, что люди, надеясь на коренное улучшение жизни с приходом к власти демократов, правда, без приложения собственных усилий и не получившие обещанных благ, захотели возвращения к наверняка худшей, но к более стабильной испытанной коммунистической системе без резких и не всегда понятных всплесков.

В кулуарах говорили об избрании Дурдинца, как о свершившемся факте, но буквально накануне сессии неожиданно всплыла кандидатура Пустовойтенко. Опять же из тех же источников в

администрации президента мне стало известно, что Пустовойтенко буквально уговорил Кучму вынести его кандидатуру на должность премьера на сессию ВР. Пустовойтенко официально считался руководителем предвыборного штаба Леонида Даниловича на предыдущих выборах президента. И чувствовал себя как бы обделенным в отличие от других «игроков» команды действующего президента. Думаю, что и Кучма чувствовал недооцененность им Пустовойтенко. Но, вынося кандидатуру Пустовойтенко на должность премьера, Кучма был уверен, что он не пройдет, и тогда он вынесет на обсуждение кандидатуру Дурдинца.

Я присутствовал на этой сессии. Избрание премьером Дурдинца считал бы «подарком» Севастополю, да и для меня лично. Потому что личные отношения продолжились и после избрания его первым вице-премьером. И, бывая в Киеве, я всегда заходил в его кабинет иногда просто посоветоваться. Но вынесена была кандидатура Пустовойтенко и, когда на табло в сессионном зале ВР высветилось число проголосовавших депутатов за избрание премьер—министром В. Пустовойтенко, я понял, что проиграл не только Дурдинец, но и я. Все решил один голос. На табло светилась цифра 226.

Нельзя сказать, что мои, как главы города, отношения с премьер-министром Пустовойтенко складывались как-то сложно. Внешне все выглядело довольно благопристойно. Но его раздражало, что вопросы, находящиеся в компетенции КМУ, я решал не через него, а через президента. Как-то, идя по коридору КМ, натолкнулся на «правую руку» Валерия Павловича министра кабинета министров А. Толстоухова. «О! Виктор Михайлович! Не частый гость в КМ. Вы знаете, что про вас говорят в Киеве?» — «Что?» — «Что для вас нужны только два кабинета — президента и Горбулина». Сказал, что если вы также будете решать проблемы Севастополя, с удовольствием расширю число кабинетов до трех.

Пустовойтенко прилагал все усилия, чтобы забрать функции «первого» в Совете регионов. По большому счету это выглядело более чем естественно. А Леонид Данилович, использовав Совет регионов как «политическую дубинку», выигравший дуэль за власть с ВР,

вроде бы был и не против. Так, теперь назначение заместителей глав администраций должны были проходить согласование премьер-министра. Так возник первый конфликт.

После, можно сказать, неожиданного для меня «бегства» Кучера с должности моего первого заместителя, его функции по договоренности, пока я не подберу кандидатуру, согласился выполнять один из руководителей «Атлантики» В. Порфисенко. Отличная, достойная кандидатура, настоящий профессионал. Но возраст, здоровье, необходимость иногда чуть ли не сутками находиться на рабочем месте просто физически были ему не под силу, что заставило меня обратить внимание на Л.М. Жунько. Жунько был из команды Ермакова, его заместителем, и поэтому, «естественно», потерял должность. Леонид Михайлович выделялся не только своим

профессионализмом, но, и для меня это было не менее важно, был человеком, имеющим свое собственное мнение. В этом я убедился еще, будучи председателем Горсовета, присутствуя на аппаратных совещаниях, проводимых представителем президента Украины Ермаковым. Вообще, со временем стал испытывать кадровый голод, недостаток исполнителей-профессионалов. Пришлось потихоньку возвращать на руководящие посты людей из прежней команды Ермакова. Леонида к тому времени мы «подняли» до должности руководителя налоговой администрации Нахимовского района города. Пригласил к себе Жунько на беседу. И, получив согласие, направил «подання» на имя президента с предложением назначить его первым заместителем главы Севастопольской государственной администрации. Обычно назначение происходило если не моментально, то в течение недели. Здесь же прошел почти месяц – тишина. Позвонил первому заместителю главы администрации В. Яцубе. Ответ - Пустовойтенко не согласен. Повторно обратился к президенту, опять молчание. Во время очередной встречи у президента поинтересовался - почему? «Я не буду переступать через премьера, он хочет переговорить с тобой на эту тему. Разбирайся сам». Но я уперся. Тем более что хотя Парфисенко и стонал, но продолжал ответственно выполнять свою работу. Прошло совсем немного времени, когда после очередного заседания кабинета министров, премьер пригласил зайти к себе. В приемной, как всегда было битком народу, но он, не обращая ни на кого внимания, прошел со мной в кабинет.

«Виктор, я хочу поговорить с тобой откровенно, без всяких рангов, просто по-человечески. Назначь своим первым заместителем Валю Борисова. Я ему обязан, он много сделал в городе для избрания Леонида Даниловича президентом». Валентин был заместителем главы Ленинской районной госадминистрации и возглавлял городскую ячейку Народно-демократической партии, всеукраинским председателем которой был В. Пустовойтенко. Не знаю, в чем была заслуга Народно-демократической партии в избрании президентом Л. Кучмы. В городе у него не было альтернативы. Он поддерживал идею размещения ЧФ в Севастополе. А это для севастопольцев было

важнее даже того, что завтра у них будет стоять на обеденном столе. Никаких партий, кроме коммунистической, для севастопольцев не существовало. Элита же государственных украинских партий Севастополь не посещала и потому не владела ситуацией в нем. Поэтому победа Кучмы с девяноста двумя процентами голосов в городе на выборах президента и преподавалась согласно информации, передаваемой Борисовым «наверх», как заслуга севастопольской ячейки народно-демократической партии. А значимость свою и своего ближайшего окружения Валентин завышал, и завышал прилично. Не случайно на выборах в 1994 году председателя городского Совета Борисов, будучи моим конкурентом, несмотря на мое предложение поддержать меня, ответил, что у него не меньше шансов на избрание. При этом он набрал порядка нескольких процентов голосов избирателей.

Выслушав предложение Пустовойтенко по Борисову, раздраженно сказал: «Теперь я понимаю, почему ты был против Жунько. Ты собираешься сделать Борисова моим первым заместителем, чтобы потом посадить его на мое место?» - «Виктор, Валентин никогда не будет главой администрации, поверь». Впоследствии понял, что партия Пустовойтенко, стремясь попасть в ВР, укрепляла свои позиции на местах. А для административного влияния на выборах в Раду в городе должность первого заместителя главы администрации была более чем достаточной. В этом я еще раз убедился, когда незадолго до выборов 1998 года в Верховную Раду получил лично от Толстоухова конверт с гербом Украины, где внутри на листке тесненной бумаги значились цифры голосов в процентах за Народно-демократическую партию и ее «компаньона» Крестьянскую партию, которые я должен был обеспечить на выборах в городе. Цифры были просто нереальными – 20 процентов – НДП и 10 процентов – Крестьянской. Подписи, естественно, никакой не было.

Вернувшись домой, пригласил Жунько и откровенно рассказал ему ситуацию. Затем зашел Борисов. Сказал, что принял решение подать на него в АП предложение о назначении его на должность первого заместителя городской государственной администрации.

«Я вас не подведу», – сказал Валентин. Кстати, и не подвел. И еще, по крайней мере, ни разу не увидел его желания в создании собственного имиджа в городе, чем как бы ненароком грешил его предшественник Кучер.

При премьере Пустовойтенко, совмещавшего свою должность с общественной – председателя федерации футбола Украины, посещение топ футбольных матчей становилось местом решения как государственных, так и личных вопросов. Заседание КМ и Совета регионов назначались по возможности именно в день таких футбольных сражений. С утра — заседание кабмина, затем заседание Совета регионов с обедом в помещении администрации президента и отъезд на автобусе на матч. Я уезжал из администрации с Омельченко на его служебном автомобиле. На трибуне номер один присутствовали президент, премьер, руководители силовых ведомств и по желанию главы регионов. Иногда мелькали лица, «заслужившие» единоразовое право присутствовать. Формулу их отбора я, естественно, не знал. После одного случая постоянно стал присутствовать и первый президент Украины Л. Кравчук.

Нельзя сказать, что отношения между двумя президентами были теплыми. Меня же Леонид Макарович вообще не признавал. Хорошо, видно, помня мои открытые выступления против него во время президентской компании 1994 года. А тут представился случай. После заседания Совета регионов все собрались за столом, ожидая президента. В помещение вошел Кучма, но неожиданно вместе с Кравчуком. Все встали. Президенты сели, сели и все. Только я продолжал стоять. «Чего стоишь? Садись». Но я взял в руку стопку с водкой и произнес: «Я хочу предложить тост за двух президентов Украины. Леонид Данилович, мы всегда ждали того дня, когда два первых президента Украины будут рядом». Конечно, это было наглостью. Первый тост всегда произносил президент. Но у Кучмы было хорошее настроение. Видно, между ними произошел приятный разговор. Президенты встали. Уже после мне говорили коллеги: «Ну, ты и даешь! Набрал не сто, а все двести процентов». Нормализовались

после этого и отношения с Кравчуком, с которым теперь при встречах можно было поговорить даже и о жизни.

Пользуясь расположением президента, несмотря на распоряжения начальника его личной охраны, лично по списку сверявшего фамилии лиц, допущенных на трибуну, брал с собой сына, который уже учился в Киеве. Перед поездкой спрашивал у Кучмы разрешение на его присутствие и всегда получал добро. Перед началом футбольного матча всегда подходил к нам и говорил Вите: «Да не стой ты рядом с батькой, лучше пойди поешь. А то в перерыве может места не хватить». Честно говоря, сын долго ожидал меня под администрацией и всегда был голодным. А в перерыве брать его с собой за стол было бы вопреки всем нормам поведения.

Стол был накрыт в небольшом зале прямо перед выходом на трибуну. В перерыве присутствовавшие собирались за столом. Президент становился по центру большого продолговатого стола спиной к трибуне. Напротив обычно размещались «силовики», которые брали в свою компанию и меня. К президенту в порядке непонятной очереди по одному подходили желающие «порешать» вопросы. И действительно принимались иногда государственные решения. Точно помню, как за столом президент принял решение о снятии с занимаемой должности министра по спорту В. Борзова, которого я, кстати, никогда не видел в числе присутствующих. Слышал сам, как кто-то шептал Леониду Даниловичу: «Вы представляете, он не послал на мировую шахматную олимпиаду нашу команду. Они выиграли предыдущую и по составу могли и в этом году занять первое место». Возмущенный Кучма подозвал Пустовойтенко, который чуть в стороне «решал» другие вопросы, и раздраженно сказал ему: «Завтра чтобы Борзова в кресле министра не было». При чем здесь был Борзов, когда ясно было, что дело в финансировании, но Борзов действительно был снят.

Вообще, до «тела» президента добраться было практически невозможно. Но это, как оказалось, не для всех. Как-то заходя в администрацию президента, столкнулся с Шурыгой: «Вот вы «кичитесь», что бываете у президента, ждете, когда попадете в график,

а я попадаю, когда захочу. Как? А так — пятьсот долларов и все». Перед заходом в кабинет президента посмотрел график Леонида Даниловича на сегодняшний день. Там действительно стояла фамилия Шурыги. Зайдя к Кучме, рассказал о разговоре с Шурыгой. «Этого не может быть», — сказал президент. Может или не может, но пару человек из его аппарата я больше не встречал.

Там же на трибуне стадиона были заложены основы наших отношений с Януковичем. Это было начало его восхождения на политический Олимп. В 1997 году он был назначен главой Донецкой государственной администрации. Наверх, как мне говорили, его «вытолкнули», но не с первого раза, «донецкие». Поскольку он был новичком, а я уже имел вес в Совете, во всех неофициальных мероприятиях он старался все время держаться возле меня. Может быть, еще и потому, что мы были с ним почти одинакового роста. Вообще, большинство советов, в которых он нуждался, касались его личной жизни. Так, на одном из футбольных матчей, по-моему, это был финал кубка Украины, он спросил меня, как ему поступить. «Играл в теннис, где-то защемил нерв. Как вы думаете, если я на пару дней пропаду «втихаря»? Мотнусь в Швейцарию, там отличные специалисты». В первое время Янукович обращался ко мне на «вы». «Ни в коем случае, подпишешь себе «смертный приговор»». - «А, если президент меня не отпустит?» – «А, тебе президент здесь не нужен. Позвони Табачнику и с ним решишь все вопросы». Кстати, Табачник на футбол никогда не ходил. Отношения с Януковичем складывались весьма интересно. Постепенно в обращении со мной он тоже перешел на «ты». И на личных частых по работе встречах он перестал спрашивать меня советов, а просто подробно делился со мной своими бедами и победами. Казалось, ему хотелось просто выговориться, и во мне он находил такого собеседника. В своем окружении у него таких людей или просто не было, или это было складом его характера. Элементы нерешительности, скорее всего, какой-то боязни чего-либо, были заметны уже тогда. А таких собеседников, с которыми он мог поделиться начистоту, у него так и не появилось.

Это и привело его в дальнейшем к тому, что в конце его карьеры единственным, кому он полностью доверял, стал его старший сын Александр.

Лето 2002 года. Я, генеральный консул Украины в Санкт-Петербурге, отдыхаю с семьей в «Дюльбере». Неожиданно по телефону меня находит Янукович. «Я прилетел в Крым. Давай встретимся». — «А где?» — «Давай в Гаспре, у Орлова». Орлов ранее был заместителем руководителя «девятки», которую тогда возглавлял Толстой. Виктор прилетел в Крым в надежде на встречу в Мухалатке с отдыхавшим там на «девятой» Кучмой. Но, несмотря на предварительные договоренности, Леонид Данилович отказался его принять. Вся беседа вылилась в обиду на Кучму, ведь в разговоре на даче речь должна была идти о его премьерской должности. Мне казалось, что Кучма не долюбливал Януковича. Но не считаться с «донецкими» он не мог, уж больно были они «сильны».

И уже в должности премьер-министра Виктор Федорович посетил Санкт-Петербург.

Накануне визита он позвонил мне и попросил помочь украинскому бизнесмену из «донецких», проживающему в Санкт-Петербурге и являющемуся владельцем одного из грузовых портов города А. Колосницину. Нам надо было организовать встречу с одной из влиятельных российских женщин, проживающей сейчас в Лондоне. Она была супругой одного из богатейших людей России, которого застрелили в Москве. И теперь она «решала» все кардинальные вопросы по бизнесу из Англии. С Александром организовали встречу в одном из ресторанов в Царском селе. Мадам прилетела на встречу на обед на своем самолете и сразу же после чуть ли не двухчасовой беседы с Януковичем наедине улетела. Естественно, о чем был разговор, я не знал.

По протоколу в заграничной командировке премьера должен сопровождать посол Украины в этой стране. Еще при утверждении в Киеве программы своего пребывания в Петербурге Янукович вычеркнул из списка сопровождающих фамилию посла Украины в России Н. Белоблоцкого. И сказал: «Виктора достаточно». Но когда я приехал в Пулково в зал приема официальных делегаций, то увидел там Белоблоцкого: «Виктор Михайлович, я буду сопровождать премьера». – «Николай Петрович, ради бога». От трапа к машинам шли втроем. Но, когда надо было садиться в машину, Янукович повернулся к Белоблоцкому и, поблагодарив его за встречу, обратился ко мне: «Виктор, садись». В машине разговор пошел по старому сценарию. «Ну, как тебе здесь?» - «По сравнению с Севастополем курорт». - «А меня люди «батьки» давят по-черному. Перед вынесением моей кандидатуры на сессию он поставил мне ультиматум – все серьезные решения я должен согласовывать с ним. Так и жили. И, представляешь, перед самым полетом вызывает. Перед ним лежит последнее постановление КМУ. Спрашивает: «Зачем ты так сделал? Впрочем, я догадываюсь почему». Говорю: «Леонид Данилович, я же передавал нарочным проект решения». - «Врешь, ничего ты мне не передавал».

Сказал ему, что передовая группа и Белоблоцкий настояли, чтобы я сделал отдельную программу пребывания для его супруги, и я даже договорился, что, несмотря на выходной день, ей откроют собор «Спас на крови». «Виктор, никаких программ. У тебя какая машина? Хорошая?» — «Хорошая, Вольво-70». — «Вот и дай ей на два дня. Пусть занимается, чем хочет. Она говорила мне, что где-то здесь в Ленинградской области у нее проживает двоюродная сестра».

На следующее утро ходили с Белоблоцким возле гостиничного номера Януковича. Вышла Людмила Александровна: «Виктор Михайлович, Виктор Федорович приглашает вас зайти». Белоблоцкий поморщился, так наживают врагов. С Януковичем выпили чаю, согласовали программу на день. Людмила подарила два носовых платочка с вензелями «В» и «С» для меня и жены. В Царское село поехали без Белоблоцкого. По культурной программе посмотрели еще не открытую для посещения янтарную комнату.

Справедливости ради, следует отметить, что Белоблоцкий никогда не пытался свести со мной счеты за отлучение его от Януковича, хотя фактически был моим прямым начальником, и такие возможности у него были. Более того, по многим принципиальным вопросам я находил у него поддержку.

В марте 2004 года я вернулся из заграничной командировки в Киев. Последний год пребывания в Питере кроме основной вел «работу» по третьему сроку президентства Кучмы. Двумя основными пунктами такой программы, согласованной с администрацией президента, были спуск в его присутствии в 2004 году с интервалом месяц-другой со стапелей Петрозаводского судостроительного завода двух сухогрузов «Россия» и «Украина». Причем у «Украины» и корпус и оборудование должны были быть «украинскими». И еще надо было решить вопрос в российском регистре, связанный с согласованием названия судна «Украина». А уже перед президентскими выборами должен был пройти экономический форум промышленников северо-запада России – региона моего консульского округа, и Украины под патронатом президента-хозяйственника Л. Кучмы.

Но в начале 2004 года Леонид Данилович заколебался с выдвижением своей кандидатуры. И поэтому я не удивился, когда летом в моем «мидовском» кабинете раздался звонок от Януковича с предложением зайти... «Я тебя прошу, используя свои российские связи, переориентируй программу, которую готовили под Кучму, под меня. Что тебе для этого будет нужно, работай с Николаем (Демянко). Мне сказали, что у тебя с ним дружеские отношения». В октябре новый разговор с Януковичем: «Меня приглашают на спуск «России». У меня совсем нет времени. Поедешь ты. От моего имени представишь Украину. Командировку тебе принесут и положат на стол. Оформление я поручу Ельченко». Ельченко был тогда первым заместителем министра иностранных дел и всегда сопровождал премьера в поездках.

Вернулся из Петрозаводска, где встречали меня как своего: сказался почти шестилетний период работы в северо-западном регионе России. Провел с губернатором Карелии Катанандовым прекрасный вечер воспоминаний. Был знаком с ним с 1993 года, когда он был еще мэром Петрозаводска. Янукович назначил встречу на субботу. Но примерно за час до назначенного времени позвонил сам: «Задолбали» депутаты, надо с ними встретится. Напиши «служебную» и передай Николаю. Потом встретимся и обговорим». Но до «потом» в кабинете раздался звонок. Раздраженный голос моего министра К. Грищенко: «Виктор Михайлович, зайдите ко мне». Поднялся на шестой этаж. «Виктор Михайлович, что это такое?» На столе лежала моя служебная записка премьеру. «Я вас взял на работу, чтобы вы занимались проблематикой ЧФ, а не давали указания министру». На «служебной» в левом верхнем углу стояли фамилии министров, среди которых был и Грищенко, и резолюция «к исполнению» над перечнем моих предложений.

Из Петербурга мы уехали чуть раньше, чем сын закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Окончив лицей на Круглоуниверситетской, Виктор хотел поступать на юридический факультет Киевского государственного университета. Я же уже работал в Питере. И вечерами были одни и те же разговоры с женой - ты со своей работой лишил меня общения с детьми. Летом 1999 года вместе с сыном, приехавшим в гости, и ректором Санкт-Петербургского государственного университета Л. Вербицкой (наши квартиры – моя служебная и её, были на одном этаже), спускались лифтом вниз. «Ты куда собираешься поступать?» - спросила Людмила Алексеевна у сына. «В КГУ». – «У Виктора (Скопенко) хороший университет, но мы выпускаем президентов». И перечислила фамилии выпускников. В ее уважительных отношениях со Скопенко я убедился во время его приезда на юбилейную дату СПГУ. Сын согласился ехать в Санкт-Петербург только после встречи с министром образования Украины В. Кремнем, который на вопрос Вити, а если отец будет уезжать из Санкт-Петербурга, сможет ли он перевестись в КГУ, ответил: «Сможешь. А вот обратный вариант вряд ли возможен». Юридический факультет СПГУ – это фирма, говорили мне и в нашем МИД. Но окончив университет, сын женился на сокурснице и был фактически на «побегушках» у ее отца, мелкого предпринимателя, украинца по национальности, осевшего в городе после окончания лесотехнического института. В Киеве дочери уже не было. Окончив КИМО, она уехала в свою первую загранкомандировку в Литву. А дома в Киеве я опять слышал от жены: «Ты лишил меня радости материнства». Жена была очень привязана к сыну, всегда чувствовала вину перед ним после того, как он, будучи еще трехлетним ребенком, пострадал в автомобильной аварии больше всех. «Надо забрать его из Питера» - слышал я чуть ли не каждый день. Честно говоря, я хотел, чтобы сын пошел по моему пути и стал госслужащим. «Стартового капитала» для его вхождения в бизнес у меня не было. Пытался «пристроить» его помощником депутата. Каждый депутат имел право на четырех помощников, считавшихся на госслужбе. Благо в ВР у меня было много знакомых, одних по севастопольскому периоду жизни, других, которые успели побывать у меня за время моей каденции в Санкт-Петербурге. Переговорил и чуть ли не со всеми руководителями фракций, но обращения не имели успеха. Вспомнил о Викторе Федоровиче.

Партия регионов была в оппозиции, а сам он восседал в бывшем кинотеатре «Зоряный». Вошел в его огромный кабинет, вероятно, здесь раньше был один из малых залов кинотеатра. Где-то в глубине его стоял стол. Поговорили, как всегда, по душам о том о сем. Когда разговор зашел о детях, я сказал: «Возьми на работу моего сына, будет тебе портфель носить». — «Чего это ты так к своему сыну, у него отличное образование. Пусть в понедельник подойдет к Демянко и оформляется. Будет моим помощником». Но что-то меня остановило, как всегда внутренний голос. Продолжил поиски по его трудоустройству. Взял его на работу заместитель секретаря СНБОУ С. Пирожков. Ему нужны были специалисты по России. Сын связал свою судьбу с СНБОУ, о чем никогда не жалел.

Во время президентства Януковича как бы не было причины стараться попасть к нему на прием. Впрочем, не думаю, что это было бы для меня большой проблемой. Один раз на приеме с иностранными послами, выстояв очередь, пообщался минуту-другую с

президентом. Внешне не увидел в его глазах превосходства, скорее, обычный теплый взгляд, хотя от многих слышал, что он сильно изменился, ни с чьим мнением не считается, груб в обращении. Насторожил и разговор за столом, за которым мы стояли во время приема с А. Герман, его пресс-секретарем. Речь президента затягивалась в связи с тем, что необходим был перевод. Стоять мне было тяжеловато, «пожаловался» Герман. Оказалось, у нее была такая же проблема, только что сделала операцию на сердце. Предложил Анне отойти чуть в сторону, где за загородкой стояло несколько стульев. Услышал: «Ты что, если мы сейчас уйдем, то уйдем навсегда». Мне почему-то в это не верилось, хотя по моему алгоритму президентского вознесения не избегал никто.

Будучи президентом, Янукович всегда подписывал Указы о моем назначении заместителем председателя украинской части подкомиссии по ЧФ. Председателем ее я стать не мог по регламенту работы Смешанной украино-российской комиссии по сотрудничеству, которая предусматривала должность председателя первому заместителю министра иностранных дел. Иногда в разговоре с Демянко он спрашивал: «Как там Виктор, ты с ним видишься?», и почему-то всегда следовало: «Коля, так он наш или не наш?» Не знаю, к счастью или нет, но я всегда оставался ничьим. И даже, как я понял в дальнейшем, и при Кучме.

Уже работая в МИД при президенстве Ющенко, встретился на приеме в российском посольстве с Леонидом Даниловичем и Людмилой Николаевной. Тепло поздоровавшись со Светланой, он вдруг «набросился» на меня: «С чего ты взялся за ЧФ? Чем он тебе мешает?»—«Леонид Данилович, перед отъездом из Питера я звонил Демину (он был в то время первым заместителем главы президентской администрации) по поводу моего трудоустройства. Орел (заместитель главы администрации по внешней политике) через Демина передал, что он не видит меня в системе МИД. Взяли бы предложили мне тысячу долларов, и я пошел бы к вам советником. Но не взяли. А вот Ющенко увидел меня в «системе». А работу свою, как вы знаете, я всегда выполняю хорошо. И еще у меня есть семья, и ее надо кормить.

А бизнесменом вы мне в свое время стать не дали». – «Ладно, не обижайся, – сказал Кучма, – ведь у тебя ж сейчас все нормально».

Кучме я нужен был потому, что со мной в Севастополе ему было спокойнее. Ющенко — потому что, без ложной скромности, такого специалиста, как я, по проблематике базирования $\Psi\Phi$ в Севастополе и Крыму в Украине не было. Но, а Янукович так и не определился — свой я, или не свой.

Не буду оценивать поступки Януковича в конце 2013 года — начале 2014 года, кроме одного. Бегство президента из страны — это ее предательство. И предательство вдвойне — ради спасения своей власти призвать ввести российские войска на территорию Украины. А в целом ситуация была безвыходной. Без потерь из нее выйти было нельзя. Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Но, история не имеет сослагательного наклонения. Скажу только о себе. Если бы на его месте решение принимал я, Украине было бы гораздо хуже. Но, а по-человечески — как можно относиться к слабовольному человеку...

Понятно, что без разрешения проблемы ЧФ Севастополь не имел никаких перспектив своего развития. Кому-то было выгодно обвинять меня, что я занимаюсь больше политикой, чем решением городских проблем. Но это были две абсолютно взаимосвязанные вещи. С 1996 года я все больше и больше, если можно так выразиться, входил в переговорный процесс, что, безусловно, требовало значительного времени. Пришлось сократить сон до пяти часов. Много времени стали занимать и командировки как участника переговорного процесса, как в Киев, так и в Москву. Такая жизнь стала нормой.

Позвонил первый вице-премьер Тигипко и сказал, что есть договоренность о встрече в рабочем режиме делегаций Украины и России по проблемам ЧФ. Причем имелась договоренность и о встрече с председателем правительства России В. Черномырдиным. Но на следующий день после намеченной даты Кучма при своем участии проводил акцию широко разрекламированного подписания Договора о сотрудничестве между двумя городами, выделенными

Конституцией Украины, Киевом и Севастополем. Договор должны были подписать я и А. Омельченко. Хотя Косаковский и выигрывал суды по своему восстановлению, к реальной власти его не допускали. И президент показывал, что в Киеве все нормально, есть власть в лице Омельченко. И часто своим присутствием на мероприятиях, проводимых Киевской городской государственной администрацией подчеркивал это. Поэтому подписание договора в присутствии президента было на первом плане. Но и не полететь в Москву я тоже не мог.

Переговорный процесс по ЧФ приобретал предметную окраску. И если вопрос, заключающий в себе юридические правовые аспекты пребывания ЧФ РФ на территории Украины, обходил меня стороной, то там, где речь шла о разделе инфраструктуры и соответствующей платы за нее – здесь уже без Севастополя обойтись было нельзя. Мало того, наша техническая документация и даже расчеты по арендной плате принимались за основу, несмотря на аналогичную работу, проводимую в Киеве. Представьте себе карту Севастополя с расположением на ней воинских частей ЧФ, включая водную акваторию. Аналогов такого размещения военных баз одного государства на территории другого в мире не было. Как не было и расчета платы за них. Подразделения ЧФ были «разбросаны» по всей территории города, площадь которого - суша плюс морская акватория - составляла 1100 квадратных километров. Надо было провести хотя бы «бумажную» инвентаризацию инфраструктуры флота. А как рассчитать арендную плату за землю при отсутствии кадастра, плату за аренду причалов, морскую акваторию? Такая предстояла работа управлению земельных ресурсов нашей горадминистрации. Следует отметить, что подготовка соглашений должна была в корне, по моему мнению, изменить жизнь города. Во-первых, убиралась, вернее, значительно ослабевала политическая составляющая, приоткрывающая дорогу инвестициям как внешним, так и внутренним. И, во-вторых, на что я больше надеялся, пополнялась городская инфраструктура в виде земельных участков, зданий и портовых сооружений. Но главное, что часть арендной платы за нахождение российского

флота должна была бы идти в городскую казну, что должно было стать существенной добавкой к бюджету.

А ежегодная арендная плата, с которой мы должны были ознакомить председателя правительства России, была более чем значительная. Цифры арендной платы были окончательно доработаны в Киеве группой под руководством первого заместителя министра финансов Украины М. Гончарука, отвечающего со своим управлением в министерстве за наполнение валютной части бюджета государства. Сюда входила арендная плата за использование ЧФ РФ объектов береговой инфраструктуры, земельных участков, территориальных вод, а также был подсчитан экологический ущерб за счет его нахождения на территории Украины, правда, по сроку аренды десять лет. Ежегодная плата за объекты инфраструктуры по расчетам составляла 161,7 млн. долларов США, арендная плата за земельные участки – 2218,8 млн. долларов США (из них 954,6 – за Севастополь), арендная плата за использование бухт Севастопольской и Южной – 242,4 млн. долларов США, экологический ущерб составлял – 983,0 млн. долларов США. Итого «накапало» 3605,9 млн. долларов США. Но и передавалось не мало: порядка 20000 гектаров земли, 5000 объектов, более 11 километров причалов.

А не полететь в Москву я не мог еще и потому, что получалось так, что Украина выступает в роли просителя, и наиболее якобы заинтересован в этом процессе Севастополь, который получал бы бюджетную прибавку. Вообще, к моему мнению прислушивались, ведь моя должность давала право на контакты с обоими президентами. Так и в этой поездке я должен был сыграть, можно сказать, одну из главных ролей в обсуждении арендной платы. Тогда я действительно считал, что чем больше Украина получит арендную плату, тем больше соответственно увеличится и доля Севастополя, поэтому серьезно готовился к этому вопросу.

Прилетел накануне поездки в Киев, остановился в «своем» номере в гостинице «Национальная». Дочь уже училась в КИМО, и поэтому я взял с собой жену. Утром чартером делегация Украины вылетела в Москву. Но, как я любил говорить, случилось то, что

случилось. Делегации встретились, обговорили ряд вопросов, но, как и всегда камнем преткновения стала сумма арендной платы. Но доложить о результатах переговоров в этот день Черномырдину не удалось. «Карты» спутал Лукашенко, неожиданно прибыв в Москву с незапланированным визитом. И график работы председателя правительства пришлось изменить. Несмотря на все старания руководителя российской делегации заместителя председателя правительства России Ю. Ярова, «выискать» окно в измененном графике Виктора Степановича не удалось. К вечеру окончательно было определено время встречи с Черномырдиным на завтра на 9 часов утра. Проинформировал Тигипко, что или сегодня ночью, или завтра рано утром я улетаю. Но он настаивал, чтобы я остался. Сказал, что первым поставим рассмотрение аренды, и утренним одиннадцатичасовым рейсом я смогу улететь в Киев. Чартер для всей делегации стоял на вторую половину дня. Присутствовавший при разговоре Ю. Яров спросил, когда я должен быть в Киеве. Сказал, что в полдень я должен подписать договор о сотрудничестве с Киевом в здании киевской администрации на Крещатике в присутствии президента Украины. Яров пообещал: «Я тебя отправлю. У вас же время на час меньше, так что успеешь. Я хочу, чтобы ты сам объяснил Виктору Степановичу расчет стоимости аренды». Юрий Федорович был частым гостем Севастополя, да и мне во время поездок в Москву удавалось встречаться с ним в Белом доме. Всегда брал с собой пару бутылок нашего «Каберне». Поэтому в узком кругу мы с ним были на «ты». Тигипко же, зная о моем личном знакомстве с Черномырдиным, его прямоту в общении, предвидя, чем закончится обсуждение арендной платы, решил перевести «стрелки» на меня.

Утром началась нервотрепка. Чуть запоздал Черномырдин. Думаю, ему вкратце доложили о результатах вчерашней встречи. После того, как я озвучил цифры арендной платы, он обратился ко мне. «Виктор, что это у тебя за город, если стоимость квадратного метра земли дороже, чем в центре Токио». — «Это — Севастополь, Виктор Степанович». Начал объяснять, откуда появилась эта цифра. Разъяснил, что за основу была взята методика денежной оценки земель

согласно постановлению КМУ, что при подсчете учитывались особенности при размещении военных баз иностранных государств, возможности использования территорий в рамках их функционального зонирования и другие факторы. Реакция со стороны Черномырдина на эту фразу была такой: «Вот-вот, убери особенности при размещении, тогда и приезжай». Стало понятно, что разговор на эту тему исчерпан.

Время подпирало. Рейс с помощью Ярова был задержан минут на двадцать. Помню любопытные взгляды пассажиров рейса, ожидающих вылета — что за человек вошел в самолет, если после его появления сразу же задраили двери, и самолет начал «рулежку». Когда сел в Борисполе в машину, которая подошла прямо к трапу, оставалось совсем ничего до полудня. Встречал меня Володя Андреенко, руководитель протокола Омельченко. Запомнилось, что сопровождение с сиреной и «мигалками» доставило меня на Крещатик за двадцать минут. В машине были дочь и жена, державшая на плечиках свежевыглаженный костюм. В первой попавшейся комнате на первом этаже переоделся и поднялся в зал.

Часы показывали ровно 12.00, но президент был уже в зале. Сразу же отвел меня в сторону к окну. Довольно подробно рассказал ему о переговорах. Слушал внимательно, иногда перебрасывался словами со своим помощником А. Волковым, отошедшим с нами. После подписания договора во время фуршета обратил внимание на стоявших с другой стороны стола жену и дочь. «Ну как дочь? Учится?» «Учится, Леонид Данилович». Подозвал ее с женой. Обратился к дочери: «Ну как учится?» — «Нормально, Леонид Данилович». — «А українською мовою розмовляєш?» — «Розмовляю». — «А ось твій батько не хоче», — сказал президент и, попрощавшись со всеми, уехал. То, что президент приехал раньше, я видел в первый и последний раз в своей жизни. Протокол такого не позволяет. Мы с Омельченко должны были встречать его у входа в администрацию.

Сразу же вспомнился один из случаев отъезда Леонида Даниловича из отпуска. Я обязан был, как всегда, встречать его у входа в гостевой домик на Бельбеке. Во время его отпуска был в «Дюльбере»,

километрах в десяти от Мухалатки, где на «девятой» отдыхал президент с семьей. Обычно накануне его отъезда звонил по ВЧ его помощник В. Литвин. За час до отъезда президента с дачи я спокойно приезжал на Бельбек, чтобы убедиться, что все готово к отлету. Потихоньку подтягивались все те, кто был допущен к проводам. И в этот раз Литвин сообщил, что самолет президента поставлен после обеда на 14 часов. Утром позавтракал, созвонился с Владимиром Михайловичем. Тот подтвердил, что президент собирается пойти на море выкупаться. Выезд по плану после обеда. Хорошо, что сам не пошел на пляж. Да и погода тогда была не ахти, начал моросить дождь. Вдруг звонок с президентской дачи – Литвин: «У президента изменились планы. Мы выезжаем». — «Когда?» — «Прямо сейчас». Надеваю костюм, сажусь в машину. Приехать надо раньше презилента. «Саша! Гони!»

Но где-то за пару километров до Мухалатки нас останавливает милицейский кордон. Машину не пропускают. Подходит полковник. Звание приличное даже для такого мероприятия. «Не могу вас пропустить». – «Ты знаешь, кто я такой, я должен президента встретить на Бельбеке». – «Знаю, Виктор Михайлович. Но у меня инструкция. Президент выехал на трассу, как поступит команда, пропущу». Сказал полковнику, что не знаю, чем закончится для меня мой неприезд, и пообещал, что его снимут с работы уже сегодня. Выхожу из машины, закуриваю и говорю водителю: «Саша, попроси по ВЧ соединить меня с начальником «девятки» Шепелем». Бежит полковник: «Виктор Михайлович, проезжайте». Разговариваю с Шепелем. «Постарайтесь нас догнать». - «Как догнать? Вы идете «под стольник», а у меня «Волга». - «Я приторможу сопровождение». Хвост колонны я увидел уже перед тоннелем перед смотровой площадкой, где трасса уходит с ЮБК на Севастополь. Пристраиваюсь к концу колонны. Звоню: «Что дальше?» – «Колонну обгонять нельзя. Я дам команду пропустить вас до «скорой помощи». За машиной президента всегда шла «скорая». «Дальше мы пойдем с Ялтинского кольца на Сапун. Я оставлю на кольце «хорошую» машину, и вы на ней прямиком «рванете» на Бельбек». Только успел подъехать к входу в домик, как увидел, что открываются ворота, и в них влетает колонна машин. На ступеньках стояли сотоварищи по проводам. Безусловно, им докладывали о моей погоне. «Успел все-таки, а мы тебе уже замену начали подбирать». Из машины вышел президент. «Ты чего такой бледный? Заболел?»

Вообще, отдых Кучмы превращался для меня в напряженную работу. И в связи с представительскими функциями встречать и провожать гостей я всегда брал отпуск во время отдыха Кучмы. Он обычно отдыхал в августе, 22-23 улетал в Киев на празднование Дня независимости и, правда, не всегда, возвращался после 24 августа на недельку. Сумасшедшими днями становились 8 и особенно 9 августа – у Леонида Даниловича был день рождения. С каждым годом желающих прикоснуться к «телу» президента в день его рождения становилось все больше и больше. Не все приобретали такое право, но вереница машин полностью «забивала» спуск до самой дачи, хвост заканчивался на самой Ялтинской трассе. Мне дозволялось приехать за полчаса до того, как начинал действовать график приема. Подарок я обычно согласовывал с Литвиным. Привозил пару-тройку картин. Отбиралась картина, на мой взгляд, не с точки зрения художественного изображения, а с точки зрения имени исполнителя. У нас в Севастополе творил известный художник Брусенцов, картины которого выставлялись в Москве в Третьяковке и в Русском музее Санкт-Петербурга. Его работам и отдавал предпочтение помощник Леонида Даниловича, в будущем занимающий высокие посты в государстве.

На таком алгоритме выбора картины я однажды и пострадал. Мне исполнилось пятьдесят лет. Супруга решила сделать мне подарок — мой портрет. Мой помощник Иван Алексеевич порекомендовал художника, который хорошо пишет портреты. Но я, вспомнив уроки Литвина, сказал: «Нет, пусть пишет Брусенцов». — «Он не пишет портреты». — «Но, а меня напишет»... Брусенцов начал делать какие-то наброски, но примерно через час я сказал, что, так как у меня назначена встреча, у меня нет времени больше позировать. Тогда он взял фотоаппарат и сфотографировал меня.

1998 год, Санкт-Петербург. Поздним вечером несколько человек из украинской диаспоры помогали разгружать машину с нашими личными вещами, пришедшими из Украины. Один из них, Николай, сам довольно известный художник, стоял с моим портретом, написанным Брусенцовым, и с удивлением спрашивал жену: «А Брежнева куда будем вешать?»

Пропала обычная церемония поздравления Кучмы с днем рождения только в 1996 году. Леонид Данилович отбыл в Москву на инаугурацию президента России Б. Ельцина. Узкий, обычно ограниченный круг людей должен был встречать на Бельбеке самолет с президентом в 16 часов. Но ни в 17, ни в 20 часов самолета не было. Прилет все время переносился на час. Примерно в 22 часа нам передали указание президента его не встречать, а завтра к 10.00 прибыть на дачу. То, что рассказал Леонид Данилович, с одной стороны, было смешно, а с другой грустно. Ельцин был тяжело болен. Произнес клятву и покинул Кремль. Дальнейшей программы не было. Президенты СНГ, присутствующие на инаугурации вернулись в свои резиденции на Воробьевых горах. Вернулся и Леонид Данилович и стал готовиться к отъезду. Но посыпались поздравления с днем рождения. Пришлось составить график приемов. Инаугурация плавно перетекла в празднование дня рождения. И уже поздно вечером в самолете Людмила Николаевна сказала мужу: «Тебя в таком виде люди не должны видеть». На даче выпили по паре фужеров шампанского – президенту надо было отдохнуть.

А в 1997 году при праздновании дня рождения Леонида Даниловича случился маленький инцидент. Маленький он был только для меня, а для командующего ВМС Украины он чуть ли не стал последним днем в его служебной карьере. Решил воспользоваться своими возможностями и взял на поздравление Леонида Даниловича М. Ежеля. Тот сначала отказывался, мол, не положено по чину, но я настоял. После поздравления выезжал за ворота президентской дачи и где—то совсем недалеко от ворот возле одной из машин увидел курящего министра обороны А. Кузьмука. Остановились, вышли из машины. Увидев Ежеля, Кузьмук оторопел. Не обращая на

меня внимания, взревел на Ежеля: «Ты что там делал?» - «С Виктором Михайловичем поздравлял президента». - «А разрешение от министра ты получил? Ты кто такой, чтобы самостоятельно принимать решения?!» – кричал министр, размахивая руками. – Рапорт, рапорт! И немедленно! Пиши прямо здесь!» Я пытался объяснить, что Ежель здесь не при чем, что команду ехать со мной дал ему я. «Рапорт!» – с ударением на «о» продолжал выкрикивать Кузьмук. К счастью Ежеля, очередь продвинулась вперед, и Александр Иванович пошел к своей машине. Мы поднялись выше и на выезде на трассу дождались машины Кузьмука. Вышел Кузьмук: «Где рапорт?» Но настроение после поздравления президента было у него хорошее, видно, встреча прошла удачно. «Саша, прошу тебя, успокойся. Это не его вина, а моя. Не позвонил тебе, не согласовал. Но пойми, ты в Киеве, а он в Севастополе. Здесь и я для него начальник». – «Ладно, хочешь, езжай со мной. Поедем посмотрим ЗКП». ЗКП – запасной командный пункт (правда, заброшенный в этой неразберихе – не понятно, кто есть кто, и кто за что отвечает) представлял собой целый подземный лабиринт. «Давай возьмем Ежеля». – «Пусть едет».

Катализатором ситуации в Севастополе было зеркальное отражение украино-российских отношений. А для того чтобы придать этим отношениям организованный характер в январе 1996 года президентами двух стран была создана Смешанная украино-российская комиссия по сотрудничеству, которую возглавили председатель правительства России В. Черномырдин и премьер-министр П. Лазаренко. И 20 марта было проведено ее первое заседание в Москве, где было принято решение готовить встречу президентов в Киеве и приступить к завершению двух кардинально важных для двух стран соглашений. Первое — это широкомасштабный Договор про дружбу, сотрудничество и партнерство между Украиной и Россией. И второе, что для Севастополя было жизненно важно — Договор по флоту. И если для России на первом месте по значимости стоял флот, его базирование в Крыму и Севастополе, то для Украины, кровь из носа, был важен договор о содружестве, который, как казалось тогда, навсегда

закреплял целостность ее территории, фиксируя принадлежность Крыма и Севастополя Украине. Так, статья 3 Договора, которая полностью вошла в подписанный в дальнейшем договор, звучала — «Высокие договаривающиеся стороны строят отношения между собой на основе принципов взаимного уважения, суверенной равности, территориальной целостности, нерушимости границ, мирного решения споров, неприменение силы или угрозы силы, включая экономические и другие способы давления, право народа распоряжаться своей судьбой, невмешательство во внутренние дела, придерживаясь прав человека и основных свобод, содружество между государствами, ...исполнение взятых международных обязательств, а также других общепризнанных норм международного права».

Повторюсь. Активно участвуя в подготовке соглашения по ЧФ, я искренно верил в то, что город получит большие преференции от их подписания. Опять же повторюсь, что я надеялся, что, кроме финансовых вливаний, городу удастся отвоевать часть инфраструктуры флота, в частности: Карантинную бухту, заброшенный аэродром на мысе Херсонес, часть причалов и пару-тройку зданий в центре города.

Заброшенный военный аэродром, по мнению командующего авиацией флота Н. Фадеева, был ему обузой по причине отсутствия нормальной взлетно-посадочной полосы и аэродромной инфраструктуры. Зато он мог стать местом прилета чартеров. Ведь до Балаклавы, где по планам развития город планировал развивать международный яхтинг и до исторических деревень, в которых воссоздавался бы быт англичан и французов времен Крымской войны, было рукой подать. Положил я «глаз» и на стадион КЧФ на улице Бастионной рядом со зданием Панорамы. Стадион был полностью не готов выполнять свои функции. Абсолютно непригодное для игры футбольное поле, заасфальтированные беговые дорожки, разрушенные трибуны и подтрибунные помещения. Городу он был не нужен, так как в километре от него находились действующий стадион «Чайка» и спортивный комплекс в Загородной балке.

Мы «пустили» в Севастополь банк «Правекс», принадлежащий киевскому бизнесмену Л. Черновецкому. Денег у Черновецкого было достаточно. И мы прорабатывали с ним строительство на месте стадиона КЧФ современного торгового центра по американскому образцу. Там можно было бы купить абсолютно все – от иголки до автомобиля. Такие центры я видел, пребывая в составе делегации мэров Украины в США. Был даже подготовлен бизнес проект такого мега-маркета. Помню, что по проекту с улицы Бастионной до улицы Гоголя был предусмотрен эскалатор. Планов у нас Леонидом по развитию города было множество. И когда мне настало время покидать Севастополь и далее уехать в заграничную командировку, Леонид предлагал мне этого не делать и остаться в Украине, и даже «дарил» мне севастопольский филиал своего банка. Его рассуждения были интересны. «Есть блюдечко с голубой каемочкой. Все стремятся внутрь за голубую каемочку, но это удается мало кому. Вот вы туда попали, так и оставайтесь там».

Но еще большей мечтой у меня было создание центра православного паломничества на западном берегу Карантинной бухты, где раньше дислоцировалась бригада торпедных катеров, от которых остался только след — все они были переданы на судоразделку. На противоположном берегу бухты находился полуразрушенный Владимирский собор и рядом с ним священное обозначенное место, где по одной из исторических версий принял крещение князь Владимир, и откуда пошло православие на Руси. Карантинная бухта — мелкая, но для приема судов река-море ее глубины было достаточно. Идея создания центра православия была поддержана мэрами городов Москвы и Нижнего Новгорода — Ю. Лужковым и Б. Немцовым.

Вечером к современному городку на месте бригады торпедных катеров прибывали круизными теплоходами из России туристы. На следующий день утром по тропинке вдоль бухты они поднимались к священному месту, где встречали рассвет. Можно было воссоздать «стену плача», где православные оставляли бы свои просьбы и пожелания. Со строительством гостиничного комплекса проблем не было. А участие в этой программе Москвы и Нижнего Новгорода

было стопроцентной гарантией успеха. Крупные российские бизнесмены были готовы вложить деньги в этот проект. У одного из них в загородном особняке в окрестностях Москвы мне удалось побывать. Это был владелец золотых приисков Туманов. Таким образом, дело было не в деньгах, их по территории бывшего Советского Союза «гуляло» достаточно. Дело было в праве собственности.

Первым противником передачи части собственности ЧФ городу стал второй командующий ВМСУ Бескоровайный. Он добился Указа президента о том, что собственность ЧФ если передается, то только ВМСУ. И даже пытался со мной судиться по трем военным городкам в Балаклаве, которые город принял у командующего ЧФ адмирала Балтина. С большим трудом «сверху» его удалось успокоить. Указом президента он пытался делить шкуру еще не убитого медведя. Уже в этом он противопоставлял себя, а фактически не себя, а ВМСУ, а, следовательно, и Украину городу. Еще и поэтому в Севастополе ЧФ всегда более любим, чем украинский флот. А таких «патриотов», как Бескоровайный, на своем жизненном пути я встречал довольно много.

Пытался я найти поддержку и у президента Украины, хотя, наверное, это было напрасно. Для президента важным было концептуальное подписание двух соглашений. А мелочи по передаче той или иной части собственности его не интересовали. Да, наверное, и не должны были интересовать. Не подействовал на него и мой козырь, когда во время перехода в «Казачку», где должно было состояться заседание Совета регионов, я рассказывал о планах города. Президент кивал головой, соглашался. Но, когда во время моей очередной встречи с ним, докладывая о ситуации в городе и его проблемах, вернулся к вопросам собственности, услышал: «Да отстань ты от меня с этой бухтой и аэродромом. Мне говорят, что ты на всех углах «кичишься», что Ельцин тебе чуть ли не друг. Вот и езжай к своему другу и договаривайся».

Разрешение получено и я поехал. Созвонился с Рюриковым, напомнил разговор, что проблемы решаются не обязательно через

Ельцина. Обрисовал ситуацию, сказал, что хочу. Дмитрий сказал, что вопрос решаемый, но лучше заручиться «добром» от президента хотя бы на словах. Обещал найти окошечко в графике Ельцина. Так я второй раз побывал в кабинете президента России. Думаю, Борису Николаевичу было интересно выслушать и мое мнение о переговорном процессе, кроме информации, поступающей ему от подчиненных. Он встретил меня приветливо, но суше, чем в первый раз. Мое повествование, каким я вижу будущее города, и что для этого надо, чувствовалось, уже не производило на него впечатление. По глазам было видно, что мелочи его не интересуют, это не его уровень. Конечно, я понимал это, едучи на встречу с ним. Но все-таки, а вдруг? А после того как он услышал, что добро на поездку я получил от Кучмы, сказал мне: «Когда вернетесь в Киев, передайте своему президенту – хватит торговаться. Сегодня вы подписываете соглашение по флоту, а на следующий день я прилетаю в Киев, и мы подписываем широкомасштабный договор».

Если по соглашениям по статусу ЧФ и по его разделу, несмотря на разновекторность интересов государств, стороны находили компромисс, то по стоимости аренды российская сторона, основываясь на позиции своего председателя правительства, даже отказывалась ее обсуждать.

В начале 1997 года в Киев прилетела правительственная делегация России для продолжения работы над соглашениями. Днем поработали по направлениям, но, как обычно, на нуле оставался вопрос арендной платы. В Киев также прибыл председатель правительства России В. Черномырдин, у которого под вечер была назначена встреча с Л. Кучмой. Участники переговоров собрались в одном из коттеджей президентской резиденции на улице Липской и коротали час за фуршетным столом, ожидая окончания встречи на Банковой. Неожиданно первый заместитель министра финансов Украины был вызван к президенту. Прошло, я думаю, не менее часа, а то и больше, когда он появился со словами: «Ну, вот и все. Никто больше никому ничего не должен». Разъяснил — договорились, что стоимость аренды не имеет отношения к стоимости передаваемых российской стороне в

пользование земельных участков, расположенных на них объектов государственного имущества, акватории бухт, а касается только поглощения государственного долга Украины перед Россией. Сумма ежегодного списания в течение двадцати лет в 97,5 млн. долларов была определена на основе формулы погашения существующего государственного долга Украины перед Россией за предоставленные ей на протяжении 1993-1995 годов государственные кредиты. Погасить кредиты у Украины было не из чего. Так в течение часа были окончательно похоронены мои надежды на преференции городу от подписания соглашений. Кроме, конечно, политической составляющей.

В конце мая 1997 года с интервалом в один день в Киеве были подписаны три соглашения по ЧФ и один договор:

- «Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины»;
- «Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о параметрах раздела Черноморского флота»;
- «Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Украины о взаиморасчетах, связанных с разделом Черноморского флота и пребыванием Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины»;
- «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Российской Федерацией».

На тот момент подписание соглашений полностью удовлетворяло обе стороны. Хотя соглашение о взаиморасчетах резко выделялось своей однобокостью. Приведу две статьи из него. Статья 1 — «Российская сторона компенсирует украинской стороне стоимость полученных от нее кораблей, судов и плавсредств согласно приложению 4 к Соглашению между Российской Федерацией и Украиной о параметрах раздела Черноморского флота от 28 мая 1997 года в сумме 521,06 млн. долл. США и 50% стоимости кораблей, судов и плавсредств, исключенных из состава Черноморского флота с 3 августа 1992 года, согласно указанному приложению в сумме 5,449 млн.

долл. США путем проведения в 1998 году взаимозачетов на общую сумму 526,509 млн. долл. США погашения задолженности Украины по государственным кредитам, предоставленным ей Российской Федерацией в соответствии с межправительственными соглашениями от 26 мая 1993 года и от 20 марта 1995 года, подлежащей погашению до конца 1997 года и признаваемой сторонами по состоянию на 28 мая 1997 года в сумме 3074,0 млн. долл. США с учетом процентов за пользование кредитами». И Статья 2 - «... начисление сумм погашений за использование Черноморским флотом Российской Федерации указанных земельных участков и размещенных на них объектов береговой инфраструктуры, акватории бухт, радиочастотного ресурса, возмещение экологического ущерба, связанного с пребыванием Черноморского флота на территории Украины осуществляется с даты подписания настоящего Соглашения, а расчеты производятся Российской стороной начиная с 1998 года путем ежегодного уменьшения равными долями государственного долга Украины перед Российской Федерацией, указанного в ст. 1 настоящего Соглашения остающегося после вычета компенсационной стоимости кораблей, судов и плавсредств (529,509 млн. долл. США) в соответствии со статьей 1 настоящего Соглашения и компенсации за расщепляемые материалы (200 млн. долл. США) в соответствии с отдельным соглашением. Сумма ежегодно поглощаемой части государственного долга Украины, вытекающая из настоящей статьи составляет 97,75 млн. долл. США».

Сумма, которую Россия выплачивала за двадцать лет пребывания ЧФ на территории Украины, была сравнима с той, которую Украина хотела получать за год. Но что делать, такая была плата за «предоставленный» Россией Украине суверенитет, гарантию незыблемости ее территории. Ведь Россия была согласна подписывать соглашения только в комплексе. Хотя было ясно, что это дело времени, и Украина будет не удовлетворена подписанием Соглашения о Черноморском флоте и рано или поздно поставит вопрос о нахождении ЧФ РФ на ее территории. Но тогда об этом никто не хотел думать. Ведь вроде все складывалось, как никогда, хорошо, и даже были проведены

совместные учения двух флотов при участии президента Украины Кучмы. На Бельбеке президента Украины встречали министры обороны Украины и России — А. Кузьмук и И. Сергеев, командующие ВМСУ и ЧФ — М. Ежель и В. Кравченко.

Июнь 1997 года прошел в эйфории. В город зачастили корреспонденты газет и телевизионщики. Не было дня, чтобы мои фотографии с Ежелем и Кравченко с комментариями не появлялись на страницах различных газет или не мелькали на экранах телевизоров.

Кстати, в этой праздничной суете был допущен «ляп», который так и не был разрешен в длительном переговорном процессе.

На третий день после подписания соглашений, рано утром еще до моего прихода на работу, у меня в кабинете оказались два командующих флотами. Мне необходимо было поставить свою подпись под картами. Их было две, в двух экземплярах каждая. На одной были выделены акватории севастопольских бухт, которые отходили в аренду российскому флоту, а на другой карта Севастополя, где помимо тех же бухт были обозначены объекты всех воинских

подразделений ЧФ, расположенных на его территории, перечень которых, кстати, совпадал с приложением соглашения по разделу ЧФ. Карты, естественно, были под грифом «секретно». На картах стояли подписи. Слева — «Утверждаю, командующий ЧФ РФ В. Кравченко», справа — «Утверждаю, командующий ВМСУ М. Ежель», а по центру — «Согласовано, глава СГГА В. Семенов». Мне необходимо было поставить свою подпись.

Самое смешное, если так можно говорить о государственных документах, разделили все, что можно, плоть до обмундирования. А главное — места, где базируются корабли, забыли. Поэтому в дополнение к соглашениям было необходимо — «В недельный срок подготовить и утвердить командующими ЧФ РФ и ВМСУ по согласованию с главами администраций Севастополя и Феодосии карты N1 и N2, с акваториями бухт, мест базирования ЧФ». То есть согласовывать карту с находящимися на ней объектами я права не имел, хотя все они вошли в приложение по разделу инфраструктуры в виде условных городков, не говоря уже о праве командующих их утверждать. А вот с Феодосией произошла грубейшая ошибка. Командующие утвердили, а мэр Феодосии Новицкий согласовал карту,

где была изображена акватория феодосийской бухты с присутствием врезки с изображением объектов по всему Крыму, причем и тех, которые не вошли в приложение к договору. Так возникла проблема принадлежности НГО — навигационно-гидрографических объектов, или по-простому маяков. В дальнейшем эта безответственность принесла много неприятностей в переговорном процессе. Каждая сторона толковала ее по-своему. Привлекала она внимание и «борцов за справедливость» — депутатов. Спасал только гриф секретности на картах.

Подписание в Киеве соглашений должно было бы ознаменовать новую эру в отношениях двух государств. Было четко зафиксировано, что Крым и Севастополь — это Украина. И на легитимных условиях на ее территории находится российский Черноморский флот. Причем Украина должна создать необходимые условия для его функционирования. Севастопольцы хотели жить в России, но волею судьбы оказались в Украине. Но это было решение двух государств, и они должны были адаптироваться к такому повороту событий. Нельзя сказать, что подписание соглашений было принято в штыки — город устал от неопределенности. К сожалению, системной адаптации Крыма и особенно Севастополя к условиям жизни в Украине создано не было, да и создавать ее Украина не собиралась. Сколько я себя помню, Севастополь для Украины всегда оставался «чужим». Хотя, может быть, правильнее сказать, что Украина оставалась для севастопольцев «чужой».

Летом 2013 года взял отпуск и приехал с женой навестить наших родителей. Как всегда утром пришли на Приморский бульвар, сели на скамейку, которую облюбовали давно, и с которой открывался прекрасный вид на Севастопольскую бухту. Было жарко. Совсем рядом находился киоск с газированной водой. Жена попросила продать ей бутылочку «негазованой» воды. И нарвалась на грубый ответ: «Не «негазованой», а негазированной». Что же сделала Украина за двадцать с лишним лет, если человек, произнесший украинское слово, становился инородцем в украинском городе?! Успокоив ситуацию договоренностями 1997 года, Украина забыла про человеческий

фактор, полностью перенеся акцент своих отношений с городом в чисто коммерческую плоскость сильных мира «своего». В Киев мы уезжали со второго пути. На первом стоял поезд «Севастополь – Москва». При посадке жена сказала мне: «Странно, что поезд в столицу уходит со второй платформы». И опять же от проходившей мимо женщины услышала: «Запомните, это – Севастополь и столица наша – Москва». Да и сейчас, когда оккупирован Крым, у многих в Украине присутствует мнение: «Да, и зачем нам этот Крым и Севастополь?» Как сказал мне мой товарищ, кстати, в прошлом коренной севастополец, он готов променять Крым и Севастополь на членство в Евросоюзе.

Итак, соглашения были подписаны. Но практически каждый пункт Соглашения о статусе и условиях пребывания ЧФ на территории Украины требовал двух, а то и более дополнительных соглашений. Предстояло объять необъятное. Писать правила жизни флота, живущего по законам своего государства — России, где армия всегда была в привилегированном положении, в законодательство другого государства. И только вернувшись в 2004 году из заграничной командировки и более десяти лет отдав доведению до ума соглашений по ЧФ, постепенно стал приходить к мысли — насколько ошибочной была моя подвальная статья в «Зеркале недели» после подписания соглашений по флоту. В ней я утверждал, что туго затянутый узел противоречий между двумя государствами, который развязать было невозможно, просто разрубили. Конечно, было больно обоим государствам, но конфликт-то был нормализован. А шрам должен был со временем затянуться.

Но время показало, что узел противоречий мы не разрубили, а еще больше затянули до предела. Для нас он стал казаться точкой. И никто тогда не мог предположить, что со временем он вырастет в ком уже неразрешимых проблем. Примеры размещения военных баз одного государства на территории другого не единичны. Но для этого должны присутствовать элементы военного сотрудничества, определяющие общность идеологии развития обоих государств: США — западноевропейские страны. Есть другие случаи, когда в

нахождении военной базы «сильного» государства заинтересована принимающая сторона. Пример, вооруженные силы США в Японии, вооруженные силы России в Сирии. Но если одна страна начинает проповедовать стремление к общеевропейским ценностям, а для другой ближе система сильной власти, если первая начинает симпатизировать НАТО, а вторая является цементирующим звеном ОДКБ, компромисс становится практически невозможным. А изменение во внешней политике, когда одна страдает «незалежностью», а другая «симптомом старшего брата», невозможно вообще. Весь этот процесс от приятия до неприятия прошел перед моими глазами. Идея вывода ЧФ из Крыма и Севастополя еще во времена президентства Ющенко постепенно стала приобретать популярность в верхних слоях власти. И после того, как во время встречи в Москве в особняке Морозова – Доме приемов МИД России, двух министров иностранных дел Лаврова и Огрызко, последний имел честь передать Российской стороне для рассмотрения проект Меморандума между Украиной и Российской Федерацией про этапы и порядок выведения до 28 мая 2017 года военных формирований ЧФ РФ с мест его временной дислокации на территории Украины, Россия заволновалась.

Переговоры, проходившие в узком составе — с каждой стороны присутствовало по шесть человек, подходили к концу. По программе уже было время обеда. И Лавров, закурив сигарету, а курил он всюду, где только было возможно, предложил оставшиеся вопросы обсудить уже за обеденным столом. Вопрос «Меморандума» не входил в перечень обсуждаемых, и Огрызко попросил Лаврова до обеда ознакомиться еще с одним документом. И передал ему ноту с текстом «Меморандума». Никогда не забуду изменившееся лицо Лаврова. Всегда вальяжно сбивая пепел с сигареты, он просто втоптал ее в пепельницу. Затем поднял глаза на Владимира Станиславовича и произнес: «Но это, ребята, вы напрасно».

«Меморандум», с текстом которого были знакомы считанные единицы, включая президента, состоял всего из четырех статей. Приведу первую и третью, выражающие его суть.

Статья 1.

Целью этого «Меморандума» есть определение этапов и механизмов процедур для обеспечения постепенного выведения до 28 мая 2017 года военных формирований, кораблей, судов, вооружения, военной техники и другого имущества Черноморского флота Российской Федерации, которые находятся в местах его временной дислокации на территории Украины, соответственно положений Базовых Соглашений и дополнительных договоренностей между сторонами по вышеуказанному вопросу.

Статья 3.

- 1. Для обеспечения цели определяемой Ст. 1 этого «Меморандума» стороны начинают до 1 июля 2008 года переговорный процесс практической реализации выведения до 28 мая 2017 года военных формирований ЧФ Российской Федерации с мест его временной дислокации на территории Украины в рамках Подкомиссии по вопросам функционирования Черноморского флота Российской Федерации и его пребывания на территории Украины Украинско-Российской межгосударственной комиссии, которая является рабочим органом по практической реализации этого «Меморандума».
- 2. Результатом переговорного процесса в рамках Подкомиссии по вопросам функционирования Черноморского флота Российской Федерации и его пребывания на территории Украины Украинско-Российской межгосударственной комиссии должен стать межгосударственный Протокол, который определит план-график выведения до 28 мая 2017 года Черноморского Флота Российской Федерации с территории Украины, который должен быть подписан до конца 2008 года.

И хотя российская сторона отказалась рассматривать «Меморандум», моя встреча со статс-секретарем МИД России заместителем министра Г.Б. Карасиным подтвердила опасения России по выведению ЧФ с территории Украины. Председатель Российской части подкомиссии по ЧФ Карасин договорился со своим коллегой с украинской стороны первым заместителем министра иностранных дел Украины Демченко о своей встрече со мной. И хотя такая встреча

не предусматривалась протоколом, ведь я был только заместителем Демченко, она состоялась.

Подписание любых соглашений, а их количество никогда не уменьшалось и крутилось вокруг цифры десять, требовало компромиссов. И неформальный разговор со мной был для Карасина гораздо полезней, чем официальные встречи с Демченко два, максимум три раза в году, потому что ответственными за подготовку соглашений были я и мой визави с российской стороны посол по особым поручениям МИД России А. Бавыкин. Встречи с ним во время работы делегаций по различным направлениям функционирования и пребывания ЧФ на территории Украины проходили ежемесячно по заранее утвержденному раз в году графику поочередно в Украине и в России — то бишь в Москве и Киеве или Севастополе. Все переговоры велись в закрытом формате и официально комментировать процесс согласно директивам, утвержденным Ющенко, имели право всего четыре человека — министр иностранных дел, его первый заместитель, председатель подкомиссии по ЧФ и первый заместитель

председателя подкомиссии. В этом перечне отсутствовала даже должность премьер-министра. Российская сторона была не удовлетворена сдерживанием украинским законодательством ее права на «свободное» функционирование подразделений ЧФ на территории Украины и всеми правдами и неправдами пыталась расширить, приблизить их действия к правилам функционирования своих флотов на собственных территориях. Украину больше интересовали вопросы по арендуемым российской стороной объектам недвижимости, территорий, морской акватории и особенно обеспечение ее национальной безопасности. Насколько многообразным и ответственным был переговорный процесс, свидетельствует случайно сохранившийся план работы подкомиссии на 2011 год. Почему случайно? Потому, что при уходе из МИД все документы из сейфа не подлежащие архивированию были уничтожены в присутствии начальника первого отдела.

ПЛАН ОСНОВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

переговорного процесса по вопросам функционирования Черноморского флота Российской Федерации и его пребывания на территории Украины на 2011 год

No T/T	Haynayanayya Manayyyagaya	Сроки
п/п	Наименование мероприятия	проведения
		мероприятия
1	2	3
Инвентаризация земельных участков и объектов государственного имущества Украины, переданных в пользование Черноморскому флоту Российской Федерации		
1.	Заседание Рабочей группы по вопросам инвентари-	Март -
	зации земельных участков и объектов государствен-	Севастополь
	ного имущества Украины, переданных в пользова-	
	ние Черноморскому флоту Российской Федерации	Ноябрь

1	2	3
2.	Передача Российской Стороной и обсуждение проекта Соглашения между Российской Федерацией и Украиной об инфраструктуре Черноморского флота Российской Федерации на территорию Украины	Май Июль Октябрь
Воен	но-политические вопросы	
3.	Заседание Рабочей группы по военно-политическим вопросам	Ноябрь - Москва
4.	Передача Украинской Стороной и обсуждение проекта Соглашения между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о взаимодействии по вопросам предупреждения	Апрель Июнь
	чрезвычайных ситуаций, пожаров и ликвидации их последствий в населенных пунктах, в которых базируются воинские формирования, предприятия, организации и учреждения Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины	Октябрь
5.	Передача Украинской Стороной и обсуждение проекта Соглашения между Российской Федерацией и Украиной о действиях сторон в случае угрозы возникновения или возникновения кризисной ситуа-	Апрель Июнь
	ции, связанной с использованием Черноморского флота Российской Федерации, дислоцирующегося на территории Украины	Октябрь
6.	Передача Российской Стороной и обсуждение про- екта Соглашения между Правительством Россий- ской Федерацией и Кабинетом Министров Украины о порядке пропуска через государственную границу	Март- Апрель Июнь
	Украины военнослужащих Черноморского флота Российской Федерации, находящегося на террито-	Июль
	рии Украины, членов их семей, лиц из состава караулов и специалистов, с опровождающих вооружение, военную технику и прочие грузы для	Октябрь

1	2	3
	потребностей Черноморского флота Российской Федерации, военных кораблей (судов обеспечения), летательных аппаратов Черноморского флота Российской Федерации в бухтах Севастопольская, Южная, Карантинная, Казачья, Феодосийском торговом порту и на аэродромах «Кача» и «Гвардейское»	
7.	Передача Российской Стороной и обсуждение про-	Март-
	екта Соглашения между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины	Апрель
	о льготном таможенном режиме при ввозе на терри-	Июнь
	торию Украины материально-технических средств	Июль
	и товаров для Черноморского флота Российской	
	Федерации	Октябрь
8.	Передача Российской Стороной и обсуждение проекта Соглашения между Российской Федерацией и	Апрель
	Украиной об организации гарнизонной службы во- инских формирований Черноморского флота Рос-	Июнь
	сийской Федерации вне мест их постоянной дисло-кации на территории Украины	Октябрь
9.	Передача Российской Стороной и обсуждение проекта Соглашения между Российской Федерацией и	Апрель
	Украиной о порядке применения оружия военно-служащими Черноморского флота Российской Фе-	Июнь
	дерации, дислоцирующего на территории Украи-	Октябрь
	ны, вне мест базирования воинских формирований	
	Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины	
	пационно-гидрографическое обеспечение безопасно	сти мореплава-
ния в Черном и Азовском морях		
10.	Передача Российской Стороной проекта Соглаше-	Апрель
	ния между Российской Федерацией и Украиной по	
	вопросам навигационно-гидрографического обе-	
	спечения безопасности мореплавания в Черном и Азовском морях	
	1130beron mopan	

1	2	2	
1	2	3	
11.	Заседание Рабочей группы по вопросам навигаци-	Май-Июнь -	
	онно-гидрографического обеспечения безопасно-	Санкт-Петер-	
	сти мореплавания в Черном и Азовском морях	бург	
		Октябрь -	
		Украина	
12.	Обсуждение проекта Соглашения между Россий-	Июль	
	ской Федерацией и Украиной по вопросам навига-		
	ционно-гидрографического обеспечения безопас-		
	ности мореплавания в Черном и Азовском морях		
Rour	осы юрисдикции и правовых аспектов функциони	DODAIING DOWN	
	формирований Черноморского флота Российской	^	
	тории Украины черноморского флога госсийской итории Украины	Федерации на	
ГСРР	птории экраины		
13.	Заседание Рабочей группы по вопросам юрисдик-	Май-Июнь -	
	ции и правовым аспектам функционирования воин-	Москва	
	ских формирований Черноморского флота Россий-	Октябрь	
	ской Федерации на территории Украины	-Киев	
1.4	0.5	3.6	
14.	Обсуждение механизма регистрации военнослужа-	Март -	
	щих Черноморского флота Российской Федерации,	Севастополь	
	членов их семей и гражданского персонала в мигра-	Анран Май	
	ционных органах Украины	Апрель-Май	
		при необхо-	
		димости	
1 -	осы экологической безопасности и охраны окружают	цей природной	
сред	среды		
15.	Заседание Рабочей группы по вопросам экологиче-	Апрель -	
	ской безопасности и охраны окружающей природ-	Севастополь	
	ной среды	Октябрь -	
	1 ''	Севастополь	
1.6	05		
16.	Обсуждение хода выполнения основных меропри-	Июль -	
	ятий по вопросам экологической безопасности и	Севастополь	
	охраны окружающей природной среды		

1	2	3	
Росс рода ются	Вопросы реализации межправительственного Соглашения об участии Российской Федерации в развитии социально- экономической сферы города Севастополя и других населенных пунктов, в которых дислоцируются воинские формирования Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины		
17.	Обсуждение хода реализации межправительственного Соглашения об участии Российской Федерации в развитии социально-экономической сферы города Севастополя и других населенных пунктов, в которых дислоцируются воинские формирования Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины	Июнь - Севастополь	
18.	Обсуждение изменений в существующий порядок участия Российской Федерации в развитии социально-экономической сферы г. Севастополя и других населенных пунктов, в которых дислоцируются воинские формирования Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины	Июнь - Севастополь	
19.	Обсуждение инвестиционных проектов, направленных на развитие социально-экономической сферы Севастополя	Июнь - Севастополь	
Вопросы реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о взаимном признании прав и регулировании отношений собственности Черноморского флота Российской Федерации на жилищный фонд и объекты социально-бытового назначения в местах дислокации его воинских формирований на территории Украины от 16 марта 2000 года			
20.	Заседание Специальной рабочей группы по анализу результатов выполнения Соглашения между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о взаимном признании прав и регулировании отношений собственности Черноморского флота Российской Федерации на жилищный фонд и объекты социально-бытового назначе-	Июнь - Севастополь	

1	2	3
	ния в местах дислокации его воинских формирований на территории Украины от 16 марта 2000 года	
Подготовка и проведение Подкомиссии по вопросам функционирования Черноморского флота Российской Федерации и его пребывания на территории Украины Российско-Украинской межгосударственной комиссии		
21.	Встреча Послов по особым поручения МИД России и Украины по подготовке десятого заседания Подкомиссии но Черноморскому флоту	*
22.	Проведение десятого заседания Подкомиссии по Черноморскому флоту	Ноябрь - Москва

Примечание. По согласованию Сторон в данный План могут вноситься изменения и дополнения.

Посол по особым поручением

МИД России

25_{» февраля} А.Бавыкиі 2011 года

Посол по особым поручениям

МИД Украины

в.Семенов

Рабочие группы подкомиссий составлялись по профессиональному принципу из представителей заинтересованных министерств и ведомств с обязательным присутствием силовых структур. Уровень руководства — заместители министров и руководителей ведомств. То есть принцип формирования оставался таким же, как и при моем председательствовании в его первом составе.

Во время встречи с Григорием Борисовичем прозвучал такой вопрос: «Скажите, если можете, честно, если «Свобода» придет к власти, то флот выгонят из Севастополя?» – «Выгонят, – не задумываясь, ответил я. – Но вы же не уйдете?» – «Не уйдем. Уходить нам некуда! И, что же, вы думаете, нам делать?» Я вспомнил аналогичный разговор с В. Ющенко, когда не прошло еще и месяца после вступления его в должность президента Украины. Доложив о ситуации хода переговорного процесса в рамках существующей

подкомиссии, получил вопрос: «Как «убрать» ЧФ?» Ответил, что никак, Россия ни при каких условиях не уйдет из Севастополя. «Но ведь в 2017 заканчивается срок его пребывания на территории Украины?» - «Ну и что же? Россия заявляет, что уходить некуда. Другой базы нет или не достроена, а когда достроят неизвестно. И что? Договор закончился. Никакие правила поведения флота уже не действуют. Возвращаемся в девяностые. Что будет дальше, прогнозируемо». – «Так какой выход видите вы?» – «Виктор Андреевич, не мне вам объяснять – деньги. Чтобы нахождение ЧФ РФ было выгодно для Украины – переписать условия нахождения ЧФ на нашей территории, а фактически подготовить к подписанию новый договор по аренде, вернуться к расчетам 1995-1996 годов». - «Наверное, вы правы», - сказал Ющенко. Хотя в дальнейшем такую версию я от него ни разу так и не услышал. И уже в 2008 году он дал указание КМ Украины подготовить до 20 мая Закон о выведении ЧФ РФ с территории Украины в 2017 году. Но в суете его внутренних противоречий с Тимошенко это указание как бы забылось.

Разговор с Карасиным продолжился. «То есть вы предлагаете заключить, как вы говорите, настоящий экономический договор аренды. Но, это невозможно. Соглашение — это священная корова...» — сказал Карасин. Но задание подготовки проекта такого Соглашения получил мой визави Бавыкин, который присутствовал на встрече третьим. Правда, это произошло не сразу. Очевидно, согласие на подписание такого соглашения прошло не один этаж государственной власти России. Но об этом я узнал гораздо позже.

Уже после подписания Харьковских соглашений после очередного раунда переговоров в Севастополе по экологическим вопросам мы сидели во дворике Дома офицеров возле выхода из кафе, где продолжался фуршет по случаю окончания рабочей встречи делегаций. Говорили о жизни, о том о сем. «Саша, а напрасно подписали «Харьковские», они вызвали очередной виток противостояния нахождению вашего флота в Севастополе. Я же предлагал вам выход из положения, и ты это знаешь». В ответ услышал: «Не говори глупостей. Мне было поручено создать группу по подготовке нового

соглашения, и мы уже начали работать. Если тебе что-то не нравится в соглашении, обращайся к своим. Инициатором соглашений был Азаров».

По своим каналам я узнал, что обсуждение соглашения происходило практически в ночное время в Москве, куда после рабочего дня прилетала узко ограниченная высокопоставленная делегация Киева. Подготовка соглашения проходила в секретной обстановке. Теперь я понял, почему буквально за месяц до харьковской встречи в составе украинской части подкомиссии по флоту появился назначенный президентом еще один заместитель председателя подкомиссии, директор правового департамента МИД Украины В. Пузырко. Высчиталя и остальных переговорщиков. А события в Харькове развивались так.

В полночь за сутки до подписания соглашения у меня дома раздался телефонный звонок. Первая приемная. «Виктор Михайлович, только что звонил Константин Иванович, вы включены в состав официальной делегации на переговорах с президентом России Медведевым и уже сегодня должны выехать в Харьков». - «Каким образом?» – «Приходите утром на работу. Выедете с МИД. Вам будет предоставлен транспорт». Выехали с МИД уже после обеда, я и три человека вспомогательного персонала. Уже в полночь подъехали к зданию Харьковской областной госадминистрации, потом в какую-то гостиницу. Запомнился номер, в котором меня поселили – число дьявола – 666. Ранним утром в номере меня разбудил звонок. Директор первого территориального департамента нашего МИД Мирослава: «Виктор Михайлович, сколько вас можно ждать, уже все в самолете. А вы где?» - «Мирослава, я уже в Харькове». -«Тогда через час выдвигайтесь в администрацию». Но зачем я здесь, мне никто не объяснил. Хотя было ясно, что где-то речь должна пойти о флоте.

Нашел комнату для официальной делегации Украины. Сидел, попивал кофе. В комнату зашел, очевидно, кто-то из организаторов. Спросил: «Вы Семенов?» – «Семенов». – «Спуститесь, пожалуйста,

на первый этаж, там вас ожидает человек из МИД России». – «Кто?» – «Он сказал, что вы его знаете».

Ожидавшим оказался директор департамента российского МИД В. Сорокин, с которым мы были знакомы еще с 1992 года, когда он, будучи помощником посла по особым поручениям Дубинина, часто приезжал в Севастополь. «Привет, пошли, тебе надо посмотреть один документ». Поднялись на шестой этаж противоположной части здания. Там вовсю кипела работа. «Виктор Александрович, факс «глючит». Ко мне: «Посиди немножко, отдохни». Из окошка был виден университет, который я окончил. Долго сидеть не пришлось. Подошел Виктор, протянул лист. Это был текст Харьковских соглашений по флоту. Все прояснилось. К нему: «Витя, это какая-то беллетристика, будут проблемы». — «Читай, посмотри грамматические ошибки, стилистику и все. Тебя же не заставляют визировать». Потом вздохнул: «Все-таки было правильным решение не привлекать тебя к переговорам».

Сами соглашения состояли из нескольких пунктов. Срок пребывания ЧФ РФ продлевался до 2048 года. С 2017 года оплата оставалась почти что прежней — 100 млн. доларов США за год, правда, живыми деньгами. Главное, в чем была заинтересована украинская сторона — преференции по оплате за газ, снижение его цены на 30 процентов, но не более чем на 100 долларов США за 1000 кубических метров. Опять все эфемерно. По существу, «правила» аренды как таковой не просматривалось.

Вернулся в комнату украинской делегации. Вошел заместитель руководителя протокола президента Януковича Роман Романович. Его знал по работе еще в протоколе у Кучмы. Извиняющимся тоном: «Виктор Михайлович, простите, но как вы здесь оказались?» – «Прибыл по распоряжению своего министра Грищенко». – «Виктор Михайлович, я с глубоким уважением к вам отношусь, но, к сожалению, не могу включить вас в число присутствующих на заседании. Нет, нет, здесь вы можете находиться». С одной стороны, это было и хорошо. Быть причастным к документам, в подготовке которых я никакого участия не принимал, мне совсем не хотелось. Пошел

«бродить» по зданию. Столкнулся с главкомом ВМФ РФ Высоцким. Он оказался «товарищем по несчастью». Ему было приказано явиться к самолету, но его фамилии в официальном списке делегации не оказалось. Сидели на подоконнике окна первого этажа невдалеке от выхода из зала, где проходило заседание.

Сначала вышли два президента и направились в комнату для переговоров тет-а-тет в противоположную часть коридора. Затем «потянулись» делегации. Сначала наша. Прошли, кивнув головами. Затем российская. Несколько впереди нее шел глава администрации президента С. Нарышкин. Увидев меня, вскрикнул: «Витя, куда ты пропал?» Подошел к нему. «Мне говорили, что ты в МИД. Бываешь же в Москве? Взял бы и зашел». Улыбнулся: «А ты примешь?» -«Не говори глупостей. День в день, конечно, нет. Позвони за пару». Рядом стоял А. Фурсенко. Это были люди, с которыми я на протяжении почти шести лет плотно общался в Санкт-Петербурге во время своей заграничной командировки. Нарышкин отвечал за международные экономические связи в Ленинградском областном правительстве. Фурсенко же я знал по консульской работе. После отъезда из Санкт-Петербурга больше я с ними не встречался. Увидев нашу теплую встречу, члены нашей делегации притормозили и «удостоили» меня своим рукопожатием. Что еще можно вспомнить, что в рабочем протоколе личной встречи президентов было зафиксировано намерение двух государств о строительстве моста, соединяющего Крым с Кубанью.

А вообще, если говорить откровенно, то следует отметить, что Харьковские соглашения были подписаны с грубым нарушением украинского законодательства, так как официально в установленной форме не было получено согласование от соответствующих министерств и ведомств. Как в дальнейшем пришлось «отбиваться» МИД от многочисленных депутатских запросов — отдельная история. Но соглашения не смягчили ситуацию по нахождению ЧФ на территории Украины. Об этом свидетельствовал и ход переговорного процесса. Стороны продолжали работу над устранением противоречий Соглашения по статусу и условиям пребывания Черноморского

флота на территории Украины. Верхушка государства в лице президента Януковича и премьера Азарова, «порешав» свои вопросы, абсолютно не вмешивалась в ход переговорного процесса. А ситуация в нем резко обострилась. Украина, что вообще-то было естественно, пыталась осуществлять контроль над функционированием ЧФ абсолютно во всем. Дело доходило даже иногда до того, что украинская сторона требовала в одном из проектов соглашения «по перемещению» согласования с Киевом на выход каждого военнослужащего за пределы военного городка. Категорично она стояла и на невозможности замены устаревшего вооружения, корабельного состава, авиации. Удалось даже запретить переход в состав ЧФ дизельной подводной лодки с Северного флота, договоренность о переходе которой была согласована самими президентами. Флот облагался налогами, некоторые из которых были некорректными. Получалось, что к 2017 году, а тем более к 2042 году «выводить» уже было бы нечего. Это был бы уже не флот, а металлолом. Все это, безусловно, раздражало Россию. В любом случае становилось ясно, что рано или поздно, считая Соглашения не отвечающими ни ее политическим, ни ее экономическим интересам и угрожающими ее национальной безопасности, Украина в конце концов примет решение о выводе ЧФ РФ со своей территории. А этого Россия допустить не могла. Честно говоря, ее положение приближалось к тупиковому. Не знаю, как бы пыталась Россия выйти из этой ситуации, если бы не события на Майдане в декабре 2013 года – начале 2014 годов, когда под предлогом защиты русского населения с учетом «мнения» всего Крыма и Севастополя, но вопреки всем нормам международного права, договоренностям между Украиной и Россией, в конце концов, Конституции Украины, при полном бездействии новой украинской власти был оккупирован полуостров. Уверен, что севастопольцев и крымчан гнала на площади и впоследствии на референдум не платоническая любовь к России (ведь и в Украине им жилось не так уж плохо), а обыкновенный страх за свое будущее, навеянный ужастиками самого украинского телевидения, сдобренными смачными комментариями российской прессы. «Пужалки» «Правым

сектором», кадры с беспределом Александра Музычко (Саши Белого) и отдельных радикальных националистов, «говорили» о возможности «геноцида» крымского населения. Подобный страх испытывали и депутаты Севастопольского Горсовета и депутаты АРК, проголосовавшие за проведение референдума, даже понимая, что их сладкая жизнь под крышей Партии регионов подходит к концу. Дальше все было делом техники. Операция силовых структур России по аннексии Севастополя и Крыма прошла успешно. Тем более что наметки ее сохранились еще с 1993 года. Главное в этой акции сохранение военно-морской базы в Севастополе. Аналогичные события развиваются и в Сирии, где Россия борется не за защиту сирийского народа, а за сохранение за собой пункта материально-технического обеспечения «Тартус» и авиабазы «Хмейним».

Будучи на сто процентов уверенным, что Россия не может не воспользоваться ситуацией с революционной сменой власти в Украине, и у нее появляется возможность даже не малой кровью, а бескровно решить вопрос возможности дальнейшего нахождения своей военно-морской базы на Черном море в Севастополе и в Крыму, в первый день министерства А. Дещицы, поймал его на выходе из МИД, когда он направлялся на заседание кабинета министров. Дещица до назначения его на Майдане министром иностранных дел был моим коллегой, послом по особым поручениям. Занимался он приднестровским конфликтом. Мы были хорошо знакомы. Он был значительно младше меня, и я обращался к нему на «ты», а он называл меня по имени отчеству. «Андрей, объясни Турчинову и Яценюку, что надо срочно дать России ноту, что новая украинская власть со своей стороны гарантирует выполнение всех принятых ранее договоренностей, включая, прошу подчеркнуть, широкомасштабный договор о дружбе и сотрудничестве между Украиной и Россией и соглашения по ЧФ». Эту просьбу я просил передать в течение нескольких дней, пока не понял, что она не устраивает новых руководителей государства. Как и осталось без внимания мое предложение обратиться к российской стороне в месячный срок созвать комиссию по разрешению конфликта, что было предусмотрено статьей широкомасштабного договора. Не уверен, что такая реакция украинской власти на ситуацию в Крыму, могла бы остановить Путина, но попытка, как говорится, не пытка. Международная политика очень тонкое искусство. К сожалению, чувство анализа международной ситуации новой власти не дано было природой. С такими людьми я и раньше сталкивался в МИД. Так, заместитель директора первого территориального департамента (Россия, страны СНГ) «добившийся» должности антироссийскими заявлениями — «я поставлю Россию на колени», всячески препятствующий подписанию соглашений (даже если они были в интересах Украины) по Черноморскому флоту, теперь после крымских событий ходил по МИД потерянный. Но гораздо хуже было то, что растерянной выглядела вся власть.

В самом начале севастопольских событий у меня в кабинете появился мой старый знакомый А. Белов. Сказал, что сейчас он работает помощником у исполняющего обязанности президента Турчинова. Турчинов просил посоветоваться со мной по мероприятиям, которые, на мой взгляд, надо провести в Севастополе. За неимением времени просил изложить предложения в письменном виде от руки. Написал, что экстренно первым делом надо сменить власть, кого, по моему мнению, назначить главой администрации, руководителем службы безопасности, начальником милиции. В устном виде передал рекомендации по председателю ВС АРК В. Константинову, которого хорошо знал. Но новая власть не могла своевременно самостоятельно принимать решения. Пока думали и решали, всех руководителей Севастополя уже назначила толпа. Откуда-то узнавший о моей служебной Турчинову, первый заместитель иностранных дел Р. Демченко съязвил: «Вы теперь большой человек – увольняете, назначаете губернаторов, руководителей силовых органов. Что я теперь при принятии решений (он вел в МИД Россию) должен советоваться с вами?» Я ответил, что то, что касается крымских событий, должен. Поводом для случившегося стал приказ Дещицы о сформировании рабочей группы по ситуации в Крыму и Севастополе под моим руководством, где я имел широкие полномочия.

Думаю, ни Турчинов, ни Яценюк самостоятельно судьбоносных решений принимать не могли, без совета со стороны США. Это я понял в день занятия «зелеными человечками» Верховного Совета АРК. День в МИД ушел на выяснение в официальных кругах России вопроса имеют ли «человечки» отношение к РФ. К вечеру был получен ответ: «Не имеют никакого». Интересно, что об этом я узнал из первых уст, так как «парламентарием» по передаче ноты с подобным вопросом в российский МИД был мой сын, в то время первый секретарь посольства Украины в Москве.

Собрались в кабинете министра. Нас было четверо — А. Дещица, его заместитель Д. Лубкивский, руководитель аппарата А. Заец и я. Дещица обратился ко мне: «Ваши предложения». — «Поскольку Россия не имеет к «человечкам» никакого отношения, их надо «мочить». Дещица набрал Яценюка. «Арсений, у МИД есть предложение силового решения вопроса». — «Хорошо, созвонимся».

Жизнь столкнула меня с Яценюком по совместной работе после того, как он был назначен министром иностранных дел. Что мне было известно о нем? Яценюк по протекции С. Тигипко («тайн крымского двора» для меня никогда не существовало) был назначен министром экономики в правительство АРК. Не проработав год, он стал исполняющим обязанности министра, так как председателем правительства стал С. Куницин, которому предстояло сформировать его новый состав. Далее пишу с его слов. «Сижу, знакомлюсь с делами предыдущих министров. И тут один за другим звонки из Киева — оставить Яценюка. После двух или трех звонков не выдержал, вызвал Яценюка и сказал ему, что если поступит еще хоть один звонок с ходатайством о его переназначении, то он может паковать свои вещи».

Восхождение на политический Олимп продолжилось уже в Киеве. Уже став министром иностранных дел, он все равно оставался популистом до мозга костей. Обычно министр иностранных дел обедает в спецкомнате. Существует и совсем небольшое помещение на несколько столиков, где обедает «керівний склад» (руководящий

состав). Каково было удивление «мидовцев», когда сразу же после представления его в качестве министра, Яценюк решил пообедать вместе с руководящим составом. МИД готов был носить его на руках после того, как он в качестве министра полетел в первую свою загранкомандировку не чартером или бизнес классом, а в обычном эконом классе. Всем такая простота министра нравилась. Я же говорил, что это пыль в глаза, и скоро все это пройдет. Так и оказалось. После нескольких наших совместных обедов, они прекратились. А распоряжение о полетах в экономклассе было оставлено только для тех полетов, длительность которых, не помню точно, не превышала часа или двух.

В переговорном процессе между двумя государствами ошибки должны быть исключены. Министр должен быть «в материале» по каждому из политических вопросов, которые находятся в ведении министерства. Для этого необходимо время и, по крайней мере, желание разобраться в них по существу. Одним из наиболее сложных и болезненных для МИД был переговорный процесс по базированию ЧФ на территории Украины. Ведь это вопрос национальной безопасности Украины. И каждый новый министр, приходящий на этот пост и даже лично президент Ющенко считал не зазорным подробно вникнуть в состояние переговорного процесса. Но это было не для Яценюка. Он считал, что для него нет вопросов международной политики, и был безапелляционен.

В Севастополе состоялось очередное заседание подкомиссии по ЧФ. После его окончания журналисты, корреспонденты различных интернет изданий попросили меня и моего российского визави Бавыкина провести пресс-конференцию по итогам переговоров. В процессе переговоров я был исключительно в рамках директив, утвержденных президентом. Директивы были подготовлены на основании ЦТ (цілком таємного), совершенно секретного Указа №202, подписанного президентом и введенного в действие решением СНБОУ. Над подготовкой этого Указа я работал с директором департамента СНБОУ К. Кононенко, поэтому знал все позиции Указа, как таблицу умножения. Вопросы, задаваемые во время пресс-конференции,

были довольно «острыми», СМИ интересовали подробности. Одной из наиболее сложных тем переговорного процесса была подготовка соглашения «О взаимодействии сторон по вопросам предупреждения чрезвычайных ситуаций, связанных с деятельностью военных формирований ЧФ РФ на территории Украины и ликвидация их последствий». В чем заключался для украинской стороны смысл этого соглашения? Серьезной угрозой для национальной безопасности Украины была возможность втягивания в военный конфликт Украины в случае возникновения конфликта (военного) России с третьей стороной. Поэтому наша позиция была, что в случае намерения России войти в военный конфликт, нас надо поставить в известность за три дня, и при этом вывести ЧФ в нейтральные воды. На пресс-конференции я сказал, что этим соглашением Украина хочет исключить возможность того, что в результате военного конфликта России бомбы падали бы на Севастополь. Было еще много вопросов и моих ответов по существу, которые из-за некомпетентности министра были для него новостью. Конечно, вечером интернет был забит - «Семенов сказал, Семенов сказал...» И задающая и отвечающая стороны были удовлетворены результатом пресс-конференции.

Неудовлетворенным остался только Яценюк. Рано утром раздался от него звонок на мобильный телефон. Раздраженным тоном: «Виктор Михайлович, какая у вас должность?» — «Посол по особым поручениям». — «А я подумал, что вы министр». Вот и весь разговор. Повторюсь, Указом и директивами обозначалось, что официальную позицию Украины по флоту имеют право излагать буквально несколько человек, в числе которых был и я.

Когда я вернулся в Киев, меня ознакомили с приказом министра о создании специальной комиссии «По вопросам к выступлениям в СМИ посла по особым поручения Семенова В.М.». Срок работы комиссии — один месяц. В состав комиссии были включены заслуженные дипломаты, правда, пенсионного возраста, что фактически являлось средством давления на них. Через месяц у меня в кабинете появился В. Кирик и предложил ознакомиться с выводами комиссии, высказать свое мнение: «согласен» или «не согласен» и расписаться.

Члены комиссии оказались принципиальными и порядочными людьми. Прочитав служебную записку, я сказал: «Виктор Андреевич, так это же прямо представление на мое награждение». Высказывать свое мнение по содержанию «служебной» и расписываться посчитал некорректным с моей стороны... Буквально через полчаса мне принесли «служебку». На ней стояла резолюция Яценюка — «Згоден» (согласен). Резолюция свидетельствовала о признании им своей неправоты. Такие случаи возникали иногда у меня и с другими министрами. Но конец был другой. Так, к примеру, у меня и с В. Огрызко, бывало, возникали расхождения по некоторым вопросам, и не всегда они заканчивались в мягкой форме. Но когда, а такие случаи тоже бывали, он понимал, что был неправ, приглашал к себе в кабинет не через секретаря, а звонил сам: «Виктор Михайлович, зайдите». От этого уважение к нему только повышалось.

Звонок от Яценюка раздался утром: «Нет». Как я предположил, ночь ушла у Яценюка на выяснение мнения госдепа. Вероятно, Штаты остерегались военного конфликта и всячески старались его избежать. При этом более реальным и вероятным, на мой взгляд, было то, что полностью владея ситуацией на полуострове, США решили дать возможность России заглотнуть наживку в виде Крыма, который для нее был безразличен, как и территориальная целостность Украины. Главное для них было «разобраться» с Россией. Ударить по ней экономическими санкциями, попытаться превратить в политического изгоя. Ведь США всегда считали Россию своим противником на мировой арене. По-моему, Россия, как государство, проиграла «шахматную партию». Выиграв «качество» она получили проигрышную позицию. А выиграли США и лично президент Путин, уже вошедший в российскую историю как «собиратель земель русских» и возродивший в народе идею Великого государства.

На мой взгляд, беспомощное поведение новых украинских руководителей в крымских событиях позволило России оккупировать полуостров бескровно, что является козырной картой Путина о «свободном волеизъявлению людей». Думаю, что в случае военного сопротивления со стороны Украины на открытый вооруженный

конфликт Россия не пошла бы, что в дальнейшем предотвратило бы развитие ситуации на Донбассе. Правда, мне говорили тогда, что то, что я заявляю — цинично, возможны потери. А впоследствии потерять тысячи наших граждан разве не цинично?

Моя рабочая группа просуществовала несколько дней. Несмотря на полномочия, принятие какого-либо решения в кризисных случаях превращалась в нервотрепку «мидовского» принципа – множества согласований. Стал «барахлить» даже стимулятор, который мне поставили на сердце год назад. Зашел к Дещице: «Отпусти. Дай еще пожить». Тот дал команду – из отдела кадров принести приказ. Написал: «На згадку», что по-русски будет: «На память». Ко многому, что происходило в стране, у меня появлялись вопросы. В июне написал заявление об увольнении. Вместе со мной ушли с работы еще несколько пенсионеров. Молодому поколению «мидовцев» -«the best», как их называет теперешний министр Климкин, советы ветеранов оказались не нужны. Вся работа «the best» ограничивается направлением устрашающих нот России, которые там давно уже не воспринимаются всерьез, чтобы разжалобить наших западных коллег с целью ужесточения санкций по отношению к ней. Хотя каждому ясно, что санкции к России это не выполнение просьб украинских дипломатов, а целенаправленная политика США и Евросоюза, которые адекватно оценивают агрессию России по отношению к Украине.

Вернемся в 1997 год. Казалось бы, в связи с подписанием соглашений можно вплотную заняться реализацией идей развития города. Но тут, будто гром с ясного неба, президентами принято решение, что в рамках Смешанной украино-российской комиссии по сотрудничеству образуется специальная подкомиссия по ЧФ и возглавить ее украинскую часть должен был я. Фактически по статусу я был приравнен к министрам, возглавлявшим другие направления комиссии — Кузьмуку, Тарасюку. Состав украинской части подкомиссии был более чем солидный. Моими заместителями стали заместитель министра иностранных дел К. Грищенко и командующий

ВМСУ в статусе заместителя министра обороны М. Ежель. В состав подкомиссии входили заместители министров экономики, финансов, внутренних дел, заместитель председателя СБУ, заместитель генерального прокурора (по согласию), первый заместитель председателя фонда госимущества, заместители других министерств и ведомств. Всего двадцать семь человек. Был создан и секретариат подкомиссии, который возглавил заместитель руководителя отдела межгосударственных отношений КМ с РФ С. Кузьменко. Вообще, должности председателя подкомиссии больше соответствовал статус вице-премьера КМ. Но, очевидно, для переговорного процесса играют роли и другие факторы, как то полное нахождение в теме и уважительное отношение переговаривающей стороны. Очевидно, это и были те принципы, которыми руководствовался президент.

Встретился со своим визави с российской стороны главнокомандующим военно-морским флотом России В.И. Куроедовым. Согласился с Владимиром Ивановичем, что соглашения, которые мы будем готовить к подписанию, должны быть в форме военного статута. Ведь военные живут по уставу, говорил он. Обменялись названиями соглашений, которые считали первоочередными для каждой стороны. В первом приближении их насчитали сорок семь.

Ежемесячно проводил заседания украинской части подкомиссии. Подготовка к первому заседанию требовала серьезной проработки и, соответственно, занимала большое количество сил и времени. Решения подкомиссии оформлялись в виде служебной записки на премьера, в которой давались поручения министерствам и ведомствам. На служебной записке появлялась виза премьера: «К исполнению». Ни разу не был скорректирован ни один пункт. Доверие было полное. Работы было невпроворот. Российская сторона засыпала предложениями, торопила с определением даты совместного заседания. Стал жить на два дома — один в Севастополе, другой в Киеве в гостинице «Национальная». В выигрыше оставалась только жена, которую я часто брал с собой для общения с учившимися в Киеве детьми. Времени хронически не хватало. Да и ответственность было сумасшедшая. Но постоянное пребывание в Киеве давало

определенные преференции. Ведь теперь в министерствах и ведомствах я был не просителем, а коллегой. Так, благодаря частому общению с тогдашним министром финансов И. Митюковым и другими ключевыми министрами, постоянному контакту с депутатским корпусом, для которых было хлебом не корми «поковыряться» в проблемах ЧФ, удалось получить для Севастополя нормальный по тем меркам бюджет на 1998 год. Несколько спасало, пожалуй, только то, что назначенный по протеже премьер-министра мой первый заместитель успешно справлялся с новыми для себя обязанностями.

Не учел я одного. Говорят, есть правило — выигравший настоящие выборы, уже на следующий день должен готовится к будущим. Такого, честно говоря, мне и в голову не приходило. Конституция Украины не предусматривала совмещения должностей председателя Горсовета и главы государственной администрации. Свой выбор я уже сделал. Противоречий в отношениях с президентом у меня не было. Оппозиция Горсовета в лице коммунистов была малочисленной, что позволяло мне принимать нужные решения. У них даже не хватало голосов, чтобы включить в повестку дня заседания сессии вопрос о моем отзыве с должности председателя Горсовета, которые я в силу вступления Конституции Украины 1995 года, по их мнению, занимал незаконно. Мне и в голову не приходило, что коммунисты могут взять реванш за проигрыш в предыдущих выборах. Все у меня складывалось удачно, и я потерял бдительность.

В Украине приближались выборы в Верховную Раду и местные Советы. Правильней было бы бросить все и заняться агитационной компанией, чтобы на выборах не получить оппозиционный городской Совет, и в него «прошли» бы поддерживающие меня люди. «Вести» выборы в ВР поручил моему заместителю В. Борисову, пусть оправдывает доверие Пустовойтенко. Мелькнула мысль и «местные» замкнуть на Валентина, но внутренне меня останавливало то, что он был ставленником премьера, а тот все-таки продолжал гнуть линию на замену меня человеком полностью ему подконтрольным. Так, президент несколько раз переносил при моем приезде время

встречи, предлагая подождать и пообедать у него в спецкомнате. Несколько раз разговаривал с официанткой просто о жизни. И однажды услышал, что для президента стало чуть ли не правилом обедать с премьером, от которого она однажды услышала: «Леонид Данилович, надо менять Семенова в Севастополе. Он там пересидел».

К выборам отнесся спустя рукава. Полностью переложил все на возглавлявшего в 1994 году мой предвыборный штаб И.И. Куликова. Согласовал ему «наш» список депутатов. Он казался мне солидным и проходным. Но не учел я, во-первых, то, что Иван Иванович не был полностью доволен преференциями, которые он получил в результате моего избрания. И второе, и главное — в прошлый раз я давал ему деньги на кампанию. Сейчас — нет. Хотя, честно говоря, найти их в городе мне не представляло большого труда. Не стоило и забывать, что в душе Куликов оставался коммунистом. Должность заведующего орготделом горкома партии, которую он занимал при советской власти, давала о себе знать.

23-24 апреля в Киеве должно было состояться первое совместное заседание подкомиссии по ЧФ. Почти все время проводил в Киеве, готовясь к нему. Прилетел накануне дня выборов домой. Встретился с Куликовым. Тот обнадежил с планируемым депутатством. Помню, еще пошутил: «Иван, так нельзя, «запусти» хоть пятерку коммунистов».

«Запустил». Утром на следующий день после выборов Куликов принес мне предварительные данные по результатам голосования. Подо мной закачалось кресло и в прямом и переносном смысле. 57 мест из 75 — коммунисты. По Конституции Украины если одна вторая депутатского корпуса высказывает недоверие главе администрации, решение об увольнении принадлежит президенту, а если две трети, то выбора у президента нет, он должен уволить главу администрации. Дополнительным «подарком» для меня стало и избрание в депутаты ВР Украины по одному из двух одномандатных округов С. Шурыги—Кондратевского, который находился в КПЗ, ожидая суда. Стало ясно, что дни мои в Севастополе сочтены.

Уже возвратившись из заграничной командировки, стал бывать в Севастополе и несколько раз оказывался за одним столом с лидером севастопольских коммунистов В. Пархоменко, сменившему меня в 1998 году на должности председателя Горсовета. Чисто человеческие отношения у нас продолжали оставаться чисто человеческими. И каждый раз он предлагал за меня тост: «За человека, которого мы, коммунисты, вывели на большую дорогу». Говорил без ехидства. «Поверь, если бы мы тогда тебя не вытолкали из города, то и сейчас прозябал бы здесь, а так мы тебе дали возможность расти, совершенствоваться, стать большим человеком». Большим человеком я не стал, но судьбе своей благодарен.

А выиграли коммунисты выборы довольно просто, затронув главную болевую струнку города — Советский Союз. По опросу, проведенному в городе в 1994 году, на вопрос севастопольцам: «В какой стране вы хотели бы жить?», результат был ожидаемым. 90% — в СССР, 8% — в России, 2% — в Украине. Севастопольцы в душе своей были истинно советскими людьми. И когда за неделю до выборов в город прилетел лидер российских коммунистов Г. Зюганов, который провел огромное количество встреч с избирателями — севастопольцы сделали свой выбор. Почему? Потому что все свои выступления он заканчивал словами: «Нам не нужны самостоятельные государства Россия и Украина. Голосуйте за коммунистов, и они придут к власти в Украине, а мы, российские коммунисты, придем к власти в России и сообща восстановим Советский Союз».

Но надо было забыть про неприятности и возвращаться в Киев. Там в конференц-зале гостиницы «Киев» состоялось первое заседание подкомиссии по ЧФ. Из Севастополя на самолете Ту-134 командующего ЧФ для участия в заседании прибыли В. Кравченко и М. Ежель. Прихватили с собой и своих жен. С ними прилетела и моя жена. Она всегда использовала любую возможность навестить детей.

Заседание прошло по-деловому и закончилось 24 апреля часов в одиннадцать подписанием итогового протокола. Принял предложение Кравченко вернуться в Севастополь его бортом. Договорились,

что я доложу президенту о результатах заседания, потом заеду за женой в гостиницу. Ставь вылет на 14.00, предложил я Кравченко.

В кабинете президента разговор быстро перешел в другое русло. «Ты лучше скажи, что мне с тобой делать? «Служба» доложила, что состоялось заседание бюро севастопольского горкома партии с приглашением на него депутатов коммунистов. Отработана повестка первого заседания депутатов нового созыва. И там есть пункт выражения тебе недоверия, как главе администрации. И я вот этой ручкой должен подписать приказ об освобождении тебя от должности. Ты этого не заслуживаешь. Кстати, ты давно смотрел на себя в зеркало, что у тебя за вид? Тебе явно надо отдохнуть. А сейчас скажи, кем ты видишь себя в Киеве? Впрочем, ты же хотел стать дипломатом».

Леонид Данилович, очевидно, вспомнил один эпизод. Пустовойтенко никак не мог смириться с тем, что главы облгосадминистраций, Киевской и Севастопольской городских администраций решают вопросы напрямую с президентом, обходя его личность. И все пытался увеличить состав Совета регионов за счет включения в него и глав райгосадминистраций. Ожидал, что в таком случае президент «перекинет» подчиненность Совета регионов на него. Одним из таких шагов было проведение в Киеве расширенного заседания Совета регионов с приглашением глав госадминистраций всех уровней.

Получил в администрации президента предложение выступить с резкой критикой Мороза. Как раз в то время у меня был «зуб» на него. Нельзя же быть таким хамелеоном. А именно таким он предстал на встрече с общественностью в зале театра имени Луначарского, куда мы пришли после совместного обеда. Во время обеда мы много говорили, какой должен быть Закон о Севастополе, предусмотренный Конституцией Украины. Причем в разговоре о выборности главы города Мороз склонялся к ситуации, что в настоящее время надо сохранить структуру Совет – госадминистрация, с назначением ее главы из Киева. Но когда ему этот вопрос поступил из зала, четко заявил, что он сторонник выборности, чем сорвал аплодисменты.

Чувствовалось, что моим выступлением президент был доволен. Во время выступления он несколько раз прерывал меня своими

вопросами. И после одного из моих ответов сказал: «Ну, так ты, Виктор, готовый дипломат. Тебе надо переходить на работу в МИД». – «Я согласен, Леонид Данилович. Когда писать заявление? Могу написать прямо здесь». Зал грохнул от смеха.

«Честно говоря, Леонид Данилович, я раздваиваюсь. Хочется и в МИД и в СНБОУ. А кем я буду в СНБОУ?» — «Пойдешь заместителем к Владимиру Павловичу». С одной стороны, это прельщало, с другой, СНБОУ — это один Горбулин, а все остальные, включая заместителей, всего лишь исполнители. «Нет, Леонид Данилович, раз вы сказали дипломат, значит, дипломат». — «Вот и хорошо. Я тебя на годик отправлю послом в какую-нибудь страну. Там отдохнешь, и верну тебя в Киев».

Великий Новгород, 1999 год. Президент с группой сопровождающих лиц совершал визит в город, где, как выяснилось, похоронен умерший от ран в госпитале во время боев Великой Отечественной старший сержант Д. Кучма. По протоколу обеспечивать визит с украинской стороны должен был я. Великий Новгород вместе с областью входил в курируемый мною регион северо-запада России.

Визит прошел успешно. Сопровождающие лица зашли с заднего трапа в самолет. У переднего остались «высокопоставленные» сопровождающие россияне и я. Президент пожал им руки и направился к трапу.

- Леонид Данилович, а попрощаться со мной?
- A ты, что разве не летишь? Помнишь, мы договаривались, что я тебя отправлю на годик, а потом верну в Киев. Полетели.

Я растерялся:

- Леонид Данилович, у меня и паспорта нет, я его не взял.
- А ты что боишься, что тебя без паспорта с президентом в Украину не пустят? – и уже смеясь. – Полетели.
 - Леонид Данилович, а как же Света?

И тогда президент уже серьезно:

- Ладно, не «трынди». Нравится тебе здесь?
- Нравится.
- Ладно, ты в жизни много сделал хорошего. Сиди здесь, пока я президент.

Президент держал свое слово и дальше. В 2000 году ко мне в Санкт-Петербург прилетела группа депутатов, которые имели бизнес интересы в Севастополе. Где-то не найдя общего языка с главой администрации, они попросили Кучму вернуть меня. А такие случаи президент практиковал. Но президент сказал: «Я Виктору обещал его не трогать. Езжайте сами договаривайтесь. Если он согласиться, верну».

И еще раз преодолел искус возвращения во власть Севастополя в 2005 году, когда я уже работал в МИД. Мне позвонил мой хороший знакомый из Партии регионов: «Приезжай, поговорим». Партия регионов, готовясь к выборам 2006 году в Верховную Раду, набирала силу, а мой товарищ был не из «простых» и пользовался в ней авторитетом. «Хватит прозябать в МИД, мы решили вернуть тебя в Севастополь. Будешь председателем Горсовета». — «Нет, просто председателем я туда не вернусь». — «Но тогда депутатом ВС АРК». — «Ты что?!» — «Ну ты даешь! Табачнику и Иофе не «ты что», а тебе

«ты что»! Ладно, тогда пойдешь в Киевсовет». – «А вдруг «Регионы» в Киевсовет не пройдут?» – «Так что ты хочешь?» – «Давай в Раду». – «А что у тебя есть?» Показал на голову. «Ну, это есть у всех», – последовал ответ.

Быстро сообразил. Это неопределенность. Процесс назначения послов довольно длительная процедура. И мало что может за это время измениться. Но ответил: «Согласен, Леонид Данилович. Но, если можно, то я это время поработаю в МИД послом по особым поручениям, «обобьюсь», а дальше как вы сказали. Но жить мне только негде». – «Кто тебе сказал?» Снял трубку, обращаясь к Пустовойтенко: «Валерий, сейчас к тебе приедет Семенов, вручи ему ордер. Он идет работать в МИД». Дальше звонок Тарасюку: «Борис, с завтрашнего дня у тебя послом по особым поручениям работает Семенов. Знаешь такого?» И положил трубку, не дожидаясь ответа. Вопрос по мне, как я понял, был проработан так еще «до того».

Об отношениях с Тарасюком отдельная история. От полного неприятия друг друга в 1992 году до дружеских отношений вне работы, несмотря на апломб, появившийся у Бориса Ивановича в связи с назначением его первым заместителем министра. Летом 1995 года у меня раздался звонок. Борис Иванович. «Виктор Михайлович, у меня к вам необычная просьба. Меня освободили от должности и назначили послом в страны Бенилюкса. Честно говоря, сейчас мне никого не хочется видеть. Нет ли у вас такой возможности спрятать меня от людских глаз, чтобы я мог с женой недели две отдохнуть на море?» Решил его подбодрить и сказал, что это стажировка перед назначением его министром иностранных дел, а место в «глуши», как вы хотите, найдем. На восточном берегу Севастополя между Орловкой и Качей располагалась база отдыха аграриев – бывший Дом колхозника. Отдельно стоящие прямо на берегу прекрасного песчаного пляжа деревянные домики. Удобства, конечно, не ахти, но кормежка отличная

Я оказался прав, и Борис Иванович вернулся в Киев уже в должности министра, и по роду работы мне не раз приходилось с ним

встречаться. И в начале 1998 года Тарасюк при встрече как-то намекнул, что не пора ли подумать о работе за границей. Кстати, я уже тогда знал, что «мидовцы», особенно высокопоставленные – это «белая кость», особая каста чиновников. Что дипломат – это не профессия, а образ жизни, и что в МИД иерархия проявляется больше, чем в армии. Особенно котируется на верхних этажах власти должность министра иностранных дел. Но все равно не мог представить, что безапелляционный в указательной форме приказ президента сможет так изменить наши отношения с Тарасюком. Думаю, что именно он препятствовал, как мог, назначению меня послом в Россию. Хотя по большому счету он был прав. Я не был готов к этой должности. Сказывалось плохое знание английского и немецкого языков, но главное полное незнание украинского языка, которым обязательно надо владеть главному дипломату, представляющему Украину в любом государстве. Особенно эту неловкость я испытывал на встречах с украинской диаспорой уже при работе генконсулом в Санкт-Петербурге и других регионах северо-запада России. Выручало только то, что Севастополь был для большинства россиян неким символом, а я худо-бедно был значительное время его руководителем, причем выбранным демократическим способом. И еще, я думаю, Тарасюка сильно останавливало то, что я был севастопольцем. Они всегда считались инакомыслящими в Украине.

По договоренности с Борисом Ивановичем я должен был приступить к работе 15 мая. Сидел в приемной и ждал, когда он освободится. Честно говоря, так долго я не сидел даже в приемной президента. После почти что двухчасового ожидания оказалось, что министр был «вынужден» уехать, правда, выйдя не через приемную как обычно, а через запасной выход. Ко мне подошел начальник отдела кадров и сказал, что Тарасюк поручил ему переговорить со мной. Сразу начал «за упокой». Что делать, сейчас вакантной должности посла по особым поручениям нет, есть должность советника. Но, если я буду настаивать (невыполнение команды президента могло быть чревато последствиями), то одного из послов переведут в советники, а я займу его должность. Начинать с того, что переступить через чей-то

труп в организации, с которой я решил связать свою судьбу, не хотелось. Сказал, что у меня первый ранг госслужащего, которого в МИД никто не имеет, и поэтому мне все равно с какой должности уезжать за границу. Хотя должность посла по особым поручениям считалась в то время элитарной в МИД, их число не превышало и десяти. А при министре Грищенко в одно время сократилось до двух. Это сейчас должность посла по особым поручениям — место, куда после заграничной командировки отправляют высокопоставленных дипломатов. Причем их распределяют в департаменты по отделам с фактическим подчинением их начальникам.

Таким образом, Борис Иванович четко определил грань между нами, сразу показав, «кто есть кто». Тогда мне трудно было это понять, хотя, наверное, для МИД и это было естественным. Следует отметить, что отдельные «привилегии» за мной он сохранил. Почти не видел, чтобы Тарасюк с кем-то в МИД здоровался за руку. Со мной он позволял себе это делать.

Жизнь в МИД на первых порах протекала довольно скучно. Никаких особых поручений у меня не было. Пытался заняться работой, которая была мне по душе — подкомиссией по ЧФ, руководителем которой я оставался. Но натолкнулся на жесткое противостояние моего прямого начальника, министра. «Виктор Михайлович, вы сейчас работник МИД». Конечно, ситуация была парадоксальной. Я, будучи советником министра, как руководитель подкомиссии по ЧФ мог дать ему через премьер-министра поручение, которое было бы обязательным для выполнения. Но бывает и такое, когда и овцы оказываются целыми и волки сытыми. Борис Иванович нашел выход. Украина и Россия договорились на паритетных началах открыть генеральные консульства, Украина — в Санкт-Петербурге, Россия — в Харькове.

Открытие консульства — сложная процедура. Здесь надо быть не только дипломатом, но и обладать хорошими организаторскими способностями. Сфера деятельности генконсульства должна была распространяться на Северо-Западный федеральный округ России. В него входило одиннадцать субъектов федерации, среди которых

были и «эксклав» России — Калининградская область, и республики Карелия и Коми, и даже экзотический Ямало-Ненецкий автономный округ. На территории, сравнимой с территорией Украины, проживало десять процентов населения всей России, причем украинцев по национальности насчитывалось порядка трехсот тысяч человек.

Ко мне подошел заместитель министра иностранных дел Грищенко и сообщил, что Тарасюк хочет мне предложить должность генерального консула, правда, в несуществующем еще представительстве Украины за рубежом, но сомневается, соглашусь ли я. Я же без раздумья попросил передать Тарасюку, что я согласен. Во-первых, я устал без работы, а организовать работу генерального консульства с нуля и стать его первым руководителем это было уже что-то. Во-вторых, предстояло работать в регионе, где с большинством губернаторов у меня были хорошо отлаженные контакты, сложившиеся в результате подписания соглашений Севастополя с возглавляемыми ими регионами. И, наконец, жить предстояло в Санкт-Петербурге — в одной из культурных столиц Европы. Вообще, в то время работа дипломата в России считалась одной из сложных, но престижных.

Оставалось получить экзекватуру — согласие на мое назначение страны пребывания, то есть России. Никогда не думал, что здесь может возникнуть проблема, но прошел месяц другой, а положительного ответа не было. Как бы в утешение главный кадровик разъяснял мне, что надо пройти согласование с губернаторами и руководителями спецслужб всех одиннадцати регионов, и в этом заключается задержка. Позвонил своему хорошему знакомому губернатору Санкт-Петербурга В. Яковлеву. Услышал: «Что за вопрос! Конечно, я буду рад тебя видеть у нас, но о твоем назначении я ничего не слышал». Ясно стало, что дело кроется в чем-то другом. Стал «бомбардировать» звонками руководителя российского посольства Ю. Дубинина, кстати, уже находящегося в Киеве, но также не получившего согласия Украины — агремана, на его официальное назначение.

С послом по особым поручениям МИД России Дубининым с 1992 года мы неоднократно встречались в Севастополе, куда он приезжал как полномочный представитель президента России по вопросам

урегулирования статуса ЧФ. Помню «уроки» бывалого дипломата. Разговоры он старался вести, находясь возле громко работающего телевизора, говоря, что это уменьшает возможность «прослушки»... Но сейчас, даже если меня соединяли с ним, фактического разъяснения я не слышал. Все закончилось тем, что он «все время был занят». Зная мою проблему, мне как-то позвонил первый заместитель министра А. Чалый и сказал, что он пригласил Дубинина на определенный час зайти к нему и посоветовал просто ненароком встретить его у здания МИД. Так и сделал. Услышал раздраженный ответ: «Как только я получу от Украины агреман, вы сразу же получите свою экзекватуру». Что поделаешь. Это дипломатия. Право паритета. Но уехал я все равно раньше, чем он получил агреман. Будучи в администрации президента, зашел в кабинет заместителя главы администрации А. Разумкова. Он спросил у меня, как дела. А услышав, сразу же соединился по правительственной связи с заместителем главы ельцинской администрации Приходько. Тот курировал межгосударственные отношения.

В октябре 1998 года прибыли в Санкт-Петербург почти полным составом – я с двадцатью пятью тысячами долларов, взятых под отчет, консул, вице-консул и бухгалтер. Разместились в гостинице. Поставил себе и подчиненным задачу — максимум через месяц консульство должно начать полноценную работу. За это время было необходимо подыскать место, где будет размещаться консульство, функционально оборудовать его. За это же время необходимо решить вопрос по аренде квартир для сотрудников и членов их семей. Консульство должно было разместиться в месте, удобном для посещения, и желательно в центральной части города. Справились и с этой задачей. Сняли в аренду большую шестикомнатную квартиру на втором этаже на улице Большая Морская, в метрах ста от Невского. По душе было и название улицы, которое напоминало о Севастополе. И ровно через месяц консульство приняло первого посетителя.

Практически все генеральные консульства, а их было в Питере тридцать два, не считая нашего, располагались либо в особняках, либо в отдельных помещениях. Надо было решать вопрос с постоянной

пропиской консульства, ведь пришли мы сюда не на один день. Но денег на строительство отдельного здания у Украины не было. «Обещалки» закончились к концу второго года нашего пребывания в Петербурге, когда по моему предложению в МИД было принято решение, что я, используя личные связи, нахожу место для здания генерального консульства, инвестора, который вложит деньги в его строительство с условием передачи здания в долгосрочную аренду. Оказалось, что найти инвестора для меня намного легче, чем место для строительства. Несмотря на поручение губернатора В. Яковлева, председателю фонда коммунального имущества города Г. Грефу (сейчас президент «Сбербанка России») подыскать Украине что-нибудь достойное не получалось, тот «кормил меня завтраками»: «Ищем. Но пока ничего подходящего в центре нет». Его же предложения по окраине меня не устраивали. Как-то в одно из посещений фонда рассказал ему мою севастопольскую историю с генеральным прокурором Украины по поиску здания в центре Севастополя для городской прокуратуры. Смеялись оба. И хотя в данном случае Грефу остерегаться было нечего, дело сдвинулось с мертвой точки. Предложено было полуразрушенное здание детского садика в центре большого двора, окруженного жилыми домами на улице Бонч-Бруевича. Более «козырного» места вряд ли можно было найти. Совсем рядом располагался Смольный, где размещалось правительство Санкт-Петербурга и здание правительства Ленинградской области.

Но, как оказалось впоследствии, именно это и стало «камнем преткновения». Необходимую документацию для строительства получить не удавалось еще на стадии согласования. Яковлев же молчал. Опять же, уже позже, Владимир Анатольевич сказал мне, что препятствовала решению вопроса служба безопасности.

Вето снял возглавлявший в то время службу безопасности России Н. Патрушев. А дело было так. Он принял участие в международной конференции руководителей антитеррористических центров, проходившей в Санкт-Петербурге. Кроме «силовиков» стран СНГ были и представители западного мира, включая США. Нашу делегацию возглавлял первый заместитель руководителя службы безопасности

Ю.В. Землянский. Заключительный день конференции проходил в здании Зимнего дворца, где в фойе Эрмитажного театра должен был состояться заключительный фуршет.

Часов в 13 мне позвонил Юрий Владимирович и попросил подъехать к нему, поскольку покинуть зал заседаний он не мог, а для разрешения ситуации без моей помощи ему было не обойтись. Оказалось, что в этот день служба безопасности Украины отмечала очередную годовщину своего образования, и коллеги из стран СНГ стали настаивать на «продолжении банкета». «Выставляйся, Юрий Владимирович!»

У меня был знакомый украинец — хозяин одного из элитных питерских ресторанов с прекрасным, оформленным под старину, залом для VIP-клиентов. К 20 часам зал был готов к приему гостей. Первые из них стали появляться ближе к 21 часу. Большинство были «навеселе». Позже всех появился Патрушев. Землянский представил меня. И поскольку Патрушев, как и я, не принимал непосредственного участия в застолье, проговорили с ним не менее часа. Ближе к 23 часам, он, сославшись на то, что надо посетить маму, с которой он еще не успел встретиться, откланялся и уехал.

При прилете первых лиц нашего государства детально прорабатывалась программа их пребывания. Эта работа проходила в присутствии питерских «силовиков»; почти всегда присутствовал заместитель руководителя федеральной службы безопасности. В последствие он-то и раскрыл секрет «полишинеля». Для снятия запрета на строительство здания консульства вблизи административных зданий оказалось достаточным одной фразы Патрушева на следующий день после окончания конференции, а, следовательно, и после упомянутой встречи в ресторане — «Украинцы нормальные ребята».

А здание генерального консульства было сдано во время визита нашего президента в Санкт-Петербург, хотя еще за три месяца до его открытия посетивший Санкт-Петербург госсекретарь КМУ Яцуба, утверждал, что к сроку приезда Леонида Даниловича мы не успеем. Ленточку при официальном открытии перерезал вместе

с президентом. Получил похвалу за построенное здание, где не было ни одного квадратного метра нефункциональной площади.

Официальное открытие консульства.

Вы не представляете, какое чувство гордости охватывает тебя, когда, находясь в чужой стране, ты сидишь в кабинете, и рядом с тобой государственный флаг Украины, а здание консульства – частичка твоей Родины.

Количество визитов первых лиц государства в Петербург было сравнимо с их количеством в Москву.

Так, президент за время моей каденции был у нас четыре раза. А в день трехсотлетия города в помещении консульства президент вручил правительственные награды группе санкт-петербуржцев. Среди них деятели науки, образования, культуры: лауреат Нобелевской премии Ж. Алферов, ректор университета Л. Вербицкая, директор Эрмитажа М. Пиотровский, кинорежиссер В. Бортко, певица Л. Сенчина... Многие из них имели украинские «корни».

Вручение правительственных наград в консульстве.

Президент Украины с В. Черномырдиным в Петергофе.

Минимум один раз в год для участия в Санкт-Петербургском экономическом форуме приезжал премьер-министр Украины. И поскольку в Таврическом дворце размещалась Межпарламентская ассамблея стран СНГ, то два раза в год мы встречали спикеров нашей Верховной Рады. Постоянно прибывали в Питер депутаты ВР, работающие в комитетах Ассамблеи, представители министерств, ведомств, отдельных предприятий и просто известные люди с целью полюбоваться красотами Санкт-Петербурга. Откровенно говоря, для меня было «счастьем», если выпадала неделя, когда не надо было встречать или провожать гостей. Было и два события в жизни генконсульства, о которых считаю необходимым рассказать.

Первое – установка памятника Тарасу Шевченко. Оказалось, в складских помещениях Смольного находится нераспакованная скульптура Т. Шевченко, в чем я мог лично убедиться. Скульптуру изваял известный канадский скульптор Лео Мол, который и подарил ее первому губернатору города А. Собчаку. Анатолий Александрович считал правильным поставить памятник великому украинцу в городе, где он провел большую часть своей жизни, и который сформировал его в поэта и художника. Но Собчак был вынужден уехать из города, и об идее установления памятника в городе забыли. Эту историю рассказал мне заместитель председателя комитета по внешним экономическим связям Санкт-Петербурга В. Чуров, вечный заместитель руководителя этого комитета еще со времен, когда его возглавлял Путин. Созвонился с вице-премьером КМУ Жулинским, который поддержал идею, но сказал, что в Санкт-Петербурге уже существует инициативная группа по установлению памятника, и дал мне ее координаты. Казалось, дело за малым – постамент. Но денег на его изготовление не было. Инициативной группой был создан «Фонд по установлению памятника Т. Шевченко в Санкт-Петербурге», подразделения которого, как оказалось, существовали по всей западной Украине, причем уже не первый год. Но как было до меня доведено, нужную сумму на установку памятника они никак не могут насобирать. Мелькнула мысль, что это просто схема «зарабатывания» денег, что и подтвердилось в дальнейшем.

Я предложил свою помощь, зная, что в Украине есть «выходы» гранита в Кировоградской и Житомирской областях. И в Украине будут еще конкурировать за изготовление постамента. Но от схемы «зарабатывания» «карманных» денег инициаторы отказываться не собирались. Мне было разъяснено, что украинский гранит не подходит по климатическим условиям города. Это должен быть гранит из Финляндии. Мало того, с одной из фирм Хельсинки уже существует договоренность на изготовление постамента, и уже проведена предоплата. Но назвать реквизиты фирмы и ознакомить меня со сметой отказались. «Мы все сделаем своими силами». После этих событий на меня в Украине обрушился град обвинений в чем только можно, вплоть до того, что не имеет права быть генеральным консулом Украины человек, разговорным языком которого является русский. Но благо, что в Украине знали, что я из себя представляю.

С помощью посла Украины в Финляндии И. Подалева чуть ли не детективным способом была найдена фирма, и установлена сто-имость изготовления постамента. Дальше, как я уже писал, Львовский Горсовет оплатил его изготовление, а мэрия Санкт-Петербурга, уплатив таможенные пошлины, своим транспортом доставила постамент в город.

Памятник был установлен в одном из просторных центральных скверов города. На его открытие прибыли президенты Украины и России — Кучма и Путин. А накануне открытия памятника по телеканалу «Санкт-Петербург» и нескольким центральным телеканалам был показан тридцатиминутный документальный фильм «Шевченко. Петербургские годы». К созданию фильма мне удалось привлечь инвесторов как украинских, так и российских.

Но самым большим достижением работы консульства стало возвращение на Родину национальных ценностей – фресок Михайловского Златоверхого собора. Об их существовании я, к своему стыду, ничего не знал. Но в Санкт-Петербург прибыла делегация, возглавляемая А. Омельченко. Одним из мероприятий было установление массивной чугунной цепи на столбики, окружавшие место могилы первого захоронения Кобзаря на Смоленском кладбище.

Здесь и зашел разговор о фресках Златоверхого, которые мертвым грузом хранились в запасниках Эрмитажа, и по возвращению которых на Украину никак не могли договориться украинская и российская стороны. Но одно дело официальная переписка, а другое – личное общение. На встречах с М. Пиотровским, директором Эрмитажа, во время частых городских мероприятий, я хотя бы вскользь поднимал вопрос о фресках. Первой победой было согласие на приезд украинских реставраторов, которые убедились, что слухи, распространяемые в Украине отдельными «специалистами», что от фресок ничего не осталось, не соответствуют истине.

«Вода камень точит». Но, думаю, главное, что сам Пиотровский понял, что, действительно, такой красоте не место в запасниках музея. С мнением Пиотровского в России считались. А раз согласился

Сотрудники генерального консульства Украины возле памятника Т. Шевченко в Санкт-Петербурге.

передать Украине фрески Пиотровский, значит, согласилась и Россия. Последний месяц перед датой передачи фресок каждую пятницу в графике его работы в 17.00 стояло – генеральный консул Украины В. Семенов. Казалось, уже было готово все – место передачи, сама процедура передачи, где главными фигурами становились министры культуры Украины и России. Но уже поздно вечером со мной связался Пиотровский. «Принято решение передачу фресок перенести в церквушку, в помещении дворца, где для царской семьи проходило богослужение». Сказал ему, что я обязан посмотреть на это место. Услышал: «Не переживайте. Все нормально. И уже поздно. Все помещения находятся под охраной». Объяснил Михаилу Борисовичу, что у меня система – самому убедится, что все нормально. Рассказал ему, что перед процедурой открытия памятника Т. Шевченко, мне тоже говорили, что все в порядке. Но я приехал за пару часов и увидел, что украинский флаг вывешен желтой полосой вверх.

Шел по ночному дворцу с двумя охранниками. Один из них сказал: «Вы, наверное, второй человек, который ходит ночью по дворцу». — «А кто первый?» — «Екатерина. Она была скаредной женщиной и по ночам обходила дворец и смотрела, все ли погашены свечи».

Министры покрасовались перед телекамерами, обменялись бравурными речами и удалились. Казалось бы, главное сделано, официально фрески переданы. Но это было только часть дела. Сложно было подготовить необходимые документы и организовать переправку ценностей в Украину. Здесь были задействованы все сотрудники генконсульства.

Согласно положению о консульской службе я должен был не менее одного раза в год посещать регионы консульского округа. С учетом, что их было одиннадцать, приходилось включать в одну командировку поездки по нескольким регионам. Сложными были первые ознакомительные поездки, когда необходимо было провести информационную, организационную работу и ознакомиться с экономическим потенциалом республики или области с целью установления дальнейших экономических связей с регионами Украины.

Сложность работы скрашивалась культурными программами. Так удалось ознакомиться с национальными достопримечательностями России: музеями-заповедниками Кижи и Валаамом. Удалось побывать даже на Соловецких островах, на одном из которых находился СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения. Это было страшное детище коммунистической эпохи России. Из человека старались вытравить все человеческое. В течение десяти часов заключенные зимой должны были переливать воду их одной лунки в другую, а летом так же перетаскивать бревна. Еще заставляли в течение рабочего дня непрерывно петь Интернационал. Кто замолкал, того расстреливали.

Работать стало легче, когда состав генконсульства пополнился советником по экономическим вопросам, которого я брал в командировку с собой. У него была интересная фамилия — Бомба, что нередко становилось предметами шуток. Так, прилетев с ним в Мурманск, на следующий день обнаружил в центральной местной газете статью с моей фотографией, где я спускаюсь по трапу самолета. Заголовок статьи был: «Семенов прилетел с Бомбой».

Квартира-резиденция, которую мне удалось снять в аренду, находилась на Петровской набережной 4. В народе этот дом носил название — Дворянское гнездо, потому что в нем проживали многие знаменитости. Как я уже упоминал, напротив нашей квартиры на этаже проживала ректор Санкт-Петербургского университета Л. Вербицкая. Соседний подъезд слева занимали деятели культуры и театра. В нем была квартира Г. Товстоногова, там же жил и композитор А. Петров, автор музыки к известным советским фильмам, встречаясь с которым, мы обязательно обменивались «подколками». Квартира, примыкавшая к нашей со стороны другого подъезда, принадлежала знаменитым фигуристам советской эпохи Белоусовой и Протопопову.

Окна гостиной, где я встречал гостей, выходили на Неву. Из них хорошо просматривался центральный вход в Летний сад, находящийся на противоположной стороне Невы, как раз напротив нашего дома.

Генеральный консул Украины.

Санкт-Петербург. С супругой возле здания генерального консульства.

Моими гостями были и земляки с Украины, как то: главный режиссер театра имени Леси Украинки М. Резникович, актер Ступка, так и генеральные и почетные генеральные консулы стран, аккредитованных в Санкт-Петербурге. Обеды с «генеральными» превращались

фактически в деловые встречи. Практиковал я и обеды с редакторами трех ведущих питерских газет, что давало мне свободный выход на средства массовой информации возглавляемых ими редакций. «Фишкой» обедов была украинская кухня — борщ с пампушками и вареники с картошкой и со шкварками. Вспоминается изумленный взгляд на вареники генконсула Франции Александра — а можно ли это вообще употреблять в пищу?! Правда, когда в следующий раз он получил приглашение на обед, первым делом поинтересовался, а будут ли вареники.

Информация о борще и варениках вышла за пределы нашей квартиры, и мы с женой были приглашены на съемки канала ТВ-3 цикла тематических телепередач «Кухни народов мира». Нам было предоставлено время на две часовые передачи. Одна – «Борщ», другая – «Вареники».

Запомнились и регулярные раз в месяц за обедом встречи с владыкой Санкт-Петербуржским и Ладожским Владимиром в помещении Александро-Невской Лавры. Владыка обладал широчайшим кругозором знаний. Он хорошо разбирался политике, искусстве и даже спорте. Аналитически оценивал международную обстановку. Имея украинские корни, признавал право Украины на автокефальную украинскую церковь. А поводом невозможности ее образования в настоящее время, он считал сложившееся противостояние Филарета с РПЦ, возникшее после собора по избранию нового патриарха всея Руси. Филарет, кстати, председательствующий на этом соборе, проиграл выборы Ридигеру, ставшему в миропомазании Алексием вторым. Уже после его смерти в церковных кругах говорилось о праве владыки Владимира на сан Патриарха. Правда, по неподтвержденным слухам «бороться» за это звание с Кириллом, племянником духовного наставника В. Путина, было бесполезно.

Мой рабочий день, как и в Севастополе, заканчивался обычно близко к полуночи. Вторую половину дня и вечер занимали официальные приемы и культурные мероприятия, открытие выставок, посещение театров, спортивных состязаний. Не было ни одной

премьеры Мариинки или Большого драматического театра имени Γ .А. Товстоногова, которые бы мы с женой пропустили.

Время, проведенное в Санкт-Петербурге, дало мне возможность познакомиться со многими известными людьми. Это Д. Банионис, советский, литовский актер, часто посещавший Санкт-Петербург; советский и российский актер К. Лавров, сосед по дому, которого не раз «подвозили» после вечерних мероприятий; современные российские актеры Лия Ахиджакова и Михаил Боярский; композитор М. Дунаевский, оформлявший визу в Штаты очередной жене; оперная дива Г. Образцова, пригласившая меня с женой как-то на приватную вечеринку; певцы С. Захаров и Э. Хиль; певица Л. Сенчина; главный дирижер симфонического оркестра радио и телевидения Санкт-Петербурга С. Горковенко...

Знакомыми я считаю не тех людей, к которым ты подходишь с вопросом: «Вы меня помните?», а тех, кто, заметив тебя, может подойти первым.

У нас дома. Б. Ступка.

После спектакля. В центре сцены М. Резникович.

Прием. Знакомство с Э. Рязановым.

На отдыхе. Банионисы с внучкой.

Поэт А. Вознесенский.

После фуршета. Л. Ахеджакова.

Сосед по дому. К. Лавров.

Э. Хиль. Знакомы с 1972 года.

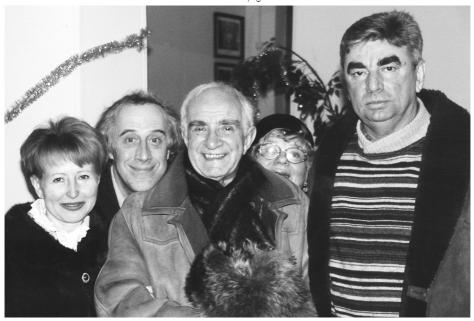
После спектакля. А. Роговцева.

День независимости. Прием. М. Боярский.

В кабинете. М. Дунаевский.

«День здоровья». И. Дмитриев и С. Мегицко.

Турнир памяти Белова - Кондрашина. Олимпийские чемпионы по баскетболу А. Поливода и А. Жармухамедов.

В Петербурге мне повезло сыграть в шахматы с Гарри Каспаровым. Тринадцатый чемпион мира по шахматам практически перестал бывать в России. Но в Петербург, бывало, наезжал. Может быть, потому, что его новой пассией была студентка гуманитарного университета профсоюзов Даша, которая в дальнейшем стала его женой. Как-то во время своего визита в Питер Гарри Кимович согласился дать сеанс одновременной игры. Мероприятие должно было пройти в актовом зале вышеупомянутого университета. Перед началом «сеанса» на фуршете (кстати, без спиртного), увидев стоящего за столом как-то отдельно от всех Каспарова, подошел к нему. Проговорили минут двадцать. Каспаров сказал, что у него есть большое желание посетить Севастополь. На представлении участников сидели рядом. После тщательного отбора тридцать шахматистов из известных в Питере людей разместились на сцене актового зала.

Я продержался до двадцать второго хода, когда партия стала совсем безнадежной.

Запомнился один эпизод. В кармане моего пиджака раздался виброзвонок мобильного телефона. Увидев, что звонит госсекретарь КМУ Яцуба, включил микрофон и шепотом сказал: «Володя, я не могу говорить. Я играю в шахматы с Каспаровым». Потом жена Яцубы Оксана рассказывала мне, что она присутствовала при этом звонке. Поймав недоуменный взгляд жены, Яцуба произнес: «Звоню Семенову, а он мне говорит, что играет в шахматы с Каспаровым и бросает трубку. Или переработался или тронулся. Пора забирать».

Главный праздник Украины — День независимости, всегда проводили на одной из правительственных дач на Крестовском острове, которую мне удавалось арендовать, «мягко говоря», по льготной цене. Готовился к приему по случаю этой даты более чем серьезно еще и потому, что в своей речи ты как бы отчитываешься за всю Украину. Да и не хотелось ударить в грязь лицом. Ведь аналогичное мероприятие проходило в каждом консульстве, находящемся в городе. Славился у нас и стол, накрываемый во время приема. Смешных 50 грамм водки или 100 грамм сухого вина, на одного человека, расходы на горячее и десерт, разрешенных сметой на проведение этого и аналогичных мероприятий, выглядели по-нищенски. Не давали опозориться друзья — украинские губернаторы и местные предприниматели. Всегда на высоте была и культурная программа. Присутствующих на этом мероприятии всегда было более двухсот человек.

Времени вообще стало не хватать, когда я стал дуайеном дипломатического корпуса. Теперь я должен был выполнять представительские функции на всех официальных мероприятиях, проводимых городом. От частого общения наладились отношения и с новым губернатором Санкт-Петербурга В. Матвиенко. Ее первая попытка возглавить город не увенчалась успехом, как и попытка встретиться со мной накануне выборов. Ей необходима была поддержка украинцев, ведь родом она из Украины. Но Путин упрямый человек. Переместив Яковлева, выигравшего выборы, на должность вице-премьера правительства, он освободил место для Матвиенко. В 2004 году на День дипломата России мы оба были награждены высшей

дипломатической наградой России — медалью Горчакова, и даже вместе отметили это событие. Тогда эта награда считалась почетной и в Украине.

Поздравляю с днем рождения В. Матвиенко, еще губернатора.

А с губернатором Санкт-Петербурга был такой случай. На ее день рождения, вручая букет цветов и сувенир с украинской символикой, сказал: «Вот по протоколу, поздравляя женщину, надо целовать ее два или три раза?». И услышал ответ Валентины Ивановны: «В вашем возрасте, Виктор Михайлович, пора бы знать — чем больше, тем лучше!».

Не буду говорить о сложностях, а иногда и неприятностях в работе. Было и такое. Но если подвести черту, то хорошего было значительно больше, чем плохого. Работать было легко. Пожалуй, это был один из лучших периодов в моей жизни.

Это было время расцвета дружеских отношений между Украиной и Россией. Слово Украина, а иногда и слово Севастополь, давали возможность входить во все коридоры власти. Начиная с 1999 года во властных кабинетах Санкт-Петербурга стали появляться новые лица. Старые стали перебираться в Москву. Началась миграция чиновников с назначением на пост председателя правительства России В. Путина, и со вступлением его в должность президента достигла своего апогея. «Паломничество» в Москву стало массовым. Так, наряду с нашими «донецкими» в России стали появляться «питерские», многие из которых и сейчас занимают посты на вершинах государственной власти, и с которыми мне ни один раз приходилось встречаться по работе. К назначению одного из них косвенно был причастен и я. Почетным консулом Филиппин в Санкт-Петербурге был А. Фурсенко. Андрей, доктор физико-математических наук, по основной работе был председателем научного Совета фонда «Центра стратегических разработок». Мы дружили семьями. И однажды он позвонил и пригласил выпить по чашечке кофе и переговорить. «Ты же был в структуре власти, хочу с тобой посоветоваться. Владимир Владимирович предложил мне должность заместителя министра промышленности, науки и технологий с дальнейшим быстрым повышением». - «Андрей, сейчас мимо тебя медленно проходит поезд. Вот последний вагон. Еще есть возможность сесть в него. Через мгновение он уйдет без тебя. Войти в него ты уже не сможешь. А выйти всегда». Вот такие были у нас отношения. Но сейчас я ему и руки не подам. Как не подам и тем моим теперь уже московским знакомым, кто стал хоть и маленьким, но винтиком в механизме машины, которая грубо попрала интересы нашего государства, фактически вычеркнула двадцать лет моей жизни, лишила моих детей исторической Родины, а внуков хотя бы посмотреть на город, где родились их родители. Правда, если Крым и Севастополь

вновь станут украинскими (честно, я в это не верю), не знаю, забуду ли я прежнюю обиду. Но все это было уже потом. А сейчас я вышел из кабинета президента, позвонил жене, сказал, что задерживаюсь, выслушал, что ей все время звонит то Ежель, то Кравченко, и что самолет уже готов к вылету.

Валерий Павлович Пустовойтенко встретил приветливо. Обнявшись, похлопали друг друга по спине. «Рад, что все хорошо кончается», - сказал премьер и пригласил Толстоухова. Тот зашел с ордером. «Виктор Михайлович, квартира хорошая, четырехкомнатная, метраж приличный. Дом только что построенный, еще не заселен. Будешь жить там с депутатами и нашими «кабминовцами». Компания хорошая. Дом на левом берегу прямо перед входом на станцию метро Осокорки. Рядом Днепр». – «Валерий Павлович, а поближе к МИД ничего нет?» Премьер посмотрел на Толстоухова. Тот отрицательно замотал головой. «Ну, смотри, если потерпишь, будем искать. Но сначала тебе надо определиться». Толстоухов вместе с ордером принес еще один лист бумаги. Это было постановление о выделении мне 98 тысяч гривен (курс доллара тогда был 2 гривны за 1 доллар) на покупку дома в Севастополе, сумму, которую утвердил президент. «Выбирай». – «А два нельзя?» – «Не получится. Выбирай». Знал с детства правило: дают – бери, а бьют – беги. Решил не рисковать.

Светлану продолжали терроризировать из Борисполя. Сказал ей, передай, что выезжаем, а сама выходи из гостиницы. Светлана села в машину со словами: «Ну, слава Богу, теперь домой». — «Нет, Света, дом наш теперь здесь», — сказал я и передал ей ордер. Светлана моментально оценила события, и в ее глазах я даже увидел радость. Во-первых, заканчивалось совместное проживание со свекровью, и, главное, она наконец-то будет жить с детьми.

Самолет стоял на военной стоянке аэропорта Борисполь. И как только мы вошли в кабину, убрали трап, и самолет взлетел. Сразу же на столе появилось спиртное и закуска. Но и после нескольких стопок вид у Кравченко оставался каким-то озабоченным. Мелькнула мысль, ведь мы, когда устанавливали правило нашего общения,

договаривались, что в случае каких-либо кадровых изменений, одним из первых информировать друг друга. Вышли во второй салон. И я рассказал ему о сложившейся ситуации. Его состояние резко изменилось, на лице появилась улыбка. «Минуту, Виктор Михайлович». Вернулся и протянул мне телеграмму. «Командующему Черноморским флотом В. Кравченко. Секретно». Текст в памяти сохранился до сих пор. «Как стало известно из хорошо осведомленных источников, сегодня глава администрации Севастополя В. Семенов получил назначение в МИД с дальнейшим назначением его послом в Россию». Так работали российские спецслужбы.

В эту ночь заснуть долго не мог. Шаг за шагом анализировал все свои действия, поступки. Если рассматривать их со стороны, то действительно одни можно расценивать как пророссийские, другие – как проукраинские. Но все мои решения и действия были такими, которые могли удержать ситуацию в городе под контролем, сохранить в напичканном войсками городе мир. И это, я думаю, мне удалось.

В 1997 году вечером во время салюта в честь дня ВМФ России присутствующий на фуршете один из лидеров Народного руха предложил тост за меня: «За человека, жизнь которого — каждодневное хождение по лезвию бритвы. Нельзя говорить, что вы не оступались, но порезы успевали заживать до тех пор, пока вы снова не оступались. Но все равно продолжали идти дальше».

Хождение по лезвию бритвы закончилось. Отдохнув пару недель от прошедших событий у друзей под Ласточкиным гнездом, 15 мая отбыл из Севастополя. Уезжал я с чувством выполненного долга с легким сердцем. Видел его в будущем городом, который обязан перерасти рамки военно-морской базы, городом, который может и должен стать крупнейшим в Украине центром рыбопромышленного, транспортного флота, городом, имеющим развитую судоремонтную и радиоэлектронную промышленность, мощный агропромышленный комплекс, городом, ставшим научным и культурным центром, центром отечественного и международного туризма. Я жил по совести и сделал все, что мог. И, если бы мне сейчас предложили

вернуться в прошлое, стать снова молодым и начать жить сначала, я бы не согласился.

Приношу извинения за возможные неточности в тексте. Писалось по памяти, а она небезграничная. А также благодарю всех тех, кто предоставил фотографии о севастопольском периоде моей жизни.

Послесловие.

Июль 2018 года.

Писал воспоминания в сложное, нехорошее для государства время. Оккупированы Крым, мой Севастополь, идет война на Донбассе. Страшно не то, что врагами стали Украина и Россия, страшно то, что врагами становятся даже родственники и близкие тебе люди. Все время мучила мысль, а ведь, если бы можно было вернуться назад, то, оказывается, что была и другая возможность развертывания событий на территории нашего государства, если бы не беспомощность взявших на себя ответственность за его судьбу и вседозволенность соседнего.

Январь-февраль-март 2014 года. Украина.

Недемократическим, революционным путем в Украине меняется власть. Я не сторонник такой формы изменения власти. Но факт остается фактом — такие случаи в истории случаются. Людей, простых граждан Украины, вышедших на улицу, можно было понять. В течение последних двух лет лидеры государства убеждают всех, что путь его развития — это членство в Европейском Союзе. И когда стремление «идти» в Европу начинает становиться массовым, они, президент, правительство и ВР, в один «прекрасный» день заявляют, что это не так. В Европу «идти» не надо, а спасение только в партнерстве с Россией. Оказывается, что твое мнение гражданина ничего не значит, и с тобой как личностью не считаются. А превратить эмоциональное возмущение людей для небольшой группы политиков второго «эшелона», рвущихся к власти, в хорошо организованный процесс оказалось довольно просто — «Майдан».

Не знаю «внутреннюю кухню» развития «Майдана», не знаю, хотя догадываюсь, кто развязал там кровопролитие, но прежняя

власть оказывается уже не властью, и президент вместе со своим ближайшим окружением позорно сбегает из страны. А новой по-настоящему власти в Украине не появляется. Страна продолжает жить в революционном порыве. Ситуация в Украине взрывается беспредельными выходками радикально настроенных националистов, что, безусловно, вызывает страх, опасение за свое будущее у жителей Севастополя и Крыма да и вообще русскоговорящих юго-востока Украины.

Январь-февраль-март 2014 года. Россия.

Увеличивает свое военное присутствие в Крыму. По официальным данным военная группировка России в Крыму на 31 декабря 2013 года насчитывала чуть более десяти тысяч человек (нота МИД РФ под грифом «секретно»). Согласно договоренностям (Базовые соглашения по ЧФ) Россия имела право увеличить свое военное присутствие до двадцати пяти тысяч военнослужащих, но, подчеркиваю, только по соответствующим этим же соглашениям правилам. А бесконтрольное, безинформационное, безапелляционное увеличение состава военнослужащих в Крыму, когда «новобранцы» «блокируют» административные здания, украинские воинские части и захватывают корабли ВМС Украины – это уже агрессия, оккупация полуострова.

Статья 7 Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Россией гласит:

«В случае возникновения ситуации, которая по мнению одной из Высоких договаривающихся Сторон создает угрозу миру, нарушает мир, или затрагивает интересы ее национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности, она может обратиться к другой договаривающейся Стороне с предложением безотлагательно провести соответствующие консультации. Стороны обмениваются соответствующей информацией и при необходимости принимают согласованные или совместные меры с целью преодоления такой ситуации».

Я не являлся почитателем действий в то время исполняющего обязанности президента Украины А. Турчинова, до сих пор у меня есть свои претензии к нему, как высшему должностному лицу государства, «по сдаче» им Севастополя и Крыма. Но справедливости ради следует сказать, что его попытки связаться в телефонном режиме с президентом России В. Путиным не увенчались успехом. Более того, по словам теперешнего секретаря СНБОУ, со стороны возглавляющего в то время Госдуму России С. Нарышкина ему поступали непосредственные угрозы по введению российских вооруженных сил в Украину. Зная «русских», уверен, что это был самый настоящий шантаж с целью избежать в Крыму военного столкновения, что могло бы разрушить тем самым план «добровольного» включения Крыма в состав России.

Но поправ и эту статью 7, как, впрочем, и другие основополагающие статьи договора (о территориальной целостности Украины, невмешательстве в ее внутренние дела...) и соглашения по флоту, Россия, оккупировав Крым, пошла дальше — «включила» Севастополь и АРК в состав РФ, проведя непредусмотренный законодательством Украины «референдум».

Мирному урегулированию ситуации в Крыму подтверждением сторонами приверженности к выполнению существующих между Украиной и Россией договоренностей, сделав акцент на широкомасштабный договор и (что делать) Харьковские соглашения, с возвращением своих вооруженных сил в места дислокации, предусмотренные базовыми соглашениями по ЧФ, Россия предпочла силовой метод. И понятно почему. Другого такого случая «отжатия» Севастополя России в дальнейшем может и не представится. А стать в дальнейшем с потерей военно-морской базы в Севастополе «пасынком» на Черном море Россия позволить себе не могла.

И о Майдане. Я преклоняю голову перед героями Майдана и поражаюсь цинизму, с которым предала его идеи ново-старая власть. Тысячи погибших и продолжающих погибать на Донбассе, потерянный Крым. Так был ли мальчик?

Сейчас снова надо избирать президента. И дай бог нам не оппибиться.

Апрель 2019 года.

Избрали В. Зеленского президентом. Волеизъявление украинцев при выборе шестого президента – своего рода Майдан, только мирный. Опять появилась надежда на будущее. Ну что ж, поживем – увидим.

P.S. Прочитав в апреле на севастопольском сайте «Информера» «повествование» о покушении на меня, понял, что «откровения» действительно нужны.

Список сокращений, использованных в книге.

АРК – Автономная Республика Крым

ВАИ – военная автомобильная инспекция

ВМС – военно-морские силы

ВМСУ – военно-морские силы Украины ВПК – военно-промышленный комплекс

ВС – Верховный Совет

ВЧ – правительственная и военная связь в СССР и СНГ

ГАИ – государственная автомобильная инспекция

ГД - Государственная Дума

ДСК – домостроительный комбинат

ЕБРР – Европейский банк реконструкции и развития

КГБ – Комитет государственной безопасности КГУ – Киевский государственный университет

КИМО – Киевский институт международных отношений

ККЦБ – Крымский коммерческий церковный банк

КМ – кабинет министров

КМУ - кабинет министров Украины

КП – контрольный пункт

КПУ – коммунистическая партия Украины

КТРПЦ – Крымский телерадиопередающий центр КЧФ – Краснознаменный Черноморский флот

ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

МАР – Международная ассоциация развития

МБРР – Международный банк реконструкции и развитияМГИМО – Московский государственный институт междуна-

родных отношений

МГУ – Московский государственный университет

МИД – министерство иностранных дел

МО – министерство обороны

МФТИ – Московский физико-технический институт

HATO – North Atlantic Treaty Organization

НГБ – наркомат государственной безопасности

НИИ – научно-исследовательский институт

НХЛ – Национальная хоккейная лига

ОДКБ - Организация Договора о коллективной безопас-

ности

ООН – Организация Объединенных Наций РДК – Республиканское движение Крыма

РПС – Русская партия Севастополя

РФ – Российская Федерация

СБУ - Служба безопасности Украины

СГГА – Севастопольская городская государственная

администрация

СМИ – средства массовой информации

СНБОУ - Совет национальной безопасности и обороны

Украины

СНГ – Содружество Независимых Государств

СО ВДИРК - Севастопольская организация Всекрымского

движения избирателей «За Республику Крым»

СПГУ - Санкт-Петербургский государственный универ-

ситет

СПИ – Севастопольский приборостроительный институт СССР – Союз Советских Социалистических Республик

США – Соединенные Штаты АмерикиТДК – Торговый дом Кондратевских

ТПТМ – технологии приборов точной механики

ТЭЦ - теплоэлектроцентраль

ХИСИ – Харьковский инженерно-строительный институт

ЦК – центральный комитет

ЦСКА – Центральный спортивный клуб Армии

ЧФ – Черноморский флот

ЭВМ – электронно-вычислительная машина

ЮБК – южный берег Крыма

ОГЛАВЛЕНИЕ

Заложники или «битва» за Севастополь. Незаконченная история	. 3
Послесловие	404
Список сокращений, использованных в книге	408

Семенов Виктор Михайлович

Заложники или «битва» за Севастополь. Незаконченная история.

Издатель «ФЛП Маслаков Руслан Алексеевич», Киев Свидетельство о внесении субъекта издательского дела в государственный реестр издателей, изготовителей и распространителей издательской продукции ДК №4726 от 29.05.2014 г.

Тел. (095) 699-25-20, (098) 366-48-27. E-mail: osvita2005@gmail.com, www.rambook.com.ua

Подписано к печати 25.09.19. Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Тираж 100 экз. Заказ № 758. Усл. печатн. листов 103.